Бутурлина

ИСТОРІЯ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЪ РОССІИ.

II.

im Rücken Rother Saffian
vergoldeter Schnitt
Grafen Wappen

ИСТОРІЯ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА.

Д. Бутурлина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Бородина и К°.

1841.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 Января 1841 года

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

КНИГА ТРЕТІЯ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

(1606—1608.)

Убіеніе Лжедимитрія не возстановило спокойствія Россіи! Предназначеніе Отрепьева на гибель своего отечества было столь непреодолимо, что самая смерть его не только не прекратила возбужденныхъ имъ неустройствъ, но даже подала поводъ къ усугубленію зла. Правда, претерпѣнныя бѣдствія истощали Государство, но по крайней мѣрѣ оставляли неприкосновеннымъ его цѣлость; напротивъ того, готовящееся междоусобіе угрожало Россіи уничтоженіемъ ея самобытности.

*

Одна самодержавная власть, сосредоточенная въ рукахъ мощнаго Государя, подкрѣпляемаго единодушною преданностію первѣйшихъ сословій, могла обуздать порождающуюся крамолу и обезопасить несчастное отечество. Но какой нравственной силы можно было ожидать отъ Шуйскаго, пріявшаго державу Царскую не по неоспоримому праву наслѣдства, не по обдуманному выбору всей земли, а единственно въ слѣдствіе шумныхъ восклицаній преданныхъ ему жителей одной столицы? Прочіе Русскіе города оскорблялись присвоеннымъ Москвою преимуществомъ — располагать престоломъ, и неблагопріятствовали назначенному сю Государю. Должно также замѣтить, что въ отдаленности отъ столицы еще многіе благоговѣли предъ памятью Лжедимитрія. Безпутныя дѣйствія, коими въ глазахъ Москвичей онъ обличалъ себя въ самозванствѣ, въ пренебреженіи православія и народныхъ обычаевъ, оставались часто по трудности сообщеній безъизвѣстными для большаго числа иногородцевъ, такъ что въ уѣздахъ многіе жалѣли о его участи и воспламенялись ненавистью къ новому Государю, котораго почитали гнуснымъ и вѣроломнымъ Цареубійцею.

Кромѣ сихъ стихій раздора и междоусобій, предстояли для Царя Василья Ивановича и другія важныя затрудненія и заботы. Истощенная расто-

чипельностію Лжедимитрія казна была недостаточна для необходимѣйшихъ издержекъ. Знатные Бояре, негодовавшіе за вынужденіе ихъ согласія на воцареніе Шуйскаго, готовились къ вреднымъ для правительства казнямъ, душею коихъ былъ гнусный Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, мечтавшій самъ о престолѣ, по мнѣнію его, вѣроломно Шуйскимъ похищенномъ. Но всего опаснѣе представлялась для Царя еще непрекращенная борьба между помѣщиками, силившимися удержать преимущества, дарованныя имъ законами Годунова, и крестьянами, домогавшимися возвращенія прежней свободы перехода. Удовлетворить тѣхъ и другихъ было дѣломъ невозможнымъ. Василій Ивановичъ, по примѣру Царя Бориса, почелъ выгоднѣйшимъ принять сторону помѣщиковъ. Но такимъ образомъ, стараясь привлечь къ себѣ военныхъ людей, онъ неминуемо долженъ былъ, какъ и Борисъ, жестоко вооружить противъ себя многочисленныхъ крестьянъ.

Предусмотрительный Василій, достигнувшій вступленіемъ на престолъ предмета своего честолюбія, чувствовалъ вмѣстѣ и всю тягость бремени, имъ на себя возложеннаго. Онъ зналъ, что безчисленныя препятствія ожидали его на предстоящемъ ему поприщѣ, но надѣялся отвратить ихъ дѣйствіемъ строгой умѣренности и расчетливаго

благоразумія. Въ исторіи народовъ встрѣчаются несчастныя времена, въ кои все обращается во вредъ Правителямъ, и самая ихъ осторожность, принимая видъ безсилія, питаетъ и поощряетъ крамолу.

Мы видѣли, что Василій, желая угодить Боярамъ и всему народу, въ самый день своего воцаренія торжественно далъ клятвенное обѣщаніе, обуздывающее клевету и ограждающее личность и право собственности всѣхъ и каждаго. Съ другой стороны, имѣя въ виду извѣстную ему всеобщую ненависть къ брату его, Князю Дмитрію Ивановичу, онъ не вывелъ ни его, ни другаго брата своего, Князя Ивана, изъ среды прочихъ подданныхъ своихъ, и оба они остались на прежнихъ мѣстахъ въ Боярской Думѣ, уступая первенство Князю Мстиславскому, а Князь Иванъ даже и многимъ другимъ Боярамъ. Но и то и другое дѣйствіе, вмѣсто того, чтобы умножить число Царскихъ приверженцевъ, имѣли вредное вліяніе на общее мнѣніе. Говорили, что Василій покупалъ Царство снисхожденіями, несовмѣстными съ достоинствомъ законнаго Государя, что ограниченіемъ своей власти онъ, вопреки старинныхъ обычаевъ, ослаблялъ силу самодержавія именно въ такое трудное время, когда правительству столь нужно было явиться крѣпкимъ, и наконецъ, что,

Никоновская Лѣтопись.

не приблизивъ своихъ родныхъ къ престолу, онъ явно признавался, что самъ мало имѣлъ права на оный.

Не смотря на сіи толки, Василій не только оставался въ предѣлахъ умѣренности, имъ себѣ предначертанныхъ, но даже тщательно соблюдалъ данное имъ, при составленіи заговора противъ Разстриги, Князьямъ Голицыну и Куракину обѣщаніе никому не мстить за прежнія вины, и управлять Государствомъ общимъ совѣтомъ. Такимъ образомъ Бояре сдѣлались равносильными Царю и правительство, лишенное единства воли, утратило вмѣстѣ съ тѣмъ и власть, необходимую для общаго блага. Съ другой стороны водворилась безнаказанность, поощрительная для однихъ преступниковъ. Никто изъ злѣйшихъ сподвижниковъ Самозванца не былъ казненъ, и даже весьма малое число изъ нихъ были удалены. Такимъ образомъ первый сановный измѣнникъ въ пользу Отрепьева, Бояринъ Князь Василій Михайловичъ Рубецъ-Мосальскій и Казначей Афанасій Власьевъ, были отправлены на воеводства: первый въ Корелу, а другой въ Уфу; также Бояринъ Михайло Салтыковъ получилъ начальство въ Ивангородѣ, а Бояринъ Богданъ Бѣльскій посланъ на службу въ Казань. Но ни который изъ трехъ Бояръ не лишился сего знатнаго сана. Все выказывало безсиліе правленія, предвѣщавшаго развитіе новыхъ крамолъ.

Дневникъ Марины.

Карамзинъ.

Послужной списокъ старинныхъ чиновниковъ.

Духовенство оставалось еще безъ главы. По повелѣнію Царя находящіеся въ Москвѣ Россійскіе Епископы собрались 25 Мая для назначенія Патріарха. Единогласный выборъ ихъ палъ на Митрополита Казанскаго Ермогена, сосланнаго Лжедимитріемъ за непреклонную его приверженность къ уставамъ истинной церкви. Никто не могъ имѣть болѣе права на первосвятительское мѣсто, какъ сей неустрашимый мученикъ православія. Но несомнѣнная добродѣтель сего ученаго и велерѣчиваго Пастыря нѣсколько затмѣвалась нѣкоторыми недостатками. Чуждаясь всякой снисходительности, онъ излишнею строгостію приводилъ въ отчаяніе прибѣгающихъ къ его милосердію. Съ другой стороны онъ оказывался доступнымъ для наушниковъ, которые часто успѣвали даже его ссорить съ Царемъ. Такимъ образомъ, не смотря на благія намѣренія свои, онъ усѣвалъ новымъ терніемъ стезю, по коей предназначено было слѣдовать Государю. Впрочемъ, мы увидимъ, что когда опасности, угрожающія престолу, усугублятся, то Ермогенъ явится во всемъ блескѣ своей святости и крѣпкимъ словомъ своимъ будетъ отстаивать по возможности гибнувшаго Царя.

Записки къ Сибирской Исторіи служащія.

Столяровъ Хронографъ.

1-го Іюня новый Государь вѣнчался на Царство въ Успенскомъ соборѣ; священнодѣйствовалъ Исидоръ, Митрополитъ Новогородскій, за отсутстві-

Рукопись Филарета.

смъ еще неприбывшаго въ Москву Патріарха. Церковные обряды были соблюдены во всей точности, но безъ всякой пышности. Василій, коего природная бережливость часто доходила до скупости, не хотѣлъ истощать скудную казну свою издержками, по мнѣнію его, безполезными. Но не должно было считать безполезнымъ, что могло придать достойное величіе первому изъ Государственныхъ торжествъ! Въ особенности Василію тѣмъ нужнѣе было явить себя во всемъ блескѣ Царскаго величія, что наружность его не имѣла величавости. Люди, привыкшіе къ роскоши Разстриги, смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на малорослаго, слѣповатаго, угрюмаго старца, бѣдно принимающаго славный вѣнецъ Мономаха.

Чинъ вѣнчанія на царство Царя Василія.

Дневникъ Марины.

Между тѣмъ разные неблагопріятные для Царя вѣсти распространялись въ столицѣ. Иные шептали, что Димитрій еще разъ избавился отъ своихъ губителей и находится въ живыхъ; другіе увѣряли, что Бояре ищутъ случая вручить державу тому, кто по знатности своей имѣлъ на оную болѣе права, чѣмъ Василій. Но знатнѣе Шуйскаго въ Россіи могли только почитаться Князь Мстиславскій и зять его слѣпой Инокъ Стефанъ, бывшій Царь Симеонъ. Василій рѣшился сослать еще далѣе Стефана, жившаго въ Ки-

Маржеретъ.

Грамота Царя Василья въ Кириловъ монастырь, отъ 29 Мая 1606. Соловецкій лѣтописецъ.

риловскомъ Монастырѣ; его отправили въ Соловецкую Обитель. Мстиславскаго же не тронули. Опасался ли Царь возбудить противъ себя негодованіе Боярской Думы, гдѣ Мстиславскій былъ первенствующимъ лицемъ, или не полагалъ ли онъ, что сей вельможа, котораго онъ зналъ хорошо, самъ искренно отвергнетъ всякіе честолюбивые ковы, сплетаемые въ его пользу?

Слухи о Димитріѣ еще болѣе тревожили Царя. Первый поводъ къ онымъ подалъ Михайло

Маржеретъ, Беръ, и выписки изъ посольства Князя Волконскаго.

Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Царя Өеодора Борисовича. Злодѣй, страшась заслуженнаго имъ наказанія, въ то самое утро, какъ погибъ Лжедимитрій, вывелъ изъ Царской конюшни трехъ Турецкихъ лошадей и бѣжалъ изъ Москвы въ сопровожденіи двухъ Поляковъ. Неизвѣстно съ какого умысла, онъ на пути сталъ выдавать себя за убитаго самозванца; можетъ быть, видя, что сельскіе жители жалѣли о Димитріѣ, онъ надѣялся подъ его именемъ найти болѣе удобности къ своему проѣзду. Какъ бы то ни было, прибывъ въ Серпуховъ, онъ далъ горсть денегъ одной Нѣмкѣ, вдовѣ, у которой обѣдалъ, и сказалъ ей, что она угощала Царя Димитрія, вмѣсто коего по ошибкѣ Москвитяне убили другаго человѣка, и что Димитрій скоро возвратится съ сильною ратью. Бѣглецы, переправляясь чрезъ

Оку, близъ Серпухова, дали перевощику шесть злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и также увѣряли его, что онъ перевезъ Димитрія, Царя Всероссійскаго. Потомъ, продолжая слѣдованіе свое до Польскихъ предѣловъ, вездѣ по дорогѣ разглашали о мнимомъ спасеніи Димитрія.

Нелѣпость новаго лжесвидѣтельства была очевидна. Самозванецъ былъ убитъ не ночью, а днемъ, не тайно, а всенародно, въ глазахъ Бояръ, Московскихъ обывателей и самихъ иностранныхъ стражей его; три дня тѣло его позорно лежало на площади. Не представлялось ни малѣйшей возможности сомнѣваться о его смерти. Не смотря на то, не только въ уѣздахъ, но и въ самой столицѣ молва о его спасеніи распространялась. Нѣкоторые дѣйствительно вѣрили по безразсудному легкомыслію, подкрѣпляемому врожденнымъ пристрастіемъ къ чудесному; но еще болѣе было притворствующихъ, коихъ вся вѣра заключалась въ тайной надеждѣ на новый предлогъ къ своевольству и мятежамъ.

Царь, желая разувѣрить слабоумныхъ и удержать злонамѣренныхъ, рѣшился въ борьбѣ своей съ тѣнію Димитрія опираться на важномъ свидѣтельствѣ православной церкви. По повелѣнію его Филаретъ, Митрополитъ Ростовскій, Ѳеодосій, Рукопись Филарета и Никоновская лѣтопись.

Епископъ Астраханскій, Архимандриты Спасскій и Андрониковскій и Бояре: Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Петръ Никитьевичъ Шереметевъ и Андрей Александровичъ и Григорій Федоровичъ Нагіе, отправились въ Угличь для вырытія тѣла Царевича Димитрія и привезенія онаго въ Москву. По вскрытіи гроба, тѣло оказалось нетлѣннымъ, и Россійская церковь сопричла къ лику святыхъ невинно закланнаго царственнаго младенца. 3 Іюня мощи ввезены были въ Москву; Царь встрѣтилъ ихъ съ иконами и крестами за воротами Бѣлаго Города, при многочисленномъ стечeніи народа, и принявъ раку, понесъ ее на плечахъ своихъ до Архангельскаго собора. Тамъ между толпившихся набожныхъ Москвитянъ явилась Царица Инокиня Мароа и, винясь предъ цѣлою Россіею въ томъ, что *страха и прельщенія ради* потворствовала Самозванцу, торжественно просила Царя велѣть отпустить ей грѣхъ, тяготящій ея совѣсть. Василій объявилъ ей прощеніе въ уваженіе памяти ея супруга, Царя Іоанна Васильевича, и сына, новаго Угодника. Извѣстительныя о томъ грамоты разосланы были во всѣ города. Василій воспользовался симъ случаемъ, чтобы повсемѣстно огласить преступные замыслы Самозванца противъ благовѣрія и Русской народности. Къ грамотамъ при-

ложены были списокъ съ записи, данной Отрепьевымъ Мнишку въ Самборѣ, и извлеченія изъ переписки его съ Римскимъ дворомъ и духовенствомъ *. Изобличая такимъ образомъ Лжедимитрія въ намѣреніи раздробить Государство въ пользу всегдашнихъ враговъ Россіи, и замѣнить въ ней православіе Папскимъ лжевѣріемъ, Василій надѣялся поселить сильное отвращеніе къ нему во всѣхъ Русскихъ сердцахъ. Но въ мятежныя времена часто гнусныя страсти берутъ верхъ надъ очевидностію убѣжденія! Самое проклятіе, по повелѣнію Царя провозглашаемое во всѣхъ церквахъ памяти Григорія Отрепьева, какъ злѣйшаго еретика, мало дѣйствовало на людей, коихъ личныя выгоды согласовались съ торжествомъ самозванства.

Среди сихъ заботъ, Василій занимался еще отвращеніемъ пагубныхъ слѣдствій предугадываемаго озлобленія Короля Польскаго, за убіеніе столь многихъ изъ его подданныхъ. Въ несчастномъ положеніи, въ коемъ находилась Россія, трудно бы ей было съ успѣхомъ вести открытую войну съ Польшею. Царь, стараясь ослабить негодованіе Поляковъ, принималъ всѣ благоразумныя мѣры для охраненія ихъ жизни и

* Смотри Приложенія № 1.

Дневникъ Пословъ. свободы. Марину отпустили на домъ къ отцу ея. Всѣхъ жолнеровъ и простолюдиновъ Польскихъ отправили безвредно за границу, отобравъ однако отъ нихъ оружіе и лошадей. Оставили въ Дневникъ Марины. Москвѣ только около 300 челядинцевъ для прислуги семейству Мнишковъ и прочимъ знатнымъ Панамъ, коимъ неосторожно было бы позволить возвратиться въ Польшу прежде полученія успокоительныхъ извѣстій о дальнѣйшихъ видахъ Польскаго Правительства.

Жолнеры отправились въ походъ 23 Мая, а Дневникъ Пословъ, Донесенія ихъ въ рукописяхъ Пулавской библіотеки и Паерле. четыре дня спустя Польскіе Послы приглашены были во дворецъ, гдѣ вмѣсто прежняго блеска и великолѣпія видѣли скудость и уныніе; не было ни тѣлохранителей, ни стрѣльцовъ, ни богатоубранныхъ чиновниковъ. Послы, введенные въ золотую палату, нашли тамъ сидящихъ Бояръ: Князя Мстиславскаго, Князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, Князя Трубецкаго, Романова, Князей Василья, Ивана и Андрея Голицыныхъ, Михайлу Нагаго и Окольничаго Татищева. За ними стояло еще много менѣе знатныхъ чиновниковъ. Когда и Послы сѣли, то Князь Мстиславскій прочелъ слѣдующую бумагу: *Въ недавнемъ времени, какъ намъ и вамъ извѣстно, по смерти блаженной памяти Царя Іоанна Васильевича, нашего Государя, остались два сына: одинъ Царь Θеодоръ,*

христолюбивый, богоугодный, счастливо, покойно и въ изобиліи всѣхъ благъ царствовалъ надъ нами; другой, Царевичъ Дмитрій Ивановичъ, въ младенческихъ лѣтахъ получилъ себѣ въ удѣлъ городъ Угличъ съ иными городами и волостями. Ему довелась смерть по умыслу Царя Бориса, бывшаго Правителемъ при Царѣ Ѳеодорѣ, и имѣвшаго уже намѣреніе завладѣть Московскимъ Царствомъ, ибо Царь Ѳеодоръ былъ бездѣтенъ. После кончины Царя Ѳеодора содѣлался Царемъ въ цѣломъ Государствѣ Царь Борисъ, къ которому Король вашъ Сигизмундъ присылалъ Великихъ своихъ Пословъ Пана Льва Сапѣгу, Канцлера Великаго Княжества Литовскаго, съ товарищи. Сіи заключили между обоими Государями и Государствами двадцатилѣтній миръ, утвержденный присягою съ обѣихъ сторонъ. Потомъ, по бѣсовскому наущенію, Гришко Богдановъ Отрепьевъ, чернецъ, дьяконъ, воръ, за чернокнижство приговоренный къ наказанію святыми соборными отцами, бѣжалъ въ землю Короля, вашего Государя, и тамъ принявъ имя Царевича Дмитрія Ивановича, представился Сигизмунду, Королю вашему. Мы, Думные Бояре, услышавъ, что тотъ воръ въ Литвѣ, послали къ Литовскимъ Сенаторамъ съ письмомъ нашимъ Смирнаго Отрепьева, роднаго дядю того вора, дабы уличить его и доказать Сенаторамъ вашимъ, что онъ не есть

тотъ, за кого себя выдаетъ. О томъ же Патріархъ и Епископы наши посылали и писали Архіепископамъ и Епископамъ вашимъ. Но Король вашъ Сигизмундъ и Паны рады его, отвергнувъ наши извѣстія и забывъ утвержденныя присягою условія, коими постановлено до истеченія срока договора ни помогать никакому непріятелю ни деньгами, не людьми, повѣрили тому вору, дали ему и деньги и людей, и отправили Пана Юрья, воеводу Сендомирскаго, съ многочисленнымъ войскомъ въ предѣлы Московскаго Государства. Когда же воръ пришелъ съ Польскими людьми въ Сѣверскую землю, то несмысленная чернь повѣрила тотчасъ ему и сдала ему многіе города, связавъ начальствующихъ тамъ воеводъ. Наконецъ по изволенію Божію умеръ Царь Борисъ; воръ же, при помощи вашего Короля и вашихъ людей, овладѣлъ столицею и цѣлымъ Царствомъ, и хотѣлъ всѣхъ насъ людей знатнаго рода истребить, а вѣру нашу христіанскую уничтожить. Пришедшіе съ воеводою Сендомирскимъ жолнеры дѣлали Русскимъ людямъ всякія обиды и даже отнимали женъ у мужей. Царица и Великая Княгиня, мать истиннаго Димитрія, хотя сначала отъ страха и признала Самозванца за своего сына, но потомъ объявила намъ, что онъ воръ. И мы, не стерпѣвъ долѣе надъ собою такого вора, убили его. Чернь же, раздраженная претерпѣнными

отъ васъ оскорбленіями, бросилась на вашихъ людей безъ нашего вѣдома, и слѣдствіемъ того было великое кровопролитіе. Вся же смута сія произошла отъ Короля вашего, отъ Пановъ рады его и отъ васъ, что вы нарушили крестное цѣлованіе и мирное постановленіе. Теперь же, по милости Божіей, съ согласія всѣхъ чиновъ, Духовенства, Бояръ и всѣхъ людей содѣлался Московскимъ Царемъ всея Россіи, Василій Ивановичъ, который, какъ милосердый и мудрый Государь, жалѣетъ о таковомъ разлитіи христіанской крови, и приказалъ всѣхъ вашихъ низшаго состоянія людей, здѣсь еще не въ маломъ количествѣ оставшихся въ живыхъ, отправить со всѣмъ имуществомъ ихъ въ Литовскіе предѣлы. Все сіе мы вамъ Посламъ объявляемъ, дабы вы усмотрѣли неправду Короля вашего Государя и Государства его, и что вы дѣйствуете не по христіански.

По окончаніи чтенія, послы отошли въ сторону и посовѣтовались между собою. Послѣ чего Панъ Гонсѣвскій, лучше своего товарища знавшій Русскій языкъ, отвѣчалъ по Русски въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Выслушавъ читанную вами рѣчь, просимъ сообщить се намъ письменно, и тогда будемъ также на бумагѣ пространно отвѣчать. Теперь же довольствуемся въ краткихъ сказать вамъ слѣдующее:

Извѣстно было и въ Государствѣ Короля Пана нашего, что послѣ Великаго Государя вашего, Іоанна Васильевича, остался еще сынъ Димитрій, въ младенческихъ лѣтахъ и что ему Угличь данъ былъ въ удѣлъ. Потомъ слышно было и то, что его сгубилъ Борисъ, и о томъ наши Поляки, какъ люди христіанскіе, весьма соболѣзновали. Послѣ того тотъ, кого вы не признаете Димитріемъ, пришедъ изъ Москвы въ Государство Короля Его Милости, доказывалъ многими вѣроятія заслуживающими доводами и признаками на тѣмъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ, Господомъ Богомъ чудесно спасенный отъ жестокости Бориса, присовокупляя, что Борисъ коварно и тайно извелъ Великаго Государя своего Θеодора Ивановича и дитя, которое Царь сей имѣлъ отъ жены своей, а его Борисовой сестры, и что Борисъ сильно угнетаетъ Московское Государство, разоряетъ и истребляетъ знатные домы, и васъ Думныхъ Бояръ и всѣхъ вельможныхъ людей держитъ въ такой неволѣ, что вамъ не остается ни малѣйшаго способа къ спасенію. Мы не сомнѣвались о злостныхъ дѣйствіяхъ Бориса, потому что слышали объ нихъ и отъ другихъ людей вашего народа. Вы сами часто, разговаривая съ нами, также отзывались объ немъ, да и теперь въ читанной намъ рѣчи свидѣтельствуете о свирѣпствѣ и вѣроломности Бориса, посягнувшаго на жизнь природнаго своего Пана.

Впрочемъ, ни Король, Его Милость, ни подданные Короля, Его Милости, сначала не повѣрили словамъ пришельца, и долгое время оставался онъ у насъ въ пренебреженіи, пока не собралось къ нему изъ разныхъ городовъ нѣсколько людей изъ Московскаго народа, которые единогласно признавали его за истиннаго Царевича Димитрія Ивановича. Когда же съ сими людьми онъ предсталъ предъ Короля, Его Милость, то и тутъ Король не убѣдился еще, чтобы онъ былъ настоящій Царевичъ Димитрій; но съ другой стороны, вспоминая о непостижимости судебъ Божіихъ, и находя много примѣровъ въ Исторіи, что Королевскія и Царскія дѣти, на жизнь коихъ злые люди посягали для похищенія ихъ престола, были охраняемы отъ Господа Бога чудесною Его силою. и возстановляемы на принадлежащій имъ престолъ, и также принимая въ соображеніе извѣстное ему лукавство Борисово и злобу его, доказанную тѣснымъ и продолжительнымъ задержаніемъ Королевскихъ Пословъ, Король изволилъ разсудить, что нѣтъ причины презирать мнимаго Димитрія, ни заключать его въ темницу. Однако, уважая клятвенные договоры между Государей и Государствъ, которые Король, Его Милость, какъ набожный христіанскій Государь, свято наблюдаетъ со всѣми сосѣдами своими, онъ не счелъ приличнымъ за Димитрія вступать въ войну съ вами, и предоставилъ

все дѣло волѣ Божіей, полагая, что если онъ не обманщикъ и дѣйствительно Божій промыслъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ смерти, то что тотъ же промыслъ возвратитъ ему престолъ его прародителей. Король не отправилъ съ нимъ Гетмановъ своихъ, ни Коронпаго, ни Литовскаго, чрезъ коихъ обыкновенно Король, Его Милость, и Рѣчь Посполитая ведутъ войну съ непріятелемъ, и также войскъ своихъ съ нимъ не посылалъ. И тотъ Царевичъ въ нашемъ Государствѣ почитался не столько за Царевича, сколько за нищаго, и многіе богобоязливые люди давали ему милостыню Христа ради, какъ и вы, будучи христіанскимъ народомъ, также поступаете съ бѣдными. Другіе же, изъ коихъ и Панъ Воевода Сендомирскій, человѣкъ прямодушный, повѣривъ, что онъ истинный Царевичъ, согласились по просьбѣ его и окружавшихъ его Москалей, слѣдовать за нимъ въ маломъ числѣ до Московской границы. Онъ и бывшая съ нимъ Москва увѣряли, что ихъ за границею Московскіе люди радостно примутъ съ хлѣбомъ и солью и сами сдадутъ ему города, какъ природному Государю своему. Если же бы не такъ случилось, то Панъ Воевода съ Поляками воротился бы съ границы, дабы не нарушить существующаго договора. Когда же такимъ образомъ подошли къ Московской границѣ, то Московскіе люди выходили еще за границу, встрѣчая его, какъ онъ предсказы-

валъ, съ хлѣбомъ и солью. Муромскъ и Черниговъ сдались ему добровольно, и отъ того наиболѣе утвердилась между Поляками вѣра, что онъ истинный Димитрій. Хотя же и получены были письма отъ имени Думныхъ Бояръ къ Панамъ Сенаторамъ Литовскимъ, и отъ имени Духовенства вашего къ Духовенству Коронному, но Москва, находившаяся при томъ, кого признавала за своего Царевича, извѣстила, что тѣ письма посланы были самимъ Борисомъ, безъ вѣдома васъ Думныхъ Бояръ и вашего Духовенства. По сему Король, Его Милость, и Паны Сенаторы, не пособляя и не мѣшая ни въ чемъ ни той ни другой сторонѣ, оставались въ наблюденіи, ожидая окончанія дѣла отъ правосудія Божія. Когда же нѣкоторые Москали стали упорствовать въ Новгородкѣ Сѣверскомъ и Борисъ, увѣдомляя Короля чрезъ Посника Огарева, что человѣкъ сей не Димитрій, а называется, какъ и вы теперь удостовѣряете, Отрепьевымъ, напоминалъ о мирномъ постановленіи, то Король, не желая нарушить договора послѣ таковаго отзыва Бориса, приказалъ послать строгіе свои Универсалы къ Пану Воеводѣ Сендомирскому и къ прочимъ Полякамъ, подъ Новгородкомъ стоявшимъ, чтобы они долѣе не оставались при семъ человѣкѣ и тотъ часъ же возвратились въ Польшу. Тогда остались только при немъ ваши Донскіе Козаки,

нѣкоторая часть Запорожцевъ и другіе Московскіе люди *. *Но и послѣ отъѣзда Пана Воеводы Сендомирскаго многіе города, отложившись отъ Бориса, признали Царевича за своего Государя. По смерти же Бориса, оставшись вы безъ Государя, Король, Его Милость, ожидалъ, что вы, пользуясь свободою и не претерпѣвая болѣе принужденія ни отъ Бориса, ни отъ противной стороны, доставите ему Королю достовѣрное свѣдѣніе о прямой истинѣ. Но тутъ все ваше лучшее Московское войско, стоявшее подъ Кромами, Князья, Воеводы, знатные люди, Дворяне, передались Царевичу добровольно, поклонились ему, какъ своему Государю, и повели его сюда въ столицу. Вы, Бояре, хотя Димитрій еще далеко былъ отъ столицы, жену Борисову и сына его посадили въ темницу, а сами все, какъ Князь Мстиславскій, такъ и Князь Шуйскій и прочіе, выѣхали къ нему на встрѣчу за* 30 *миль отъ Москвы, и, признавъ его за своего Го-*

* *Примѣчаніе.* Тутъ Гонсѣвскій скрываетъ истину. Много Поляковъ осталось еще при Самозванцѣ, да и Мнишекъ съ товарищами возвратился въ Польшу не изъ послушанія къ Королевскому приказу, а въ слѣдствіе возмущенія Шляхты. Это доказывается тѣмъ, что обѣщаніе послать Универсалы дано Огареву въ Варшавѣ въ первыхъ числахъ Февраля, то есть когда уже тамъ должны были знать объ оставленіи Мнишкомъ Лжедимитрія, ибо Воевода выѣхалъ изъ лагеря Разстриги 4-го Января.

сударя, присягнули ему. Проводя же сюда его въ столицу, вы же его короновали. Затѣмъ ваши посланники въ бытность свою у насъ, да и вы сами здѣсь непрестивали говорить, что невозможное дѣло, чтобы наши люди посадили его на Московскій престолъ, но что вы сами приняли его добровольно. Потомъ онъ прислалъ къ намъ посланникомъ Аѳонасья Власьева, знатнаго Московскаго чиновника, который уже отъ Бориса посылаемъ былъ къ Королю, Его Милости, къ Цесарю и въ другія мѣста. Посланникъ сей, имѣя при себѣ многихъ Московскихъ Дворянъ, вручилъ Королю, Его Милости, письма за здѣшнею Московскою печатью, благодарилъ за хлѣбъ соль и все доброжелательство, коими Дмитрій пользовался въ областяхъ Короля, Его Милости, и, свидѣтельствуя о желаніи его, чтобы вѣчная дружба существовала между Королемъ и Рѣчью Посполитою и имъ и Московскимъ Государствомъ, просилъ дабы Король, Его Милость, дозволилъ Пану Воеводѣ Сендомирскому выдать за него дочь свою. Король, Его Милость, какъ Государь христіанскій и набожный, желая, чтобы его Государство и Московское взаимно укрѣпились противъ враговъ святаго креста, и послѣ таковыхъ вашихъ завѣреній не сомнѣваясь болѣе о родѣ его, охотно далъ свое соизволеніе на бракъ. Аѳонасій обручился съ дочерью Пана Сендомирскаго

Воеводы именемъ того, о коемъ всѣ утверждали, что онъ былъ истинный Димитрій. Тотъ же Аѳанасій и другіе посланные отсюда изъ Москвы, отъ него и отъ васъ, благодарили Пана Воеводу Сендомирскаго за оказанное ему въ имяніи Воеводы доброжелательство. Потомъ Панъ Воевода привезъ дочь свою сюда; Король же, Его Милость, отправилъ посольство на свадьбу и для постановленія вѣчнаго союза. Московскіе знатнѣйшіе Сенаторы, Князь Василій Мосальскій и Михайло Нагій съ немалою свитою, встрѣтили Пана Воеводу и дочь его на границѣ и проводили до столицы. Вы Бояре еще въ палаткахъ за городомъ поздравили ее и приняли какъ свою Государыню. Послѣ того съ общаго согласія, она была торжественно коронована Патріархомъ и Владыками вашими по вашему обряду. Насъ Пословъ также встрѣтили передъ Смоленскомъ, и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, приставы провожали насъ до самой столицы. Посольство мы отправляли торжественно и съ вами бывали на совѣщаніяхъ. Вы намъ совсе не говорили, чтобы онъ не былъ истиннымъ Димитріемъ. Нынѣ же, убивъ его, вдругъ, вопреки вашихъ рѣчей и клятвъ, сами себѣ противорѣчите и несправедливое нареканіе наводите на Короля, Его Милость. Все остается на вашей отвѣтственности; мы же ничего не созра-

жаелъ противъ его убійства, потому что и жалѣть объ немъ не имѣемъ причины. Сами вы видѣли, какъ онъ принялъ меня, Старосту Велижскаго, когда я былъ у него въ первый разъ посланникомъ отъ Короля, Его Милости, и теперь насъ обоихъ, и до какой спѣси онъ дошелъ, требуя новыхъ титуловъ, упуская Короля, Его Милость, называть Королемъ, и отказываясь отъ принятія Королевскихъ писемъ. Мы только тому не можемъ надивиться, что вы, Думные Бояре, люди (какъ полагаемъ) разумные, позволяете себѣ въ сихъ дѣлахъ самимъ себѣ противурѣчить и безвинно упрекать Короля, Его Милость. Того же сообразить и разсудить не хочете, что тотъ человѣкъ, который именовался истиннымъ Димитріемъ, и котораго вы называете ложнымъ, былъ природный Москвитянинъ, и что не наши о немъ свидѣтельствовали, а сами Москали, встрѣчая его передъ границею съ хлѣбомъ и солью; Москва сдавала города; Москва ввела его въ столицу, присягала ему на подданство и короновала его своимъ Государемъ. Сказать однимъ словомъ: Москва начала, Москва и совершила, и вы никого съ томъ упрекать не въ правѣ. Мы только о томъ сѣтуемъ и сокрушаемся, что побито столь много знатныхъ людей Короля, Его Милости, которые о томъ человѣкѣ съ вами никакой ссоры не имѣли, на упо-

линаемой вами войнѣ не были, жизнь его не оберегали, (ибо охраненіе себя онъ ввѣрилъ вашимъ людямъ), о убійствѣ его не знали, и подъ ручательствомъ договоровъ оставались на своихъ квартирахъ. Кровь ихъ разлита, а великое имущество разграблено. Мы смѣло все бы сіе отдали на судъ жесточайшаго врага Короля, Его Милости, и Рѣчи Посполитой, и твердо увѣрены, что всякой благоразумный человѣкъ посудитъ, что вина вся ваша. Мы полагаемъ, что съ нашей стороны договоръ ни въ чемъ не нарушенъ. Что касается до пролитія крови братьевъ нашихъ, въ чемъ вы обвиняете чернь, мы надѣемся, что будетъ учинена расправа и виновные получатъ достойное наказаніе, тогда слѣдовать будетъ намъ, принимая ваши извиненія, отнесть несчастный случай сей къ грѣху и Божіему попущенію, а вамъ Пана Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и прочими людьми Короля, Его Милости, отпустить съ имѣніемъ ихъ, при насъ Послахъ, въ Государство Короля, Его Милости, и о томъ совѣтуемъ вамъ бить челомъ своему нынѣшнему Государю, для собственной вашей пользы и спокойствія. Мы также, воротясь къ Королю, Его Милости, будемъ стараться, чтобы не разрывать мира до постановленнаго срока.

Выслушавъ все сіе съ величайшимъ вниманіемъ, Бояре еще сидѣли нѣсколько времени, въ молчаніи

поглядывая другъ на друга. Казалось всѣ довольны были рѣчью Гонсѣвскаго. Наконецъ всталъ Татищевъ, подошелъ къ Князьямъ Мстиславскому и Шуйскимъ, посовѣтовался съ ними и, возвратясь на свое мѣсто, сталъ говорить почти тоже, что читалъ Мстиславскій, присовокупляя только, что за неправды Поляковъ Богъ караетъ ихъ междоусобными раздорами и навѣщаетъ то Ханомъ Татарскимъ, то Карломъ Шведскимъ, и что самъ Сигизмундъ трепещетъ за жизнь свою, среди подданныхъ. На сіе Гонсѣвскій возразилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *О домашнихъ раздорахъ, о коихъ упоминаете, мы ничего не знаемъ и не вѣримъ сему извѣстію. Правда, будучи народомъ вольнымъ, мы привыкли говорить вольно. Но чтобы жизнь Короля, нашего Государя, находилась въ опасности среди подданныхъ его, это сказки пустыя и для самаго слуха нашего отвратительныя. Честный народъ нашъ всегда хранилъ вѣрность своимъ Государямъ и теперь хранитъ ее Королю, Его Милости, Пану набожному, мужественному и счастливо надъ нами царствующему. Прошлогоднею осенью Татары ворвались было въ Королевскую Украйну, но будучи поражены въ двухъ битвахъ и потерявъ много людей, вынуждены были со стыдомъ оставить владѣнія Короля, Его Милости. Уповаемъ на Бога, что и нынѣ врагъ не будетъ*

имѣть болье успѣха, ибо и въ прежнія времена, когда онъ переступалъ границу нашу, то всегда былъ отражаемъ Королевскими войсками и никогда не уходилъ безъ урона. Татары никогда не могутъ ворваться далеко во владѣнія Королевскія, и хотя иногда вторгаются, какъ разбойники, въ Украину, но всегда встрѣчаютъ Королевское войско. У насъ не по вашему! Давно ли, при Іоаннѣ Васильевичѣ, они сожгли сей столичный городъ! А при Ѳеодорѣ Ивановичѣ также дошли вамъ подъ стѣнами Москвы и опустошили ваше Государство. Вы напоминаете о Карлосѣ: какъ разбойникъ, онъ нападаетъ съ моря на Лифляндскую землю, а когда приспѣваютъ войски Короля, Его Милости, то онъ обратно уходитъ въ море. Когда же случилось ему сражаться, то всегда слабые отряды Королевскіе обращали въ бѣгство многочисленныя [illegible] его. Вамъ самимъ, по сосѣдству съ владѣніями К[illegible]оля, Его Милости, все сіе достаточно извѣстно. [illegible] удивительно намъ, что вы свои дѣла пр[illegible]те до небесъ, а насъ ставите ниже земли. [illegible] бы самъ вспомнить, съ какою надменностію [illegible] говорилъ отъ имени Бориса Королевски[illegible] [illegible], и какъ скромно отвѣчалъ ему Панъ К[illegible] Литовскій. Что же стало съ гордымъ Бо[illegible] Вы сами знаете. А Король, Государь нашъ, [illegible] боящійся Бога, счастливо царствуетъ надъ [illegible], и онъ и Государство

его находятся въ безопасности. Оттого, лучше было бы вамъ и на дѣлѣ и въ рѣчахъ поступать съ нами по братски, а не стращать насъ. Ибо сами вы знаете, что мы не упрекаемъ васъ въ домашнихъ вашихъ неустройствахъ, и не охотники грозить, но что за то и вашихъ угрозъ не побоимся.

Бояре весьма негодовали на Татищева, что безъ нужды подалъ поводъ къ новымъ обоюднымъ укорамъ. Желая обходительнѣе окончить переговоры, Мстиславскій, Шуйскіе и самъ Татищевъ стали ласковѣе обращаться съ Послами, и говорили имъ: *Все сдѣлалось по грѣхамъ нашимъ. Этотъ воръ обманулъ и васъ и насъ.* Указывая же на Царицына роднаго брата, Михайла Нагаго, прибавляли: *Спросите его сами, и онъ вамъ скажетъ, что тотъ не былъ Дмитрій. Настоящій Дмитрій похороненъ въ Угличѣ. Митрополитъ Өедоръ Никитичъ съ Архіереями отправился туда, и привезетъ сюда тѣло его. Слова ваши объ отпускѣ васъ и всѣхъ Поляковъ донесемъ Великому Государю нашему, а нынѣшнюю рѣчь нашу доставимъ вамъ на бумагѣ. Когда же узнаемъ Государскую волю, дадимъ вамъ отвѣтъ.*

Послы радостно возвратились на свой дворъ въ надеждѣ скораго отпуска. Но тщетно они три дня ожидали онаго. Напротивъ 30 Мая приставы ихъ, Князь Волконскій и дьякъ Ива-

новъ объявили, что Царь рѣшился послать ихъ самихъ посланниками въ Польшу, и вмѣсто нихъ назначаетъ приставами Князя Ивана Борятинскаго и дьяка Дороѳея Брохню. Назначеніе новыхъ приставовъ смутило Пословъ, ибо легко было понять намѣреніе Русскаго Правительства, не выпускать ихъ изъ рукъ своихъ на неопредѣленное время. Для отвращенія сего, они написали Боярамъ, что дальнѣйшее задержаніе ихъ можетъ породить въ Польшѣ сомнѣніе на счетъ ихъ безопасности, и побудить Поляковъ къ начатію военныхъ дѣйствій, а потому для блага обѣихъ Государствъ они настаиваютъ о скорѣйшемъ отправленіи своемъ *.

Василій напротивъ того не хотѣлъ отпускать Пословъ и знатныхъ Поляковъ, пока не увѣрится въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Польскаго двора. Задержанные Аманаты, принадлежа по родству къ сильнѣйшимъ въ Польшѣ домамъ, дѣйствительно могли имѣть вліяніе на рѣшеніе тамошняго правительства. Справедливо можно было предполагать, что для выручки ихъ Рѣчь Посполитая окажетъ снисхожденіе и податливость въ сношеніяхъ своихъ съ новымъ Царемъ.

5-го Іюня Татищевъ и дьякъ Василій Телеп-

* Смотри Приложенія № II.

невъ пріѣхали къ Посламъ съ Боярскимъ отвѣтомъ. Татищевъ, снова обвиняя Короля и Рѣчь Посполитую, въ подкрѣпленіе своихъ упрековъ и въ доказательство готовности Поляковъ способствовать раздробленію Государства и разоренію православія, показалъ списокъ съ Самборской записи, по коей Самозванецъ отдавалъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ, и письма Короля, Легата и Кардинала Малагриды, въ которыхъ Король самъ величался тѣмъ, что посредствомъ Поляковъ своихъ посадилъ Лжедимитрія на Московскомъ престолѣ, а Легатъ и Малагрида убѣждали Самозванца строить въ Москвѣ Римскіе костёлы и стараться о исполненіи даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія, касательно распространенія Папежства въ Россіи. Въ заключеніе Татищевъ объявилъ отъ имени Бояръ, что послѣ таковыхъ непріязненныхъ поступковъ, невозможно отпустить ни Пословъ, ни прочихъ Поляковъ, пока отправляемый въ Польшу посланникъ не возвратится съ удовлетворительными объясненіями.

Олесницкій отвѣчалъ: *Слышавъ рѣчь Князя Мстиславскаго, мы уже объявили, можно ли приписывать всю вину Королю и народу Польскому? Болѣе разсуждать о семъ предметѣ считаемъ излишнимъ. Что же касается до заключеннаго прежнимъ вашимъ Государемъ съ Воеводою Сендомир-*

скимъ договора, мы думаемъ, что напрасно о семъ напоминаете: болѣе себя стыдите, чѣмъ намъ вредите. Панъ Воевода, увѣряясь на свидѣтельствѣ вашихъ же Московскихъ людей, рѣшился выдать за Димитрія дочь свою; согласившись же на бракъ, онъ долженъ былъ устроить какъ можно выгоднѣе участь дочери своей. Потому и вовсе не удивительно, что онъ выпросилъ у покойника такія условія, но исполненіе зависѣло отъ васъ. Когда Панъ Воевода пріѣхалъ сюда, покойникъ совѣтовался со всеми вами, Думными Боярами, какое назначить содержаніе супругѣ своей, на случай если бы, по волѣ Божіей, онъ скончался прежде нея. Вы сами дали ей болѣе, чемъ Новгородъ и Псковъ, ибо согласились признать ее за наслѣдственную Государыню себѣ и всему Московскому Государству, и еще до коронаціи вы Думные Бояре со всеми знатнѣйшими людьми присягнули ей на вѣрность подданства. Что касается до письма Легата и Кардинала, то и тутъ не чему удивляться: это не новость. И прежде, при заключеніи договоровъ на вѣчный миръ между нашимъ и вашимъ народомъ, въ числѣ прочихъ условій поставляемо было о дозволеніи Русскимъ служить въ Польшѣ и Литвѣ, вступать тамъ съ бракъ, пріобрѣтать имѣнія, въ оныхъ ставить Русскія церкви и свободно исправлять свою вѣру; равномѣрно и наши люди, слу-

жащіе въ Москвѣ, имѣли право пріобрѣтать мастности и въ оныхъ, а также и въ городахъ, имѣть Римскіе костелы и отправлять богослуженіе по своему обряду. Святый отецъ Папа Римскій, какъ намѣстникъ Святаго Апостола Петра, обязанный заботиться о размноженіи хвалы и славы Божіей, желалъ включить сіе въ наши условія для упроченія вѣчной дружбы между нами и вами, и дабы отъ того поганская рука ослабѣла, а христіанская укрѣпилась. Въ разсужденіи же того, что сказано въ письмѣ Короля, Его Милости, что будто бы бывшій вашъ Государь посаженъ былъ на престолъ по милости Короля и помощію его людей, то вы же сами черезъ Князя Татева, Аѳонасья Власьева и другихъ посланниковъ, къ Королю отправляемыхъ, приписывали сію честь Королю, Его Милости, и за то благодарили его. За тѣмъ не пристойно было Королю противурѣчить вамъ и слѣдовательно должно было отзываться о семъ согласно волѣ и мнѣнію вашему. Что же вы однажды признали пріятнымъ и выгоднымъ, того самимъ вамъ сновь осуждать не годится. Стыдитесь, Михайло, противорѣчить самимъ себѣ! Все дѣло шло, какъ мы недавно объяснили Боярамъ. Вы сами начали, вы и совершили. Насъ, Пословъ Короля, Его Милости, никакой причины не имѣете здѣсь задерживати. Если останемся здѣсь по

вашему принужденію, то останемся въ видѣ плѣнныхъ. А плѣнять Посланниковъ не водится не только въ христіанскихъ, но даже и въ поганскихъ Государствахъ.

Тайницевъ еще говорилъ и спорилъ нѣсколько времени, и между прочимъ сказалъ: *Мы получили извѣстіе, что въ Польшѣ и Литвѣ происходятъ великіе раздоры между Сенатомъ и Народомъ, что Царь Крымскій съ многочисленнымъ войскомъ вторгнулся въ Королевскія владѣнія, что самъ Король выступилъ противъ него въ походъ, и что война идетъ и съ Инфляндіи.* Послы отвѣчали: *Кому что нравится, тотъ и мечтаетъ о томъ!* Наконецъ Тайницевъ съ товарищемъ откланялись, и поѣхали съ донесеніемъ къ Царю.

Послы чрезмѣрно огорчались задержаніемъ ихъ въ Москвѣ; въ особенности грустилъ Олесницкій, который по отъѣздѣ Тайницева упалъ даже въ обморокъ. На другой день они писали Боярамъ, жалуясь на сдѣланное имъ принужденіе. Бояре отвѣчали, что присланный къ Царю Іоанну Васильевичу Посломъ Литовскій Канцлеръ Сапѣга, не заставъ сего Государя въ живыхъ, не рѣшился отправить посольство свое передъ наслѣдникомъ его Ѳедоромъ Ивановичемъ, а ожидалъ отъ Короля своего Стефана новаго наставленія. Послы возразили, что тотъ случай нельзя было примѣ-

ниць къ настоящему, потому что извѣстіе о смерти Іоанна застало еще Сапѣгу въ Можайскѣ и слѣдственно прежде представленія имъ вѣрительной грамоты, и что оттого единственно Сапѣга не хотѣлъ ѣхать въ Москву безъ разрѣшенія Короля.

Окончательныя объясненія Пословъ съ Боярами происходили 10-го Іюня. Послы, призванные въ Боярскую Думу, жаловались на безчестіе, причиняемое Королю и Рѣчи Посполитой задержаніемъ ихъ Пословъ и прочихъ Поляковъ. Бояре рѣшительно объявили, что Царская воля есть всѣмъ имъ оставаться въ Москвѣ, до возвращенія отправляемаго къ Королю Посланника и до тѣхъ поръ, пока не возстановится желаемое согласіе между обѣими Государствами. Нѣсколько дней спустя Князь Волконскій и Дьякъ Ивановъ выѣхали изъ Москвы въ Краковъ, съ порученіемъ объявить Сигизмунду о возшествіи на престолъ Царя Василія Ивановича и жаловаться на данное Отрепьеву вспомоществованіе, вопреки существующихъ договоровъ. Дѣла Польскія.

Но преждевременно Царь опасался войны съ Королемъ. Раздоры, о коихъ Бояре по слухамъ говорили Посламъ, дѣйствительно волновали Польшу, и Сигизмундъ находился внѣ возможности предпринять что либо противъ Россіи. Василію суж-

дено было претерпѣвать первыя бѣдствія своего царствованія не отъ внѣшнихъ, а отъ внутренныхъ враговъ. Грозныя тучи надвигались уже, какъ при Борисѣ, съ Южныхъ областей Государства.

Терскіе Козаки, которые по приглашенію Разстриги везли Волгою Лже-Петра къ Москвѣ, находились уже у Вязовыхъ горъ, въ четырнадцати верстахъ выше Свіяжска, когда получили извѣстіе о убіеніи Отрепьева. Они немедленно поплыли назадъ, но имъ предстояло проѣхать по близости Казани, гдѣ Царскіе воеводы, имѣя при себѣ довольно войскъ, могли остановить ихъ. Во избѣжаніе сего, они прибѣгнули къ хитрости. Подъѣхавъ къ Казани, они пристали къ нагорному берегу и послали въ городъ сорокъ лучшихъ Козаковъ, съ порученіемъ донесть воеводамъ, что они готовы цѣловать крестъ Царю Василію, а Лже-Петра выдать. Воеводы повѣрили и честно отпустили посланныхъ, а сами не остереглись. Козаки, пользуясь ихъ оплошностію, въ слѣдующую ночь тихо уплыли вдоль нагорнаго берега, и потомъ безпрепятственно продолжая плаваніе внизъ по Волгѣ мимо Самары и Саратова, достигли устья рѣчки Камышинки. На пути они не переставали злодѣйствовать, разоряя прибрежныя мѣста и предавая смерти всѣхъ встрѣчаемыхъ ими служивыхъ людей. Изъ высшихъ чиновниковъ они

Грамота Царя Василья Ивановича, въ Соль-Вычегодскую отъ 19 Октября 1607. — Столяровъ Хронографъ. — Никоновская Лѣтопись.

убили воеводу Ѳедора Акинѳіева и ѣхавшаго въ Персію посланникомъ Князя Ивана Петровича Ромодановскаго. Изъ Камышинки они переволокли суда свои въ Иловлю, а сею рѣкою спустились до Дона, гдѣ и остановились зимовать.

На Югозападныхъ предѣлахъ Государства мятежъ водворялся еще въ опаснѣйшемъ видѣ для Правительства. Главнымъ зачинщикомъ онаго оказался одинъ изъ первѣйшихъ Царскихъ чиновниковъ. Во время возстанія Москвы противъ Разстриги, находящійся въ числѣ его Царедворцевъ, Князь Григорій Петровичъ Шаховскій, успѣлъ по- Бер.
хитить Государственную печать; имѣя такимъ образомъ въ рукахъ важное орудіе для возбужденія новыхъ смутъ, онъ рѣшился воспользоваться онымъ въ удовлетвореніе властолюбія своего. Но не въ столицѣ могъ онъ надѣяться приступить съ успѣхомъ къ исполненію своего злодѣйскаго предпріятія. Ему должно было дѣйствовать первоначально въ такой странѣ, гдѣ еще чтилось имя Димитрія и гдѣ по шаткому расположенію умовъ не трудно было ему найти многочисленныхъ сподвижниковъ. Сѣверская земля вполнѣ удовлетворяла симъ условіямъ, ибо тамъ не переставали еще бушевать неистовыя страсти бродягъ. Лукавый Шаховскій успѣлъ снискать довѣренность Царя и выхлопоталъ себѣ воеводское мѣсто въ Путивлѣ.

Разряды. Пріѣхавъ въ сей главный городъ въ Сѣверіи, онъ
созвалъ обывателей и объявилъ имъ, что Дими-
Никоновская Лѣтопись. трій живъ и укрывается отъ убійцъ, жаждущихъ
его крови, что Василій ожесточенъ противъ Сѣ-
верянъ за оказанное ими усердіе Димитрію и что
онъ въ наказаніе готовитъ имъ участь подобную
Палицынъ. той, которая постигла Новгородъ, разгромленный
свирѣпствомъ Іоанна Грознаго. Онъ убѣждалъ ихъ,
для собственнаго спасенія своего, вооружиться за
Димитрія. Подстрекаемые имъ Путивляне взбун-
товались противъ Василія и ихъ примѣру послѣ-
Никоновская Лѣтопись. довали города: Муромскъ, Черниговъ, Стародубъ и
Новгородъ-Сѣверскій. Въ Черниговѣ начальникомъ
былъ тотъ самый Бояринъ Князь Андрей Теля-
тевскій, который не хотѣлъ участвовать въ из-
мѣнѣ цѣлаго войска подъ Кромами, но застращен-
ный истязаніями, коими Самозванецъ наказалъ его
вѣрность къ Царю Ѳеодору, онъ не походилъ уже
на себя! Прежняя твердость его уступила мѣсто
малодушію и онъ не только не старался обузды-
вать бунтовщиковъ, но даже согласился быть
однимъ изъ главнѣйшихъ ихъ начальниковъ.

Впрочемъ крамола дѣйствовала не въ однѣхъ отдаленныхъ областяхъ Государства. Царь Василій имѣлъ въ Москвѣ многочисленныхъ приверженцевъ, но противники его бодрствовали и тамъ и въ тайнѣ устроивали ковы свои по наущенію недовольныхъ

Бояръ. Волненіе огласилось новымъ воззваніемъ къ народному самоуправству. Ночью на воротахъ многихъ Вельможъ и Иностранцевъ нашли подпись, что Царь повелѣваетъ народу разграбить домы сихъ измѣнниковъ. Чернь, всегда лакомая къ добычѣ, уже съ радостію собиралась на разбой; Царскіе чиновники не безъ труда ее усмирили. Нѣсколько дней прошло спокойно; но 15 Іюня, когда Василій шелъ къ обѣдни, Московскіе обыватели стали снова стекаться на дворцовую площадь, приглашенные именемъ Царя, который будто бы желаетъ говорить съ народомъ. Царь изумился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ безъ его вѣдома дѣйствовать его именемъ? Самъ же, не трогаясь съ мѣста, со слезами укорялъ въ коварствѣ окружающихъ его Царедворцевъ: «*Не вами «ли самими*, говорилъ онъ, *я избранъ на Цар«ство? Если я вамъ неугоденъ, то можно и безъ «смутъ избавиться меня. Я самъ готовъ сложить «съ главы моей Царскій вѣнецъ*. Тутъ онъ кинулъ посохъ, снялъ шапку и примолвилъ: *Если такъ, выбирайте кого хотите!* Всѣ молчали. Тогда Царь, взявъ обратно посохъ, воскликнулъ: «*Мнѣ надо«ѣли эти козни: то хотите меня умертвить, «то грозите смертью Вельможамъ и Иноземцамъ; «по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если «признаете меня Царемъ, требую казни виновныхъ!*

Маржеретъ и Дневникъ Марины.

Слушатели отвѣчали съ покорностію, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, готовы умереть за него и сами просятъ наказать преступниковъ. Обывателей распустили по домамъ, но пятерыхъ мутителей схватили. Правительство вѣрило существованію заговора, имѣющаго цѣлію возвесть на престолъ Князя Мстиславскаго, но учиненный розыскъ совершенно оправдалъ Вельможу. Только нѣкоторое подозрѣніе пало на сродника его, Боярина Петра Никитьевича Шереметева, котораго удалили изъ столицы, назначивъ его главнымъ начальникомъ во Псковъ. Пойманные пять злоумышленниковъ были всенародно наказаны кнутомъ и сосланы.

Псковская Лѣтопись.

Маржеретъ.

Между тѣмъ Князь Шаховскій неусыпно старался о устроеніи мятежническаго ополченія въ Путивлѣ. Распоряжаясь именемъ убитаго Самозванца, онъ искалъ средства облегчить свои дѣйствія, и хотѣлъ представить народу новаго Лжедимитрія. Въ семъ намѣреніи онъ вошелъ въ сношеніе съ Молчановымъ, который пробравшись до Самбора, продолжалъ и тамъ выдавать себя за Царя съ согласія Марининой матери, находившей полезнымъ для своей дочери распространять слухъ о спасеніи ея супруга. Шаховскій звалъ Молчанова въ Путивль и обѣщалъ ему подданство всей Сѣверской земли. Но Молчановъ былъ только смѣлъ

на безопасное злодѣйство. Онъ не отважился выступить на поприще, гдѣ могъ встрѣтить угрожающую гибель, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно онъ ни сколько не походилъ на Разстригу. Онъ былъ смуглъ лицемъ, бороду подстригалъ и имѣлъ усы довольно густые, носъ покляпый и черные курчавые волосы; у Отрепьева же напротивъ того лице было бѣлое, носъ широкій и волосы русые, а усовъ и бороды онъ вовсе не имѣлъ. Только у того и у другаго было по бородавкѣ на лицѣ. Но у Молчанова бородавка находилась на щекѣ, а у Разстриги возлѣ носа. Къ тому же весьма многіе въ Москвѣ лично знали Молчанова. Явиться въ Россіи казалось ему опаснымъ. Но чтобъ не отказаться совершено отъ выгодъ, представляемыхъ ему готовностію Сѣверянъ признать его за своего Государя, онъ разсудилъ послать вмѣсто себя въ Путивль человѣка отважнаго, который обѣщался мѣрами звѣрскими, но глубокообдуманными, дать рѣшительный оборотъ замышляемымъ въ пользу Самозванца военнымъ дѣйствіямъ.

Сей человѣкъ былъ Иванъ Болотниковъ. Онъ родился холопомъ Князя Андрея Теляшевскаго. Въ молодости увезенный Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ работалъ на галерѣ. Получивъ свободу, при помощи Нѣмцевъ, онъ отправился въ Венецію. Тутъ узналъ онъ о не-

Грамота Царя Василья Пермскому Воеводѣ Князю Вяземскому изъ Москвы отъ 9 Декабря 1609. — Берь.

устройствахъ, терзающихъ Россію и чувствуя въ себѣ безстрашіе и способности необыкновенныя, кои въ смутныя времена часто доставляютъ знаменитость даже людямъ низкаго состоянія, онъ рѣшился искать личнаго счастія въ бѣдствіяхъ отечества. Но пробираясь черезъ Польшу, онъ былъ захваченъ и представленъ Молчанову, котораго въ разговорахъ своихъ легко убѣдилъ, что никто лучше его не постигалъ, какими вѣрными средствами можно ниспровергнуть законную власть въ Россіи. Болотниковъ, одаренный отъ природы тонкимъ и смѣтливымъ умомъ, хотя еще въ молодости оставилъ отечество, зналъ твердо внутреннее положеніе Россіи и понималъ, что для упроченія Самозванства оно должно непремѣнно опереться на ослѣпленіи многолюднѣйшаго сословія въ Россіи. Основываясь на семъ началѣ, онъ смѣло предлагалъ, отложивъ всякую умѣренность, стараться возбудить мятежъ въ холопахъ и крестьянахъ, и пользуясь ихъ естественною алчностію, ихъ ненавистію къ господамъ, порожденною нововведеннымъ порабощеніемъ, вызвать ихъ безнаказанно на грабежъ и убійство. Злодѣйскій замыслъ прельстилъ Молчанова; онъ съ радостію принялъ обѣщаніе Болотникова въ вѣрности, подарилъ ему шубу, саблю и 30 червонныхъ, и отправилъ его въ Путивль съ письмомъ, въ коемъ убѣждалъ Кня-

зя Шаховскаго ввѣрить ему начальство надъ собирающимся войскомъ. Шаховскій тѣмъ охотнѣе согласился исполнить желаніе Самозванца, что самъ не полагалъ себя способнымъ къ военному дѣлу и не имѣлъ при себѣ ни одного опытнаго полководца.

Царь Василій съ своей стороны занимался изысканіемъ средствъ къ усмиренію мятежа, который хотя не весьма быстро, но постоянно распространялся въ Россіи. Города Кромы и Елецъ пристали къ бунтовщикамъ, коихъ подметныя письма явились даже на Московскихъ улицахъ. Въ письмахъ сихъ упрекали Московскихъ жителей въ неблагодарности къ Димитрію, укрывшемуся отъ ихъ ударовъ, и угрожали возвращеніемъ его, для наказанія Столицы, не позже 1-го Сентября. Очевидно, что злодѣи имѣли тайныхъ сообщниковъ въ самой Москвѣ. Созвали всѣхъ Дьяковъ и сличали руки ихъ съ почеркомъ писемъ, но не могли открыть виновнаго.

Маржеретъ.

Дневникъ Марины.

Правительство, вынужденное оставлять безнаказанными скрытныхъ враговъ, намѣревалось по крайней мѣрѣ управиться съ явными. Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Стольникъ Князь Юрій Никитичъ Трубецкій получили приказаніе собрать войско и съ онымъ слѣдовать за Оку. Но обращаясь къ наступательнымъ дѣйст-

Разряды.

віямъ, Царь нѣсколько сомнѣвался въ успѣхѣ опыхъ и не упускалъ также и приготовленія къ оборонѣ. Дневникъ Марины. По повелѣнію его 21 Іюля уставили пушками Кремлевскія стѣны и разобрали сплошный мостъ, ведущій къ Кремлю. Вскорѣ потомъ почли благоразумнымъ удалить изъ Москвы задержанныхъ Поляковъ. Въ столицѣ оставили только однихъ Пословъ. Мнишекъ съ дочерью, сыномъ, братомъ и племянникомъ и съ Панами Запорскимъ и Дворжицкимъ отправлены были въ Ярославль; Князь Вишневецкій въ Кострому; Хоружій Тарло, супруга его, Панъ Павелъ Тарло и мать его Старостина Сохачевская въ Тверь; наконецъ двое Стадницкихъ, Нѣмоевскій, Вольскій и Корыпко въ Ростовъ.

Не обнажая еще меча, Василій хотѣлъ испытать средства увѣщаній и силою духовной власти усовѣстить бунтовщиковъ. Въ семъ намѣреніи, онъ послалъ въ Сѣверскую землю Пафнутія, Палицынъ. Митрополита Крутицкаго, съ Архимандритами и Игуменами. Но Сѣверяне не хотѣли слушать Святителя. Столь же безполезною оказалась посылка въ Елецъ Боярина Григорія Ѳедоровича Нагаго, которому поручено было отвезти туда увѣщевательную грамоту сестры его Царицы Марѳы и образъ святаго Царевича Димитрія, дабы

разувѣрить блуждающихъ*. Ельчане не менѣе Сѣверянъ упорствовали противъ истины.

Оставалось прибѣгнуть къ оружію. Въ междоусобіяхъ первая встрѣча часто рѣшаетъ участь войны. Но Царскіе воеводы не поняли важности начальной неудачи; они какъ будто накупались на пораженіе безразсудными своими распоряженіями. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ совокупности для нанесенія рѣшительнаго удара, они не только раздѣлили свои силы, но приблизили къ непріятелю именно слабѣйшую часть оныхъ. Князь Воротынскій, оставя одинъ изъ трехъ полковъ своихъ въ Орлѣ, подъ начальствомъ Князя Ивана Михайловича Борятинскаго, самъ съ двумя прочими полками, составляющими главный отрядъ, обложилъ Елецъ, послѣ удачнаго сраженія противъ жителей, силившихся не допускать его къ городу; Стольникъ же Князь Трубецкій * съ пятьютысяч- Никоновская Лѣтопись. — Берь.—Дневникъ Марины и Разряды.

* Смотри Приложенія № III.

* *Примѣчаніе.* Тутъ встрѣчаемъ разительный примѣръ, что старѣйшинство по мѣстничеству имѣло преимущество надъ старѣйшинствомъ по чинамъ. Хотя въ отрядѣ, подъ Кромами, находились Бояре Князь Борисъ Лыковъ и Михайло Нагій, но главное начальство имѣлъ Стольникъ Князь Трубецкій, и Бояре, не смотря на важность занимаемаго ими сана, безпрекословно подчинялись малозначущему чиновнику, единственно потому, что по мѣстничеству онъ считался выше ихъ.

нымъ войскомъ осадилъ Кромы. Болотниковъ не преминулъ воспользоваться сею ошибкою. Набравъ 12,000 человѣкъ въ Путивлѣ, онъ быстро двинулся съ ними къ Кромамъ и подъ симъ городомъ, разбивъ на голову Трубецкаго, отбросилъ его на Орелъ. Путивльцы ругались надъ плѣнными, называя Царя Василія въ насмѣшку *шубникомъ*, а ихъ самихъ цареубійцами, нѣкоторыхъ изъ нихъ утопили, а другихъ избили плетьми до полусмертии и дерзко отпустили въ Москву.

Послѣдствія Кромскаго сраженія были ужасны. Казалось, что полкъ Борятинскаго, усиленный остатками Трубецкаго, могъ бы еще удержаться въ Орлѣ. Но находящіеся въ семъ войскѣ служивые люди Новогородскіе, Псковскіе, Великолуцкіе, Торопецкіе и Замосковныхъ мѣстъ, видя въ жителяхъ Орла и прочихъ Украинскихъ городовъ несомнѣнную наклонность къ Самозванцу, до такой степени упали духомъ, что оставили постыдно хоругви свои, и разошлись по домамъ, не смотря на увѣщаніе Воеводъ, кои, обезсиленные ихъ бѣгствомъ, нашлись вынужденными отступить къ Калугѣ. Робость часто бываетъ прилипчива. Князь Воротынскій, при первомъ извѣстіи о происшествіяхъ подъ Кромами и въ Орлѣ, также смутился и вѣроятно опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Москвы, поспѣшно снялъ осаду Ельца и направилъ

Никоновская Лѣтопись.

свои войска на столицу; но пагубный примѣръ разбитыхъ людей Борятинскаго и Трубецкаго подѣйствовалъ и на его воиновъ, которые на пути по большей части разбрелись. Такимъ образомъ остались обнаженными обширныя области, гдѣ общая нелюбовь къ Правительству готовила уже измѣну. Въ самомъ дѣлѣ лишь только Царское войско исчезло, то бунтъ распространился повсемѣстно. Многіе города спѣшили отложиться отъ Царя на зло Москвы, избравшей его безъ ихъ вѣдома; Воевода Григорій Сунбуловъ и Дворянинъ Прокопій Ляпуновъ возмутили Рязань съ пригородами, а Епифанскій, сынъ Боярскій, Истома Пашковъ, то же учинилъ въ Тулѣ, Вѣневѣ и Каширѣ. Во всѣхъ сихъ городахъ Дворяне и Дѣти Боярскіе ополчались за Димитрія и намѣревались содѣйствовать Болотникову въ предпріятіяхъ его противъ столицы. Неучаствующій въ измѣнѣ Рязанскій Намѣстникъ, Бояринъ Князь Черкасскій, былъ схваченъ и отправленъ въ Путивль.

Столяровъ Хронографъ.

Болотниковъ съ своей стороны, подвигался къ Москвѣ, разсѣвалъ повсюду возмутительныя воззванія, приманивалъ къ себѣ чернь и старался направлять всѣ страсти ея на уничтоженіе всѣхъ общественныхъ преимуществъ въ Россіи. Крестьянъ и холопей онъ подстрекалъ на умерщвленіе господъ, обѣщая имъ въ награду женъ, вотчины

Двѣ грамоты Ростовскаго

Митрополита Филарета къ Протопопу Устюжскаго собора, изъ Ростова отъ 30 Ноября 1606.

и помѣстья прежнихъ ихъ владѣльцевъ; всѣмъ господинамъ указывалъ на грабежъ купцовъ и торговыхъ людей, какъ на вѣрнѣйшее средство къ обогащенію. Тѣхъ, кои особенно отличились бы на семъ злодѣйскомъ поприщѣ, онъ обѣщалъ возвесть на степень Дьяковъ, Воеводъ, Окольничихъ и даже Бояръ. Со всѣхъ сторонъ безнравственныя толпы, напитанныя духомъ злобы, корысти и властолюбія стекались подъ кровавыя его знамена. Города, прельщенные или застращенные, безъ сопротивленія отворяли ворота свои его позорнымъ сподвижникамъ, которые вездѣ ознаменовывали владычество свое убійствомъ знатнѣйшихъ гражданъ, расхищеніемъ богатѣйшихъ домовъ, обесчещеніемъ женъ и дѣвицъ и преданіемъ лютѣйшимъ мукамъ

Столяровъ Хронографъ и Никоновская Лѣтопись.

тѣхъ, коихъ почитали врагами своими. Сихъ несчастныхъ разстрѣливали, кидали съ башенъ и мостовъ, вѣшали за ноги и распинали на стѣнахъ. Даже нѣкоторые злодѣи, отвергнувъ врожденное въ Русскихъ сердцахъ благоговѣніе къ святынѣ, обдирали иконы и позорили церкви. Въ непродолжительномъ времени содѣлались жертвою бунта: Орелъ, Мценскъ, Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ, Козельскъ, Мещовскъ, Калуга, Алексинъ, Мало-Ярославецъ, Медынь, Боровскъ, Вязьма, Можайскъ, Руза, Погорѣлое-Городище, Зубцовъ, Ржевъ, Старица, Волоколамскъ и Іосифовъ Монастырь. Измѣна не проникла

только въ крѣпкій Смоленскъ, охраняемый вѣрными Стрѣльцами, коими начальствовалъ Бояринъ Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Также удержались въ должномъ повиновеніи сосѣдственные къ Смоленску города Дорогобужъ и Серпейскъ. Но съ другой стороны Мордва возмутилась въ уѣздахъ Арзамасскомъ и Алатырскомъ, и неистовствовала въ соединеніи съ господскими холопями и крестьянами. Бунтовщики утопили въ Алатырѣ Воеводу Ждана Степановича Сабурова, и общими силами, подъ предводительствомъ Ивана Доможирова и Мордовскихъ старшинъ Москова и Воркадина, приступили къ Нижнему-Новугороду, гдѣ жители пребыли вѣрными Царю Василію. Напротивъ того въ Свіяжскѣ провозгласили Димитрія и чернь начинала волноваться даже и за Волгою въ Вятской землѣ. Наконецъ знатный сановникъ, Окольничій Князь Иванъ Димитріевичъ Хворостининъ, начальствуя въ Астрахани, вошелъ также въ единомысліе съ Шаховскимъ. Напрасно бывшій при немъ Дьякъ Аѳанасій Карповъ старался воздержать его отъ измѣны, при помощи нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ Астраханцевъ. Карпова умертвили такъ какъ и всѣхъ людей, пребывшихъ вѣрными своему долгу, и Астрахань признала Димитрія своимъ Государемъ.

Царская грамота въ Пермь Великую отъ 9 Декабря и Патріарха Ермогена Митрополиту Казанскому Ефрему отъ 22 Декабря 1606.

Грамота Князя Хворостинина къ Нагайскому Князю Иштереку.

Никоновская Лѣтопись.

Царь, пораженный неожиданною вѣстью о бѣгствѣ Воеводъ изъ подъ Кромъ и Ельца, не пола-

галъ однакожъ, чтобы полки ихъ уже вовсе несуществовали, а мыслилъ, что нужно только ихъ ободрить подкрѣпленіемъ. Въ семъ предубѣжденіи онъ на-скоро выслалъ изъ Москвы новое войско подъ предводительствомъ брата своего, Князя Ивана Ивановича Шуйскаго, коему предписалъ идти на встрѣчу Боряшинскому и Трубецкому и въ совокупности съ ними отразить враговъ. Другіе два отряда также хотя и были посланы изъ Москвы, одинъ съ Бояриномъ Княземъ Владиміромъ Васильевичемъ Кольцовымъ-Мосальскимъ въ Серпуховъ, другой съ Княземъ Даниломъ Ивановичемъ Мезецкимъ въ Каширу, но жители сего послѣдняго города, уже передавшіеся мятежникамъ, не впустили къ себѣ Мезецкаго. Съ другой стороны Князь Шуйскій, 23 Сентября, разбилъ мятежническій отрядъ на устьѣ Угры. Маловажная удача сія осталась безполезною. Присоединившееся къ Князю Шуйскому войско Трубецкаго и Боряшинскаго уже было такъ малолюдно, что Шуйскій не почелъ возможнымъ не только осадить измѣнившую Калугу, но даже безопасно оставаться въ краю, совершенно преданномъ мятежу и потому рѣшился возвратиться въ Москву.

Розряды.

Вскорѣ послѣ того Болотниковъ, усиленный дружинами Пашкова и Рязанцевъ, переправился за Оку и подступилъ подъ Коломну. Городъ, за-

Никоновская Лѣтопись

щищаемый отрядомъ Московскихъ стрѣльцевъ, былъ взятъ приступомъ и разграбленъ. Болотниковъ присоединилъ плѣнныхъ стрѣльцевъ къ своему войску и направился съ онымъ на Москву.

Царь поспѣшно собравъ сколько могъ ратныхъ людей въ столицѣ, выслалъ ихъ противъ бунтовщиковъ, по двумъ направленіямъ: Князь Михайло Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ съ частію войска выступилъ по Серпуховской дорогѣ, для поддержанія отступающаго по оной Князя Мосальскаго; главныя же силы, подъ предводительствомъ Князя Мстиславскаго, пошли на Коломну. Мятежническія шайки, переправившіяся за Оку въ Серпуховѣ, достигали уже Лопасни, но тутъ были разбиты Княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ, который отогнавъ ихъ, обратился на соединеніе съ Княземъ Мстиславскимъ. По несчастію, за сей маловажной удачей слѣдовало сильное пораженіе. Главное Царское войско, совокупясь съ Скопинымъ въ Домодѣдовѣ, двинулось на встрѣчу Болотникова и сойдясь съ нимъ въ 70 верстахъ отъ Москвы при селѣ Троицкомъ, вступило въ гибельный для себя бой. Московскія дружины обратили тылъ, оставя въ рукахъ бунтовщиковъ много дворянъ и стольниковъ, кои были отосланы въ Путивль. Болотниковъ по слѣдамъ бѣгущихъ приблизился къ Москвѣ, и въ концѣ Октября мѣсяца расположился станомъ въ селѣ

Розряды.

Никоновская Лѣтопись и Латухинская степенная книга.

Коломенскомъ, откуда старался возмутить столицу подметными письмами и тайными происками своихъ единомышленниковъ.

Царь Василій находился въ опаснѣйшемъ положеніи. Онъ имѣлъ при себѣ малое число ратныхъ людей, да и тѣхъ Троицкое пораженіе приводило въ крайнее уныніе. Знатная часть Государства уже была въ рукахъ злодѣевъ. Къ довершенію бѣдствія, моровое повѣтріе царствовало въ Новгородѣ. Только со стороны Ярославля оставался еще свободный путь для доставленія въ Москву съѣстныхъ припасовъ, въ коихъ уже начинали ощущать недостатокъ, такъ что цѣна на мѣру хлѣба, дотолѣ продаваемой по 1-му гроту, возвысилась до 4-хъ грошей.

Паерле. Среди столь горестныхъ заботъ, Царь обязанъ былъ первымъ утѣшеніемъ преданности Духовенства. Правда, нѣкоторые священники въ городахъ и селахъ передались мятежникамъ, но высшіе сановники церкви вездѣ оказывались достойными славныхъ предшественниковъ своихъ, коихъ Русская Исторія всегда показываетъ на сторонѣ законности и народности. Болѣе прочихъ Святителей имѣли случай отличиться Ефремъ Митрополитъ Казанскій и Осокинетъ Архіепископъ Тверскій. Ефремъ не только успѣлъ помочь Царскимъ Воеводамъ воздержать Казань отъ участія въ бунтѣ,

но еще сильно дѣйствовалъ духовнымъ оружіемъ противъ Свіяжскихъ измѣнниковъ, отлучилъ ихъ отъ церкви и запретилъ городскимъ Священникамъ принимать отъ нихъ въ Храмы всякія приношенія. Подвигъ Преосвященнаго Тверскаго былъ еще замѣчательнѣе. Злодѣйскія шайки, возмутившія уже весь Тверскій уѣздъ, подступили подъ самую Тверь, которая, не имѣя воиновъ для обороны, казалась для нихъ вѣрною добычею. Но Феоктистъ собралъ приказныхъ людей, Дѣтей Боярскихъ своего Архіерейскаго двора и всѣхъ гражданъ, и воспламенивъ ихъ Пастырскимъ своимъ назиданіемъ, выслалъ противъ враговъ. Тверитяне, хотя непривычные къ бою, сразились храбро, одолѣли бунтовщиковъ и поплѣнили многихъ изъ нихъ, которыхъ и отправили въ Москву.

Грамота Патріарха къ Митрополиту Казанскому изъ Москвы отъ 22 Декабря 1606.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Устюжскому Протопопу, изъ Ростова отъ 30 Ноября 1606.

Феоктистъ вполнѣ заслужилъ признательность отечества, первый доказавъ, что можно побѣдить злодѣевъ. Въ междоусобныхъ войнахъ малѣйшія удачи или неудачи важны по послѣдствіямъ. Такъ и бой подъ Тверью, хотя самъ по себѣ довольно незначительный, однако имѣлъ спасительнѣйшее вліяніе на общій ходъ дѣлъ. Жители городовъ: Старицы, Ржева, Зубцова и Погорѣлаго-Городища, поддавшіеся мятежникамъ единственно отъ страха, ободрились и, глядя на Тверитянъ, снова обратились къ послушанію Царю Василію.

Такимъ образомъ возстановилось сообщеніе Москвы съ Смоленскомъ, гдѣ Бояринъ Князь Куракинъ уже готовилъ помощь для столицы. По приказанію его Дворяне, Дѣти Боярскіе и всякіе служивые люди Смоленска, Серпейска, Дорогобужа и Вязьмы, составили рать, которая двинулась къ Можайску подъ предводительствомъ Дворянина Григорія Михайловича Полтева. Для очищенія ему пути, Царь выслалъ къ нему на встрѣчу отряды по двумъ направленіямъ: Князя Мезецкаго въ Можайскъ, а Окольничаго Ивана Өедоровича Крюкъ-Колычева въ Волоколамскъ. Колычевъ выгналъ бунтовщиковъ какъ изъ Волоколамска, такъ и изъ Іосифова Монастыря. Колычевъ, Мезецкій и Полтевъ соединились въ Можайскѣ и составили довольно сильное ополченіе, которому Царь прислалъ повелѣніе прибыть въ Москву къ 29 Ноября.

Столяровъ Хронографъ.

Розряды.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Устюжскому Протопопу отъ 30 Ноября 1606.

Между тѣмъ какъ Царская сторона усиливалась, мятежническая ослабѣвала. Въ Коломенскомъ станѣ не было единомыслія: Сунбуловъ, Ляпуновъ, Пашковъ и бывшіе съ ними Дворяне и Дѣти Боярскіе стыдились злодѣйскихъ подвиговъ гнусныхъ товарищей своихъ и съ сокрушеніемъ видѣли себя въ необходимости подчиняться Болотникову, котораго дѣйствія явно клонились не только къ низверженію одною только Москвою избраннаго Царя, но еще болѣе къ уничтоженію правъ и

преимуществъ помѣщиковъ и къ истребленію всѣхъ высшихъ сословій въ Государствѣ. Естественно ли было людямъ, принадлежащимъ къ симъ сословіямъ, содѣйствовать къ достиженію такой цѣли? Должно было ежеминутно ожидать разлученія ихъ съ Болотниковымъ. Пашковъ еще колебался, но отважный Ляпуновъ скоро рѣшился. Сей Дворянинъ, отличавшійся осанистою наружностію и умомъ пылкимъ и предпріимчивымъ, былъ честолюбивъ и заносчивъ, но искренно любилъ отечество. Пользуясь полною довѣренностію Рязанцевъ, ему не трудно было убѣдить ихъ, что непростительно жертвовать собственными выгодами и благоденствіемъ Россіи въ удовлетвореніе хотя отчасти справедливаго, но по крайней мѣрѣ вовсе несвоевременнаго негодованія на Москву, и что лучше признать Царя Московскаго, чѣмъ участвовать въ совершенномъ разореніи Государства, замышляемомъ жестокосердымъ Болотниковымъ. Въ слѣдствіе сего, 15 Ноября, Ляпуновъ отъѣхалъ въ Москву не только съ Сунбуловымъ и всѣми Рязанцами, но онъ привелъ еще съ собою взятыхъ въ Коломнѣ стрѣльцевъ, коихъ Болотниковъ противъ воли ихъ заставилъ слѣдовать за собою. Обрадованный Царь не усумнился простить всѣмъ прежнія вины ихъ, и принялъ ихъ какъ раскаивающихся чадъ. Это благоразумное милосердіе при-

Коберждицкій.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Устюжскому Протопопу отъ 30 Ноября 1606.

сколько новыхъ перемѣнчиковъ изъ Коломенскаго стана; многіе изъ нихъ, удерживаемые донолѣ однимъ опасеніемъ подвергнуться Царскому гнѣву, спѣшили воспользоваться его отеческими расположеніями.

Но Болотниковъ еще не унывалъ. До тѣхъ поръ онъ оставался въ наблюдательномъ положеніи передъ столицею, потому что надѣялся покорить ее лестію или голодомъ, и что между тѣмъ число войскъ его замѣчательно умножалось. Но перемѣнившіяся обстоятельства заставили его также перемѣнить образъ дѣйствій своихъ. Не только силы его болѣе не умножались, но даже ежедневно слабѣли; дальнѣйшее стояніе способствовало бы только къ новымъ побѣгамъ. Съ другой стороны необходимо было ему предупредить прибытіе въ Москву Колычева, Мезецкаго и Полтева. По симъ причинамъ онъ рѣшился учинить поискъ на столицу, и 26 Ноября послалъ половину войска своего за Москву рѣку, для нападенія на пригородную Гонную Рогожскую слободу. Отрядъ проходя по близости Симонова Монастыря, безполезно пытался склонить его къ сдачѣ; не только находящіеся тамъ на стражѣ Московскіе воины, но даже и сами монахи вооружились и отбили непріятеля. Между тѣмъ высланное изъ Москвы войско для обороны Рогожской слободы, не дождавшись на-

Латухинская степенная книга.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ

паденія бунтовщиковъ, вышло къ нимъ на встрѣчу и сразилось съ ними въ разстояніи одной версты отъ слободы. Бунтовщики были опрокинуты и прогнаны за рѣку, оставя въ рукахъ побѣдителей значительное число плѣнныхъ.

Устюжскому Протопопу отъ 30 Ноября 1606.

Три дни спустя, Колычевъ, Мезецкій и Полтевъ прибыли къ Москвѣ; войско ихъ расположилось у Дѣвичьяго Монастыря и поступило подъ начальство Князя Ивана Шуйскаго. Въ тоже время и Московскіе *Сидѣльцы* * вышли въ поле и стали лагеремъ у Данилова Монастыря. Царь назначилъ главнымъ предводителемъ надъ ними Князя Михайлу Васильевича Скопина-Шуйскаго, двадцатилѣтняго юношу, уже отличившагося въ стычкѣ близь Лопасни. Выборъ сего вождя заслуживалъ всеобщее одобреніе. Скопинъ пріятною наружностію и ласковою обходительностію привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. Съ умомъ проницательнымъ и зрѣлымъ не по лѣтамъ, онъ соединялъ рѣдкое великодушіе, истинную доброту и пламенное усердіе къ отечеству. Въ дѣлахъ и личныхъ сношеніяхъ онъ умѣлъ убѣждать противниковъ безъ оскорбленія ихъ самолюбія, а на ратномъ полѣ являлся полководцемъ отважнымъ

Никоновская Лѣтопись. Розряды.

* *Примѣчаніе.* Гарнизоны городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ въ Лѣтописяхъ называются *Сидѣльцами.*

и распорядительнымъ. Русскіе съ любовію слѣдили за возрастающею знаменитостію его и утѣшались надеждою, что ему обязаны будутъ избавленіемъ отечества.

Царь, готовясь къ рѣшительному дѣйствію, отъ коего зависѣла участь его престола и самого Государства, не упускалъ однакоже изъ вида, что успѣхъ былъ сомнителенъ по причинѣ извѣстной упорности бунтовщиковъ, и что по священной обязанности, на немъ лежащей, ему слѣдовало всемѣрно стараться объ упрежденіи пролитія Русской крови. По симъ уваженіямъ, Василій послалъ еще увѣщать къ покорности Болотникова, обѣщая ему богатыя милости. Но Болотниковъ отвѣчалъ, что поклявшись не щадить живота своего для успѣха предпринятаго имъ дѣла, онъ не нарушитъ своей присяги. Беръ.

Розряды. Послѣ такого отзыва нечего было медлить: 2-го Декабря Князья Скопинъ и Иванъ Шуйскій пошли къ Коломенскому. Болотниковъ, не допуская ихъ до своего стана, встрѣтился съ ними у деревни Котловъ. Завязалась жестокая битва, съ самаго начала коей Пашковъ, уже не охотно остававшійся при Болотниковѣ, положилъ оружіе, со всѣми находящимися еще въ мятежническомъ войскѣ Дворянами и Дѣтьми Боярскими. Не смотря на сіе отложеніе, оставшіеся при Болотниковѣ холо- Филаретъ. Никоновская Лѣтопись.

ня, крестьяне и Козаки сражались упорно, но были разбиты на голову. Потерпѣвъ великій уронъ убитыми и плѣнными, они побѣжали наконецъ по направленію къ Серпухову. Но Козаки съ Атаманомъ своимъ Дмитріемъ Беззубцовымъ не пошли за Болотниковымъ, а засѣли въ укрѣпленномъ селеніи Заборьи. Царскіе Воеводы, преслѣдовавшіе бѣгущихъ, подступили къ Заборью, и Козаки сдались безъ сопротивленія.

Самъ Болотниковъ продолжалъ отступленіе свое до Серпухова, но жители сего города, не желая раздѣлять его несчастной судьбины, не согласились впустить его къ себѣ. Онъ вынужденнымъ нашелся перейти Оку и искать убѣжища въ Калугѣ, съ оставшимися при немъ 10,000 человѣкъ. Другіе бѣглецы заняли Тулу.

Латухинская степенная книга.

Столь сильное пораженіе бунтовщиковъ казалось утверждало престолъ за Василіемъ. Въ порывѣ радости своей, онъ приказалъ торжествовать побѣду во всемъ Государствѣ молебствіями и трехдневнымъ колокольнымъ звономъ. Заслуги Воеводъ не остались безъ награжденія: Князь Скопинъ-Шуйскій и Колычевъ возведены въ Бояре, а Полтевъ пожалованъ въ Думные Дворяне. Передавшіеся съ Пашковымъ помѣщики и Беззубцева Козаки получили прощеніе; но взятыхъ съ бою плѣнныхъ всѣхъ потопили.

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Устюжскому Протопопу изъ Ростова, отъ 8 Декабря 1606.

Послужной списокъ старинныхъ чиновъ.

Никоновская Лѣтопись.

По несчастію, Василій, ослѣпленный блиста-

тельнымъ успѣхомъ, не постигъ, что при извѣстной твердости Болотникова и ожесточеніи преданной ему черни, конечное истребленіе враговъ требовало еще важныхъ усилій. Вѣроятно увлекаясь желаніемъ не подвергать войско изнуреніямъ зимняго похода, онъ счелъ достаточнымъ дѣйствовать за Окою лишь одними отрядами. Начальники оныхъ получили повелѣніе слѣдовать: Думный Дворянинъ Артемій Васильевичъ Измайловъ подъ Козельскъ, Князь Никита Андреевичъ Хованскій подъ Калугу, Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій подъ Алексинъ, Князь Андрей Васильевичъ Хилковъ подъ Бѣневъ и Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій подъ Михайловъ. Шестый отрядъ, подъ начальствомъ Боярина Князя Ивана Ивановича Шуйскаго, оставался въ Серпуховѣ въ подкрѣпленіе прочимъ тати. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано Воеводамъ Григорію Григорьевичу Пушкину и Сергѣю Григорьевичу Ададурову съ служивыми людьми городовъ Суздаля, Владиміра и Мурома итти на усмиреніе Мордвы и избавленіе Нижняго Новагорода, а Боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву съ Низовою ратью поручено стараться покорить Астрахань.

Никоновская Лѣтопись и Столяровъ Хронографъ.

Болотниковъ, рѣшившійся упорно отстаивать Калугу, принималъ всѣ нужныя мѣры къ оборонѣ, и приказалъ обвесть городъ тыномъ и

двойнымъ рвомъ. Отрядъ Князя Никиты Хован- Беръ.
скаго былъ слишкомъ слабъ, чтобы осмѣлиться
что либо предпринять противъ укрѣпленнаго мѣ-
ста, защищаемаго сильнымъ и отважнымъ вой-
скомъ. Царь далъ повелѣніе брату своему, Князю
Шуйскому, двинуться изъ Серпухова и, соединив- Никоновская Лѣтопись.
шись съ Хованскимъ, приступить къ Калугѣ. Въ
исполненіе сего, Шуйскій обложилъ городъ сей 30 Беръ.
Декабря.

Прочіе отряды дѣйствовали неудачно. Из-
майловъ и Князь Хилковъ безполезно осаждали:
первый Козельскъ, а второй Вѣневъ. Михайловцы, Никоновская Лѣтопись.
при помощи полученныхъ подкрѣпленій изъ Укра-
инскихъ бунту преданныхъ городовъ, отра-
зили Князя Ивана Хованскаго, и принудили
его отступить въ Переславль-Рязанскій. Царь
смѣнилъ его и поручилъ начальство надъ его от-
рядомъ Боярину Князю Борису Михайловичу Лы-
кову и Прокопію Ляпунову. Князь Воротынскій
хотя и занялъ безпрепятственно Алексинъ, но
оттуда слѣдуя подъ Тулу онъ претерпѣлъ силь-
ное пораженіе. Въ Тулѣ укрывались множество
бѣглецовъ Коломенскаго стана. Они высыпали, подъ
предводительствомъ измѣнившаго Боярина Князя
Андрея Андреевича Телятевскаго, на встрѣчу Во-
ротынскому, и разсѣяли его отрядъ, такъ что
онъ съ трудомъ могъ возвратиться въ Алексинъ.

Астрахань также не поддавалась подступившему подъ нее Боярину Шереметеву, который не смотря на ревностную помощь Ногайскаго Князя Иштерека и всей его орды, не полагая себя въ состояніи силою взять городъ, укрѣпился на островѣ Балчикѣ и оставался тамъ въ наблюдательномъ положеніи. Князь Хворостининъ безпокоилъ его частыми нападеніями на его укрѣпленія. Онъ отбивался, но не безъ урона. Тѣ изъ его воиновъ, которые въ сихъ сраженіяхъ попадались въ плѣнъ, были отводимы въ Астрахань и тамъ предаваемы мучительной смерти. Къ довершенію бѣдствій, претерпѣваемыхъ его войскомъ, открылась въономъ сильная болѣзнь цынга, которая причинила великую смертность.

Окружная Царская Грамота изъ Москвы отъ 26 Мая 1607. Никоновская Лѣтопись.

Только Воеводы Пушкинъ и Ададуровъ съ успѣхомъ исполнили данное имъ порученіе. Мятежники, осаждавшіе Нижній, извѣстившись о походѣ ихъ къ Арзамасу, пришли въ робость и, снявъ осаду, разсѣялись. Воеводы заняли безъ сопротивленія Арзамасъ и Алатырь. Городъ Свіяжскъ, видя вокругъ себя возстановленіе законной власти, добровольно возвратился въ подданство Царя Василья. Такимъ образомъ, водворивъ совершенно спокойствіе въ Мордовской земли, Пушкинъ и Ададуровъ спѣшили исполнить полученное ими повелѣніе обратиться съ Алатыря къ

Столяровъ Хронографъ и Грамота Патріарха къ Казанскому Митрополиту отъ 22 Декабря 1606.

Рязанскимъ мѣстамъ на помощь находящимся тамъ отрядамъ.

Но всѣ сіи дѣйствія оказывались второстепенными въ сравненіи съ главнымъ дѣломъ, осадою Калуги. Князь Шуйскій не успѣвалъ въ оной и всѣ усилія его уничтожались стойкостію Болотникова. Царь наконецъ убѣдился, что мятежъ не укротится пока не истребитъ главу онаго; въ слѣдствіе сего онъ выслалъ подъ Калугу, сколько было еще при немъ въ Москвѣ, ратныхъ людей и поручилъ начальство надъ осаждающимъ войскомъ Боярамъ Князьямъ Мстиславскому, Скопину-Шуйскому и Татеву. Никоновская Лѣтопись.

Тѣмъ нужнѣе было для Царя поспѣшить утушеніемъ бунта, что полученныя имъ извѣстія изъ Польши оказывались не совсѣмъ благопріятными. Злоба на Русскихъ за убіеніе Самозванцевыхъ гостей была во всѣхъ сердцахъ Польскихъ. Король и вся Рѣчь Посполитая не скрывали непріязненныхъ расположеній своихъ и вѣроятно объявили бы уже войну Россіи, если бы Сигизмундъ не вынужденъ былъ обратить оружія на собственныхъ подданныхъ своихъ. Жебржидовскій, Воевода Краковскій, и Князь Янушъ Радзивилъ, Подчашій Литовскій, питая личныя неудовольствія противъ Короля, обвиняли его въ нарушеніи Шляхетскихъ правъ, въ намѣреніи сдѣ-

латься самодержавнымъ и успѣли вызвать на *Рокошъ* * довольное число Шляхтичей. Но Король съ войскомъ своимъ разсѣялъ *Рокошанъ*. Замѣшательства сіи весьма замедлили пріѣздъ Посланниковъ Русскихъ Князя Волконскаго и Иванова, которые, прибывъ на Польскій рубежъ 16

Дѣла Польскія.

Іюля, достигли Кракова только 16 Декабря. Въ проѣздъ ихъ чрезъ Польшу они испытали великія оскорбленія. Вездѣ ихъ ругали, называли измѣнниками, а въ Минскѣ даже кидали въ нихъ каменьями и грязью. Въ Краковѣ они хотя были допущены къ Королю, но подарковъ ни отъ нихъ не приняли, ни имъ не дали. Въ переговорахъ съ Польскими Панами, Волконскій требовалъ удовлетворенія за кровопролитіе и расхищеніе Царской казны, причиненныя появленіемъ подосланнаго отъ Польши Лжедимитрія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что Царь желаетъ не нарушать существующаго съ Польшею мира, и для того отвергнулъ даже предложенія Короля Шведскаго, который обѣщалъ уступить ему нѣсколько городовъ въ Лифляндіи, съ тѣмъ чтобы онъ ему помогалъ противъ Поляковъ. Паны отвѣчали, что

* *Примѣчаніе*. *Рокошемъ* называлось въ Польшѣ возстаніе противъ Короля, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускаемое Государственными постановленіями.

Лжедимитрія не Поляки подослали, а сами Русскіе приняли, и что слѣдственно не Царь имѣетъ право на удовлетвореніе, а Король за удержаніе его Пословъ и за претерпѣнныя бѣдствія и убытки его подданными во время убійства Самозванца. Впрочемъ и они говорили также, что Польша не нарушитъ мирнаго договора, если Россія будетъ свято соблюдать постановленія онаго. Но все ограничилось словесными объясненіями, хотя Волконскій и домогался получить письменный отвѣтъ на свои представленія. Онъ съ своей стороны отказался отвезть къ Царю Королевскую грамоту, коей содержаніе было ему неизвѣстно, и напомнилъ при семъ случаѣ, что онъ не гонецъ, а Посланникъ. Тогда Король приказалъ ему ѣхать къ Царю съ поклономъ и съ обѣщаніемъ, что въ скорости будетъ присланъ въ Москву Королевскій Посланникъ. Волконскій и Ивановъ, возвратясь въ Москву 15 Февраля 1607 года, извѣстили Царя, что ему должно остерегаться Польши, гдѣ общее желаніе было при первомъ удобномъ случаѣ открыто воевать противъ Россіи.

Между тѣмъ Мстиславскій съ товарищами сильно приступалъ къ Калугѣ. Не только стѣнобитныя орудія и мортиры громили городъ, но Мстиславскій приказалъ еще подводить къ острогу огромный деревянный примётъ въ намѣреніи за- Никоновская Лѣтопись.

жечь оный, такъ чтобы вмѣстѣ съ тыномъ сгорѣлъ и острогъ. Но Болотниковъ бодрствовалъ. Онъ сдѣлалъ жестокую вылазку со всѣми имѣющимися при немъ людьми, и самъ сжегъ тынъ прежде нежели успѣли его довесть до острога.

Вскорѣ послѣ того Царскіе Воеводы извѣстились, что изъ Путивля идетъ войско на помощь Калугѣ. Въ самомъ дѣлѣ, стараніемъ Князя Шаховскаго, отважнѣйшіе изъ Сѣверскихъ удальцевъ собрались на выручку Болотникова, подъ предводительствомъ Князя Василія Мосальскаго. Замѣчательно, что хотя возставшая чернь въ особенности являлась грозною для высшихъ сословій, она охотно подчиняласьименитымъ людямъ и находила честолюбцевъ, готовыхъ изъ личныхъ видовъ, жертвовать пользами своихъ собратій. Мосальскій сперва двинулся на выручку Вѣнева, и подъ симъ городомъ разбилъ осаждающаго оный Князя Хилкова, который ушелъ въ Каширу. Совершивъ подвигъ сей, Мосальскій обратился на Калугу, слѣдуя по Бѣлевской дорогѣ. Мстиславскій высалалъ къ нему на встрѣчу сильный отрядъ, подъ начальствомъ Боярина Ивана Никитича Романова. Обѣ стороны сошлись на рѣчкѣ Вырке. Упорное сраженіе продолжалось цѣлые сутки и кончилось пораженіемъ бунтовщиковъ. Самъ Мосальскій былъ убитъ. Остервенѣніе Сѣверянъ было

Степенная книга.

Никоновская Лѣтопись.

шакъ велико, что многіе изъ нихъ даже побѣжденные не сдавались и не бѣжали, а поджигали подъ собою пороховые бочонки и летѣли на воздухъ. Романовъ возвратился подъ Калугу съ побѣдою и получилъ золотой въ награжденіе отъ Царя. Но твердость защитниковъ Калуги не колебалась. Розряды.

Чрезвычайное упорство бунтовщиковъ убѣдило наконецъ Царя, что надежда его на близкое окончаніе междоусобія была неосновательна и что безъ новыхъ усилій не управиться ему съ отчаянными злодѣями. Готовясь къ оному, онъ старался всѣми возможными мѣрами укрѣпить власть свою, ослабленную разномысліемъ подданныхъ. Для сего казалось ему нужнымъ явить себя въ глазахъ Русскаго народа настоящимъ преемникомъ законнаго престола Годуновыхъ. Справедливо увѣренный въ содѣйствіи духовенства, онъ склонилъ его торжественно огласить, что церковь, не смотря на преступленія, коими Борисъ очистилъ себѣ путь къ престолу, признаетъ неоспоримымъ право его на оный, освященное народнымъ избраніемъ и что за тѣмъ нарушеніе присяги, данной ему и сыну его, отягчаетъ цѣлую Россію грѣхомъ, требующимъ разрѣшенія духовной власти. Дабы придать болѣе важности замышляемому дѣйствію, положили вызвать въ столицу преж-

шаго Патріарха Іова. Знаменитый слѣпецъ прибылъ изъ Старицы въ Москву 14 Февраля 1607 года. Нѣсколько дней проведено еще въ совѣщаніяхъ. Наконецъ 20 Февраля, въ восемь часовъ утра, по приглашенію Патріарха Ермогена, гости и торговые и черные люди собрались въ Успенскомъ Соборѣ. Тѣ, кои не помѣстились въ самомъ храмѣ, стали около онаго. Всѣ съ умиленіемъ смотрѣли на Іова, смиренно стоявшаго возлѣ Патріаршаго мѣста, занятаго Ермогеномъ. По совершеніи молебствія, отправленнаго Ермогеномъ, гости и торговые люди поднесли Іову отъ имени всего народа челобитную, въ коей, принося покаяніе въ нарушеніи данной Годуновымъ клятвѣ и въ выдачѣ законнаго Царя Ѳеодора Борисовича съ семействомъ его въ руки нечестиваго Самозванца, просили отпустить всѣмъ прегрѣшенія сіи и испросить на все Государство благословеніе Всевышняго. Архидіаконъ читалъ челобитную сію на амвонѣ, послѣ чего ему же велѣно прочесть прощальную грамоту, писанную отъ имени обѣихъ Патріарховъ, прощающихъ и разрѣшающихъ клятвопреступленіе Россіянъ въ сей вѣкъ и въ будущій *. По окончаніи чтенія, тронутые слушатели бросались къ стопамъ Іова, испрашивая его благослове-

* Смотри Приложенія № IV и V.

нія. Почтенный старецъ, увѣщевая ихъ, говорилъ имъ: *Чада духовная! въ сихъ клятвахъ и крестнаго цѣлованія преступленіи, надѣясь на щедроты Божія, прощаемъ васъ и разрѣшаемъ соборнѣ, да пріимите благословеніе Господне на главахъ вашихъ; впредь же молю васъ, да не покусится таковая творити, еже крестное цѣлованіе съ чѣмъ преступати; велика бо сія заповѣдь, еже цѣловавъ честный и животворящій крестъ, на немъ же Владыко нашъ Христосъ Богъ волею распинался, хотя насъ избавити отъ мучительства діавола; и вы, клялся и цѣловавъ тотъ же животворящій крестъ неподвижно, да впали въ преступленіе.* Всѣ обѣщали на будущее время съ вѣрностію соблюдать данную присягу. — Іовъ, по совершеніи духовнаго подвига, отъ коего ожидали тѣснѣйшаго союза между Государемъ и народомъ, возвратился въ Старицу, гдѣ скоро потомъ скончался. История Россійской Іерархіи.

Впрочемъ долговременная опытность Царя Василія указывала ему, что дѣйствіе живѣйшаго нравственнаго побужденія скоро остываетъ въ сердцахъ человѣческихъ, когда не согласуется съ вещественными выгодами лицъ, и что только доставленіе такого рода выгодъ, въ смутныя времена, укрѣпляетъ преданность въ сподвижникахъ. Въ семъ убѣжденіи, онъ разсудилъ, что благоразуміе требовало отъ него заботиться объ удовле-

творенія нуждъ помѣщиковъ, составляющихъ надежнѣйшую опору колеблющейся державы его, и что хотя бы сіе клонилось къ явному вреду и огорченію крѣпостныхъ людей ихъ, ему нечего было жалѣть о сихъ злѣйшихъ противникахъ его власти. Главнѣйшею же нуждою помѣщиковъ было въ то время упроченіе ихъ крѣпостнаго права надъ холопями и крестьянами. Царь, желая угодить имъ, но не смѣя дѣйствовать одинъ, въ особенности когда дѣло шло о столь важномъ предметѣ, созвалъ высшее Духовенство и Вельможъ и разсуждалъ съ ними, что хотя запрещеніе перехода крестьянъ можно почитать началомъ отечественныхъ бѣдствій, но что оныя усугублялись еще допущенными Царемъ Борисомъ частными изъятіями отъ сего запрещенія, ибо навлекая нѣкоторую сомнительность на права помѣщиковъ и обязанности крестьянъ, изъятія сіи пуще прежняго потрясали общее спокойствіе; что въ сихъ обстоятельствахъ для возстановленія желаемаго порядка непремѣнно должно было или вовсе запретить переходъ или по прежнему объявить оный совершенно свободнымъ; но что въ послѣднемъ случаѣ помѣщики, лишась крѣпостнаго права, послѣ пятнадцатилѣтняго законнаго пользованія онымъ, потерпятъ важное разстройство въ своемъ быту, въ негованіи своемъ откажутся отъ службы, и

тогда беззащитное правительство не будетъ имѣть никакой возможности противустать ополчавшимся на него врагамъ, а Государство неминуемо подпадетъ подъ власть злодѣйскихъ враговъ общественнаго порядка; что слѣдственно оказывалась необходимость въ принятіи строгихъ мѣръ къ конечному утвержденію крѣпостнаго права помѣщиковъ. По симъ уваженіямъ, съ общаго согласія издали соборную грамоту, коею отмѣнялись изъятія отъ запрещенія перехода и предписывалось по прежнему всѣмъ крестьянамъ оставаться за тѣми владѣльцами, за коими они были положены по переписнымъ книгамъ 1593 года. Къ прекращенію побѣговъ, подговорщиковъ подвергали торговой казни и штрафамъ, кои налагались также и на пріемщиковъ. Кромѣ того, прежняя пятилѣтняя давность на отысканіе бѣглыхъ была продолжена до пятнадцати лѣтъ. Сильно обуздывая такимъ образомъ бродяжничество, новый законъ заботился также и объ огражденіи непорочности нравовъ отъ злоупотребленія помѣщичьей власти. Установлялось, что если господинъ не дозволитъ вступить въ бракъ рабамъ своимъ, мужчинамъ послѣ 20 лѣтъ, а дѣвкамъ послѣ 18 и вдовамъ болѣе двухъ лѣтъ послѣ смерти мужей ихъ, то такимъ крѣпостнымъ не только предоставлять свободу, но даже ко-

торый изъ нихъ и сбѣжитъ, унеся что съ собою, то и тутъ суда не давать на нихъ господину ихъ *.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались безуспѣшно для Царскихъ войскъ, не смотря на нѣкоторыя частныя удачи. Такъ напримѣръ, выступившій изъ Каширы Князь Хилковъ осадилъ

Столяровъ Хронографъ.

бунтовщиковъ, засѣвшихъ въ Серебряныхъ Прудахъ въ острогѣ. Когда же прибыли также подъ Серебряные Пруды шедшіе изъ Мордовской земли Пушкинъ и Ададуровъ и соединились съ Хилковымъ, то Царскіе Воеводы сильно подступили подъ острогъ. Бой продолжался цѣлый день: бунтовщики, ожидавшіе скорой помощи, защищались храбро, и только около полуночи видя свое изнеможеніе, сдали острогъ. Въ слѣдующій день показался отрядъ, шедшій изъ Украйны на выручку ихъ, подъ начальствомъ Князя Ивана Даниловича Мосальскаго да Литвинина Ивана Сторовскаго, но мятежники, встрѣченные Царскимъ войскомъ въ 6 верстахъ отъ Серебряныхъ Прудовъ, претерпѣли сильное пораженіе и потеряли много убитыми и плѣнными; въ числѣ сихъ послѣднихъ находились и сами начальники Князь Мосальскій и Сторовскій. Нѣсколько времени спустя Хилковъ, Пушкинъ и Ададуровъ

* Смотри Приложеніе № VI.

учинили несчастный поискъ на Дѣдилово. Засѣвшіе тамъ бунтовщики не только отразили ихъ, но даже совершенно разбили. Ададуровъ былъ убитъ и множество Царскихъ воиновъ потонуло въ рѣкѣ Шанѣ. Побѣжденные бѣжали до самой Каширы.

Болотниковъ продолжалъ отчаянно оборонять Калугу, и безпрестанными вылазками сильно тревожилъ осаждающихъ. Царь, видя въ немъ животворную душу мятежа, покусился на дѣло гнусное. Московскій лекарь Фидлеръ, уроженецъ Кенигсбергскій, предложилъ свои услуги на отравленіе Болотникова, но такъ какъ ему не вѣрили, какъ извѣстному хвастуну и обманщику, то онъ далъ на себя слѣдующую клятву: *Во имя Пресвятой и Преславной Троицы, во имя Предвѣчнаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, я Фридрихъ Фидлеръ даю сію клятву въ томъ, что хочу и убить ядомъ врага Царю Василію Ивановичу и всему Царству Русскому, Ивана Болотникова; если же не исполню и обману моего Государя, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отринетъ меня навѣки отъ своего милосердія единородный сынъ Божій Іисусъ Христосъ, кровь свою за насъ пролiявшій; да не будетъ подкрѣплять душу мою сила Св. Духа; да покинутъ меня всѣ Ангелы, Христіанъ охраняющіе. Пусть обратятся со вредъ мнѣ сти-* Беръ.

хіи міра сего, созданныя на пользу человѣка; пусть земля поглотитъ меня живаго; да будутъ земныя произрастенія мнѣ отравою, а не пищею; да овладѣетъ тѣломъ и душею моею діаволъ. Если даже духовный отецъ разрѣшитъ меня отъ клятвы, которую исполнить я раздумалъ бы, да будетъ таковое разрѣшеніе недѣйствительно. Но нѣтъ! Я сдержу свое слово и симъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и Св. Евангеліе. Василій, сею страшно нечестивою присягою убѣжденный въ искренности намѣренія Фидлера, приказалъ дать ему коня и 100 талеровъ, и обѣщалъ ему, если онъ сдержитъ слово свое, 100 душъ крестьянъ и 300 талеровъ ежегоднаго оклада. Но Фидлеръ, по прибытіи своемъ въ Калугу, открылъ все Болотникову и вручилъ ему самый ядъ. Такимъ образомъ Царь, безъ всякой пользы, обезславилъ себя дѣйствіемъ постыднымъ.

Впрочемъ Болотниковъ съ безпокойствомъ усматривалъ истощеніе жизненныхъ припасовъ въ Калугѣ. Уже осажденные вынужденными находились питаться конскимъ мясомъ. Въ сихъ обстоятельствахъ начальникъ ихъ писалъ къ Князю Шаховскому въ Путивль, убѣдительно прося у него помощи. Шаховскій зналъ, что для успѣха общаго ихъ дѣла необходимо нужно выручать Болотни-

Столяровъ Хронографъ.

кова, но онъ самъ находился въ затруднительномъ положеніи. Даже строптивые Сѣверяне начинали охлаждаться въ преданности своей къ мнимому Димитрію, котораго прибытія напрасно ожидали столь долгое время, и отъ нихъ нельзя было надѣяться дальнѣйшихъ усилій, если Самозванецъ самъ не рѣшится присутствіемъ своимъ воспламенить угасающее ихъ къ нему усердіе. Но всѣ старанія Шаховскаго, чтобы склонить Молчанова къ пріѣзду въ Путивль, не могли побѣдить его робости и онъ никакъ не отважился оставить Самбора. Наконецъ, Шаховскій убѣдившись, что ему нечего ожидать отъ малодушнаго злодѣя, обратился къ Лже-Петру и послалъ звать его къ себѣ въ Путивль.

Беръ.

Грамота Царя Василья въ Соль-Вычегодскую отъ 19 Октября 1607.

По открытіи весны, Лже-Петръ оставивъ берега Дона, направился съ Терскими сподвижниками своими вверхъ по Донцу. Посланный отъ Шаховскаго нашелъ его еще на Донцѣ, но уже во ста сорока верстахъ отъ устья сей рѣки. Лже-Петръ охотно принялъ сдѣланное ему предложеніе идти въ Путивль, дабы дѣйствовать за одно съ приверженцами Лжедимитрія; онъ продолжалъ путь свой Донцемъ до Борисъ-города, а оттуда, проходя черезъ Осколъ, прибылъ въ Путивль съ 10,000 человѣкъ своего собственнаго войска, оставляя кровавые слѣды своего шествія. Болотниковъ былъ

Беръ.

жестокосердъ не по праву, а по расчету, и потому самъ никого не терзалъ, а только допускалъ и поощрялъ къ неистовствамъ своихъ товарищей, когда ему казалось полезнымъ вовлекать ихъ въ преступленія. Напротивъ того Лже-Петръ, по врожденнымъ звѣрскимъ наклонностямъ, самъ наслаждался истязаніями и убійствами. Изъ числа чиновныхъ людей приняли отъ него мучительную смерть Воеводы: Борисгородскія, Бояринъ Михайло Богдановичъ Сабуровъ и Князь Юрій Приимковъ-Ростовскій, Оскольскій Матвѣй Бутурлинъ, Бѣлогородскій Князь Петръ Ивановичъ Буйносовъ, Путивльскій Князь Андрей Бахтеяровъ; плѣненные Болотниковымъ и отосланные имъ въ Путивль, Бояринъ Князь Василій Кандаруковичъ Черкаскій и Окольничіе Алексѣй Романовичъ Плещеевъ и Ефимъ Варфоломеевичъ Бутурлинъ. Развратность Лже-Петра равнялась его свирѣпству. Онъ взялъ къ себѣ въ наложницы дочь казненнаго имъ Князя Бахтеярова.

Никоновская Лѣтопись и Розряды.

Между тѣмъ Шаховскій прилежно заботился о усиленіи приведеннаго Лже-Петромъ войска, не только новымъ наборомъ Сѣверянъ, но еще и внѣшнею помощію. По приглашенію его, отрядъ Запорожцевъ прибылъ въ Путивль, въ надеждѣ имѣть участіе въ предполагаемыхъ грабительствахъ. Когда такимъ образомъ составилось значительное опол-

ченіе, Лже-Петръ, въ сопровожденіи самого Шаховскаго, выступилъ къ Тулѣ, выславъ передъ собою два отряда. Одному, подъ начальствомъ Князя Михайлы Долгорукова, поручено было принудить Измайлова къ снятію осады Козельска. Другому же отряду повелѣно спѣшить въ Тулу на усиленіе Князя Телятевскаго, коему предписывалось немедленно по прибытіи онаго слѣдовать къ Калугѣ на выручку Болотникова.

Въ исполненіе сего Телятевскій выступилъ изъ Тулы 1-го Мая, но дабы въ случаѣ неудачи не быть отрѣзаннымъ отъ Сѣверской земли, онъ не пошелъ прямо на Калугу, а направился сперва къ Бѣлеву, въ намѣреніи предварительно всякому наступательному дѣйствію обезопасить отступленіе свое на Путивль. Князь Мстиславскій, извѣстясь о его походѣ, выслалъ противъ него Боярина Князя Бориса Петровича Татева и Князя Андрея Черкасскаго съ 17,000 человѣкъ. Обѣ рати столкнулись на Пчельнѣ и сразились немедленно. Но успѣхъ битвы остался на сторонѣ мятежниковъ. Начальники Князья Татевъ и Черкасскій и многіе воины были убиты; остальные бѣжали въ станъ главнаго войска подъ Калугою и распространили въ ономъ смятеніе и ужасъ. Пользуясь онымъ, Болотниковъ на другой день сдѣлалъ сильную вылазку. Тогда разгромъ сдѣлался всеобщимъ. Царскіе воины

Беръ. — Никоновская Лѣтопись. — Столяровъ Хронографъ. — Латухинская степенная книга и Карамзинъ.

въ безпамятствѣ постыднаго страха бѣжали къ Боровску, покинувъ орудія, снаряды и припасы. Другіе даже предались непріятелю. Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, такимъ образомъ перешло въ ряды мятежниковъ до 15,000 человѣкъ, изъ коихъ около ста Нѣмцевъ съ начальникомъ своимъ Гансбергомъ. Къ счастію, всегда доблестный Князь Шуйскій-Скопинъ и прощенный Истома Пашковъ, котораго Царь назначилъ Атаманомъ Казацкимъ, пребыли еще вѣрными долгу и чести. Оба они успѣли одушевить своимъ мужествомъ нѣкоторыхъ воиновъ и съ помощію ихъ удерживали напоръ Болотникова, дабы обезопасить бѣгущихъ; наконецъ сами въ порядкѣ отошли къ Серпухову, куда привезли съ собою и нѣсколько спасенныхъ ими пушекъ.

Подъ Козельскомъ честь Царскаго оружія была сохранена. Воевода Измайловъ съ успѣхомъ отразилъ нападеніе отряда Князя Долгорукова, и только тогда снялъ осаду Козельска, когда извѣстился о несчастныхъ событіяхъ подъ Калугою. Отступая въ Мещовскъ, онъ забралъ съ собою весь осадный снарядъ, не оставляя ничего въ добычу непріятелю, и тѣмъ заслужилъ милость Царя, который пожаловалъ его въ Окольничіе.

Никоновская Лѣтопись.

Послужный списокъ.

Пока Князь Мстиславскій собиралъ въ Боровскѣ разсѣянные полки свои, торжествующій Бо-

лотниковъ оставилъ Калугу и соединился въ Тулѣ съ Лже-Петромъ, въ намѣреніи дѣйствовать совокупными силами. Берг.

Москва была въ тревогѣ. Снова гибель висѣла надъ столицею и Государствомъ. Смущеніе было всеобщее, но Царь ободрилъ всѣхъ своею рѣшимостію. Не скрывая чрезвычайности угрожающей бѣды, онъ объявилъ, что настало время вѣрнымъ побѣдить или умереть, что онъ первый подастъ примѣръ, выступя въ походъ на злодѣевъ, но что онъ требуетъ и отъ всѣхъ дружнаго содѣйствія. Повсюду разослали указы, чтобы подъ смертною казнію всѣ служивые люди и даточные собирались подъ Царскія знамена. Имѣнія Духовенства не освобождались отъ присылки ратниковъ, и даже самимъ инокамъ предписывалось быть въ готовности приняться за оружіе по первому вызову. Кромѣ того поставлялось въ обязанность монастырямъ снабжать жизненными припасами столицу и войско. Патріархъ и высшее Духовенство, въ ревности своей къ возстановленію Государственнаго устройства, не только соглашались на всѣ пожертвованія, но еще старались подкрѣпить Царскія усилія духовнымъ оружіемъ. По повелѣнію ихъ во всѣхъ храмахъ провозгласили проклятіе надъ Болотниковымъ и самозванцами и отлучили отъ церкви всѣхъ ихъ сообщниковъ. Дневникъ Марины.

Порывъ былъ всеобщій и внезапный. Можно полагать, что дѣйствовало не столько усердіе къ мало уважаемому Царю, сколько убѣжденіе помѣщиковъ, что дѣло шло о собственномъ ихъ существованіи. Ополченіе образовалось столь успѣшно, что уже 21 Мая, Василій могъ выступить въ поле. Москву онъ приказалъ брату своему Князю Дмитрію и другимъ двумъ Боярамъ Князьямъ Одоевскому и Трубецкому. Всѣхъ прочихъ Бояръ, Окольничихъ и Дворянъ Царь взялъ съ собою. Изъ столицы войско направилось двумя путями. Бояринъ Князь Андрей Васильевичъ Голицынъ, съ частію онаго, слѣдовалъ къ Каширѣ на соединеніе къ идущему туда же изъ Рязани Боярину Князю Лыкову. Самъ Царь съ главными силами пошелъ къ Серпухову, куда также имѣлъ повелѣніе прибыть и Князь Мстиславскій изъ Боровска.

Розряды.

Никоновская Лѣтопись.

Едва Царь выѣхалъ изъ Москвы, какъ получилъ утѣшительное донесеніе, что Князь Хворостининъ и бунтующіе Астраханцы, раскаявшись въ своихъ злодѣяніяхъ, вошли въ сношеніе съ Бояриномъ Шереметевымъ и 19 Мая снова покорились Царю. Василій спѣшилъ огласить сію радостную вѣсть для ободренія сбирающихся на Окѣ войскъ своихъ. Впрочемъ покорность Астраханцевъ была не надежна: они не хотѣли впустить къ себѣ Шереметева, который по прежнему оставался на Баль-

Окружная Грамота Царская, изъ Москвы отъ 26 Мая 1607.

чикѣ. Такимъ образомъ въ городѣ не искоренилось своевольство, печальнымъ слѣдствіемъ коего было скорое возобновленіе прежнихъ смутъ.

Лже-Петръ, Шаховскій и Болотниковъ, сосредоточивше всѣ войска свои въ Тулѣ, выслали съ общаго совѣта къ Серпухову, вѣроятно для удержанія переправы на Окѣ, Князя Телятевскаго съ 30,000 Путивлянъ, Ельчанъ и Козаковъ Донскихъ, Терскихъ, Волжскихъ и Яицкихъ. Но Телятевскій, извѣстившійся на пути о прибытіи Царя въ Серпуховъ, обратился на Каширу. Князья Голицынъ и Лыковъ спѣшили донести о томъ Царю, который послалъ къ нимъ на подкрѣпленіе нѣсколько сотенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ имъ итти на враговъ. Обѣ стороны сошлись на берегахъ Восмы въ 17 верстахъ отъ Каширы. Упорное сраженіе началось 5 Іюня съ разсвѣтомъ, и продолжалось четыре часа съ перемѣннымъ счастіемъ. Сперва бунтовщики стали одолѣвать, но Голицынъ и Лыковъ, одушевляясь великодушнымъ отчаяніемъ, разъѣзжали по полкамъ своимъ и кричали отступающимъ: *Гдѣ суть намъ бѣжати? лучше намъ здѣся померети другъ за друга единодушно всѣмъ!* Воины ихъ устыдились дальнѣйшаго отступленія и отвѣчали: *Подобаетъ вамъ начинати, а намъ помирати!* Тогда Бояре, призвавъ въ помощь Бога, бросились въ Сѣчу; за ними устремилось все воин-

Грамота Митрополита Ростовскаго къ Протопопу Сольвычегодскому изъ Ростова отъ 1 Іюня 1607. — Столяровъ Хронографъ и Никоновская лѣтопись.

ство. Мятежники дрогнули въ свою очередь. Изъ нихъ, около 1,700 удалѣйшихъ Козаковъ перешли рѣчку и засѣли въ буеракахъ, ограждаясь повозками своими. Прочіе, побросавъ орудія, набаты, знамена и коней, бѣжали къ Тулѣ и были преслѣдуемы на разстояніи 40 верстъ. Кромѣ убитыхъ и разсѣянныхъ они потеряли 5,000 плѣнныхъ, и Тялятевскій воротился въ Тулу съ весьма немногими людьми. Оставшіеся въ буеракахъ Козаки не хотѣли сдаваться и отстрѣливались изъ ружей еще два дня; наконецъ, когда у нихъ не стало пороху, Царскіе воины спѣшившись пошли на нихъ. Рязанцы первые спустились въ буераки подъ предводительствомъ Ѳедора Булгакова и Прокопа Ляпунова. Сопротивленіе Козаковъ, лишенныхъ способовъ къ оборонѣ и подавленныхъ многолюдствомъ нападающихъ, было почти ничтожно. Всѣ они были вырѣзаны за исключеніемъ семи человѣкъ, коимъ даровали жизнь по просьбѣ нѣкоторыхъ Нижегородскихъ и Арзамасскихъ помѣщиковъ, ими также спасенныхъ отъ лютой смерти, во время разбойничества ихъ на Волгѣ съ Лже-Петромъ.

Василій, обрадованный столь знатною побѣдою, долѣе не медлилъ дѣйствовать рѣшительно. Самъ оставаясь еще въ Серпуховѣ, онъ выслалъ за Оку трехполкное войско подъ главнымъ начальствомъ Князя Скопина-Шуйскаго, который въ сорока вер-

стахъ отъ Тулы соединясь съ Каширскимъ полкомъ Князей Голицына и Лыкова, продолжалъ слѣдованіе свое къ сему городу. Непріятель, въ намѣреніи препятствовать обложенію Тулы, расположилъ сильный отрядъ въ полуторы версты отъ города на топкой рѣчкѣ Воронеѣ, въ крѣпкомъ мѣстѣ между болотомъ и лѣсомъ. Но отрядъ сей не могъ остановить воиновъ Скопина, которые 12 Іюня, не смотря на сильное сопротивленіе, переправились за Воронею и втоптали мятежниковъ въ Тулу. Въ запальчивости битвы, человѣкъ десять изъ Московскаго войска ворвались даже въ самый городъ и тамъ были убиты.

Столяровъ Хронографъ.

Царскіе Воеводы остановились подъ Тулою, въ ожиданіи прибытія самого Царя, который нѣсколько дней спустя выступилъ изъ Серпухова съ остальнымъ войскомъ и 28 Іюня прибылъ подъ Алексинъ. Городъ сей сдался на другой день, а 30 числа Царь, прибывъ подъ Тулу, приказалъ начать осаду. Князь Андрей Голицынъ съ Каширскимъ полкомъ сталъ на Каширской дорогѣ на Черленой горѣ, примыкая лѣвымъ крыломъ своимъ къ отряду Князя Петра Арасłановича Урусова, расположенному на рѣчкѣ Тулкѣ и состоящему изъ Чувашъ, Черемисъ и Татаръ Казанскихъ, Романовскихъ и Арзамасскихъ; на лѣвой сторонѣ Упы находился станъ главнаго войска; позади онаго Царь прика-

Грамота Царская Князю Дмитрію Шуйскому изъ Алексина отъ 29 Іюня 1607.

Столяровъ Хронографъ.

залъ разбить свои шатры въ двухъ верстахъ отъ города. Большая часть осадныхъ орудій выставлена была за турами на Крапивенской дорогѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ помѣщены были и со стороны Каширской дороги по близости рѣки Упы.

Успѣхи, ознаменовавшіе первыя дѣйствія Царскихъ войскъ, имѣли вліяніе и на нѣкоторые окрестные города. Сапожокъ и Ряжскъ снова покорились Царю. Кромѣ того пріѣхали къ нему съ повинною изъ Михайлова тамошніе Лже-Петра Воеводы Князь Ѳедоръ Засѣкинъ и Левъ Фустовъ съ нѣсколькими стрѣлецкими головами, да изъ Брянска Окольничей Князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и Елизарій Безобразовъ, и съ ними многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе Сѣверской земли.

Царская Грамота Князю Дмитрію Шуйскому изъ Алексина отъ 29 Іюня 1607.

Василій, не почитая возможнымъ вмѣстѣ съ осадою Тулы предпринять таковую же и Калуги, упорствующей въ мятежѣ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ отрѣзать сообщеніе Калужанъ съ бунтующимъ краемъ. Въ этомъ намѣреніи онъ послалъ на лѣвую сторону Оки два отряда подъ начальствомъ Князя Третьяка Сеитова и Князя Василія Мосальскаго. Сеитовъ успѣшно исполнилъ порученіе свое и очистилъ отъ непріятеля города Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ; Мосальскій съ своей стороны осадилъ Козельскъ.

Никоновская Лѣтопись.

Главное дѣло, осада Тулы шла медленно, хотя число осаждающихъ простиралось до 100,000 человѣкъ. Бер.

Въ городѣ находилось до 20,000 отважныхъ злодѣевъ, коими предводительствовали Лже-Петръ, Князь Шаховскій, Князь Телятевскій, какой-то Кохановскій, и что всего важнѣе, неустрашимый Болотниковъ, готовившійся явить новые опыты уже имъ въ Калугѣ оказаннаго удальства. Столяровъ Хронографъ.

Ободряемые его примѣромъ мятежники дѣлали ежедневно по три и по четыре вылазки, дрались отчаянно и всегда отбивали многократные приступы Царскихъ войскъ. Бер.

Однакожъ, не смотря на храбрость осажденныхъ, Шаховскій и Болотниковъ предусматривали, что имъ наконецъ не удержаться въ Тулѣ и что рано или поздно Царь возметъ сей городъ, если не будетъ имъ сильной помощи извнѣ. Но откуда можно было имъ ожидать сей помощи, какъ не отъ новаго порыва Сѣверскихъ людей, возбужденныхъ явленіемъ Димитрія, къ коему слѣпая ихъ приверженность все еще сохранялась? Самая бодрость защитниковъ Тулы основывалась единственно на увѣреніяхъ Шаховскаго о скоромъ прибытіи Димитрія. Въ сихъ обстоятельствахъ начальники мятежниковъ поручили бывшему при нихъ Запорожскому Атаману, Ивану Заруцкому, ѣхать въ Польшу для точнаго развѣданія будетъ ли или нѣтъ

Молчановъ въ Россію? Но Заруцкій доѣхалъ до Стародуба и не только далѣе не продолжалъ своего пути, но даже и не писалъ въ Тулу. Не имѣя отъ него ни какого извѣстія, Шаховскій послалъ еще въ Польшу Козака, который, достигнувъ до своего назначенія, увѣдомилъ друзей Воеводы Сендомирскаго. что если они не поторопятся выслать въ Россію какого нибудь Димитрія, то Шуйскій неминуемо, восторжествуетъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнетъ для Марины и ея отца всякая возможность къ возвращенію утраченнаго ихъ величія. Мнишковы приверженцы усердно принялись за дѣло.

До тѣхъ поръ Поляки оставались въ бездѣйствіи не потому, чтобы угасло въ сердцахъ ихъ желаніе мстить Россіи за убіеніе въ Москвѣ соотечественниковъ, но единственно по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, терзавшихъ собственное ихъ отечество. Жебржидовскій и Радзивилъ снова возбудили противъ Короля *Рокошъ* сильнѣе прежняго, и даже объявили престолъ Польскій празднымъ. Обѣ стороны выступили въ поле въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Въ рѣшительной битвѣ подъ Гусовымъ, Король остался побѣдителемъ и *Рокошане* разбѣжались. Хотя Жебржидовскій, нашедшій убѣжище въ крѣпости Замостье, еще не покорялся Королю, но должно было ожидать, что и онъ не замедлитъ прекратить безполезное сопротивленіе. Съ окончаніемъ

междоусобія многіе изъ молодежи Польской оставались въ праздности. Друзья Мнишека разсудили, что не трудно будетъ склонить ихъ на помощь всякому, кто согласится принять на себя имя Лжедимитрія. Но не столь легко было въ скорости найти человѣка способнаго къ роли Самозванца. Примѣръ Молчанова въ особенности показывалъ, что отважность должна была составлять первое достоинство избираемаго лица. Въ семъ убѣжденіи, одинъ изъ сподвижниковъ Отрепьева, Полякъ Мѣховецкій, не гоняясь за вѣроподобіемъ, рѣшился назвать Димитріемъ подговореннаго имъ юношу, который хотя чертами лица отнюдь не походилъ на Отрепьева, но не менѣе его оказывался дерзновеннымъ и предпріимчивымъ. Сей новый обманщикъ, по имени Иванъ, былъ родомъ изъ Россіи, но жи- Беръ.
тельство имѣлъ въ Бѣлорусскомъ городѣ Соколѣ и занималъ мѣсто учителя при дѣтяхъ одного священника*. Онъ зналъ хорошо по Русски и по Поль-

---

* *Примѣчаніе.* Такъ Беръ и Петрей объясняютъ его происхожденіе. Въ Россіи и въ Польшѣ носились также слухи, что онъ былъ Жидъ, но молва сія основывалась единственно на томъ, что его видали въ походное время читавшаго въ ставкѣ своей Талмудъ и книги Раввиновъ. Никоновская Лѣтопись признаетъ, что настоящее происхожденіе втораго Лжедимитрія покрыто неизвѣстностію, а Палицынъ, называя его Поповымъ сыномъ Матвѣемъ Веревкинымъ, очевидно ошибается, смѣшивая его съ Стародубцемъ Веревкинымъ, возбудившимъ своихъ согражданъ въ его пользу.

ски, твердо помнилъ Кругъ церковный и даже разумѣлъ по Еврейски. Впрочемъ, кромѣ неустрашимости въ бояхъ и стойкости въ исполненіи принятыхъ предначертаній, онъ отличался только гнуснѣйшими пороками, былъ грубъ въ обхожденіи, свирѣпъ и корыстолюбивъ, и предавался постыднѣйшему распутству. Мѣховецкій передалъ ему всѣ подробности о похожденіяхъ Отрепьева, и такимъ образомъ настроивъ его по возможности, отправилъ въ Стародубъ, а самъ между тѣмъ занялся на границѣ набираніемъ войска изъ вольнонаемной шляхты и разной сволочи.

Кобержицкій.

Маскевичъ.

Никоновская Лѣтопись.

Въ первыхъ числахъ Сентября явились въ Стародубѣ два незнакомца, изъ коихъ одинъ назывался Андреемъ Андреевымъ Нагимъ, а другой Московскимъ Подъячимъ Алешкою Рукинымъ. Они говорили, что подосланы отъ Царя Димитрія, укрывавшагося отъ своихъ измѣнниковъ, чтобы развѣдать о расположеніи къ нему Стародубцевъ. Услышавъ сіе, Стародубцы единодушно завопили: *Вотъ мы ему ради. Скажите намъ, гдѣ онъ нынѣ и мы всѣ пойдемъ къ нему головами.* Тогда Рукинъ объявилъ всенародно, что Димитрій находится въ Стародубѣ, но не смотря на всѣ убѣжденія нетерпѣливыхъ жителей, отказался указать его. Притворное упорство свое онъ довелъ даже до того, что стали его пытать; будто не стерпя

мучительства, онъ наконецъ объявилъ, что подъ именемъ Нагаго скрывается самъ Димитрій, чудесно спасенный отъ измѣны Московскихъ жителей, которые будто бы вмѣсто его убили какого-то Нѣмца, по имени Арцыкарлуса. Стародубцы безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, безъ малѣйшаго доказательства, повѣрили голословной баснѣ, и увлеченные примѣромъ и совѣтами одного изъ своихъ согражданъ, Гаврилы Веревкина, повергнулись за нимъ къ стопамъ мнимаго Димитрія и клялись жить и умереть за него. Зазвонили во всѣ колокола и весь городъ былъ въ радостномъ волненіи. Заруцкій, еще находившійся въ Стародубѣ, спѣшилъ также къ Самозванцу, и хотя съ перваго взгляда замѣтилъ, что онъ обманщикъ, однако не усумнился признать его за царствовавшаго въ Москвѣ Димитрія, коего впрочемъ самъ не видывалъ. Заруцкій, предобреченный содѣлаться злодѣяніями своими однимъ изъ ужаснѣйшихъ орудій гнѣва Божія надъ несчастною Россіею, былъ Русскимъ по происхожденію, а Полякомъ по подданству. Онъ родился въ Червоной Россіи въ городѣ Тарнополѣ, но въ самой юности оставивъ Польшу, разбойничалъ сперва вмѣстѣ съ Крымскими Татарами, а потомъ съ Донскими Козаками, коихъ успѣлъ привязать къ себѣ отважностію, необузданною никакими нравственными понятіями. Онъ никогда

Грамота Тушинскаго вора въ Смоленскъ изъ Орла отъ 14/24 Апрѣля 1608.

Бер.

Пясецкій.

въ Москвѣ не бывалъ и съ Отрепьевымъ нигдѣ не встрѣчался.

Мѣховецкій, выжидавшій по близости Стародуба какой пріемъ сдѣланъ тамъ будетъ имъ созданному Самозванцу, скоро получилъ извѣстіе о восторгѣ, произведенномъ его появленіемъ, почему онъ въ тотъ же день вступилъ въ Стародубъ съ 5,000 Поляковъ, изъ коихъ впрочемъ только немногіе были порядочно вооружены.

Письмо Харлецкаго къ своему пріятелю изъ Остроклудова, отъ 9/19 Октября 1607.

Къ сему, столь худо снаряженному войску, хотя и присоединились въ скоромъ времени нѣсколько тысячь Сѣверянъ, но все ополченіе не составляло еще чего нибудь такого, съ чѣмъ можно бы надѣяться одолѣть огромныя силы, собранныя Царемъ Василіемъ подъ Тулою. Не смотря на то, Самозванецъ рѣшился выступить въ поле, чтобъ отъ бездѣйствія не охладилось къ нему усердіе народное. Онъ также считалъ и на возбужденіе измѣны въ Царскихъ воинахъ обворожительнымъ вліяніемъ имени Димитрія. Въ семъ предположеніи онъ дерзнулъ послать къ Царю Василію съ требованіемъ уступить ему престолъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Сіе нелѣпое предложеніе привезено подъ Тулу однимъ сыномъ Боярскимъ, который по слабоумію своему до такой степени вдался въ обманъ, что искалъ только случая кровію своею запечатлѣть вѣрность свою тому, кого

Никоновская Лѣтопись.

почиталъ законнымъ Государемъ. Безумецъ упрекалъ въ глаза Царя Василія въ похищеніи престола у природнаго своего Государя. Разгнѣванный Царь повелѣлъ его пытать огнемъ, но онъ посреди мученій говорилъ тѣ же рѣчи, и далъ себя жечь до самой смерти, не оказывая ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости защищаемаго имъ дѣла.

Столь дивное заступленіе въ пользу обманщика, изумляя Царя, убѣждало его въ великости новой бѣды, угрожающей бурному его царствованію. Получаемыя извѣстія изъ Сѣверской земли ежедневно умножали его безпокойство. Еще Самозванецъ не выступалъ изъ Стародуба, какъ уже города Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій и Путивль, увлеченные одними присланными отъ него грамотами, признали его за своего Государя. Брянскъ готовился также послѣдовать сему примѣру. Въ сихъ обстоятельствахъ надлежало бы немедленно выслать противъ Вора достаточное войско для искорененія его, прежде нежели онъ успѣлъ усилиться, но Царь не посмѣлъ ослабить себя подъ Тулою, изъ опасенія, чтобы тѣмъ не выпустить изъ рукъ заключенныхъ тамъ злодѣевъ, коихъ по извѣстному ихъ заступленію не безъ основанія почиталъ вреднѣйшими изъ своихъ враговъ. И такъ онъ рѣшился до паденія Тулы дѣйствовать противъ Лже-Отрепьева только отрядами. Такъ какъ Воръ

изъ Стародуба шелъ къ Брянску, то Василій предписалъ Мещовскому Воеводѣ Сунбулову, послать на-скоро расторопныхъ воиновъ, для провѣданія о непріятельскихъ обращеніяхъ и для наказанія Брянчанъ за ихъ шаткость. Въ то же время высланные самимъ Царемъ изъ подъ Тулы отряды овладѣли городами Дѣдиловымъ, Епифанью, Крапивною и Одоевымъ, и тѣмъ заслонили осаждающее войско отъ стороны Украйны.

Лѣтопись о мятежахъ и Розряды.

Сунбуловъ, въ исполненіе полученнаго имъ повелѣнія, назначилъ для поиска 250 лучшихъ конныхъ воиновъ и предоставилъ имъ самимъ избрать себѣ начальника. Выборъ ихъ палъ на Брянскаго уроженца, Голову Елизара Безобразова, который быстро двинулся къ Брянску и вступилъ въ сей городъ безпрепятственно, потому что большая часть жителей, отнюдь не ожидая набѣга, вышли на срѣтеніе Вору, уже находящемуся въ недальнемъ разстояніи. Безобразовъ поспѣшилъ сжечь городъ и возвратиться въ Мещовскъ. Самозванецъ послалъ за нимъ погоню, но не могли догнать его, потому что онъ имѣлъ предосторожность запастись перемѣнными лошадьми.

Письмо Харлецкаго къ своему пріятелю изъ Оскудлева отъ 9/19 Октября 1607.

Лже-Отрепьевъ, остановясь станомъ подъ Свинскимъ Монастыремъ, занялся устройствомъ выжженнаго Брянска. Наконецъ 29 Сентября онъ отправилъ пѣхоту свою съ обозомъ въ Карачевъ.

куда и самъ прибылъ съ конницею нѣсколько дней спустя. Но и тутъ недолго оставался и двинулся на выручку Козельска. Напрасно осаждавшій сей Никоновская Лѣтопись. городъ Князь Мосальскій хотѣлъ удержаться подъ онымъ съ имѣющимися при немъ 8,000 воиновъ. Разбитый Воромъ, онъ принужденъ былъ съ уро- История Польская Левгинха. номъ отступить къ Мещовску. Можно было опасаться, что злодѣй скоро найдетъ средство подать помощь и самой Тулѣ, но по счастію участь сего мятежническаго гнѣзда была уже рѣшена.

Долгое время Тульская осада продолжалась безуспѣшно. Царскіе воины скучали, упадали духомъ. Открылись важные побѣги. Начальникъ Татаръ, Никоновская Лѣтопись. Князь Урусовъ, измѣня данной присягѣ, отъѣхалъ въ Крымъ съ многими Мурзами. Самъ Царь недоумѣвалъ къ какимъ средствамъ прибѣгнуть для одолѣнія упорства осажденныхъ. Когда такимъ образомъ успѣхъ предпріятія дѣлался уже сомнительнымъ, явился къ Василію Муромскій сынъ Боярскій Ѳома Сумнинъ Кровковъ и обѣщался потопить Тулу, если ему дадутъ нужное число работниковъ. Сначала Царь и Бояре осмѣивали его выдумку, но онъ объявилъ, что готовъ принять казнь, если не исполнитъ своего обѣщанія. Видя твердую его увѣренность въ своемъ хитродѣльствѣ, рѣшились допустить его къ попыткѣ. По указанію его стали прудить рѣку Упу въ трехъ вер-

стахъ ниже города. Плотина, устроенная изъ деревьевъ и соломы, постепенно возвышалась землянюю насыпью. Всякій воинъ изъ Царскаго стана обязанъ былъ приносить ежедневно по одному кульку съ землею. Вода въ рѣкѣ начала значительно прибывать. Тогда, убѣдясь въ возможности успѣха, принялись за дѣло съ большимъ раченіемъ. Царь приказалъ выслать въ помощь Кровкову всѣхъ мельниковъ съ окольныхъ мѣстъ. Въ непродолжительномъ времени наводненіе сдѣлалось ужаснымъ. Вода не только обступила весь городъ, но даже проникла въ оный, такъ что по улицамъ ѣздили на плотахъ. Пресѣклось всякое сообщеніе города съ окрестными селеніями и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось невозможнымъ для осажденныхъ получать подвозы, кои досслѣ, не смотря на обложеніе, часто успѣвали проходить въ городъ иногда тайно, а иногда и открыто, подъ покровительствомъ удачныхъ вылазокъ. Къ довершенію ихъ горестнаго положенія, большая часть существующихъ въ городѣ хлѣбныхъ и соленыхъ складовъ, были потоплены и размыты. Цѣна ржаной муки возвысилась непомѣрно: за бочку платили по 24 рубля (80 нынѣшнихъ серебряныхъ). Жители, доведенные до крайности, ѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей и даже стерьву и воловьи кожи. Но и сіи отвратительные способы продовольствія истощались.

Беръ.

Филаретъ и Беръ.

Бунтовщики, нуждою укрощенные, стали толпами выходить изъ Тулы въ Царскій станъ. Такимъ образомъ съ повинною являлись ежедневно по 100, по 200 и даже по 300 человѣкъ. Самъ отважный Болотниковъ наконецъ убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, и рѣшился съ общаго совѣта съ Князьями Телятевскимъ и Шаховскимъ войти въ переговоры о сдачѣ города. Въ слѣдствіе сего онъ извѣстилъ Царя, что Тула готова покориться и даже выдать Лже-Петра съ нимъ, чтобы прочимъ осажденнымъ даровано было помилованіе, но что Тульскіе защитники отнюдь не положатъ оружія безусловно, и скорѣе съѣдятъ другъ друга, чѣмъ добровольно подвергнутся казни. Василій, встревоженный приближеніемъ Лжедимитрія, хорошо зналъ, что непреклонность была бы неумѣстна, и потому обѣщалъ пощадить покорствующихъ.

Столяровъ Хронографъ.

Беръ и Окружная Царская Грамота изъ Тулы отъ 13 Октября 1607.

10 Октября Бояринъ Крюкъ-Колычевъ занялъ Тулу отрядомъ Московскихъ войскъ. Болотниковъ выѣхалъ изъ города въ заднія ворота, гдѣ наводненіе не было такъ сильно; подъѣхавъ къ Царской ставкѣ, онъ слѣзъ съ коня, упалъ къ ногамъ Василія и, положивъ обнаженную саблю себѣ на шею, сказалъ: *Я исполнилъ обѣтъ свой; служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ, справедливо или нѣтъ не знаю, ибо самъ*

я Царя прежде никогда не видывалъ. Я не измѣнялъ своей клятвѣ, но онъ выдалъ меня; теперь я въ твоей власти! Если хочешь головы моей, вели отсѣчь ее сею саблею. Но если оставишь мнѣ жизнь, послужу тебѣ столь же вѣрно, какъ и тому, кто не поддержалъ меня. Но сомнительно, чтобы было во власти самого Царя оставить жизнь Болотникову. Тѣсныя обстоятельства, въ коихъ находился Василій, поставляли его въ зависимость отъ Бояръ и помѣщиковъ, которые не допустили бы его къ помилованію опаснаго ихъ врага, если бы Царь дѣйствительно и желалъ не нарушать своего обѣщанія. Болотникова отправили въ Москву съ прочими главными начальниками мятежниковъ, и съ 52 Нѣмцами, взятыми въ Тулѣ, въ числѣ коихъ находился и богохульный

Столяровъ Хронографъ. Фидлеръ. По прибытіи ихъ въ столицу, Лже-Петра повѣсили подъ Даниловымъ Монастыремъ на Серпуховской дорогѣ. Болотникова же отослали

Никоновская Лѣтопись. въ Каргополь и тамъ утопили. Подобная участь постигла и Козацкаго Атамана Ѳедора Нагибу. Нѣмцевъ сослали въ Сибирь, и тамъ Фидлеръ угрызеніями совѣсти доведенъ былъ до того, что

Беръ. самая наружность его сдѣлалась дикообразною. Но чиновные преступники нашли защитниковъ между собратіями своими вельможами и были пощажены. Соблазнъ безнаказанности для нихъ былъ доведенъ

до такой степени, что Князь Телятевскій, посрамившій высокій санъ свой принятіемъ начальства надъ бунтовщиками, не только не лишился свободы, но даже сохранилъ и боярство. Самаго Князя Шаховскаго, котораго Лѣтописецъ справедливо именуетъ *всей крови заводчикомъ*, - довольствовались сослать въ Каменную Пустынь на Кубенскомъ озерѣ.

Карамзинъ.

Никоновская Лѣтопись.

Вѣсть о покореніи Тулы побудила Лжедимитрія поспѣшно отступить въ Трубческъ. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдовало бы Царю, съ имѣющимися при немъ въ сборѣ значительными силами, итти за злодѣемъ, дабы уничтоженіемъ его истребить послѣдній плевелъ мятежа въ Государствѣ. Но не должно упускать изъ вида, что самъ Василій, по стеченію печальныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его избраніе и послѣдствій онаго, пользовался только властію ограниченною, и потому часто находился въ необходимости воздерживаться отъ выгоднѣйшихъ предпріятій единственно изъ угожденія къ своимъ приверженцамъ. Такъ и въ этомъ случаѣ помѣщики, утомленные пятинадцатинедѣльнымъ стояніемъ подъ Тулою, желали отдохновенія, и Царь не почелъ возможнымъ отказать имъ. Правда, возвращаясь самъ въ Москву, онъ приказалъ было Князю Скопину и Ивану Никитьевичу Романову съ главною ратью итти изъ

Розряды.

Тулы на Пчельну, для удержанія Лжедимитрія, но когда пришла вѣсть объ отступленіи Самозванца изъ Козельска, то распустили все войско до перваго зимняго пути, оставивъ только въ полѣ наблюдательный отрядъ подъ Калугою; да кромѣ того отъ Царя поручено было Григорію Сунбулову изъ Мещовска сдѣлать поискъ на Брянскъ. Сунбуловъ занялъ Брянскъ безпрепятственно. Василій, желая удержать за собою сей городъ, послалъ туда на воеводство Боярина Князя Михайла Ѳедоровича Кашина, да Андрея Никитьевича Ржевскаго, которые укрѣпились, прикрывъ ввѣренное имъ мѣсто валомъ, обнесеннымъ твердымъ тыномъ.—Такъ какъ для успокоенія умовъ полагали полезнымъ придавать сколь можно болѣе важности покоренію Тулы, то Царь имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу 31 Октября. Василій сидѣлъ одинъ въ колесницѣ, обитой краснымъ сукномъ и запряженной четырью бѣлыми лошадьми. Его сопровождали Бояре и другіе чиновники, числомъ до 2000, всѣ верхомъ. У Кремлевскаго моста, будучи встрѣченъ оставшимися въ Москвѣ Боярами, онъ слѣзъ съ колесницы и съ ними пошелъ пѣшкомъ въ крѣпость. При всѣхъ церквахъ звонили въ колокола.

Беръ.

Никоновская Лѣтопись.

Въ столицѣ уже ожидали Царя посланники, вновь прибывшіе изъ Польши. Король Сигизмундъ

среди тревогъ, Рокошанами ему причиняемыхъ, желалъ до удобнѣйшаго времени усыпить Россію, и потому рѣшился, въ исполненіе даннаго имъ обѣщанія Князю Волконскому, отправить въ Москву для переговоровъ Станислава Витовскаго и Князя Друцкаго-Соколинскаго, со свитою, изъ 314 человѣкъ состоящею. Посланники прибыли въ Смоленскъ еще въ первыхъ числахъ Августа; но по причинѣ воинскихъ обстоятельствъ ихъ везли такъ медленно, что они доѣхали до Москвы не прежде 12-го Октября. Допущенные къ Царю 13 Ноября, они поднесли ему подарки, поздравляли его отъ имени Короля съ возшествіемъ на престолъ и объявили, что имѣютъ приказаніе войти въ сношеніе съ Боярами о важныхъ дѣлахъ и требовать какъ отпуска въ Польшу прежнихъ Пословъ, Воеводы Сендомирскаго, дочери его и всѣхъ задержанныхъ Поляковъ, такъ и вознагражденія за понесенные убытки сими особами и прибывшими подъ покровительствомъ ихъ иноземными купцами. Царь назначилъ для переговоровъ съ Посланниками Бояръ Князя Ивана Михайловича Воротынскаго и Ивана Ѳедоровича Колычева, Думнаго Дворянина Василія Борисовича Сукина и Думныхъ Дьяковъ Василія Телепнева и Андрея Иванова. Но при первомъ приступѣ возникло между уполномоченными обѣихъ сторонъ важное несогласіе, препятству-

Дѣла Польскія.

ющее успѣшному ходу переговоровъ. Витовскій и Соколинскій не иначе соглашались приниматься за дѣло, какъ при содѣйствіи Олесницкаго и Гонсѣвскаго. Русскіе, напротивъ того, не желали, чтобы новые Послы вошли въ сношеніе съ прежними, коимъ слишкомъ извѣстно было печальное положеніе Государства. Упорство было одинаковое съ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ извѣстія въ столицѣ, получаемыя изъ-за Оки, были не весьма благопріятными. Бездѣйствіе Царскихъ войскъ снова ободряло мятежниковъ, мгновенно смущенныхъ паденіемъ Тулы. Не только дальніе Сѣверскіе города не покорялись Царской власти, но даже и Калуга не сдавалась.
Беръ. Тамъ начальствовалъ Полякъ Скотницкій и обыватели слѣпо ввѣрились сему иноплеменнику, укрылявшему ихъ въ упорствѣ противъ Царя. Василій предложилъ Беззубцева Козакамъ, взятымъ въ плѣнъ въ прошломъ году въ Заборьѣ послѣ пораженія Болотникова подъ Москвою, нынѣ заслуживать вину свою подъ Калугою. Козаки поклялись служить вѣрно и въ числѣ 4,000 отправились въ Калужскій станъ. Но прибытіе ихъ было полезнымъ для однихъ враговъ. Царь, отпуская Атамана Беззубцева, далъ ему порученіе объявить Калужскимъ жителямъ, что они получатъ прощеніе, если сдадутся добровольно. Калужане отвѣчали, что и не

помышляютъ о сдачѣ, а знаютъ одного Царя Димитрія, который не замедлитъ выручить ихъ. Въ доказательство своей рѣшимости, они сдѣлали сильную вылазку.

Между тѣмъ какъ въ городѣ единодушно готовились къ оборонѣ, въ станѣ осаждающихъ напротивъ много возникали опасныя крамолы. Царь поступилъ неосторожно, повѣривъ раскаянію закоснѣлыхъ злодѣевъ. Козаки, имѣя снова оружіе въ рукахъ, жаждали только случая обратиться къ прежнему своему ремеслу и не скрывали болѣе измѣнническихъ намѣреній. Устрашенные ихъ наглостію, Царскіе Воеводы обратились поспѣшно къ Москвѣ съ прочими войсками, оставивъ въ станѣ много пороху и съѣстныхъ припасовъ. На другой день Козаки извѣстили Калужанъ объ отступленіи Воеводъ и просили, чтобъ ихъ приняли въ городъ. Но начальствующій въономъ Скотницкій не довѣрялъ имъ, и принимая ихъ предложеніе за военную хитрость, отказалъ отворить имъ ворота крѣпости. Тогда Козаки рѣшились итти къ Лжедимитрію и въ семъ намѣреніи переправились за Оку ниже Калуги. Въ скоромъ времени и Калужане убѣдились, что станъ покинутъ. Они спѣшили захватить всѣ оставленные тамъ запасы и послали къ Козакамъ съ просьбою возвратиться въ Калугу. Но Козаки, обидясь первымъ отказомъ,

продолжали путь свой, кромѣ 100 изъ нихъ, коихъ Калужане успѣли уговорить.

Самъ Самозванецъ не долго оставался въ бездѣйствіи. Онъ получилъ новое подкрѣпленіе изъ Польши, хотя не многолюдное, ибо оно состояло
Нѣмцевичъ.
только изъ 200 воиновъ, но не менѣе того важное по чрезвычайнымъ способностямъ вождя ихъ Полковника Лисовскаго. Отчаянный наѣздникъ, вынужденный оставить отечество, гдѣ по судебному приговору осужденъ былъ на смертную казнь, отличался не только отважною предпріимчивостію, но и замѣчательнымъ искусствомъ въ рат-
Никоновская Лѣтопись.
номъ дѣлѣ. По совѣту его Самозванецъ рѣшился воспользоваться распущеніемъ главнаго Царскаго войска, чтобы снова дѣйствовать наступательно. Выступя изъ Трубчевска, онъ осадилъ Брянскъ, въ надеждѣ скоро овладѣть симъ вновь укрѣпленнымъ замкомъ, но тамошніе Воеводы, Бояринъ Князь Кашинъ и Ржевскій, изготовились на отчаянную оборону, не смотря на скудость имѣющихся при нихъ запасовъ.

Когда такимъ образомъ междоусобіе опять сильно разгаралось въ Сѣверской области, на другомъ краю Государства въ Приволжскихъ степяхъ возникали новыя неустройства. Язва самозванства сдѣлалась столь неимовѣрно прилипчивою, что отвсюду являлись новыя шайки грабителей, при-

крывающихся именемъ какого нибудь Царевича, выдуманнаго самими ими безъ малѣйшаго правдоподобія. Такъ, почти въ одно время, огласились десять новыхъ Самозванцевъ, изъ коихъ два, признанные строптивыми и вѣроломными Астраханцами, назывались: одинъ Царевичемъ Августомъ, Иваномъ Ивановичемъ, сыномъ Царя Ивана Васильевича отъ четвертой супруги его Анны Алексѣевны Колтовской, которая никогда не имѣла дѣтей и находилась еще въ живыхъ въ Тихвинскомъ Монастырѣ, гдѣ была пострижена повелѣніемъ супруга своего по кратковременномъ съ нимъ сожитіи; другой Царевичемъ Лаврентіемъ Ивановичемъ, сыномъ бездѣтно умершаго Царевича Ивана Ивановича, старшаго брата Царя Ѳедора Ивановича*. Прочіе восемь оказались въ разныхъ юртахъ Козацкихъ, именовались Царевичами Ѳедоромъ, Клементьемъ, Савельемъ, Семеномъ, Васильемъ, Ероѳѣемъ, Гавриломъ и Мартыномъ и выдавали себя

Грамота Тушинскаго вора въ Смоленскъ изъ Орла, отъ 14/24 Апрѣля 1608.

* *Примѣчаніе.* Никоновская Лѣтопись упоминаетъ еще о третьемъ Астраханскомъ Самозванцѣ Осиновикѣ, самими Козаками повѣшенномъ на Волгѣ. Но такъ какъ въ грамотѣ Лжедимитрія, писанной въ Смоленскъ, гдѣ подробно исчислены всѣ въ то время явившіеся Самозванцы, ни слова нѣтъ объ Осиновикѣ, то вѣроятно сіе прозваніе относится къ которому либо изъ восьми Юртовскихъ Самозванцевъ, кромѣ Лже-Ѳедора, коего кончина несообразна съ указаніемъ Лѣтописи.

Никоновская Лѣтопись. за сыновей Царя Ѳедора Ивановича. Всѣ эти обманщики не имѣли ни малѣйшей образованности, ибо принадлежали къ низшимъ сословіямъ и по большой части выходили изъ дворовыхъ людей и крестьянъ.

Не смотря на то, Астраханцы до такой степени пристрастились къ Царевичу Августу Ивану, что набрали для него рать, съ коею онъ направился вверхъ по Волгѣ. Хотя Бояринъ Шереметевъ все еще стоялъ близь Астрахани на Бальчикѣ, однакожъ онъ не противился движенію мятежниковъ вѣроятно потому, что воины его не переставали еще бороться съ удручающею ихъ болѣзнію. Августъ Иванъ подступилъ подъ Саратовъ и сильно нападалъ на сей городъ. Но защищавшіе оный Воеводы Замятня Ивановичъ Сабуровъ и Владиміръ Аничковъ, съ находящимися при нихъ ратными людьми Низовыхъ городовъ, оборонялись такъ мужественно, что съ большимъ урономъ отбили обманщика, который принужденъ былъ воротиться въ Астрахань. Столяровъ Хронографъ.

Объявившіеся между Козаковъ Самозванцы не имѣли даже временнаго успѣха. Они находили послѣдователей только потому, что давали предлогъ къ разбойничествамъ, прикрытымъ мнимо политическими видами. Но когда Козаки узнали, что новый Лжедимитрій съ значительными силами

воюетъ въ Сѣверской землѣ, то они условились дѣйствовать подъ именемъ уже извѣстнымъ; нѣсколько тысячь изъ нихъ отправились подъ Брянскъ и привезли съ собою Лже-Өедора. Лжедимитрій не пощадилъ себѣ подобнаго: злодѣй торжествующій предалъ смерти злодѣя безщастнаго. Остальные семь Юриповскихъ Самозванцевъ равномѣрно скоро исчезли, не оставивъ въ нашихъ Лѣтописяхъ ни малѣйшаго слѣда своего существованія. Никоновская Лѣтопись.

Между тѣмъ Царь Василій, получивъ донесеніе объ утѣсненіи Брянска, поспѣшилъ принять мѣры для подапія помощи осажденнымъ. Посланное для сего предмета войско находилось подъ начальствомъ Боярина Князя Ивана Семеновича Куракина, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно также Князю Василію Өедоровичу Литвину-Мосальскому двинуться изъ Мещовска къ Брянску, и составлять передовую дружину Князя Куракина.

Осажденные находились уже въ крайности. Доведенные голодомъ до необходимости питаться лошадинымъ мясомъ, они въ изнуреніи своемъ вынуждены еще были ежедневно съ боя добывать себѣ воду и дрова. Вся надежда ихъ основывалась на внѣшнюю помощь. Въ самомъ дѣлѣ, 15 Декабря, Князь Мосальскій явился подъ Брянскомъ, но его еще отдѣляла отъ замка рѣка Десна, которая

по идущему по ней льду казалась непреодолимымъ препятствіемъ. Осажденные, обманутые въ надеждѣ своей на помощь, изъявляли горесть свою жалобными воплями и слезно просили пришедшихъ товарищей не оставлять ихъ на вѣрную погибель. Тронутые ихъ отчаяніемъ, воины Мосальскаго возопили единогласно, что лучше всѣмъ умереть, чѣмъ быть свидѣтелями конечнаго истребленія братій своихъ. Подъ вліяніемъ великодушнаго порыва, они рѣшились на подвигъ геройскій и бросившись въ рѣку, поплыли къ городу, разгребая оплывавшій ихъ ледъ, подъ выстрѣлами ожидавшихъ ихъ на противоположномъ берегу Поляковъ и бунтовщиковъ. Брянскіе сидѣльцы, для облегченія своихъ избавителей, сдѣлали вылазку въ тылъ непріятелю, который, опасаясь быть поставленнымъ между двумя огнями, отступилъ на малое разстояніе и тѣмъ далъ возможность плывшимъ выйти безвозбранно на берегъ. Лѣтописцы съ удивленіемъ замѣчаютъ, что дерзновенное сіе предпріятіе совершилось съ такою неожиданною удачею, что при переправѣ ни одинъ человѣкъ и ни одна лошадь не погибли. Мосальскій, соединившись съ Брянчанами, смѣло ударилъ на враговъ, много превосходящихъ его числомъ, вытѣснилъ пѣхоту ихъ изъ шанцевъ, и рѣшительно отбилъ Самозванца отъ города. Когда такимъ образомъ горсть храбрыхъ

воиновъ славно оканчивала дѣло, приспѣлъ и Князь Куракинъ, который, остановясь на правомъ берегу Десны, насупротивъ Брянска, укрѣпилъ станъ свой. Въ ночи сдѣлался сильный морозъ. Рѣка стала и сообщеніе между обѣими берегами учинилось свободнымъ. Куракинъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы снабдить Брянскъ всѣми нужными запасами для выдержанія продолжительной осады *.

Самозванецъ, желая вознаградить потерпѣнную имъ неудачу, самъ перешелъ Десну и напалъ на Куракина. Сраженіе было упорное, но безъ рѣшительнаго перевѣса ни для той ни для другой стороны. Однако Князь Куракинъ, принимая въ соображеніе, что безполезно было бы ему подвергаться новому бою для удержанія занимаемаго имъ стана подъ Брянскомъ, когда сей городъ достаточно уже былъ обезопасенъ изобильнымъ снабженіемъ всѣ-

* *Примѣчаніе.* Царь, весьма довольный славною защитою Брянска, наградилъ Князя Кашина и Ржевскаго шубами и кубками. Но Ржевскій жаловался, что получилъ шубу хуже данной Кашину, хотя онъ одинъ заправлялъ всѣмъ въ Брянскѣ, а Кашинъ былъ только именемъ Воевода. Ему отвѣчали, что его нельзя было сравнять съ Кашинымъ, который былъ Бояриномъ и по мѣстничеству стоялъ выше его. Ржевскій, сознавая старѣйшинство Кашина надъ собою, не переставалъ утверждать, что служба его была такъ велика, а служба Кашина такъ ничтожна, что не справедливо ему опредѣлять меньшую награду.

ми потребными припасами, отступил вмѣстѣ съ Мосальскимъ въ Карачевъ. Самозванецъ слѣдовалъ за ними, но видя, что они укрѣпились въ Карачевѣ онъ не рѣшился открытою силою вытѣснять ихъ оттуда, прошелъ мимо и расположился въ Орлѣ.

Царь, желая остановить его стремленіе, послалъ 8 Января 1608 года брата своего, Князя Дмитрія Шуйскаго, собрать трехполкное войско въ Алексинѣ. Въ большомъ полку при Князѣ Дмитріи находились еще Бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Князь Григорій Константиновичъ Волконскій; начальниками передоваго полка были Бояре Князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михайло Александровичъ Нагій; наконецъ сторожевой полкъ составляли воины бывшіе подъ Брянскомъ и приведенные изъ Карачева Князьями Куракинымъ и Мосальскимъ. По послѣднему пути Князь Дмитрій изъ Алексина перешелъ въ Болховъ. Розряды.

Обѣ стороны довольно спокойно зимовали, Самозванецъ въ Орлѣ, а Царскіе Воеводы въ Болховѣ. Выпавшіе глубокіе снѣга, сопровождаемые жестокимъ морозомъ, препятствовали важнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Происходили только мелочныя дѣла между кормовщиками. Бэръ.

Царь Василій, среди тяжкихъ и печальныхъ

заботъ, обременявшихъ его, не оставлялъ намѣренія вступить въ супружество съ помолвленною имъ еще при Димитріи, Княжною Маріею Буйносовою, но до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго свободнаго времени, чтобы заняться свадьбою. Наконецъ, пользуясь временнымъ отдохновеніемъ и прекращеніемъ зимою военныхъ дѣйствій, онъ вѣнчался съ Княжною Маріею 17 Января. При этомъ случаѣ не было особенныхъ пиршествъ, которыя въ самомъ дѣлѣ не согласовались бы съ трудными обстоятельствами тогдашняго времени. Розряды.

Между тѣмъ Самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался. Къ нему изъ Польши стекались не одни бездомовные витязи, но даже знатнѣйшіе Паны не гнушались принимать участіе въ предпріятіи, представлявшемъ лестную приманку для ихъ тщеславія и корыстолюбія. Такимъ образомъ прибыли въ Орелъ, одинъ за другимъ, Самуилъ Тишкевичь съ 700 человѣкъ конницы и 200 пѣхоты, Вишовскій съ 800 конницы и 400 пѣхоты, Велегловскій съ 12-ю хоругвями, 4-ю ротами Рудницкаго, Хрущинскаго, Казимірскаго и Михалинскаго, старый Тишкевичь, и Тупальскій съ 400 коней, Князь Романъ Наримунтовичь Рожинскій съ 1,000 коней, Зборовскій и Стадницкій съ 1,600 коней, Млоцкій, Виламовскій, Рудскій, Нѣмцевичь.

Орликовскій, Копчинскій, Мадалинскій, Гаіовскій и многіе другіе. Всего на-все собралось подъ знаменами вора 7,000 Поляковъ отборнаго войска. Кромѣ того при немъ также находилось 8,000 Козаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, и довольное количество Рускихъ злодѣевъ.

Изъ всѣхъ Пановъ, окружавшихъ Самозванца, никого знатнѣе не было Князя Рожинскаго, который потому почиталъ себя въ правѣ домогаться главнаго начальства. Мѣховецкій, уже признанный Гетманомъ войска, принужденъ былъ уступить ему сіе званіе. Но онъ рѣшился на сіе не безъ внутренней досады, которая часто выражалась нескромнымъ противорѣчіемъ Рожинскому. Однакоже вражда его противъ Гетмана имѣла для него пагубныя послѣдствія. Несколько мѣсяцевъ спустя, гордый Князь, въ порывѣ гнѣва, возбужденнаго новыми противорѣчіями Мѣховецкаго, убилъ его въ самой ставкѣ Самозванца.

Дневникъ Сапѣги.

По открытіи весны съ обѣихъ сторонъ стали готовиться къ походу. Самозванецъ, уповая столько же на измѣну, сколько и на открытую силу, разсылалъ повсюду грамоты, въ коихъ онъ противъ всякаго вѣроятія старался убѣждать, что онъ тотъ же самый Димитрій, котораго полагали убитымъ на Москвѣ, и которому

всѣ повинны покориться, какъ истинному сыну Царя Іоанна Васильевича*. Воззваніе, писанное съ нѣкоторымъ жаромъ и обѣщающее всѣмъ милостивое прощеніе, могло только впрочемъ имѣть вредное дѣйствіе при успѣхѣ оружія мятежниковъ. И такъ все зависѣло отъ того, какой оборотъ примутъ ратныя дѣла. Первый поискъ учиненъ былъ Царскими Воеводами, начальствовавшими въ Переславлѣ-Рязанскомъ, Княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ и Прокопіемъ Петровичемъ Ляпуновымъ, которые подступили подъ Пронскъ въ намѣреніи овладѣть симъ городомъ, измѣнившимъ Царю. Пронскіе жители защищались храбро, но не могли отстоять острога, въ коемъ всѣ домы были выжжены. Самый городъ уже едва держался; но по несчастію, Ляпуновъ былъ раненъ въ ногу. Рязанцы, довѣрявшіе только ему одному, потеряли духъ и, покинувъ почти доконченное предпріятіе, возвратились въ Переславль. Столяровъ Хронографъ.

Между тѣмъ и Князь Димитрій Шуйскій выступилъ изъ Болхова въ намѣреніи выгнать Самозванца изъ Орла. Но въ Царскомъ войскѣ уже замышлялась измѣна. При ономъ находилась довольно значительная Нѣмецкая дружина, коей начальники Ротмистръ Бартольдъ Ламсдорфъ, По- Беръ.

* Смотри Приложенія № VII.

ручикъ Іохимъ Берхъ и Прапорщикъ Георгъ фонъ Ааленъ, 17 Апрѣля послали сказать Самозванцу, чтобы онъ смѣло шелъ на Шуйскаго, а что они при первомъ сраженіи перейдутъ къ нему со всѣми Нѣмцами. Самозванецъ и Рожинскій, полагаясь на ихъ обѣщаніе, немедленно собрались въ походъ и пошли на Князя Димитрія, коего встрѣтили 23 Апрѣля, на половинѣ дороги отъ Орла къ Болхову, близь селенія Каменки. Завязалось жаркое дѣло. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, робкій не только при исполненіи преступныхъ замысловъ, но и на ратномъ полѣ, *ужасеся зѣльни*, по словамъ Лѣтописца, и обратилъ тылъ со ввѣреннымъ ему передовымъ полкомъ, который, опрокинувшись на большой полкъ, смялъ его. Поляки сильно напирая, жестоко сѣкли бѣгущихъ и гибель цѣлаго войска была бы неизбѣжна, если бы Князь Куракинъ съ сторожевымъ полкомъ не поспѣшилъ на помощь малодушнымъ товарищамъ своимъ. Рѣшительно ударивъ на Поляковъ, онъ остановилъ стремленіе ихъ и прикрылъ общее отступленіе, при вѣрномъ содѣйствіи самыхъ тѣхъ Нѣмцевъ, на предательство коихъ полагался непріятель. По счастію измѣнившіе начальники были такъ пьяны, что забыли позаботиться объ исполненіи злодѣйскаго умысла своего и подчиненные ихъ, не подозрѣвая ничего и не получая

Книга степенная.

Беръ.

никакого приказанія, по собственному побужденію вошли въ бой, дрались честно и храбро и побили много Поляковъ. Оправившееся Царское войско остановилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста сраженія.

На другой день Поляки и мятежники продолжали наступать. Битва возобновилась, но безъ значительныхъ усилій ни съ той ни съ другой стороны. Рожинскій, нѣсколько смущенный на канунѣ претерпѣннымъ Поляками урономъ, не отваживался на рѣшительное нападеніе и вѣроятно Царское войско удержалось бы въ занимаемомъ имъ мѣстѣ, еслибъ Князь Шуйскій и товарищи его, не довѣряя собственнымъ силамъ своимъ, не стали преждевременно готовиться къ отступленію и не отпустили назадъ къ Болхову пушечный свой снарядъ. Гетманъ, извѣстившійся о семъ обстоятельствѣ чрезъ перебѣжавшаго къ Самозванцу Каширскаго Боярскаго сына Никиты Лихарева, не усумнился болѣе дружно ударить на Царскія полки, которые, встревоженные робкими распоряженіями своихъ начальниковъ, не выдержали натиска и побѣжали въ разсыпную. Тогда отрезвившійся уже Ламсдорфъ почелъ удобнымъ привесть въ действіе свою измѣну. Отведя въ сторону своихъ всадниковъ, онъ хотѣлъ весть ихъ къ Самозванцу съ распущенными знаменами.

Никоновская Лѣтопись.

Беръ.

Но Нѣмцы имѣли женъ и дѣтей своихъ въ Москвѣ: страшась за нихъ, они по большой части отказались участвовать въ предательствѣ и поскакали въ слѣдъ за отступающими Царскими воинами. При Ламсдорфѣ осталось не болѣе 200 человѣкъ, которые всѣ, вмѣсто ожидаемаго ими награжденія, были изрублены съ гнуснымъ начальникомъ своимъ Запорожскими Козаками, исполнявшими въ точности приказаніе, данное Рожинскимъ при вступленіи въ сраженіе, отнюдь не щадить Нѣмцевъ, коими онъ полагалъ себя обманутымъ.

Никоновская Лѣтопись.

Живо преслѣдуя разбитыхъ, непріятель настигъ, и отбилъ втянувшіеся къ Болхову пушки.

The Russian Impostor.

Царскіе Воеводы, оставивъ въ Болховѣ 5,000 человѣкъ, сами съ прочимъ войскомъ спѣшили безоглядно къ столицѣ.

Самозванецъ немедленно подступилъ къ Болхову, гдѣ и не помышляли обороняться.

Никоновская Лѣтопись.

Часть засѣвшихъ въ семъ городѣ воиновъ разбѣжалась; за тѣмъ оставшіеся, не полагая уже себя въ состояніи противиться, отворили вороты Вору, которому и присягнули по примѣру начальника своего Князя Третьяка Ѳедоровича Сеитова.

Вышедъ изъ Болхова, непріятель раздѣлился на двое: Лисовскій съ отрядомъ, состоявшимъ изъ Запорожцевъ, бунтующихъ поселянъ и малаго

числа Поляковъ, направился къ Коломнѣ, а Самозванецъ и Рожинскій съ главными силами пошли къ Калугѣ и расположились лагеремъ на устьи Угры. Ослѣпленные неосторожною довѣрчивостію, они дозволили Князю Сешнову составлять ихъ передовую дружину съ одними воинами, вмѣстѣ съ нимъ сидѣвшими въ Болховѣ. Всѣ они хотя и передались Самозванцу, но только по необходимости, а въ сердцѣ своемъ сохраняли вѣрность Царю. Лишь только переправились за Угру, то Князь Сешновъ со всѣми людьми своими отдѣлился отъ Самозванца и поспѣшилъ привести ихъ къ Царю. Берь.

Столица уже находилась въ сильной тревогѣ. Князь Дмитрій Шуйскій, возвратившійся въ оную 5 Мая, привелъ съ собою весьма немного войска, ибо кромѣ претерпѣннаго имъ въ сраженіи урона, многіе ратные люди во время отступленія покинули его и разошлись по своимъ городамъ. Царь для заслоненія Москвы вынужденъ былъ собрать новую рать, которая подъ начальствомъ Бояръ Князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, расположилась 29 Мая на берегахъ рѣчки Незнани. Никоновская Лѣтопись.

Дѣйствія Саомзванца становились опасными въ особенности потому, что онъ распоряжался совершенно въ духѣ разрушительныхъ предначертаній Болотникова. По повелѣнію его, объявляли повсю-

Бер. ду, что крестьянам, присягнувшим ему, отдавались земли господ их, служивших Василію, и что даже дозволялось им жениться на Барских дочерях, коих успѣют захватить въ помѣстьях. Столь лестною приманкою увлеченная чернь вездѣ возставала въ пользу злодѣя. Устрашенные дворяне и дѣти Боярскіе покидали домы свои и уходили въ Москву съ женами и дѣтьми. Таким образом всѣ Украинскіе города, за Окою лежащіе, оставаясь безъ защитников, принуждены были покориться Самозванцу.

Хотя междоусобіе болѣе чѣм когда либо принимало видъ рѣшительной борьбы между помѣщиками и их рабами, и хотя въ сих обстоятельствах утвержденіе власти Царя Василія казалось необходимым для сохраненія правъ высших сословій, но среди самых сословій сих явились предатели, которые по честолюбивым или малодушным расчетам готовились перейти къ Самозванцу, столь удачно открывшему походъ свой. Воспользуясь тревогою, произведенною въ станѣ на Незнани, полученным извѣстіем, что непріятель обходит оный и другою дорогою устремляется къ Москвѣ, Князь Иван Катыревъ, Князь Иван Троекуровъ и Кромскій бѣглецъ Князь Юрій Трубецкій стали подговаривать воиновъ къ измѣнѣ. Но злоумышленіе было во время откры-

Никоновская Лѣтопись.

но. Заговорщиковъ схватили и отправили въ Москву, куда Царь приказалъ также идти и Князю Скопину съ войскомъ. По надлежащемъ изслѣдованіи, виновные были уличены. Но Царь, не переставая дѣйствовать подъ вліяніемъ Бояръ, не рѣшился строго наказать Князей родовитыхъ. Они были разосланы по темницамъ, Катыревъ въ Сибирь, Трубецкій въ Тотьму, а Троекуровъ въ Нижній-Новгородъ. Сообщники ихъ не столь знатные, Яковъ Желябовскій и Юрій Нѣвтевъ Толстой поплатились за нихъ и были казнены.

1-го Іюня Самозванецъ переправился черезъ рѣку Москву и расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы, на Волоколамской дорогѣ. Въ слѣдующіе дни происходили подъ столицею частыя стычки между его войсками и Царскими. Но злодѣй не отважился на приступъ первопрестольнаго города, и перешелъ въ село Тайнинское, въ 17 верстахъ отъ Москвы, близъ Ярославской дороги. Симъ движеніемъ Рожинскій надѣялся отрѣзать сообщеніе столицы съ Заволжскою страною, откуда ожидала она главнѣйшихъ подкрѣпленій и подвозовъ, но вмѣсто того непріятель самъ нашелся въ трудномъ положеніи; собственные его подвозы, получаемые имъ изъ-за Москвы рѣки, были перехватываемы Царскими войсками, коимъ выходя изъ столицы удобно было нападать на обо-

Карамзинъ.

Никоновская Лѣтопись.

зы сіи во время слѣдованія ихъ, и въ особенности при переправѣ черезъ рѣку. Рожинскій, видя невозможность держаться долѣе въ Тайнинскомъ, 9 числа потянулся обратно къ Тушину. Царь, желая не допустить его до Москвы рѣки, послалъ на перерѣзъ ему трехполкное войско, подъ начальствомъ Князя Скопина, который имѣлъ при себѣ въ большомъ полку Ивана Никитича Романова и Князя Василія Ѳедоровича Литвина-Мосальскаго. Начальниками передоваго полка были Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Окольничій Князь Григорій Петровичъ Ромодановскій, а сторожеваго Стольникъ Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій и Окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ *. Непріятель былъ встрѣченъ уже по близости Тушина и завязалось жаркое дѣло. Царскіе Воеводы сражались храбро, но не могли помѣшать врагамъ пробиться до Тушина и сами отступили на Ходынку.

Бер.

Розряды.

Никоновская Лѣтопись.

На другой день Рожинскій, послѣ тщательнаго обозрѣнія, расположился между рѣками Москвою и

Филаретова рукопись.

* *Примѣчаніе.* Князь Мосальскій жаловался, что ему не пристойно было быть ниже Князя Ромодановскаго; Царь хотя не перемѣнилъ его назначенія, однако удовлетворилъ его выдачею ему *невмѣстной* грамоты, по силѣ коей настоящая служба его не вредила старшинству его на будущее время.

Всходнею, на высотахъ позади селенія Тушина; эта мѣстность сама по себѣ выгодная была еще искусственно укрѣплена твердыми окопами. Укрѣпленный Тушинскій станъ представлялъ столь вѣрное убѣжище Самозванцу, что онъ основалъ въ немъ постоянное свое мѣстопребываніе, отъ чего и получилъ отъ Лѣтописцевъ названіе *Тушинскаго Вора.*

Царь съ своей стороны принималъ дѣятельнѣйшія мѣры для прикрытія столицы. Оставя на Ходынкѣ Князя Скопина съ полками, ему ввѣренными, Василій самъ взялся поддерживать его и для сего выступя 14 Іюня изъ столицы съ другою ратью, расположился въ двухъ верстахъ отъ Арбатскихъ воротъ на Прѣснѣ и Ваганьковѣ. При Царѣ находился Князь Мстиславскій; при немъ же были Воеводами: дворовыми братъ его Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій и Окольничій Князь Данило Ивановичъ Мезецкій, а обозным Романъ Дмитріевичъ Бутурлинъ. Сосредоточивая такимъ образомъ главныя силы противъ Тушинскаго стана, не обнажали однако Москвы и съ противоположной стороны. Бояринъ Аѳанасій Алексадровичъ Нагой, Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ и стрѣлецкій голова Ратманъ Дуровъ получили приказаніе занять острогъ за Яузою у Таганскихъ воротъ.

Никоновская Лѣтопись.

Розряды.

Обѣ стороны оставались двѣ недѣли въ со-

Книга степенная.

вершенномъ бездѣйствіи. Самозванецъ вѣроятно надѣялся овладѣть столицею посредствомъ одной измѣны, но всѣ старанія его, чтобы взволновать въ свою пользу столичную чернь остались безуспѣшными. Московскіе обыватели были очевидцами гибели Отрепьева, и не легко было вовлечь ихъ въ новый обманъ. Впрочемъ и между ними были различныя мнѣнія на счетъ Тушинскаго Вора: разумнѣйшіе не сомнѣвались въ двойномъ самозванствѣ его; иные же, болѣе легковѣрные, полагали, что дѣйствительно онъ могъ быть Отрепьевымъ, спасеннымъ своимъ чародѣйствомъ отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Но и тѣ и другіе не тужили о немъ,[1] первые гнушаясь покориться явному злодѣю, а послѣдніе потому что страшились мести колдуна жестоко ими истязаннаго и поруганнаго. Кромѣ того вся сила помѣщичьей стороны сосредоточивалась въ Москвѣ, гдѣ господствовали стекшіеся туда во множествѣ дворяне и Дѣти Боярскіе изъ всѣхъ областей, занятыхъ мятежниками. Столица готовилась къ упорному сопротивленію подъ вліяніемъ сихъ необходимо ревностныхъ защитниковъ Васильева престола, подъ сѣнію коего они надѣялись возвратить утраченное достояніе и сохранить оспориваемыя преимущества.

Самозванецъ и Рожинскій, наскучивъ безплоднымъ стояніемъ, начали помышлять о нападеніи, по

предварительно Гетманъ хотѣлъ развѣдать о настоящемъ положеніи Царскихъ войскъ. Онъ послалъ 23 Іюня нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ своихъ въ Москву подъ предлогомъ навѣдаться о задержанныхъ тамъ Польскихъ Послахъ. По непростительной оплошности, дозволено было симъ благовиднымъ лазутчикамъ ѣхать въ столицу и обратно черезъ Ходынскій станъ, который они имѣли такимъ образомъ возможность высмотрѣть совершенно. Проѣздъ ихъ еще имѣлъ то вредное дѣйствіе, что подалъ поводъ Царскимъ воинамъ повѣрить пронесшемуся въ Москвѣ слуху, что Поляки примирились съ Царемъ. Обманутые симъ ложнымъ извѣстіемъ, они пренебрегли мѣрами военной осторожности. Самъ знаменитый Скопинъ не уберегся и въ слѣдующую ночь стражи его безпечно предались сну. Пробужденіе было ужасно. Рожинскій, въ ту же ночь скрытно подступивъ, ударилъ передъ разсвѣтомъ въ расплохъ на беззаботный станъ, положилъ на мѣстѣ до 1,400 Царскихъ воиновъ, прочихъ разсѣялъ и захватилъ тридцать пушекъ и множество обозу. Поляки и мятежники преслѣдовали бѣгущихъ подъ самый городъ. Царь принужденнымъ нашелся выслать на выручку гонимыхъ изъ собственнаго полка своего ближнихъ людей, Стольниковъ, Стряпчихъ, Жильцевъ и стрѣлецкія многія сотни. Царскіе воины, ободренные сею помощію и стыдясь

Никоновская Лѣтопись. — Беръ и Петрей.

Пясецкій.

Столяровъ Хронографъ.

своего бѣгства подъ самыми стѣнами священнаго города, возвратились къ бою, съ твердою рѣшимостію побѣдить или умереть. Непріятель не выдержалъ ихъ сильнаго натиска, былъ смятъ и гонимъ въ свою очередь. Легкія сотни, предводительствуемыя Василіемъ Ивановичемъ Бутурлинымъ, живо преслѣдовали его до самой рѣчки Химки и остановились только въ виду Тушинскаго стана, въ окопахъ коего Рожинскій спѣшилъ укрыться.

Никоновская Лѣтопись. Совершивъ подвигъ свой, Царскіе Воеводы возвратились къ Москвѣ и стали подъ самымъ городомъ, прикрываясь своими обозами.

Между тѣмъ какъ Москва отстаивала себя отъ Тушинскаго Вора, дѣйствія Лисовскаго угрожали ей съ другой стороны. Предпріимчивый наѣздникъ, отдѣлившійся, какъ уже сказано, отъ Самозванца изъ-подъ Болхова для слѣдованія къ Коломнѣ, не посмѣлъ однако перейти за Оку, пока Самозванецъ оставался на устьѣ Угры и засѣлъ въ Зарайскѣ. Извѣстясь о семъ, Рязанскіе Воеводы вознамѣрились загладить неудачу, претерпѣнную ими подъ Пронскомъ, изгнаніемъ враговъ изъ Зарайска. Но безстрашный Прокопій Ляпуновъ еще не излечился отъ полученной имъ подъ Пронскомъ раны, и начальство подъ войскомъ, состоящимъ изъ Рязанцевъ и находящихся въ Рязани Арзамасцевъ, ввѣрено было брату его

Захару Ляпунову вмѣстѣ съ Княземъ Иваномъ Хованскимъ. Захаръ не уступалъ въ дерзновеніи Прокопію; но не имѣлъ ни его разума, ни его распорядительности. Подступая подъ Зарайскъ, самъ онъ и его люди въ нетрезвомъ видѣ шли безпорядочною толпою. Лисовскій, высмотрѣвъ неустройство Русскихъ, вышелъ изъ города къ нимъ на встрѣчу, разбилъ ихъ безъ труда и взялъ многихъ въ плѣнъ. Одни Арзамасцы потеряли триста человѣкъ убитыми. Лисовскій велѣлъ похоронить ихъ въ трехъ ямахъ и насыпать надъ ними большой курганъ въ память своей победы.

Никоновская Лѣтопись и Столяровъ Хронографъ.

Польскій вождь былъ уже усиленъ многочисленною толпою развратныхъ людей и бродягъ Украинскихъ, стекавшихся подъ его хоругви, и прельщенныхъ его обѣщаніями не возбранять никому грабить и неистовствовать въ волю. Такимъ образомъ, имѣя въ сборѣ до 30,000 человѣкъ и зная впрочемъ, что Самозванецъ уже находился подъ столицею, онъ самъ не усумнился болѣе перейти Оку и подступилъ подъ Коломну. Тамошніе жители защищались, но безполезно. Городъ ихъ былъ взятъ приступомъ и претерпѣлъ ужасныя бѣдствія; самыя церкви не были пощажены.

Изъ Коломны Лисовскій двинулся прямо на

Москву, взявъ съ собою плѣнныхъ имъ Коломенскихъ Епископа Іосифа и Воеводу Боярина Князя Владиміра Тимоѳеевича Долгорукаго. Владыку, коего Поляки въ особенности ненавидѣли за сопротивленіе его браку Отрепьева съ Мариною, тащили привязаннаго къ пушкѣ; нравы уже до такой степени испортились въ народѣ, что самое благочестіе не имѣло болѣе отголоска въ сердцахъ многочисленныхъ Русскихъ сподвижниковъ Лисовскаго, и они безпрепятственно дозволили въ глазахъ своихъ позорить святительскій санъ.

Наступленіе Лисовскаго на столицу, отдѣльно отъ главныхъ силъ Самозванца, было дѣйствіемъ дерзновеннымъ, коимъ непростительно было бы Царю не воспользоваться для нанесенія ему вѣрнаго удара. Василій не упустилъ случая и

Розряды. выслалъ на него 17 Іюня трехполкное войско подъ главнымъ предводительствомъ Боярина Князя Ивана Семеновича Куракина. Въ Большомъ полку во вторыхъ находился Григорій Сулемша Григорьевичъ Пушкинъ. Начальники прочихъ полковъ были, передоваго: Бояринъ Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Князь Григорій Константиновичъ Волконскій, а сторожеваго: Стольникъ Василій Ивановичъ Бутурлинъ и Князь Ѳедоръ Меринъ Ивановичъ Волконскій *.

* *Примѣчаніе.* Бутурлинъ не принялъ начальства надъ

Обѣ рати встрѣтились на берегахъ Москвы рѣки у Медвѣжьяго брода. Послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося цѣлый день, Царскіе Воеводы одержали рѣшительную побѣду, взяли много плѣнныхъ и всѣ непріятельскія орудія. Они также имѣли утѣшеніе освободить Епископа Іосифа и Князя Долгорукаго. Разбитый на голову Лисовскій ушелъ въ Тушинскій станъ съ немногими людьми. Побѣдители воротились въ Москву. Однако Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ и Семенъ Глѣбовъ получили приказаніе отъ Царя снова занять Коломну сильнымъ отрядомъ и, укрѣпившись въ семъ городѣ, приложить стараніе о устроеніи тамъ большихъ запасовъ. Никоновская Лѣтопись и Столяровъ Хронографъ.

Не смотря на столь значительный успѣхъ, положеніе Царя не становилось лучше. Правда, пораженіемъ Лисовскаго Самозванецъ утратилъ питаемую имъ надежду на важную помощь, безъ коей онъ уже не въ состояніи былъ открыто приступать къ столицѣ, но съ другой стороны и Василій только что могъ удержаться въ Москвѣ, не имѣя при себѣ достаточныхъ силъ, чтобы дѣйствовать наступательно противъ Тушинскаго стана.

Сторожевымъ полкомъ, потому что не полагалъ себя меньше Князя Лыкова. Царь, не желая обидѣть его, велѣлъ ему быть въ Большомъ полку *въ ряду;* Сторожевымъ же полкомъ заправлялъ второй Воевода Князь Волконскій.

И такъ ничто не мѣшало Вору пребывать въ Тушинѣ, а долговременное стояніе его подъ столицею могло имѣть весьма вредныя слѣдствія для Василія, ибо предвидѣлось, что трудно будетъ удержать на службѣ помѣщиковъ, всегда тяготящихся продолжительнымъ отсутствіемъ изъ своихъ имѣній.

Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ Царь рѣшился приложить все стараніе, чтобы обезсилить Самозванца, лишивъ его главнѣйшей опоры, содѣйствія Поляковъ. Для достиженія сей цѣли, необходимо было Василію согласить Королевскихъ Пословъ на постановленіе новаго мирнаго договора. Но къ крайнему его безпокойству, совѣщанія шли медленно. Напрасно Царь, встревоженный прибытіемъ къ Самозванцу многочисленныхъ Польскихъ хоругвей, уже не противился желанію новыхъ Пословъ допустить Олесницкаго и Гонсѣвскаго къ переговорамъ; по мѣрѣ оказываемой съ Русской стороны податливости, Послы становились прихотливѣе. Они объявили, что имъ также необходимо предварительно снестись лично съ Воеводою Сендомирскимъ. Царь наконецъ вынужденъ былъ удовлетворить ихъ и въ семъ новомъ требованіи. Старый Мнишекъ былъ привезенъ изъ Ярославля и Послы получили дозволеніе имѣть съ нимъ свиданіе. Тогда, не имѣя болѣе никакого предлога уклоняться отъ настоящихъ пе-

Дѣла Польскія.

реговоровъ о мирѣ, они приступили къ опытъ, но и тутъ мало оказывали готовности къ возстановленію прочной дружбы между обоими Государствами. Всѣ домогательства Русскихъ уполномоченныхъ о возобновленіи двадцатилѣтняго немирія, заключеннаго при Царѣ Борисѣ въ 1601 году, остались безуспѣшными; Послы отнюдь не хотѣли обязываться на столь долгое время. Они даже не рѣшались включать въ договоръ требуемую Русскими статью о немедленномъ выводѣ изъ Россійскихъ предѣловъ всѣхъ Поляковъ, служащихъ Самозванцу. Также много было спора по случаю притязаній Поляковъ на полное удовлетвореніе за всѣ понесенные ими убытки при убіеніи Отрепьева. Русскіе Полномочные, платя имъ тою же монетою, сами объявили требованіе, на полученіе вознагражденія за разореніе, коему подверглась Россія по случаю вторженія Отрепьева и коему виною была Польша, помогавшая ему вопреки существовавшаго между обоими Государствами мирнаго постановленія. Въ семъ видѣ дѣло казалось не близкимъ къ развязкѣ; но съ обѣихъ сторонъ искренно желали примиренія хотя временнаго. Послы ожидали отъ онаго избавленія себя и знатныхъ соотечественниковъ своихъ отъ томительнаго задержанія въ Россіи, а Русскіе Полномочные лишенія Самозванца важнаго

содѣйствія Польскихъ войскъ. Послы, убѣдясь наконецъ, что Русскіе, не достигнувъ сей цѣли, не согласятся ни на какой договоръ, рѣшились удовлетворить ихъ и въ замѣнъ того получили соизволеніе Царя на отпускъ всѣхъ задержанныхъ Поляковъ, коимъ обѣщали возвратить все ихъ имѣніе, которое только можно будетъ отыскать. Что же касается до удовлетворенія Поляковъ за утраченное имущество, а Русскихъ за претерпѣнное разореніе, то отложили разборъ обоюдныхъ требованій до удобнѣйшаго времени. Такимъ образомъ, устранивъ главнѣйшія препятствія, приступили къ заключенію договора на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е) перемирію существовать еще три года и одиннадцать мѣсяцевъ, то есть, считая съ 20 Іюля 1608 по 20 Іюня 1612 годъ; 2-е) во время онаго выслать Пословъ съ обѣихъ сторонъ для переговоровъ о возобновленіи прежняго двадцатилѣтняго перемирія или о постановленіи вѣчнаго мира; 3-е) обѣимъ Государствамъ оставаться въ прежнихъ границахъ по старымъ извѣстнымъ рубежамъ; 4-е) если встрѣтится споръ о настоящемъ старомъ рубежѣ или заведется какая ссора на границѣ, то разборъ таковыхъ дѣлъ предоставить судьямъ, коихъ выслать съ обѣихъ сторонъ, въ четвертый годъ перемирныхъ лѣтъ, на границу между Чернигова

и Осшера и между Тороица и Велижа; 5-е) Россіи врагамъ Польши, а Польшѣ врагамъ Россіи не помогать ни людьми, ни деньгами; 6-е) Посланникамъ одного Государства имѣть въ другомъ свободный въѣздъ и выѣздъ, также и купцамъ одного Государства не возбранять свободно торговать въ другомъ; 7-е) задержанныхъ въ Россіи Воеводу Сендомирскаго, сына и дочь его, и всѣхъ Поляковъ отпустить въ Польшу не позже 28 Сентября и проводить ихъ до рубежа; равномѣрно и задержанныхъ въ Польшѣ Русскихъ отпустить въ Россію на томъ же основаніи; 8-е) Королю и Рѣчи Посполитой отозвать обратно въ Польшу Князей Романа Рожинскаго и Адама Вишневецкаго и прочихъ Польскихъ людей, поддерживающихъ Самозванца, и впредь никакимъ Самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться; наконецъ 9-е) Юрью Мнишкѣ Тушинскаго Вора за зятя не признавать, и за него дочь свою не выдавать, а также и Маринѣ Государынею Московскою не называться.

Хотя Царь и получилъ съ Посольскаго двора тайное предостереженіе, что Послы коварствуютъ, и что они подписывая договоръ ни сколько не намѣрены исполнять условій онаго, а имѣютъ единственно въ виду освобожденіе задержанныхъ соотечественниковъ своихъ, однако Василій рѣшился ввѣриться ихъ сомнительной совѣстливо-

сіи, какъ въ кораблекрушеніяхъ погибающіе хватаются за бренную доску. Въ самомъ дѣлѣ, не представлялось другаго средства избавить Россію отъ наводнявшихъ ее Польскихъ воиновъ, а избавленіе сіе было столь нужно для Государства, что при малѣйшей надеждѣ на достиженіе сей цѣли, естественно было Царю дѣйствовать нѣсколько на-удачу и даже подвергаться опасности быть обманутымъ. И такъ 25 Іюля Царь скрѣпилъ подписью своею условленный договоръ *. Въ тотъ же день Послы съ Боярами подписали особую запись слѣдующаго содержанія: 1) что Бояре приняли отъ Пословъ росписку въ полученіи отысканнаго въ Москвѣ имущества Воеводы Сендомирскаго и его дѣтей; 2) что также подъ росписки возвращены Панамъ Вольскому, Немоевскому и Войнѣ пожитки ихъ, а купцамъ Польскимъ Седмирацкому и Целярому и Цесарскимъ Албану и Завтбургу принадлежащіе имъ товары; 3) что разрѣшеніе обоюдныхъ требованій объ удовлетвореніи Поляковъ за убіеніе многихъ изъ нихъ въ Москвѣ и за утрату неотысканнаго имущества ихъ, а Русскихъ за разореніе, претерпѣнное Россіею отъ Поляковъ, сопровождавшихъ Отрепьева, за отосланныя имъ же сокровища Маринѣ и за забра-

* Смотри Приложенія № VIII.

тыя Мнишкомъ и другими знатными Поляками у Русскихъ купцевъ товары, отсрочено до пріѣзда къ Королю будущихъ Русскихъ Пословъ, а если бы и съ ними по сему предмету веденные переговоры не имѣли успѣха, то для окончательнаго постановленія объ ономъ назначатся по четыре судьи съ каждой стороны, которые, годъ спустя послѣ отпуска Россійскихъ Пословъ, вышлются на границу на рѣчку Ивату между Оршею и Смоленскомъ; 4) что Послы принимаютъ на себя обязанность при выѣздѣ своемъ изъ Москвы написать Князьямъ Рожинскому, Вишневецкому и другимъ начальникамъ Польскимъ, въ Тушинѣ находящимся, увѣщевая ихъ, чтобы они отстали отъ Самозванца и вмѣстѣ съ тѣмъ послать просить и самого Короля о подтвержденіи сего требованія ихъ строгимъ предписаніемъ своимъ; 5) что на возвратномъ пути своемъ Послы будутъ отсылать обратно въ Польшу встрѣчающихся имъ Польскихъ воиновъ и разошлютъ во всѣ пограничные Польскіе города и въ Лифляндію объявленія, чтобы никто въ Россію на войну идти не дерзалъ; 6) что Послы поѣдутъ прямо къ Королю въ Польшу, избѣгая всякой ссылки и свиданія съ Поляками, которые не согласятся оставить Самозванца, и наконецъ 7) что на предполагаемомъ съѣздѣ между Оршею и Смоленскомъ будетъ также

принято въ соображеніе и слѣдуемое Россіи удовлетвореніе, за причиняемое ей разореніе отъ Рожинскаго и Вишневецкаго.

Обязавъ Поляковъ столь опредѣлительно, Царь приступилъ немедленно къ точному исполненію договора. По повелѣнію его Послы и задержанные Поляки отправлены были въ Польшу, подъ прикрытіемъ отряда, коимъ предводительствовалъ Бояринъ Князь Владиміръ Тимофеевичъ Долгорукій. Чтобъ не проходить черезъ области, уже подвластныя непріятелю, Долгорукову предписано было направиться чрезъ Угличь, Тверь и Бѣлую къ Смоленскому рубежу.

Никоновская Лѣтопись.

Впрочемъ Василій хотя самъ и исполнялъ договоръ, но мало полагался на добросовѣстность со стороны Поляковъ. Напротивъ, всѣ получаемыя имъ свѣдѣнія убѣждали его, что они замышляютъ вѣроломство. Въ таковыхъ обстоятельствахъ онъ съ горестію предусматривалъ, что ему рано или поздно не отстоять столицы, если не получитъ помощи извнѣ. Тогда всѣ мысли его обратились къ полученію или образованію сей помощи, и для того онъ предположилъ соединить новую рать въ Новгородѣ. Но власть его уже столь ослабѣла, что онъ не надѣялся, чтобъ одного повелѣнія его было достаточно, если исполненіе онаго не будетъ поручено человѣку, облеченному общимъ

довѣріемъ. Убежденный въ семъ, онъ рѣшился временно отдалить отъ себя лучшаго изъ своихъ Полководцевъ и послать въ Новгородъ Князя Скопина-Шуйскаго, который стяжанную имъ славу избавленіемъ столицы отъ Болотникова подкрѣплялъ еще позднѣйшими подвигами, и въ особенности мужественнымъ дѣйствіемъ своимъ во время бѣгства Царскихъ Воеводъ изъ-подъ Калуги. Василій полагалъ, что подъ знаменами сего доблестнаго вождя не откажутся служить и тѣ, кои съ другимъ начальникомъ не охотно бы согласились выступить въ поле. Розряды.

Кромѣ собранія новаго ополченія Скопинъ имѣлъ еще важное порученіе: войти въ сношеніе съ Швеціею. Еще во время зимы Король Карлъ IX, чрезъ находящагося въ Москвѣ Посланника своего Петрея, представлялъ Царю, что появленіе новаго Самозванца есть дѣло Поляковъ, столь же враждебныхъ для Швеціи, сколь и для Россіи, и потому предлагалъ въ пособіе ему выслать въ Новгородъ 10,000 Шведовъ или Нѣмцевъ, съ тѣмъ только, чтобы содержаніе ихъ принято было на счетъ Россіи. Но Василій, тогда ободренный покореніемъ Тулы, не полагалъ еще себя въ опасности и слѣдуя примѣру Царя Бориса, считалъ, что призваніе иноземной помощи для утушенія внутреннихъ раздоровъ было бы несообразно съ Бер.

достоинствомъ его Престола. Но когда паденіе сего престола предъ ежедневно возрастающей силою Самозванца казалось неизбѣжнымъ, то Царь рѣшился превозмочь щекотливость уже неумѣстную и Князь Михайло Васильевичъ получилъ отъ него повелѣніе требовать отъ Швеціи вспомогательнаго войска.

Никоновская Лѣтопись.

Въ Новѣгородѣ Скопинъ былъ встрѣченъ всѣми съ честію и радостію. Но благопріятный пріемъ сей относился только лично къ юному герою, а не къ родственнику Царя, облеченному его довѣріемъ. Даже и въ Сѣверозападныхъ областяхъ Россіи мало доброхотствовали Царю, и Скопину не легко было исполнить свое порученіе. Въ Новгородскомъ Государствѣ * хотя уже замѣчалось колебаніе умовъ, однако по крайней мѣрѣ явнаго сопротивленія законной власти еще не оказывалось; но Псковскіе пригороды уже открыто бунтовали.

Псковская Лѣтопись.

Еще въ 1607 году Псковъ обнаружилъ свои непріязненныя расположенія къ установленному Правительству. Послѣ пораженія Болотникова подъ Москвою, Царь разослалъ взятыхъ Сѣверскихъ плѣнныхъ по разнымъ мѣстамъ и между прочимъ

---

* *Примѣчаніе.* Въ офиціяльныхъ актахъ того времени Новгородская область называется Государствомъ.

400 изъ нихъ были отправлены въ Псковъ. Въ другихъ городахъ съ ними обращались какъ съ злодѣями; но Псковичи приняли ихъ какъ несчастныхъ братій, и не скрывая къ нимъ пристрастія своего, съ заботливостію занялись снабженіемъ ихъ пищею и одеждою. Такая наклонность къ мятежникамъ подала поводъ Самозванцу надѣяться, что ему не трудно будетъ привлечь Псковъ на свою сторону. Случай ему благопріятствовалъ. Въ слѣдствіе одержанной имъ надъ Царскими Воеводами побѣды подъ Болховымъ, многіе Псковскіе стрѣльцы попались ему въ плѣнъ. Онъ всѣхъ ихъ отпустилъ въ Псковъ, подъ начальствомъ стрѣлецкаго Головы Афанасья Огибалова и Сотника Матвѣя Блаженкова. Съ ними же онъ послалъ къ Псковичамъ грамоту, въ коей увѣщавалъ ихъ поддаться ему. Стрѣльцы прибыли въ Псковъ въ Маѣ мѣсяцѣ, но сначала ихъ дѣйствія не имѣли успѣха. Начальствующій въ Псковѣ Бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ удержалъ въ повиновеніи простыхъ людей, которые хотя и ненавидѣли его за его мздоимство, но не смѣли еще ослушаться, тѣмъ болѣе, что его поддерживали именитѣйшіе изъ обывателей, коихъ онъ остерегался притѣснять, и коихъ личныя выгоды были противны выгодамъ Самозванца. Огибалова и Блаженкова посадили въ тюрьму, а стрѣльцевъ городскихъ и пригородскихъ неосторожно рас-

пустили по домамъ, даже не обезоруживъ ихъ. Слѣдствіемъ сей неосмотрительности было возстаніе пригородовъ Себежа, Опочки, Краснаго, Острова и Изборска, гдѣ стрѣльцы разсѣянные безъ присмотра легко подвинули жителей къ неповиновенію. Шереметевъ не полагая еще, чтобы бунтовщики достаточно изготовились къ сопротивленію, надѣялся легко усмирить ихъ, и выслалъ противъ нихъ нѣсколькихъ воиновъ, къ коимъ присоединилъ дворовыхъ людей своихъ, Архіерейскихъ и Монастырскихъ. Онъ поручилъ отрядъ начальству сына своего Бориса, который не только что не нашелъ возможнымъ утушить мятежъ, но и самъ едва успѣлъ безвредно возвратиться въ Псковъ.

Впрочемъ возмутившіеся пригороды дѣйствовали еще безъ общей связи между собою, за неизбраніемъ главнаго начальника возстанія. Но вскорѣ званіе сіе принялъ на себя одинъ изъ сподвижниковъ Самозванцевыхъ, дворянинъ Өедоръ Плещѣевъ, который, развернувъ злодѣйскую хоругвь въ Ржевѣ-Пустой, началъ собирать стрѣльцевъ и крестьянъ. Жители страны, орошаемой рѣкою Великою, толпами стекались къ нему. Составивъ такимъ образомъ многолюдное ополченіе, онъ двинулся къ Пскову, и на пути своемъ вездѣ приводилъ обывателей къ присягѣ Тушинскому Вору. Изборскіе жители были съ

нимъ въ единомысліи, и онъ намѣревался соединиться съ ними, дабы въ совокупныхъ силахъ подступить подъ Псковъ. Но Изборяне, подстрѣкаемые нѣсколькими прибывшими къ нимъ Поляками, не дождались его и пошли одни на Псковъ. Неосторожная самонадѣянность ихъ получила достойное наказаніе. Шереметевъ выслалъ на нихъ Воеводу Петра Бурцева, который сразился съ ними на Ригинѣ горѣ. Изборяне защищались храбро, однакожъ были разбиты и потеряли нѣсколько пушекъ и людей, взятыхъ въ плѣнъ, между коими находились и три Поляка. Они бы вѣроятно претерпѣли и большее пораженіе, если бы для прикрытія ихъ отступленія не подоспѣлъ отрядъ, на-скоро посланный къ нимъ на помощь Плещѣевымъ, который находился уже въ Выбутнѣ. Прибытіе свѣжаго войска побудило Бурцева возвратиться въ Псковъ.

Неудачное покушеніе Изборянъ не устрашило Плещѣева. Онъ смѣло явился передъ Псковымъ и сталъ на пескахъ, противъ образа. У него было въ сборѣ людей много, но воиновъ мало. Все его ополченіе состояло изъ сволочи поселянъ, вовсе необычныхъ къ ратному дѣлу, и подкрѣпленныхъ только нѣсколькими стрѣльцами, кои и сами отличались болѣе буйствомъ, чѣмъ воинскимъ устройствомъ. Противъ такихъ враговъ, Шереметеву

можно было бы устоять, если бы онъ не нашелъ многочисленныхъ противниковъ въ самомъ защищаемомъ имъ городѣ. Съ нимъ дѣйствовали за-одно только духовные, Дѣти Боярскіе и богатые торговцы; но Козаки, стрѣльцы и черные люди не скрывали наклонности своей къ мятежнической сторонѣ. Для удержанія ихъ Шереметеву и *Большимъ людямъ* слѣдовало бы сблизиться съ ними и стараться добрымъ примѣромъ и дружелюбными увѣщаніями отклонять ихъ отъ измѣны. Напротивъ того, Шереметевъ вздумалъ прибѣгнуть къ угрозамъ: такъ какъ ему было извѣстно, что Князь Скопинъ находится въ сношеніи со Шведами, то онъ сталъ разглашать, что Нѣмцы * скоро займутъ Псковъ для усмиренія непокорныхъ. Извѣстіе никого неиспугало, а только произвело сильное раздраженіе въ умахъ. Псковъ, древній оплотъ Россіи, всегда славно отражавшій Ливонскихъ Рыцарей, Литовцевъ и Поляковъ гнушался иноплеменнаго владычества. Желаніе не допускать до оскорбленія народности живо развилось въ сердцахъ его жителей. Тѣ изъ нихъ, которые дотолѣ еще колебались,

* *Примѣчаніе.* Дѣйствительно много Нѣмцевъ находилось въ Шведской службѣ. Кромѣ того въ то время самихъ Шведовъ Русскіе часто называли Нѣмцами

стали съ прочими искать случая предаться на сторону Самозванца. Именитые люди поступили не благоразумнѣе Шереметева. Хотя цѣлое столѣтіе уже раздѣляло Псковитянъ отъ времень, когда умолкъ вѣчевой колоколъ, провозглашавшій древнія вольности Пскова, однако между жителями сохранялись еще нѣкоторые обычаи прежняго народнаго правленія. Такъ напримѣръ, они часто сходились на площади для общихъ совѣщаній о городскихъ дѣлахъ, и эти сходки назывались *всегороднюю*. Но какъ городскія дѣла уже не представляли никакой политической занимательности, то знатные и богатые, руководимые безразсудною спѣсью, не стали ходить на *всегороднюю*, дабы не сообщаться съ простолюдинами. Напрасно чернь, всегда невольно уважающая общественную знаменитость, звала ихъ на сборища, гдѣ по случаю смутнаго времени совѣщанія дѣлались уже о предметахъ немаловажныхъ; они насмѣхались надъ ними и отказывались выходить изъ домовъ своихъ. Такимъ образомъ простолюдинамъ, оставленнымъ безъ направленія, свободно было распоряжаться подъ вліяніемъ безпутныхъ страстей своихъ.

Между тѣмъ приверженцы Самозванца не дремали. Стараніями ихъ 1-го Сентября разнеслась по городу молва, что Нѣмцы уже пришли на

устье Великой и прорвался въ Псковъ. Сдѣлалось всеобщее волненіе. Чернь вопила, что не хочетъ Нѣмцевъ и что лучше призвать Плещѣева, къ коему тотъ часъ же перешли стрѣльцы, жившіе въ слободѣ за рѣчкою Мирожею. Но въ городѣ еще духовенство и Большіе люди противились стремленію народному. Среди смятенія, происшедшаго отъ сего разномыслія, отважнѣйшіе изъ простолюдиновъ отворили Великіе ворота и, около четырехъ часовъ вечера, впустили Плещѣева, который, овладѣвъ городомъ, посадилъ въ тюрьму Шереметева. На другой день весь Псковъ цѣловалъ крестъ Царю Димитрію. Тутъ же Плещѣевъ велѣлъ освободить заключенныхъ 400 Сѣверянъ и снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ отправилъ въ Тушино, къ Самозванцу.

Вѣсть объ отложеніи Пскова произвела сильное впечатлѣніе въ самомъ Новгородѣ. И тамъ чернь начала такъ сильно волноваться, что самъ Князь Никоновская Лѣтопись. Скопинъ не почелъ себя въ безопасности. По совѣту находящихся при немъ Окольничаго Михайлы Игнатьевича Татищева и Дьяка Телепнева, онъ рѣшился выѣхать тайно изъ Новагорода и съ малочисленною дружиною своею стараться засѣсть въ Ивангородѣ, откуда легко бы ему продолжать переговоры свои съ Шведами. Но подходя къ Ивангороду онъ получилъ поразительное

извѣстіе, что и тамъ, слѣдуя примѣру Пскова, всѣ присягнули Тушинскому Вору. Оставалось Скопину искать убѣжища въ Орѣшкѣ, хотя вовсе нельзя было надѣяться, что жители согласятся принять его въ городъ, гдѣ начальствовалъ старый предатель, Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, сосланный туда на воеводство послѣ смерти Отрепьева. Князь Михайло Васильевичъ, не довѣряя ему, не пошелъ прямо въ Орѣшекъ, а остановясь на устьи Невы, вошелъ въ предварительное сношеніе съ Салтыковымъ. Опасенія его оправдались. Салтыковъ и слышать не хотѣлъ, чтобы впустить его въ Орѣшекъ.

Скопинъ, отовсюду окруженный измѣною, съ отчаяніемъ предусматривалъ пагубное окончаніе своего важнаго предпріятія. Лишенный всякаго пріюта онъ бродилъ по берегамъ Невы, недоумѣвая къ какимъ средствамъ прибѣгнуть для своего спасенія. Оставаться въ Ижерской землѣ было бы не что иное, какъ подвергаться безъ всякой цѣли опасности быть схваченнымъ бунтовщиками. Но куда ему обратиться? Оставался свободнымъ одинъ только путь, ведущій за Шведскій рубежъ къ Выборгу. Горестно было ему явиться бѣглецомъ къ Шведамъ, которые тогда на-вѣрное отказались бы войти съ нимъ въ переговоры, и такимъ образомъ главный предметъ

даннаго ему отъ Царя порученія остался бы безъ исполненія. Не смотря на то, крайность его положенія вѣроятно вынудила бы его наконецъ итти въ Финляндію, если бы обстоятельства не приняли вдругъ неожиданно благопріятнаго для него оборота.

Въ Новѣгородѣ выгоды торговли хотя много, но еще не совсѣмъ упадшей, связывали между собою разныя сословія, и потому именитые люди сохраняли нѣкоторое вліяніе надъ мятежною чернью. Къ тому же Митрополитъ Исидоръ пользовался общимъ уваженіемъ. Его увѣщанія, подкрѣпленныя мнѣніемъ знатнѣйшихъ граждан, сильно подѣйствовали на простолюдиновъ. Новгородцы съ общаго совѣта положили не нарушать данной Царю Василію присяги, и приговорили отправить Игумновъ и Пятиконецкихъ старостъ къ Князю Михайлу Васильевичу просить его возвратиться въ Новгородъ съ обѣщаніемъ содѣйствовать ему во всемъ. Обрадованный Князь спѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ сдѣланная ему встрѣча, не только Митрополитомъ, Дворянами и Дѣтьми Боярскими, но и посадскими людьми, успокоила его совершенно. Онъ немедленно занялся устройствомъ новаго ополченія и вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ сношеніе съ Графомъ Мансфель-

домъ, главноначальствующимъ надъ Шведскими войсками въ Лифляндіи.

Мансфельдъ прислалъ въ Новгородъ Королевскаго Секретаря, Монса Мартензона, для постановленія предварительныхъ условій въ разсужденіи содержанія требуемаго Царемъ вспомогательнаго войска. Скопинъ, слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ, всемѣрно таилъ отъ посланнаго печальное положеніе дѣлъ въ Россіи и увѣрялъ его, что все смятеніе происходило отъ тысячи осьми бунтовщиковъ, подкрѣпленныхъ четырью тысячами Поляковъ и двумя тысячами Козаковъ. Но Шведъ не вдался въ обманъ и дорого цѣнилъ предлагаемую помощь. Не время было торговаться. Скопинъ вынужденъ былъ согласиться на требованную плату. Положили на мѣрѣ, чтобы вспомогательному войску состоять изъ 3,000 человѣкъ пѣшихъ и 2,000 конныхъ, и чтобы имъ выдавалось отъ Царя ежемѣсячно каждому конному по 25 ефимковъ, а каждому пѣшему по 12. Кромѣ того назначалось также ежемѣсячно главному начальнику 5,000 ефимковъ, двумъ Генераламъ подъ нимъ 4,000, да на Ротмистровъ и прочихъ Офицеровъ 5,000. Все это въ совокупности составляло на мѣсяцъ по 100,000 ефимковъ (140,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Впрочемъ Мартензонъ не имѣлъ полномочія на постановленіе

Видекиндъ и Дѣла Шведскія въ Архивѣ.

окончательнаго договора, заключеніе коего Король предоставлялъ съѣзду, назначенному въ Выборгѣ. Скопинъ отправилъ на оный шурина своего Стольника Семена Васильевича Головина и Дьяка Сыдавнаго Зиновьева. Онъ хотѣлъ съ ними же послать въ видѣ задатка 5,000 рублей и даже писалъ о томъ въ Швецію, но казна, коею онъ располагалъ, была такъ скудна, что онъ не могъ собрать болѣе 4,800 рублей (16,000 нынѣшнихъ серебряныхъ), которые и вручилъ посланникамъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на Сѣверозападныхъ предѣлахъ государства, Тушинскій Воръ весьма усиливался въ самыхъ нѣдрахъ онаго, по случаю вѣроломства Поляковъ, которые устремлялись на несчастную Россію, какъ хищные вороны на растерзанный трупъ. Не только тѣ изъ нихъ, кои уже находились при Самозванцѣ, не соглашались отстать отъ него, но даже новыя хоругви спѣшили изъ Польши къ нимъ на помощь. Поводомъ вторженія оныхъ въ Россію служило честолюбіе и алчность къ добычѣ Яна Сапѣги, старосты Усвятскаго. Сей вельможа, коего староство находилось на границѣ, хорошо зналъ жалкое состояніе Россіи и вздумалъ воспользоваться онымъ для удовлетворенія своихъ страстей. Напрасно двоюродный братъ его, Канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга, увѣщавалъ его отстать отъ своего пред-

Дневникъ Сапѣги.

пріятія. Онъ не послушался и сталъ набирать войско. Распутная и корыстолюбивая Шляхта охотно стекалась подъ начальство отважнаго вождя, который сулилъ ей раздолье и обогащеніе. Въ скоромъ времени собралось до 7,000 конныхъ копейщиковъ, съ коими Сапѣга 17 Іюля вступилъ въ Россійскіе предѣлы близь Баева, и направился по дорогѣ къ Москвѣ, хотя городъ Смоленскъ, мимо котораго ему надлежало проходить, оставался вѣрнымъ Царю. Подойдя къ Смоленску, 1 Августа, онъ переправился черезъ Днѣпръ въ пяти верстахъ ниже города, близь устья рѣчки Дубровны, а 5 числа потянулся около части города, на правомъ берегу Днѣпра лежащей, въ разстояніи одной версты отъ укрѣпленій. Намѣреніе его было выйти подъ городомъ на Московскую дорогу, но онъ не былъ допущенъ къ тому войскомъ, высланнымъ изъ Смоленска начальствующимъ тамъ Бояриномъ Шеинымъ. Польскій вождь, отброшенный къ Сѣверу, не иначе могъ достигнуть Московской дороги, какъ направясь чрезъ Прудищи въ Инѣвъ и въ семъ кружномъ обходѣ онъ потерялъ два дня. Въ слѣдующіе дни онъ продолжалъ движеніе свое къ Москвѣ мимо Дорогобужа и Вязьмы, и 17 находился уже въ Царевѣ-Займищѣ, ни мало не подозрѣвая, что въ то же самое время не въ дальнемъ разстояніи отъ него совершалось

предпріятіе, въ коемъ суждено ему было принимать участіе.

Тушинскій Воръ, извѣстясь о слѣдованіи Марины, отца ея и Польскихъ Пословъ, подъ прикрытіемъ отряда Князя Долгорукаго, выслалъ 12 Августа изъ своего стана, для перенятія имъ пути, Поляка Зборовскаго съ 2,000 конныхъ Поляковъ, которые мчались такъ быстро, что въ четыре дня переѣхали болѣе 350 верстъ и нагнали искомыхъ ими въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Князь Долгорукій не почелъ возможнымъ чинить отпоръ. Оставя въ рукахъ Самозванцевыхъ сподвижниковъ Поляковъ, охраненію его ввѣренныхъ, онъ спѣшилъ возвратиться въ Москву съ малымъ числомъ людей, ибо большая часть при немъ бывшихъ воиновъ разъѣхались по домамъ.

Письмо Тушинскаго Вора къ Мнишку изъ лагеря подъ Москвою отъ 12/22 Августа 1608. — Пясецкій. — Дневникъ Сапѣги.

Никоновская Лѣтопись.

Марина, старый Мнишекъ и даже одинъ изъ Пословъ, Олесницкій, родственникъ Мнишковъ, согласились ѣхать къ Самозванцу вопреки столь недавно данныхъ обѣщаній. Другіе же Послы, ѣхавшіе другою дорогою продолжали безпрепятственно путь свой до Польши.

Дѣла Польскія и Никоновская Лѣтопись.

Пясецкій.

Впрочемъ сама Марина не спѣшила въ Тушино и очевидно колебалась. Въ душѣ ея происходила сильная борьба между обольщеній тщеславія и позора раздѣлять ложе грубаго и несомнѣннаго обманщика. Дабы выиграть время и оградить се-

бя отъ всякаго принужденія, она рѣшилась прибѣгнуть къ защитѣ Сапѣги, и 20 числа пріѣхала къ нему въ Царево-Займище. Сапѣга не отказалъ ей въ покровительствѣ, и повелъ ее съ собою въ Тушино; 23 онъ остановился въ Можайскѣ, а Марина расположилась въ 7 верстахъ оттуда, въ городкѣ Борисовѣ. Дневникъ Сапѣги.

Хотя Самозванецъ пушечною пальбою изъявлялъ радость свою о избавленіи мнимой супруги, однако его тревожила мысль, что Марина можетъ быть откажется признать его за своего супруга. Нельзя было надѣяться вынудить страхомъ признаніе, ибо Сапѣга конечно не допустилъ бы никакого насилія надъ нею. Оставалось единственнымъ средствомъ убѣдить стараго честолюбца Мнишка, чтобы онъ уговорилъ дочь свою принять участіе въ обманѣ, коего торжество могло еще возвратить ей и всей семьѣ ихъ оплакиваемое ими величіе. Въ семъ намѣреніи, Самозванецъ чрезъ разныхъ посланныхъ Поляковъ вошелъ въ сношеніе съ Сендомирскимъ Воеводою, который не вдругъ согласился способствовать его видамъ. Вѣроятно Мнишекъ, продавая честь дочери своей, много торговался, ибо постыдныя пересылки продолжались около двухъ недѣль. Въ теченіи оныхъ Сапѣга и Марина медленно приближались къ Тушину. 29 числа они находились въ Звенигородѣ, Беръ. Письмо Тушинскаго Вора къ Мнишку изъ лагеря подъ Москвою отъ 26 Августа / 5 Сентября 1608. Дневникъ Сапѣги.

гдѣ Марина, по совѣту Самозванца, занялась въ Сторожевскомъ Монастырѣ положеніемъ гроба угодника въ народѣ весьма уважаемаго. Самозванецъ уговорилъ ее къ сему дѣйствію, представивъ необходимость стараться сколько возможно изгладить мысль о ея нечестіи, которую она неосторожными поступками во время пребыванія своего въ Москвѣ укоренила въ общемъ мнѣніи и которая тогда же была одною изъ главнѣйшихъ причинъ гибели Отрепьева.

Письмо Тушинскаго вора къ Мнишку, изъ лагеря подъ Москвою отъ 29 Августа / 8 Сентября 1608.

Дневникъ Сапѣги.

Наконецъ 1-го Сентября Сапѣга подошелъ къ самому Тушину и остановился только въ одной верстѣ отъ стана. Но и въ этомъ близкомъ разстояніи Марина не рѣшилась еще ѣхать къ мнимому супругу, и осталась при Сапѣгѣ, въ станѣ коего Самозванецъ имѣлъ съ нею 5 числа первое тайное свиданіе. Марина съ невольнымъ содроганіемъ предстала предъ человѣкомъ самой грубой наружности и ни мало не похожемъ на умершаго супруга ея. Но въ горделивомъ сердцѣ ея омраченіе тщеславія скоро превозмогло первоначальныя впечатлѣнія молодости и женской стыдливости. Въ слѣдствіе окончательныхъ переговоровъ она согласилась келейно обвѣнчаться съ нимъ, кого самымъ симъ бракосочетаніемъ уличала въ гнуснѣйшемъ подлогѣ. Церковный обрядъ исправлялъ Езуитъ ея Духовникъ. Успокоивъ гиб-

Беръ.

Нѣмцевичъ.

кую совѣсть свою, она 8 Сентября переѣхала въ Тушино и имѣла торжественное свиданіе съ Самозванцемъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ притворная нѣжность изъявлялась радостными слезами, къ постыдному умиленію нѣсколькихъ слабоумцевъ. Хотя же большая часть послѣдователей Тушинскаго Вора ни мало не сомнѣвалась въ его самозванствѣ, но и тѣ, прикрываясь лицемѣрнымъ легковѣріемъ, указывали на признаніе его Мариною за своего супруга, какъ на неоспоримое доказательство его подлинности. Какъ бы то ни было, присутствіе Марины въ станѣ Самозванца много возвысило его въ общемъ мнѣніи.

Олесницкій и старый Мнишекъ не остались при Самозванцѣ и возвратились въ Польшу. Первый уѣхалъ немедленно, а Мнишекъ послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Тушинѣ. Оба они прежде отъѣзда своего успѣли выманить у Самозванца важныя для себя выгоды. Олесницкій получилъ отъ него жалованную грамоту на владѣніе городомъ Бѣлымъ, а Мнишка онъ обязался тотчасъ по вступленіи своемъ въ Москву удовлетворить всѣмъ, что ему было обѣщано Отрепьевымъ, и именно заплатить ему 300,000 рублей (милліонъ нынѣшнихъ серебряныхъ) и отдать ему въ вѣчное владѣніе Сѣверское Княжество, включая въ оное Смоленскъ, Рославль, Брянскъ, Почепъ, Стародубъ,

Дневникъ Сапѣги.

Дѣла Польскія.

Трубчевскъ, Карачевъ, Комарскъ, Курскъ, Рыльскъ, Путивль, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ и Муромскъ съ принадлежащими къ нимъ волостями *.

Подъ Москвою военныя дѣйствія по большой части ограничивались маловажными стычками. Только 31 Августа довольно сильный бой продолжался во весь день. Вышедшее въ поле Царское войско оттѣснено было до самаго города; впрочемъ и сіе дѣло не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Дневникъ Сапѣги.

Прибытіе Сапѣги хотя довольно значительно усиливало Самозванца, однако онъ все еще не почиталъ возможнымъ отважиться на приступъ къ столицѣ. Съ другой стороны Сапѣга, мало уступавшій Рожинскому въ знатности, неохотно подчинялся сему Гетману и хотѣлъ дѣйствовать отдѣльно. Въ удовлетвореніе его съ общаго совѣта положили поручить ему покореніе Троицкаго Монастыря, занятіе коего по справедливости казалось весьма важнымъ для сподвижниковъ Самозванца. Обитель сія обезпечивала сообщеніе столицы съ Заволжскими областями, откуда Царь только и могъ надѣяться получать пособіе людьми, деньгами и запасами. Все, что посылалось изъ сихъ областей, направлялось сперва на Монастырь, а оттуда тамошній Архимандритъ Іо-

Палицынъ.

* Смотри Приложенія № IX и X.

асафъ, твердый и дѣятельный слуга отечества, доставлялъ подвозы въ Москву, изыскивая удобный случай для провоза тайно или открыто, по своему усмотрѣнію. Окружавшіе Самозванца Поляки много досадовали на Иноковъ за сіи дѣйствія, и представляли ему, что для надлежащаго стѣсненія столицы, весьма нужно изгнать *сѣдатыхъ грачей изъ каменнаго гроба ихъ.*

Дабы поставить Сапѣгу въ возможность успѣшно исполнить свое порученіе, отрядъ его былъ усиленъ до 30,000 человѣкъ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ хоругвей Польскихъ и тѣхъ изъ Козаковъ и Русскихъ бунтовщиковъ, которые подъ начальствомъ Лисовскаго опустошали набѣгами своими области Рязанскую, Владимірскую и Нижегородскую, а на возвратномъ пути выжгли уже подъ самою Троицею находящійся посадъ Клементьевскій.

Сапѣга выступилъ изъ Тушина 13 Сентября и на другой день расположился въ Братовщинѣ, гдѣ остался нѣсколько дней, вѣроятно поджидая Лисовскаго. Дневникъ Сапѣги.

Царь, извѣстившись о раздѣленіи силъ непріятельскихъ, рѣшился воспользоваться онымъ для нападенія отдѣльно на Сапѣгу въ надеждѣ нанесть ему сильный ударъ. Въ семъ предположеніи онъ истощилъ послѣднія средства для сна-

ряженія трехполкнаго ополченія, составленнаго изъ 30,000 конницы и 10,000 пѣхоты, подъ главнымъ начальствомъ брата своего Князя Ивана Ивановича Шуйскаго, который имѣлъ подъ собою въ передовомъ полку Окольничаго Князя Григорія Петровича Ромодановскаго, а въ стороженвомъ Окольничаго же Ѳедора Васильевича Головина. Князь Шуйскій, двинувшись изъ Москвы по Троицкой дорогѣ, прибылъ 21 въ Братовшину, но не засталъ уже тамъ Сапѣги, который въ тотъ же день перешелъ въ село Воздвиженское.

Беръ и Нѣмцевичь.

Розряды.

Дневникъ Сапѣги.

22-го числа Шуйскій быстро продолжалъ слѣдованіе свое, дабы нагнать непріятеля, но Сапѣга самъ отнюдь не уклонялся отъ боя. Переходъ его, сдѣланный на канунѣ, имѣлъ цѣлію сблизиться съ Троицею и совершенъ былъ единственно потому, что ни мало не подозрѣвалъ подступленія Царскаго войска. Когда же лазутчики извѣстили с о о приближеніи Шуйскаго, то онъ поспѣшилъ укоротить ему путь. Оставивъ въ Воздвиженскомъ лагерь свой подъ прикрытіемъ значительной части пѣхоты и нѣсколькихъ сотенъ конницы, онъ воротился къ Братовшинѣ. Обѣ рати сошлись близь села Рахманова. Бой былъ жестокій и съ перемѣннымъ счастіемъ. Сапѣга первый сдѣлалъ нападеніе, но встрѣтилъ сильное сопротивленіе отъ храбраго Князя Родомоновска-

Никоновская Лѣтопись. — Дневникъ Сапѣги. — Бер.—Нѣмцевичь.

го и предводительствуемаго имъ передоваго полка. Поляки, два раза опрокинутые, потеряли пушки свои и уже готовились рѣшительно оставить мѣсто сраженія. Но Сапѣга, раненый пулею въ лице, еще не отчаявался и кричалъ своимъ землякамъ, что бѣгство не спасетъ ихъ, ибо Польша далеко, что лучше лечь на полѣ брани, чѣмъ подвергаться постыдному плѣну, и что онъ умоляетъ ихъ еще разъ попытаться исторгнуть побѣду изъ рукъ непріятеля. Увѣщанія его подѣйствовали на двѣ хоругви Гусарскія и на двѣ Пятигорскія, которыя однѣ еще не были совершенно разстроены. Они въ слѣдъ за нимъ бросились на Царскихъ воиновъ съ такимъ стремленіемъ, что Русскіе въ свою очередь не выдержали ихъ натиска и требовали помощи отъ большаго и сторожеваго полка. Къ несчастію, сторожевой полкъ имѣлъ въ Ѳедорѣ Головинѣ малодушнаго вождя, который передалъ ему свою робость, и весь полкъ дрогнулъ и опрокинулся на большой полкъ. Смятеніе сдѣлалось всеобщимъ. Царское войско обратило тылъ и было на разстояніи 15 верстъ преслѣдуемо Сапѣгою, который взялъ двадцать знаменъ и множество плѣнныхъ.

Страшнымъ послѣдствіемъ сего разгрома было конечное уничтоженіе побѣжденнаго войска. Воеводы возвратились въ Москву только съ малымъ

Никоновская Лѣтопись.

числомъ своихъ приближенныхъ. Всѣ же ратные люди, вопреки долга и чести, оставили хоругвь свою и разошлись по домамъ.

Ужасъ столицы былъ неизобразимъ. Казалось, что исчезалъ послѣдній лучь надежды къ ея спасенію. При общемъ уныніи не только простолюдины, но даже важные перемѣтчики, стали тайно выѣзжать въ Тушино. Царь, чтобы остановить постыдное бѣгство, хотѣлъ сперва испытать дѣйствіе великодушнаго средства. Онъ объявилъ всенародно, что никого не желаетъ удерживать при себѣ принужденно, что всякому дается на волю избрать одно изъ двухъ: или свободно выѣхать изъ Москвы, или цѣловать крестъ на томъ, что останется тамъ въ осадѣ безъ всякой шаткости. Но въ несчастныя времена ни что не удается, и благородный поступокъ Царя только мгновенно тронулъ сердца. Хотя, подъ вліяніемъ перваго увлеченія, всѣ клялись умереть за Московскій домъ Пречистой Богородицы, но на другой же день многіе изъ присягнувшихъ не усумнились отъѣхать въ Тушино и позорный примѣръ, ими данный, нашелъ множество послѣдователей. Въ числѣ знатныхъ людей, запятнавшихъ себя столь низкою измѣною, Лѣтописцы называютъ Стольниковъ Князя Димитрія Тимофеевича Трубецкаго, Князя Димитрія Мамстрюкови-

Столяровъ Хронографъ.

ча Черкасскаго, Князя Алексѣя Юрьевича Сицкаго, Михайлу Матвѣевича Бутурлина и Князей Ивана да Семена Засѣкиныхъ. Кромѣ того большая часть Замосковныхъ помѣщиковъ, изнуренныхъ продолжительною службою, хотя не передавались Самозванцу, но не менѣе того оставляли столицу и разъѣзжались по домамъ подъ предлогомъ хозяйственныхъ занятій. Напрасно встревоженный Царь обратился тогда къ понудительнымъ мѣрамъ. Повсемѣстно разосланными указами было повелѣно всѣмъ безъизъятія Дворянамъ и Дѣтямъ Боярскимъ ѣхать на службу въ Москву, подъ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе. Таковому же наказанію и отобранію всего имущества въ казну подвергались тѣ изъ обывателей, городскихъ или деревенскихъ, которые бы стали укрывать *Нѣтовъ* *, или даже принимать ихъ только на ночлегъ. Но изнемогающее Правительство уже было такъ мало уважаемо, что вездѣ предписанныя строгости остались безъ исполненія. Никто изъ разъѣхавшихся не воротился и Царскія силы въ Москвѣ состояли уже почти единственно изъ помѣщиковъ Сѣверской земли и Зарѣчной Украины **, кои потерявъ помѣстья

Продолженіе Дневника Марины въ рукописи изъ библіотеки Графа Хрептовича.

---

* *Примѣчаніе. Нѣтями* назывались въ то время неявившіеся на вызовъ служивые люди.

** *Примѣчаніе.* Зарѣчною Украиною означалась страна,

свои, только въ одномъ Царскомъ жалованьи находили средство къ пропитанію себя и семей своихъ, и ревностно искали случая отмстить мятежникамъ за претерпѣнное отъ нихъ разореніе.

Если бы Рожинскій и Сапѣга рѣшились воспользоваться первою тревогою столицы, чтобы итти на приступъ къ оной, то вѣроятно они овладѣли бы Москвою и вмѣстѣ съ тѣмъ окончили бы войну торжествомъ поддерживаемой ими холопьей стороны. Но Польскіе вожди не отважились предпринять сего. Избѣгая неминуемой траты людей своихъ на приступѣ, и имѣя въ виду, что среди ужасовъ, обыкновенно сопровождающихъ такого рода военныя дѣйствія, трудно было бы уберечь отъ расхищенія Московскія сокровища, коими надѣялись овладѣть, они стояли на томъ, чтобы столицу не добывать открытою силою, а вынуждать къ сдачѣ посредствомъ строгаго стѣсненія. Сапѣга даже не пошелъ подъ Москву послѣ своей побѣды, а слѣдуя первоначальному начертанію, обратился на Троицу. Вечеромъ 23 Сентября онъ уже привѣтствовалъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами тамошн-

Беръ.

Дневникъ Сапѣги.

лежащая на правой сторонѣ Оки отъ Калуги до предѣловъ Рязанскихъ, что составляетъ нынѣ губерніи Курскую, Орловскую, Тульскую и часть Калужской.

нихъ Иноковъ, которыхъ впрочемъ не успѣлъ привесть въ робость.

Начальникъ ихъ, Архимандритъ Іоасафъ, самъ готовясь къ подвигу необычайному, одушевлялъ всѣхъ пламеннымъ усердіемъ къ православію и Россіи. Смотря на доблестнаго старца, съ твердостію вступающаго на геройскую стезю трудовъ и опасностей, никто не отказывался содѣйствовать ему съ самоотверженіемъ, внушаемымъ его назидательными увѣщаніями. Укрѣпляемый вдохновеніями искренней вѣры и безпредѣльной любви къ отечеству, онъ не только принялъ на себя завѣдываніе осажденнаго мѣста по части хозяйственной, но даже и въ ратномъ дѣлѣ; начальствующіе Воеводы Окольничій Князь Григорій Борисовичь Роща-Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ совѣщались съ нимъ и ничего не предпринимали безъ его согласія. Палицынъ.

Троицко-Сергіевъ Монастырь, построенный посреди довольно пересѣченной мѣстности, между овраговъ и высотъ, представляетъ видъ неправильнаго четвероугольника, имѣющаго въ окружности 642 сажени. Укрѣпленія его состояли изъ прочно сложенной каменной стѣны, коей вышина, вообще въ 4 сажени, доходила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6 и 7, а толщина нигдѣ не была менѣе 3 сажень. Впрочемъ толщина сія не была

сплошная каменная. Въ ней вдѣланы были двуярусныя каморы со сводами и бойницами для подошвенныхъ выстрѣловъ. На углахъ и посреди боковъ ограды находились башни. Рѣчка Кончура, протекая у подошвы стѣны, образовывала съ Западной и Южной сторонъ нѣкоторый родъ естественнаго рва. Подходъ ко стѣнѣ съ Южной и Сѣверной сторонъ еще запруднялся нѣсколькими прудами. Къ обители прилегали предмѣстныя слободы, а противъ Юго-Восточнаго угла оной, у подошвы высоты, къ Кончурѣ клонящейся, находился малый Монастырь, который назывался Подольнымъ. При первомъ появленіи Сапѣги, внѣшнія строенія сіи были сожжены, дабы отнять возможность у враговъ безвредно угнѣздиться въ оныхъ. Только для удобности вылазокъ сохранены были внѣ ограды мельница на Кончурѣ за Подольнымъ Монастыремъ и пивной дворъ, находящійся на Западной сторонѣ и на самомъ берегу Кончуры. Обнесенный твердымъ тыномъ, дворъ сей составлялъ наружное укрѣпленіе, имѣющее съ Монастыремъ надежное сообщеніе посредствомъ тайника. Огромные склады жизненныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, предусмотрительностію Архимандрита заблаговременно учрежденные, обезпечивали потребности продолжительнѣйшей осады. Въ людяхъ также не только не было недостатка, но даже можно сказать, что оказывалось

вредное излишество. При наступленіи непріятеля всѣ жители окрестныхъ селеній, съ женами и дѣтьми, искали убѣжища въ обители. Сострадательный Іоасафъ никого принимать не отказывался, хотя чрезмѣрная тѣснота и напрасное потребленіе съѣстныхъ припасовъ были неминуемымъ слѣдствіемъ таковаго снисхожденія. Впрочемъ, не смотря на большое стеченіе народное, воиновъ было не много, ибо кромѣ нѣкоторыхъ Монаховъ, прежде служившихъ въ войскѣ, и малаго числа служивыхъ людей, при Долгоруковѣ и Голохвастовѣ находившихся, всѣ прочіе были поселяне, вовсе къ ратному дѣлу не привыкшіе. Но и они именемъ вѣры и отечества, Архимандритомъ возбужденные, обѣщали въ бранныхъ подвигахъ не отставать отъ настоящихъ воиновъ. Такимъ образомъ набралось въ обители до 3,000 вооруженныхъ защитниковъ *. Ихъ раздѣлили на два разряда, одинъ

---

* *Примѣчаніе.* Ни въ какой Лѣтописи не упоминается о числѣ защитниковъ Монастыря, но оное выводится съ одной стороны изъ удостовѣренія Палицына, что во время осады побито и померло старцевъ, ратныхъ людей и поселянъ всего 2,125 человѣкъ, кромѣ женщинъ, дѣтей и неспособныхъ къ бою мужчинъ, а съ другой стороны изъ письма, писаннаго изъ Троицы отъ 6 Іюля 1609 года Соломонидою, служанкою Царевны Инокини Ольги Борисовны Годуновой, къ матери своей, которую она извѣщала, что по пресѣченіи мора осталось въ обители только треть людей въ живыхъ. По другому извѣстію, Палицынымъ же намъ сообщенному, ежедневно

для службы внутренней, а другой для наружной. Люди перваго разряда, подчиненные головамъ изъ Монаховъ и Дворянъ, были распредѣлены по стѣнамъ, башнямъ, воротамъ и подошвяннымъ бойницамъ. Каждый зналъ, какое мѣсто ему оборонять, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ оставлять онаго. Для вылазокъ же назначался исключительно второй разрядъ, который также предполагали употреблять въ видѣ запаснаго войска для поданія помощи въ случаѣ нужды тѣмъ мѣстамъ ограды, на которыя во время приступовъ болѣе прочихъ сталъ бы напирать непріятель.

Сіи благоразумныя распоряженія не вполнѣ успокоивали Іоасафа. По несчастію, онъ не могъ довѣрять самимъ Воеводамъ. Старшій Князь Роща-Долгорукій уже извѣстенъ былъ замѣчательно удачною обороною города Рыльска, въ 1606 году, противъ побѣдоноснаго подъ Добрунемъ Царскаго войска, но подвигъ сей, совершенный имъ въ пользу перваго Самозванца, давалъ печальное понятіе о его вѣрности. Голохвастовъ также принадлежалъ къ числу людей, на преданность коихъ нельзя

израсходывалось въ Монастырѣ по 20 четвертей хлѣба и по 10 сухарей, что составляло ежедневнаго продовольствія на 3,600 душъ. Довольно вѣроятно, что около шестой части сего количества израсходывалось на женщинъ, дѣтей и неспособныхъ къ бою мужчинъ.

было полагаться безусловно. При сихъ сомнѣніяхъ Архимандритъ почелъ полезнымъ тѣснѣе связать всѣхъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, всенародно и торжественно совершеннымъ. 25 числа, въ день праздника Святаго Сергія, Воеводы и всѣ чиновные и простые люди, на брань обрекающіяся, цѣловали крестъ при гробѣ Чудотворца на томъ, чтобы всѣмъ дружно и безъ измѣны стоять за отечественную святыню и до послѣдней капли крови охранять ее отъ поруганія иновѣрцевъ.

Пока такимъ образомъ въ обители все устроивалось къ оборонѣ, непріятель принималъ нужныя мѣры для обложенія осажденныхъ. Сапѣга главный станъ свой основалъ на Дмитровской дорогѣ. Лисовскаго отрядъ помѣстился за Терентьевскою рощею между дорогами Московскою и Александровскою. Оба стана были прикрыты крѣпкими окопами. Дороги же Переславльская и Углицкая наблюдались отдѣльными заставами.

Стѣснивъ Монастырь и перехвативъ всѣ сообщенія онаго, Польскіе вожди ожидали сдачи, ибо они не предполагали, чтобы горсть Иноковъ и воиновъ, поддерживаемая толпою крестьянъ, осмѣлилась въ самомъ дѣлѣ сопротивляться побѣдоносному войску. Но когда нѣсколько дней протекло въ грозномъ молчаніи со стороны осажденныхъ, то Сапѣга и Лисовскій рѣшились, 29 числа, послать въ Монастырь

Боярскаго сына, Безсона Руготина, съ грамотами, въ коихъ требовали покорности съ обѣщаніемъ богатыхъ наградъ Воеводамъ и съ угрозами въ случаѣ упорства не щадить защитниковъ, и въ особенности предать мечу всѣхъ Монаховъ. Но осажденные не дали себя ни обольстить, ни застращать. Руготина отправили обратно въ непріятельскій станъ съ грамотою, удостовѣряющею въ непреклонной рѣшимости ихъ, вѣрою и правдою стоять за православіе и отечество *.

Сапѣга, получивъ отвѣтъ, немедленно приступилъ къ осаднымъ работамъ. Въ ночи съ 30 Сентября на 1 Октября, онъ велѣлъ прикатить туры и изъ оныхъ устроить девять батарей въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ праваго крыла: первую на крутой горѣ противъ мельницы, другіе три за прудомъ, а именно вторую въ терентьевской рощѣ, третью подлѣ Московской дороги и четвертую на Волкушѣ горѣ; а послѣднія пять на Красной горѣ: пятую противъ Водяной башни, шестую противъ погребовъ Пивнаго двора и Келаревыхъ келей, седьмую противъ Келарскія и казенныя палатъ, восьмую изъ рощи противъ Плотничной башни и наконецъ девятую возлѣ Глинянаго оврага, противъ башни Конюшенныхъ воротъ.

---

* Смотри Приложенія № XI.

На Красной же горѣ, въ то же время, непріятель выкопалъ за батареями широкую и глубокую паралель на всемъ протяженіи отъ Келарева пруда до Глинянаго оврага.

Въ слѣдующіе дни поставили на батареѣ 63 орудія, которыя открыли огонь 3 Октября. Съ тѣхъ поръ стрѣльба продолжалась безпрерывно. Непріятель старался разрушить стѣны и вмѣстѣ съ тѣмъ метаніемъ бомбъ и каленыхъ ядеръ распространять ужасъ и разореніе на самую внутренность Монастыря. Но въ обители никто не дрогнулъ, кромѣ одного Монастырскаго служки, Осипа Селевина, который перебѣжалъ къ Сапѣгѣ. Прочіе всѣ бодрствовали и частыми вылазками докучали осаждающимъ. Въ ночи, съ 6 на 7, Лисовскій сдѣлалъ покушеніе въ расплохъ занять мельницу близь Подольнаго Монастыря. Къ счастію ночь была свѣтлая, и занимающіе мельницу люди во-время примѣтили его наступленіе и отразили его съ нѣкоторымъ урономъ. Самъ Лисовскій былъ раненъ въ руку. Но такъ какъ, не смотря на сію неудачу, непріятель успѣлъ въ то же время открыть подступный ровъ подъ горою близь мельницы, въ направленіи къ Краснымъ воротамъ, то должно полагать, что осажденные сами очистили мельницу въ избѣжаніе напрасной траты людей. 12 числа подступный ровъ доведенъ уже былъ до

Дневникъ Сапѣги.

Палицынъ.

*

высоты противъ Круглой башни, и изъ онаго повели подкопъ противъ сей башни.

Медленный ходъ подкопныхъ работъ не соотвѣтствовалъ нетерпѣнію Сапѣги. Онъ рѣшился попытаться открытымъ приступомъ овладѣть Монастыремъ. Въ семъ намѣреніи, желая охрабрить своихъ воиновъ, онъ угощалъ ихъ 13 Октября во весь день, а подъ вечеръ выступилъ изъ лагеря и расположился со всѣмъ войскомъ своимъ подъ прикрытіемъ параллели возлѣ батарей Красной горы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лисовскаго полки расположились по Терентьевской рощѣ до Сазонова оврага, и на дорогахъ Переславской и Углицкой до Мишутина оврага. Во весь день всѣ батареи дѣйствовали безумолкно, а по захожденіи солнца непріятель, прикрываясь придвинутыми щитами и рублеными тарасами, на колесахъ подкаченными, со всѣхъ сторонъ съ лѣстницами устремился къ стѣнамъ, при громѣ музыки. Но самыя мѣры, принятыя Сапѣгою для возбужденія своихъ воиновъ, произвели противное дѣйствіе. Вступая въ бой въ нетрезвомъ видѣ, они сражались безъ толку. Осажденнымъ не трудно было отбить людей, едва державшихся на ногахъ, которые при отступленіи своемъ, въ безпамятствѣ произведенномъ, пометали щиты, тарасы и лѣстницы. Орудія сіи на другой день были подобраны осажденными и упо-

треблены ими на дрова, въ коихъ начинали нуждаться въ Монастырѣ.

Послѣ сего неудачнаго покушенія, въ теченіи цѣлой недѣли, непріятель ежедневно подходилъ къ стѣнамъ, и старался лестію и угрозами склонить къ сдачѣ защитниковъ обители. Но въ оной никто и не помышлялъ о покорности. Тамъ, по мѣрѣ продолженія осады, воинственный духъ все болѣе и болѣе вкоренялся. Вскорѣ представился случай убѣдить въ томъ враговъ. Нѣсколько Поляковъ пришло 19 числа брать капусту на огородѣ, лежащемъ по близости и насупротивъ Сѣверовосточной Круглой башни; многіе изъ Монастырскихъ защитниковъ, почитая обиднымъ для себя допускать ихъ подъ глазами своими къ такому упражненію, рѣшились самопроизвольно спуститься съ стѣнъ по веревкамъ и стали рубить грабителей огорода. Хотя сіе происходило безъ вѣдома начальниковъ, однако Князь Долгорукій и Голохвастовъ почли необходимымъ поддержать непослушныхъ воиновъ своихъ, и для того учинили сильную вылазку, какъ конницею такъ и пѣхотою. Высыпавъ изъ Конюшенныхъ воротъ, вылазка раздѣлилась на два полка, изъ коихъ одинъ направился вправо, чрезъ огородъ по плотинѣ нагорнаго пруда къ Служней слободѣ, а другой сперва пошелъ на Княжее Поле за Токарню и за Конюшенный дворъ,

а потомъ, повернувъ влѣво, переправился за Глиняный оврагъ и учинилъ нападеніе на батареи, устроенныя близь сего оврага на Красной горѣ. Съ обѣихъ сторонъ сражались упорно, но осажденные были отбиты и не безъ урона возвратились въ Монастырь. Въ особенности подъ батареями много пало стрѣльцевъ, Козаковъ и поселянъ.

Хотя среди самой неудачи осажденные оказали блистательную храбрость, однако Сапѣга, поощренный полученною имъ поверхностію, рѣшился, не упуская времени, сдѣлать поискъ на вытѣсненіе ихъ изъ Пивнаго двора. 25 Октября, въ восьмомъ часу вечера, вдругъ загремѣли всѣ батареи, и Поляки съ всѣхъ сторонъ съ воплемъ устремились къ стѣнамъ. Главныя же усилія ихъ были направлены на Пивной дворъ. Притащивъ къ оному бревна, дрова, хворостъ и смолу, смѣшанную съ берестою и порохомъ, они зажгли всѣ сіи вещества въ надеждѣ огнемъ истребить тынъ, составляющій главнѣйшее укрѣпленіе двора. Но самое возженное ими пламя, освѣтивъ ихъ полки, подвергло ихъ мѣткимъ выстрѣламъ изъ пушекъ и пищалей осажденныхъ. Наступатели не выдержали стрѣльбы и отошли въ таборы свои, а осажденные спѣшили потушить пламя. Уронъ Поляковъ убитыми и ранеными былъ тѣмъ значительнѣе, что для развлеченія силъ Монастырскихъ они съ про-

нихъ сторонъ подходили слишкомъ близко къ стѣнамъ, полагаясь на безопасность темной ночи. Но осажденные нашли способъ и путъ освѣтить ряды ихъ, спускаемыми съ башень огнеными козами и такимъ образомъ пріобрѣли возможность вездѣ придать надлежащую мѣткость своей стрѣльбѣ.

Вскорѣ послѣ того осажденные въ свою очередь стали помышлять о наступательномъ дѣйствіи, и благоразумно положили произвесть оное на слабѣйшую часть непріятельской обложительной черты. Ротмистры Брушевскій и Сума, содержавшіе заставы у Мишунина оврага и на Княжеемъ Полѣ, находились болѣе всѣхъ прочихъ отрядовъ въ отдаленіи отъ таборовъ Сапѣги и Лисовскаго, и потому трудно было имъ получить своевременно надлежащее подкрѣпленіе, а изъ сего слѣдовало, что нападеніе на нихъ представляло несомнѣнныя выгоды. 26 числа Князь Долгорукій и Голохвастовъ, отпѣвъ молебенъ въ соборѣ, сдѣлали вылазку изъ Конюшенныхъ воротъ, въ Мишунинъ оврагъ, представляющій имъ удобность скрытнаго слѣдованія. Предпріятію ихъ способствовала безпечность Польскихъ Ротмистровъ, которые худо береглись. Брушевскаго рота, схваченная въ расплохъ, была разсѣяна и самъ Брушевскій попался въ плѣнъ. Потомъ Вос-

воды взошли на Княжее Поле, сбили роту Сумы и втоптали ее въ Благовѣщенскій оврагъ. Сапѣга на-скоро выслалъ на помощь разбитымъ людямъ своимъ нѣсколько конныхъ и пѣшихъ полковъ, приближеніе коихъ удержало Воеводъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія бѣгущихъ, и осажденные возвратились въ Монастырь безъ малѣйшей потери.

Впрочемъ частный успѣхъ сей ни сколько не улучшалъ положенія Монастырскихъ защитниковъ, а напротивъ того послѣдствіемъ онаго было большее стѣсненіе ихъ. Непріятель придвинулъ ближе къ стѣнамъ черту обложенія и засѣлъ по ямамъ и по плотинамъ прудовымъ, возбраняя осажденнымъ черпать воду и выгонять скотъ свой на водопой. Но сіи трудности не столько еще тревожили Монастырскихъ начальниковъ, сколько показанія плѣннаго Ротмистра Брушевскаго, который на пыткѣ объявилъ, что осаждающіе точно ведутъ подкопъ подъ стѣны, но что онъ не знаетъ въ какомъ мѣстѣ производится подземная работа.

Въ сей неизвѣстности должно было ежечасно ожидать гибели, казавшейся неизбѣжною, потому что невозможно было угадать, куда направить противодѣйствія, на отвращеніе угрожаемой опасности. Только одно существованіе подступнаго

рва, выведеннаго непріятелемъ отъ мельницы до высоты насупротивъ Красныхъ воротъ, подавало нѣкоторый поводъ подозрѣвать, что изъ него ведутся подкопы противъ восточной части ограды. Сколь ни слаба была таковая данная, Архимандритъ и Воеводы вынуждены были довольствоваться оною. Троицкій слуга, Власъ Корсаковъ, искусный въ горокопномъ дѣлѣ, получилъ отъ нихъ приказаніе устроить частые слуховые колодцы подъ башнями и подъ нижними стѣнными камерами, и вмѣстѣ съ тѣмъ выкопать глубокій ровъ передъ стѣною на всемъ протяженіи восточной стороны ограды. Непріятель, усмотрѣвъ сію работу, вознамѣрился было препятствовать оной, но высланная имъ на копателей пѣхота, потерпѣла много отъ пушечнаго и мушкетнаго огня, коему подверглась на близкое разстояніе, и наконецъ была опрокинута воинами, высыпавшими изъ Монастыря.

Такъ какъ взятые при семъ случаѣ въ плѣнъ Поляки единогласно подтверждали, что подкопы ведутся, а на вопросъ въ какомъ мѣстѣ, отзывались невѣдѣніемъ, то рѣшено было сдѣлать сильную вылазку въ направленіи подступнаго рва. Ноября 1-го, въ 9 часовъ утра, пѣшее и конное войско выступило изъ Монастыря и устремилось на непріятеля, который, ожидая нападенія сего,

изготовился къ отпору. Осажденные были совершенно разбиты и вогнаны въ Монастырь съ урономъ весьма чувствительнымъ въ разсужденіи ихъ малолюдства. Они потеряли 190 человѣкъ убитыми и ранеными и 7 плѣнныхъ.

Въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ уныніе и страхъ распространились въ обители. Всѣ съ трепетомъ ожидали губительнаго взрыва, долженствующаго ихъ беззащитно предать въ руки враговъ. Одни Иноки, воспламененные теплою вѣрою, бодрствовали, и увѣщаніями своими укрѣпляя упадшихъ духомъ, успѣли убѣдить всѣхъ полагаться на помощь Божію, или готовиться къ принятію мученическаго вѣнца, уготовляемаго для пострадавшихъ за православіе.

Сапѣга, дабы не дать опомниться осажденнымъ, въ слѣдующую же ночь приказалъ прикатить ближе къ стѣнамъ отъ стороны подступнаго рва туры и тарасы, подъ прикрытіемъ коихъ онъ предполагалъ вести войско свое на новый приступъ. Употребленные на сію работу Поляки много потерпѣли отъ Монастырской стрѣльбы. Когда же разсвѣло, то осажденные выслали на вылазку конныхъ и пѣшихъ людей, которые отогнали непріятелей и овладѣли турами и тарасами ихъ. Нѣкоторые изъ сихъ орудій были сожжены на мѣстѣ, а другіе внесены въ Мона-

стырь. Другая вылазка, учиненная 4 Ноября, хотя въ меньшихъ силахъ, имѣла однако важныя послѣдствія. Нѣсколько пѣшихъ людей вышли изъ Монастыря къ нагорному пруду и направились къ подсупному рву. Засѣвшіе въ оном Поляки и Руcскіе бунтовщики, выскочили имъ на встрѣчу. Произошла довольно сильная схватка, на коей съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ. Но осажденнымъ посчастливилось взять въ плѣнъ одного Лѣдиловскаго Козака, который, изнемогая отъ полученныхъ имъ ранъ, горько раскаивался въ своей измѣнѣ, и успѣлъ еще передъ смертію объявить, что подкопъ ведется подъ Юговосточную угольную башню. Сіе первое положительное показаніе побудило Воеводъ укрѣпить угрожаемое мѣсто новою внутреннею оборонительною чертою. Для сего они приказали вывесть позади угольной башни отъ Южной части ограды до Святыхъ воротъ, стѣну изъ насыпанныхъ землею тарасовъ, прикрыть ее частоколомъ и поставить на ней пушки.

Извѣстіе, данное Лѣдиловскимъ Козакомъ, подтвердилось еще выбѣжавшимъ въ слѣдующую ночь изъ непріятельскаго табора Донскимъ Козакомъ Иваномъ Рязанцевымъ, который показалъ, что подкопъ подъ Юговосточную башню уже готовъ и что непріятель намѣренъ начинять его поро-

хомъ, 8-го Ноября. Осажденные положили съ общаго совѣта сдѣлать сильную вылазку, тогда какъ по расчету времени должно будетъ полагать, что порохъ уже внесенъ въ подкопъ, но что непріятель не успѣлъ еще забить входа въ оный. Для лучшаго же удобства предполагаемой вылазки, повелѣно открыть потаенные ворота изъ-подъ городовой стѣны въ ровъ. Каменосѣчцы отыскали и очистили старый вылазъ, возлѣ сушильной башни, и придѣлали къ оному трое желѣзныхъ дверей.

Уже шестая недѣля наступала съ тѣхъ поръ, какъ обитель подвергнута была ежедневной стрѣльбѣ батарей непріятельскихъ, но никогда еще дѣйствіе оныхъ не оказывалось столь жестокимъ, какъ 8-го Ноября. Даже во внутренности Троицкаго собора нельзя было укрыться отъ ядеръ. Среди сего ужаснаго опустошенія, осажденные имѣли утѣшеніе сокрушить главное изъ непріятельскихъ орудій. На батареи, устроенной въ Терентьевской рощи, находилась огромная пушка, которую называли *трещерою* и которая вредила болѣе прочихъ. Воеводы приказали обратить преимущественно на нея дѣйствіе стѣнныхъ орудій, что исполнилось успѣшно. Ударами, съ башни Водяныхъ воротъ испортили ея заправ-

ку, а съ Красной башни и Святыхъ воротъ разбили ея жерло.

Наконецъ наступилъ день важныхъ подвиговъ для доблестныхъ защитниковъ Монастыря. Ноября 9, за три часа до разсвѣта, Воеводы, помолившись въ соборѣ, пришли къ потаенному ходу, и приказали людямъ мало по малу выходить въ ровъ и тамъ скрываться до времени. Между тѣмъ изъ Пивнаго двора вышли головы Иванъ Есиповъ, Сила Маринъ и Юрій Редриковъ съ своими сотнями и съ поселянами и засѣли на луковомъ огородѣ и на плотинѣ Краснаго пруда; а съ другой стороны головы Иванъ Ходыревъ, Иванъ Болховскій, Борисъ Зубовъ и Аѳанасій Редриковъ, съ многими пѣшими сотнями и со всею конницею выступили изъ Конюшенныхъ воротъ. Троицкіе Монахи распредѣлены были по всѣмъ полкамъ для поощренія сражающихся, коимъ въ ясакъ дано было имя *Святаго Сергія.* Выступленію отрядовъ сихъ изъ Монастыря благопріятствовали густыя тучи, затмевающія наступающій утренній свѣтъ. Но когда все уже готово было къ нападенію, то сильный вѣтеръ разсѣялъ облака и сдѣлалось ясно. Тогда ударили три раза въ осадные колокола и по сему условленному знаку православные витязи стѣшили на бой. Ходыревъ съ товарищами, обогнувъ Сѣверовосточный уголъ обители, съ вопемъ ударилъ на По-

ляковъ около Служней слободы, смялъ и прогналъ ихъ за мельницу на лугъ. Въ то же время голова, Иванъ Внуковъ, выскочивъ изъ Монастырскаго рва съ залегшими въ ономъ людьми, устремился отъ Святыхъ воротъ къ подступному рву, вытѣснилъ оттуда враговъ и также сбилъ ихъ подъ гору на Нижній Монастырь и за мельницу. При семъ случаѣ отысканъ былъ входъ въ подкопъ. Двое Клементьевскихъ крестьянъ, Никонъ Шиловъ и Слота, отважились спуститься въ оный и поджечь снесенный уже туда порохъ. Къ сожалѣнію оба они не успѣли удалиться и жизнію заплатили за геройское самоотверженіе. Такъ какъ входъ въ подкопъ не былъ еще забитъ, то Монастырскія стѣны остались невредимы, а напротивъ того разрушилась только вся подкопная работа.

Между тѣмъ Есиповъ съ товарищами велъ жаркое дѣло на Московской дорогѣ. Пройдя черезъ плотину Краснаго пруда, онъ смѣло, но безуспѣшно наступалъ къ непріятельской батареи на горѣ Волкушѣ. Самъ онъ былъ раненъ, а сотни его, отбитыя, отступили до Нижняго Монастыря къ отряду Внукова. Поляки и Русскіе измѣнники преслѣдовали ихъ, но были остановлены Внуковымъ, который отъ Нижняго Монастыря обратился на нихъ по плотинѣ и по берегу Круглаго пруда.

Неприятель не выдержалъ его нападенія и въ свою очередь, гонимый до Терентьевской рощи и до горы Волкуши, потерпѣлъ великій уронъ. Особенно отличался шуринъ Данило Селевинъ, братъ бѣжавшаго къ неприятелю Осипа Селевина. Не стерпѣвъ поношеній, коимъ подвергался за преступленіе его, онъ сказалъ предъ всѣми воинами: *хощу за измѣну брата своего животъ на смерть перемѣнити*, и съ пѣшею сотнею своею проникнувъ до колодца Св. Сергія, напалъ на стоящихъ тамъ конныхъ Козаковъ измѣнническаго Атамана Чики. Селевинъ своеручно убилъ трехъ Козаковъ, а хотя четвертый и нанесъ ему самому смертельную рану копьемъ въ грудь, но онъ и его изрубилъ саблею. Мужественному Внукову также суждено было положить животъ свой за отечество. Когда, по оттѣсненіи враговъ, онъ воротился на Нижній Монастырь, то измѣнническіе Козаки снова подступили подъ оный, и Чика выстрѣломъ изъ самопала убилъ Внукова.

Царскіе Воеводы, видѣвъ что истребленіемъ подкопа уже достигнутъ предполагаемый предметъ вылазки, а драгоцѣнная кровь храбрыхъ защитниковъ обители еще проливается безъ видимой цѣли, послали всѣмъ повелѣніе прекратить битву и возвратиться въ Монастырь. Но не легко было уговорить къ отступленію разъяренныхъ воиновъ;

многіе изъ нихъ даже вовсе не послушались и продолжали сражаться близь Московской дороги. Въ особенности Иноки, исполненные воинственнаго духа, возженнаго въ нихъ пламеннымъ усердіемъ къ православію, отвергали предлагаемое имъ успокоеніе и подвизались на новыя опасности. Нѣкоторые изъ нихъ, придя на Пивной дворъ къ начальствующему тамъ Чаплину, старцу Нифонту Змѣеву, предложили ему учинить поискъ на непріятельскія батареи, на Красной горѣ устроенныя. Нифонтъ одобрилъ предпріятіе сіе въ особенности потому, что непріятель, обративъ усилія свои главнѣйше къ Терентьевской рощѣ и къ горѣ Волкушѣ, казалось, не ожидалъ нападенія на Красную гору. Чаплинъ, взявъ съ собою 200 воиновъ и 30 Монаховъ, вышелъ изъ Пивнаго двора, переправился за ручей и устремился на батареи. Когда же съ Монастырскихъ стѣнъ увидѣли горсть священныхъ витязей, безстрашно наступающихъ, то многіе изъ находящихся въ обители ратныхъ людей, увлекаясь великодушнымъ соревнованіемъ, бросились къ Конюшеннымъ воротамъ для поддержанія сражающихся. Напрасно Воевода Голохвастовъ хотѣлъ противиться сему, по его мнѣнію, безразсудному стремленію, и приказалъ стражи, у воротъ находящейся, никого не выпускать изъ обители. Но его не послушались, отогнали стражу,

отворили вороты и конные и пѣшіе сотни поспѣшили на Красную гору на помощь воинамъ, вышедшимъ изъ Пивнаго двора, коихъ первое покушеніе овладѣть батареями было безуспѣшно. Принятые пушечными и ружейными выстрѣлами съ батарей, они были отбиты и отступили къ Пивному двору. Когда же соединились съ ними многочисленные Монастырскіе охотники, то всѣ вмѣстѣ снова взошли на гору съ рѣшительнымъ намѣреніемъ приступить къ батареямъ. Но тутъ подверглись они губительному перекрестному огню съ непріятельскихъ батарей, изъ коихъ устроенная на горѣ Волкушѣ, дѣйствовала имъ во флангъ, а та, которая находилась на Терентьевской рощѣ, поражала даже ихъ въ тылъ. Въ семъ опасномъ положеніи, не смотря на храбрость свою, имъ невозможно было сохранить должнаго устройства. Поляки и Русскіе измѣнники, пользуясь ихъ замѣшательствомъ, вышли изъ-за батарей Красной горы и погнали ихъ подъ гору, но сами, остановленные выстрѣлами съ Монастырскихъ стѣнъ, возвратились на батареи, гдѣ загремѣла музыка въ ознаменованіе побѣды, по мнѣнію ихъ несомнѣнной, ибо они отнюдь не полагали, чтобы осажденные, послѣ претерпѣннаго ими пораженія, осмѣлились еще помышлять о возобновленіи своихъ усилій. Радость ихъ была преждевременна. Троицкіе воины

не упали духомъ и нисколько не намѣрены были отказаться отъ своего предпріятія. Но наученные опытомъ, они убѣдились, что невозможно имъ было овладѣть батареями съ лица и потому положили захватить оныя съ тыла. Искусно пользуясь мѣстностію, они всѣ скрытно потянулись подъ горою вправо, и засѣли въ оврагахъ Глиняномъ, Косомъ и Благовѣщенскомъ. Когда такимъ образомъ успѣли они обойтить батареи, то отважнѣйшіе изъ нихъ, Иванъ Ходыревъ и Ананій Селевинъ съ малочисленною конною дружиною, выскочили изъ Косаго оврага и помчались полемъ въ тылъ девятой батареи, на лѣвой оконечности непріятельской паралели находящейся. Туда же за ними послѣдовала и прочая конница и пѣхота, скрывавшаяся въ оврагахъ. Изумленный непріятель оставилъ батарею и побѣжалъ къ восьмой и седьмой, изъ которыхъ также былъ постепенно вытѣсненъ безъ большаго затрудненія. Но овладѣніе остальныхъ двухъ батарей, на Красной горѣ, потребовало большихъ усилій со стороны Троицкаго войска. Сапѣга успѣлъ привесть значительное подкрѣпленіе къ своимъ людямъ. Поляки и измѣнническіе Козаки ободрились и стали сражаться упорно, но наконецъ не могли отстоять шестой и пятой батарей, и рѣшительно отступили въ таборы свои. Такимъ образомъ, послѣ битвы,

продолжавшейся отъ ранняго утра до самаго вечера, блистательная побѣда увѣнчала труды незабвенныхъ Монастырскихъ воиновъ. Они взяли и ввезли въ обитель восемь пушекъ, множество разнаго рода оружія, нѣкоторое количество ядеръ и нѣсколько бочекъ пороха. Батареи на Красной горѣ были сожжены. Сапѣга потерялъ множество людей. Осажденные, обозрѣвая одержанное ими мѣсто сраженія, насчитали до 1,500 непріятельскихъ труповъ, около прудовъ Конюшеннаго, Круглаго, Келарскаго и Клементьевскаго, у приступнаго рва, противъ Святыхъ воротъ, близъ мельницы и церквей Нижняго Монастыря и на параллели и батареяхъ Красной горы. Кромѣ того у непріятелей выбыло изъ строю нѣсколько плѣнныхъ и до 500 раненыхъ. Впрочемъ побѣда дорого стоила и осажденнымъ. Уронъ ихъ хотя далеко не доходилъ до непріятельскаго, не менѣе того былъ имъ весьма чувствителенъ въ разсужденіи ихъ малолюдства. У нихъ убитыхъ было 174, да раненыхъ 66 человѣкъ. Архимандритъ и Воеводы послали къ Царю въ Москву сына Боярскаго, Скоробогатова, съ донесеніемъ о семъ славномъ дѣлѣ, отъ коего ожидали важнаго облегченія для осажденныхъ.

Дѣйствительно Сапѣга уже не помышлялъ о возстановленіи разрушенныхъ батарей и подсту-

повъ. Наступающая зима не позволяла ему заниматься осадными работами, и онъ вынужденнымъ нашелся довольствоваться тѣснымъ облеженіемъ обители. Однако прежде, чѣмъ оставить еще занимаемые имъ батареи, онъ хотѣлъ попытаться выместить на осажденныхъ за понесенное отъ нихъ пораженіе. Устроивъ засады у Рыбныхъ садовъ, въ Сазоновѣ и Мишунинѣ оврагахъ, онъ выслалъ къ стѣнамъ малый отрядъ, дабы выманить вылазку. Дѣйствительно осажденные вышли изъ Монастыря и погнались за непріятельскимъ отрядомъ, который, умышленно отступая, наводилъ ихъ на засады. Къ счастію сторожа, поставленные на колокольнѣ, во-время усмотрѣли кроющихся въ оврагахъ людей. Тотъ часъ же осадный колоколъ подалъ вылазкѣ знакъ къ немедленному отступленію. Непріятель, обманутый въ надеждѣ своей окружить Троицкихъ воиновъ, преслѣдовалъ ихъ живо и приперъ ихъ къ стѣнамъ, но самъ неосторожно приблизившись къ онымъ, подвергся сильному огню изъ стѣнныхъ бойницъ и спѣшилъ удалиться. Послѣ сего неудачнаго покушенія, Сапѣга не медлилъ болѣе превратить осаду въ простое облежаніе.

Въ то время, какъ такимъ образомъ горсть вѣрою вдохновенныхъ воиновъ, крѣпко отстаивала твердыню, ввѣренную ея охраненію, противъ

многочисленнаго войска Сапѣги, отряды, посылаемые симъ Польскимъ вождемъ на поискъ въ разныя направленія, не встрѣчали должнаго сопротивленія. Почти вездѣ измѣна или малодушіе способствовали ихъ дѣйствіямъ. Первымъ городомъ, покорившимся непріятелю, былъ Суздаль. Находящіеся тамъ ратные люди хотѣли было защищаться и стали изготовляться къ выдержанію осады, но обывателей смутилъ злодѣй Мешникъ Шиловъ; по наущенію его, они цѣловали крестъ Самозванцу съ соизволенія самаго Архіепископа ихъ Галактіона, въ семъ случаѣ отступившаго отъ твердости, оказываемой вездѣ Рускимъ духовенствомъ. Преступнымъ подобострастіемъ своимъ онъ не успѣлъ однако угодить врагамъ отечества; сверженный ими съ святительскаго престола, онъ скончался въ изгнаніи. Сапѣга прислалъ въ Суздаль на воеводство Өедора Плещѣева. Во Владимірѣ Царскимъ Воеводою былъ Окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ, который по семейнымъ связямъ своимъ, казалось, не могъ не быть упорнѣйшимъ противникомъ Самозванца. Подъ Кромами, во время измѣны Басманова и цѣлаго войска, онъ вмѣстѣ съ Княземъ Телятевскимъ оказалъ примѣрную вѣрность, за что оба пострадали при Отрепьевѣ. Но въ немъ, такъ же какъ и въ Телятевскомъ, чувство долга не имѣло

Никоновская Лѣтопись.

Палицынъ.

Никоновская Лѣтопись.

твердаго основанія. Оба истощили въ одномъ похвальномъ дѣйствіи всю возможную для нихъ стойкость. Мы видѣли уже, что Телятевскій, послѣ убіенія Отрепьева, согласился сдѣлаться злѣйшимъ сообщникомъ гнуснаго Шаховскаго. Годуновъ также при первомъ случаѣ оказался вѣроломнымъ. Устрашенный быстрымъ распространеніемъ измѣны, онъ не послушался Царскаго Указа, повелѣвающаго ему ѣхать на воеводство въ Нижній, а остался во Владимірѣ, коего жителей привелъ къ присягѣ Тушинскому Вору.

Розряды.

Непріятель дѣйствовалъ столь же удачно и въ другую сторону. Сапѣга отрядилъ подъ Переславль служившаго при немъ Испанца, Дона Жуана Крузатти, съ нѣсколькими Поляками и семью сотнями Козаковъ. Переславцы не только не оборонялись, но даже въ соединеніи съ Крузатти пошли подъ Ростовъ. Начальствующій въ семъ городѣ Князь Третьякъ Сеитовъ, узнавъ 11 Октября о приближеніи враговъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, въ намѣреніи не допустить ихъ до города. Но Козаки разбили его и втоптали въ городъ. Устрашенные Ростовцы хотя еще и защищались, но недружно и безъ должнаго устройства. Многіе изъ нихъ побѣжали въ Ярославль и звали съ собою Митрополита Филарета. Святитель отвѣчалъ, что дорожитъ не столько

Беръ и Дневникъ Сапѣги.

Никоновская Лѣтопись.

жизнію, сколько исполненіемъ священной обязанности, не покидать паствы своей въ годину опасности. Между тѣмъ непріятель ворвался въ городъ, безпощадно предавая все огню и мечу. Бѣгущіе граждане искали убѣжища въ соборной церкви, гдѣ нашли Митрополита въ полномъ облаченіи, который и среди окружающихъ его ужасовъ не терялъ бодрости, и увѣщевалъ ихъ не предаваться злодѣямъ. Слова его имѣли такое сильное дѣйствіе, что всѣ положили обороняться въ церкви, приготовясь причастіемъ Святыхъ Таинъ къ мученической смерти. Переславцы, оказывавшіе всевозможное ожесточеніе противъ несчастныхъ сосѣдей своихъ, сильно приступили къ собору и наконецъ успѣли выбить двери онаго. Тогда Митрополитъ, убѣдясь въ совершенной невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, вышелъ къ нимъ съ хлѣбомъ и солью, и умолялъ ихъ о помилованіи несчастныхъ единокровныхъ своихъ. Но Переславцы, въ неистовомъ изступленіи, потерявъ всякое уваженіе къ святынѣ, не переставали свирѣпствовать въ самомъ храмѣ. Вѣрные защитники онаго были побиты и церковныя сокровища расхищены. Не уцѣлѣла и богатая рака Святаго Леонтія. Переславцы, пресытившись злодѣяніями, возвратились въ свои домы, оставя Ростовъ выжженнымъ, разграбленнымъ и заваленымъ Дневникъ Сапѣги.

двумя тысячами трупов его обывателей. Митрополита Филарета отправили въ Тушинскій лагерь босаго, въ Польскомъ худомъ платьѣ и въ Татарской шапкѣ. Но Самозванецъ принялъ его съ большею честію, какъ ближняго сродника милаго брата его, Царя Ѳедора Ивановича. Онъ даже объявилъ его Московскимъ Патріархомъ; однакожъ, зная его непреклонную добродѣтель, держалъ подъ строгимъ присмотромъ. Изъ добычи Ростовской Сапѣга прислалъ Маринѣ образъ Св. Леонтія, снятый съ гроба сего угодника, весь изъ чистаго золота, вѣсомъ въ пять пудъ. Образъ сей цѣнили въ 50,000 злотыхъ (столько же нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Сапѣга назначилъ Воеводою въ Ростовъ Матвѣя Плещеева.

Палицынъ.

Дневникъ Сапѣги.

Гибель Ростова печально отразилась не только на ближніе, но даже на Заволжскіе города. Изъ Ярославля именитѣйшіе граждане выбѣжали, покинувъ домы свои. Тамошній Воевода, Князь Ѳедоръ Борятинскій и оставшаяся чернь, спѣшили цѣловать крестъ Самозванцу, подъ условіемъ не подвергать обывателей никакому грабежу и насилію. Впрочемъ Ярославцы не отказались служить Вору, какъ лично, такъ и имуществомъ своимъ. Они обязались снарядить тысячу всадниковъ и выставить значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того они собрали и послали въ

Отписка Устюжанъ къ Вычегодцамъ отъ 27 Нолбря 1608.

Беръ.

Тушино 30,000 рублей (100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ). Но всѣ сіи пожертвованія не защитили ихъ отъ наглости присланныхъ къ нимъ Поляковъ, которые вопреки даннаго обѣщанія, оскорбляли и били жителей, грабили лавки и безденежно брали все, что хотѣли.

Романовскіе Татары поддались Самозванцу безъ сопротивленія, а также и Рыбна, Молога, Угличь, Кашинъ, Бѣжецкій Верхъ, Городецъ, Устюжна-Желѣзопольская, Бѣлозерскъ, Чаронда, Пошехонье, Кострома и Галичь съ его пригородами. Даже не нужно было мятежникамъ разсылать отряды для покоренія дальнихъ мѣстъ. Города повиновались однимъ грамотамъ. Такъ напримѣръ присягнули Самозванцу Вологда съ Воеводою своимъ Никитою Пушкинымъ по отпискѣ Ярославскаго Воеводы Князя Борятинскаго, а въ Тотьмѣ, Кузьма Даниловичъ Строгановъ, со всѣми жителями, по отпискѣ Вологодскаго Воеводы Пушкина. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ содержались много Польскихъ плѣнныхъ и Государственныхъ узниковъ. Всѣхъ ихъ освободили и между прочими выпустили изъ Каменной пустыни и извѣстнаго злодѣя, Князя Шаховскаго, который спѣшилъ въ Тушино, гдѣ сдѣлался главнымъ совѣтникомъ тамошняго Вора.

Отписка Князя Шуйскаго Скопина въ разные города въ Декабрѣ 1608. Отписка Ѳеодора Палицына къ Устюжанамъ въ Мартѣ 1609.

Дневникъ Сапѣги.

Весьма замѣчательно, что, не смотря на нетрудныя и многочисленныя отложенія городовъ,

Самозванцева сторона находила мало истинныхъ приверженцевъ въ заволжскихъ областяхъ. Тамошній народъ еще не заразился духомъ буйства и безчинства въ Южной полосѣ Россіи, столь сильно развившимся, и нѣсколько держался Руской старины, а потому не безъ внутренняго омерзенія смотрѣлъ на союзъ съ Иновѣрными Иноплеменниками. Къ тому же тутъ крестьяне не имѣли повода много жалѣть о утраченномъ правѣ перехода, ибо нѣтъ сомнѣнія, что они по причинѣ малоплодной почвы обитаемой ими земли и тогда жили, какъ теперь живутъ, на оброкѣ, то есть на всей волѣ своей, подъ покровительствомъ господъ, и слѣдственно дѣйствіе помѣщичьей власти являлось для нихъ только съ благотворной стороны.

Отписка Устюжанъ къ Вычегодцамъ

Со всѣмъ тѣмъ, если въ Заволжскихъ жителяхъ не было влеченія къ Самозванцу, то также не было и пламеннаго усердія къ установленному правительству. Прилагая главнѣйшее попеченіе о сохраненіи личныхъ вещественныхъ выгодъ своихъ, они даже и вѣрность основывали на разсчетѣ, а не на побужденіяхъ истиннаго долга. Сіи расположенія въ особенности ясно обнаружились въ совѣщаніяхъ города Устюга Великаго съ городомъ Соль-Вычегодскимъ. Вологодскій Воевода Пушкинъ, продолжая выказывать усердіе свое къ Самозванцу,

грамотами своими требовалъ подданства ему и отъ сихъ городовъ. Но Устюжане сами не пристали къ измѣнѣ и увѣщевали также Вычегодцевъ не торопиться присягою Лжедимитрію, представляя имъ, что еще нельзя угадать, на которой сторонѣ останется перевѣсъ, что по отдаленности ихъ обоихъ городовъ, они всегда успѣютъ по собственному побужденію послать съ повинною къ Самозванцу, а что если имъ теперь покориться, то тѣмъ выслужится у Вора одинъ Вологодскій Воевода Пушкинъ. Вычегодцы приняли совѣтъ своихъ сосѣдей и оба города остались вѣрными Царю, въ слѣдствіе осторожнаго, но безнравственнаго расчета.

отъ 30 Нояб-ря 1608.

На правой сторонѣ Волги являлось болѣе теплыхъ сподвижниковъ Самозванцу. Вся Мордва и Нагорная Черемиса возмутились въ пользу Лжедимитрія, коему покорились города Чебоксары, Цывильскъ, Алатырь, Арзамасъ, Балахна, Юрьевецъ-Повольскій, Лухъ, Шуя и Муромъ и даже самъ Царь Касимовскій съ своимъ городомъ.

Никоновская Лѣтопись и отписка Нижегородскихъ Воеводъ въ Пермь Великую въ Январѣ 1609.

Подъ Москвою ничего важнаго не происходило. Царь, не желая безполезно изнурять ратныхъ людей дальнѣйшимъ стояніемъ въ лагерѣ въ зимнее время, приказалъ, 6 Декабря, размѣстить ихъ по домамъ деревяннаго города, оставя только отъ своего полка заставу на Ваганьковѣ. Войска распо-

ложились до весны слѣдующимъ образомъ: у Непровскихъ воротъ Бояринъ Князь Воротынскій съ передовымъ полкомъ; у Тверскихъ Бояринъ Князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій съ Большимъ полкомъ; у Никитскихъ Бояринъ Князь Мениславскій съ Государевымъ полкомъ; у Арбатскихъ Князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій съ Спорожевымъ полкомъ; у Чертольскихъ отрядъ Боярина Князя Василья Васильевича Голицына; у Калужскихъ отрядъ Боярина Князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго; у Серпуховскихъ отрядъ Василья Ивановича Бутурлина; за Яузою отрядъ Князя Григорія Ѳедоровича Хворостинина; у Покровскихъ воротъ отрядъ Боярина Князя Ивана Семеновича Куракина; у Фроловскихъ отрядъ Боярина Князя Лыкова и наконецъ у Стрѣтенскихъ отрядъ Боярина Князя Андрея Васильевича Голицына.

Розряды.

Самозванецъ видя, что вся Россія постепенно покоряется ему, надѣялся безъ большихъ усилій одолѣть Царя и вынудить къ сдачѣ столицу чувствомъ ея одиночества, среди измѣны преданнаго Государства. Только со стороны Новгорода Тушинскій Воръ предусматривалъ еще для себя нѣкоторую опасность, и потому рѣшился стараться занятіемъ сего города отвратить послѣднюю грозу и разсѣять собирающееся тамъ войско прежде, чѣмъ Князь Скопинъ успѣетъ привести

оное въ достаточное число и надлежащее устройство. Исполненіе сего намѣренія было поручено Самозванцемъ Польскому Полковнику Кернозицкому, отряженному изъ Тушина съ 2,000 Поляковъ и 4,000 Русскихъ измѣнниковъ. Видекиндъ.

Слѣдуя къ Новугороду, Кернозицкій мимоходомъ занялъ Тверь и Торжокъ. Мужественный Архіепископъ Тверскій Ѳеоктистъ не имѣлъ возможности въ другой разъ спасти отъ измѣнниковъ стольный градъ свой. Непріятели схватили его, позорили и отослали въ Тушино. Въ послѣдствіи онъ бѣжалъ изъ вражескаго стана, въ намѣреніи пробраться въ Москву, но его догнали на дорогѣ и безчеловѣчно умертвили. Никоновская Лѣтопись.

Въ началѣ Декабря Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ извѣстясь, что Кернозицкій приближается къ Новгороду, положилъ на мѣрѣ, выслать сильный отрядъ въ Бронницы для недопущенія его къ переправѣ черезъ Мсту. Окольничій Михайло Игнатьевичъ Татищевъ самъ вызвался предводительствовать симъ отрядомъ. Скопинъ, похваляя его за усердіе, велѣлъ ему готовиться къ походу, но въ то же время нѣкоторые Новгородцы явились къ Князю съ доносомъ на Татищева, на коего взводили, будто бы онъ просится на Бронницы только для того, чтобы измѣнить Царю и способствовать непріятелю къ завладѣнію

Новгородомъ. Въ такое смутное время Князь не отважился самъ разсудить важнаго дѣла. Онъ собралъ всѣхъ ратныхъ людей, призвалъ Татищева и объявилъ всенародно о сдѣланномъ на него извѣтѣ. Воины страшно взволновались и безъ всякаго разспроса, не требуя ни доказательствъ преступленія, ни оправданія обвиненнаго, бросились на Татищева и умертвили его. Князю Михайлу Васильевичу оставалось только оплакивать неосторожность, съ коею онъ подвергнулъ участь знатнаго чиновника безсмысленному суду скопища, страстями обуреваемаго. По крайней мѣрѣ онъ велѣлъ схоронить честно Татищева въ Антоніевскомъ Монастырѣ.

Слѣдствіемъ сего горестнаго происшествія было, что многіе дворяне, не видя надежнаго обезпеченія личной безопасности своей противъ самовольства воиновъ, оставили Новгородъ и искали убѣжища въ станѣ Керновицкаго. Къ вящшему несчастію, происшедшая смута остановила посылку отряда въ Бронницы, и Керновицкій, безпрепятственно подступившій подъ Новгородъ, сталъ у Хутынскаго Монастыря, стѣснилъ городъ и разорялъ окрестности.

Скопинъ находился въ большомъ недоумѣніи. Если опасно было терпѣть непріятеля въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города, наполненнаго

строптивою чернью, съ другой стороны не менѣе ненадежнымъ казалось Князю идти на Керносицкаго съ войскомъ, еще малочисленнымъ и непослушливымъ. Но неожиданная помощь скоро прекратила заботу славнаго вождя. Въ вѣковыхъ лѣсахъ Обонежской пятины жили люди простонравные, непричастные смутамъ, распространеннымъ завистливыми страстями почти по всей Россіи. Когда дошелъ до нихъ слухъ о угрожающей опасности древнему дому Св. Софіи, то они поднялись на выручку онаго. Но не смотря на усердіе ихъ, земля ихъ, хотя обширная, но малонаселенная, не въ состояніи была выставить значительнаго войска. Степанъ Горихвостовъ успѣлъ однако собрать въ Тихвинѣ до 1,000 человѣкъ, съ коими онъ выступилъ къ Новгороду. За нимъ слѣдовалъ Евсевій Резановъ съ другимъ отрядомъ, составленнымъ изъ людей Заонежскихъ погостовъ. Когда Горихвостовъ достигнулъ Грузина, то непріятель успѣлъ схватить нѣсколькихъ людей, неосторожно отдѣлившихся отъ его отряда. Плѣнные сіи, отосланные къ Керносицкому, были имъ допрашиваемы о количествѣ подступающаго войска. Но они всѣ были необразованные поселяне, которымъ самимъ мало случалось видѣть въ сборѣ столько людей, сколько было при Горихвостовѣ, и потому они съ-проста и безъ всякаго умысла показали, что

въ Грузинѣ находится множество воиновъ, за которыми идетъ еще большая сила. Керносицкій, введенный въ заблужденіе ихъ увѣреніемъ, не посмѣлъ оставаться подъ Новгородомъ. Онъ поспѣшилъ отступить за Мсту, а потомъ переправился черезъ Ловать и занялъ Старую-Русу.

Впрочемъ освожденіе Новгорода почти не измѣняло печальнаго положенія дѣлъ въ Россіи. Стоявшіе еще за Царя города Москва, Коломна, Переславль-Рязанскій, Казань, Нижній, Смоленскъ и Новгородъ и геройская обитель Троицко-Сергіева представлялись какъ лучезарные, но малочисленные Оазы, среди мрачнаго господства мятежа, распространявшагося на все Государство, кромѣ ледовитыхъ оконечностей онаго. Правда, вѣрные города отличались отъ прочихъ богатствомъ и многолюдствомъ, и потому не нуждались еще въ военныхъ средствахъ, но разобщенныя силы ихъ не могли дѣйствовать въ совокупности, необходимой для успѣха, и слѣдственно можно было предвидѣть постепенное паденіе самихъ послѣднихъ оплотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конечное торжество разрушителей общественнаго устройства въ Россіи.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

(1608—1609).

Среди печальныхъ событій, повергшихъ Россію во время царствованія Шуйскаго въ столь несчастное положеніе, надежда на избавленіе отечества болѣе и болѣе исчезала, въ особенности потому, что самыя претерпѣваемыя бѣдствія, поражая и обезсиливая умы, направляли ихъ то къ злодѣйству, то къ малодушію. Нигдѣ не раздавался болѣе отголосокъ чести и обязанности! Въ самой Москвѣ, до тѣхъ поръ еще пребывавшей въ повиновеніи, постыдныя страсти распространяли раз-

вратъ даже въ рядахъ тѣхъ изъ защитниковъ престола, кои по званію своему должны были менѣе прочихъ колебаться въ вѣрности своей. Во всѣхъ почти сословіяхъ нравственныя понятія до того исказились, что присяга почиталась пустымъ обрядомъ. Всѣ, болѣе или менѣе, дѣйствовали по одному только низкому расчету, и самыя даже преступныя связи съ измѣнниками казались одною только дозволенною осторожностію. Изъ знатнѣйшихъ семействъ нѣкоторые отъѣзжали въ
Палицынъ. Тушино къ Самозванцу, по тайному соглашенію съ своими родственниками, еще остававшимися при Царѣ, дабы во всякомъ случаѣ имѣть вездѣ заступниковъ, и такимъ образомъ обезопасить родъ свой, какая бы сторона не восторжествовала. Другіе слуги Царскіе, къ вящшему соблазну, такъ сказать, открыто торговали своимъ вѣроломствомъ, и часто переѣзжали изъ Москвы въ Тушино и обратно, для полученія жалованья то отъ Царя, то отъ Вора. Лѣтописецъ называетъ сихъ безстыдцевъ *Перелетами* и увѣряетъ, что многіе изъ нихъ до десяти разъ перебѣгали отъ одной стороны къ другой. Имъ нигдѣ не довѣряли, но они вездѣ были принимаемы благосклонно, ибо строгость казалась неумѣстною, и каждый надѣялся поощреніемъ побѣговъ ослабить своего врага. Корыстолюбіе жителей столицы побуждало ихъ еще

къ другимъ преступленіямъ. Хотя Тушинскій станъ утопалъ въ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, но въ немъ нуждались въ соли и въ лекарственныхъ зеліяхъ. И то и другое было туда тайно доставляемо изъ Москвы, съ большою выгодою для занимающихся симъ промысломъ, который оказывался тѣмъ болѣе вреднымъ, что вскорѣ и самое оружіе такимъ же непозволительнымъ путемъ отправлялось изъ столицы въ Тушино. Зло столь глубоко вкоренилось во всѣ сердца, что благонамѣренные люди, гнушавшіеся измѣною и доводившіе до Царя замыслы предателей, вооружали противъ себя общее мнѣніе, и ихъ порочили, называя клеветниками и наушниками.

Впрочемъ Царь Василій не измѣнялъ самъ себѣ. Окруженный Вельможами вѣроломными, чиновниками безусердными и чернью строптивою, онъ бодрствовалъ и удерживалъ въ повиновеніи столицу при содѣйствіи какъ Украинскихъ помѣщиковъ, коихъ преданность къ нему основана была на личныхъ выгодахъ, такъ и вышняго духовенства, единственнаго сословія въ Россіи, непричастнаго беззаконію и не совращавшагося со стези долга и правды. До толѣ усилія Царя были не безуспѣшны, и Москва, отовсюду стѣсняемая, еще безсмутно переносила всѣ неудобства, сопряженныя съ присутствіемъ непріятеля подъ ея стѣнами.

Но Василій предусматривалъ, что эта притворная покорность не могла быть продолжительною, что возрастающія бѣдствія должны наконецъ сокрушить власть его, и видѣлъ, что въ таковыхъ обстоятельствахъ одна внѣшняя помощь оставалась для его спасенія. Всѣ помышленія его обратились къ сему предмету. Начатыя сношенія Князя Скопина съ Шведами поддерживали въ немъ надежду; но онъ желалъ на выручку столицы подвинуть сколько можно болѣе войска, и не довольствуясь собирающимся въ Новгородѣ отрядомъ, предписалъ Боярину Шеину снарядить новую рать въ Смоленскѣ, а Боярину Шереметеву приказалъ итти также къ Москвѣ съ Низовою силою, которая столь безполезно стояла подъ Астраханью на Бальчикѣ. Царь расчитывалъ, что если бы удалось всѣмъ симъ войскамъ соединиться, то составилось бы довольно значительное ополченіе. Кромѣ того неблагоразуміе Польскихъ и Русскихъ сподвижниковъ Самозванца готовило уже на помощь Василью неожиданныхъ ратниковъ.

Царская Грамота въ Устюжу-Железопольскую изъ стана на Волоцкой дорогѣ, отъ 23 Декабря 1608.

Мятежники, на мѣсто того, чтобы добрымъ обхожденіемъ стараться привлечь къ себѣ жителей, занимаемыхъ ими Замосковныхъ городовъ и областей, обращались съ ними нечестиво, и искали только наживы и удовлетворенія гнуснѣйшихъ страстей. Самозванецъ, всемъ обязанный Полякамъ,

не смѣлъ ни въ чемъ имъ противорѣчить. Знатнѣйшіе изъ нихъ, къ крайней досадѣ и угнетѣнію Русскихъ, выпросили себѣ въ собственность разные города; такъ напримѣръ Тотьма и Чаронда отданы были Заруцкому. Паны, для завѣдыванія пожалованными мѣстами, посылали своихъ людей, которые своевольничали, обирали обывателей и отнимали красивыхъ женъ и дочерей у мужей и отцовъ. Сими нестерпимыми обидами неограничивались бѣдствія мирныхъ жителей. Польскіе Нахалики толпами выходили изъ Тушинскаго стана, подъ предлогомъ отыcканія живности, и собираясь въ шайки, усиленныя множествомъ пристававшихъ къ нимъ Русскихъ злодѣевъ, чинили ужаснѣйшіе разбои по селамъ и деревнямъ. Безуміе измѣнниковъ равнялось только ихъ ожесточенію. Раболѣпствуя Полякамъ, они безропотно подвергались трудамъ и опасностямъ для сбереженія иноземныхъ союзниковъ своихъ. Часто сражаясь одни, они однакожъ лучшую часть добычи уступали Полякамъ, которые только издали смотрѣли на ихъ битву. Впрочемъ Поляки довольствовались грабежемъ и насилованіемъ женщинъ. Доставившіеся имъ плѣнные получали отъ нихъ помилованіе, къ крайней досадѣ Русскихъ кровопійцъ, которые, осмѣивая таковое милосердіе, называли ихъ бабами, а сами пресыщались истязаніями несчастныхъ, попадавшихся къ нимъ въ

Отписка Устюжанъ къ Вычегодцамъ отъ 27 Ноября 1608.

Дневникъ Марины и Палицынъ.

руки. Разнообразность мучительствъ была для нихъ забавою. Они топили, разстрѣливали, метали со стѣнъ, разсѣкали по составамъ, сажали на колъ. Нерѣдко также, въ утонченной лютости своей, они въ глазахъ родителей, жгли дѣтей, разбивали имъ головы и носили ихъ, воткнувъ на копья и сабли. Изверги истребляли все, чего унесть не могли. Такимъ образомъ они бросали въ воду или втаптывали въ грязь ненужные имъ жизненные припасы, а домашнія потребности кололи на мелкіе куски. Самое уваженіе къ святынѣ не могло сохраниться въ безбожныхъ сердцахъ. Они въ алтаряхъ кормили псовъ и лошадей, церковную утварь употребляли позорно, пьянствовали изъ сосудовъ, ризами и воздухами украшали не только себя, но и животныхъ своихъ, и на иконахъ играли въ зернь. Священники были въ особенности предметомъ ихъ поруганій. Они заставляли ихъ молоть хлѣбъ, рубить дрова и прислуживать сопутствующимъ имъ блудницамъ. На всемъ обширномъ пространствѣ, подвергшемся ихъ опустошительнымъ набѣгамъ, груды пепла означали мѣста, гдѣ были усадьбы, а дороги, заваленныя трупами, сдѣлались сборищемъ хищныхъ птицъ и плотоядныхъ звѣрей. Самозванецъ, чувствуя сколь таковыя неистовства вредили ему въ общемъ мнѣніи, разослалъ всѣмъ Воеводамъ своимъ настоя-

тельныя приказанія ловить и строго наказывать разорителей, но злодѣи находили безсовѣстныхъ покровителей въ Польскихъ вождяхъ. Самъ Сапѣга не устыдился ходатайствовать за схваченнаго во Владимірскомъ уѣздѣ Наливайку, который своеручно предалъ мучительной смерти 93-хъ несчастныхъ обоего пола. Правда Самозванецъ отказалъ Сапѣгѣ и Наливайка былъ повѣшенъ во Владимірѣ, но примѣръ сей мало подѣйствовалъ на прочихъ Поляковъ и на Козаковъ, которые, увлекаясь корыстолюбіемъ и своевольствомъ, не переставали разбойничать.

Отписка Владимірскаго Воеводы Вельяминова къ Сапѣгѣ, отъ Декабря 1608; письма Самозванца къ Сапѣги отъ 7 Января 1609 и отписка Сапѣги Вельяминову того же мѣсяца и года.

Замосковные люди, поддавшіеся Вору, единственно въ надеждѣ обезопасить себя отъ убійства и разоренія, видѣли, къ сокрушенію своему, что жестоко обманулись въ своемъ ожиданіи. Власть Самозванца нисколько не предохраняла ихъ отъ свирѣпѣйшаго насилія, и постыднымъ малодушіемъ они обезчестили себя безъ всякой пользы. Тогда они рѣшились свергнуть постыдное иго и снова покориться Царской власти. Народъ вообще былъ такъ готовъ къ противудѣйствію, что почти въ одно время Галичь, Кострома, Вологда, Бѣлоозеро, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій-Верхъ и Кашинъ отложились отъ Вора. Въ Вологдѣ, 29 Ноября, посадили въ тюрьму присланныхъ туда изъ Тушина, для взиманія поборовъ, Поляка Унишискаго и Өедора Нащокина. Галичане ревностно занялись

Отписка Князя Шуйскаго-Скопина въ разные города въ Декабрѣ 1608.

Отписка Вологжанъ въ Тотьму, 30 Ноября 1608.

Отписка Галичанъ въ

Тотьму, Устюжанъ въ Соль-Вычегодскъ и Вычегодцевъ въ Пермь въ Декабрѣ 1608.

составленіемъ ополченія и сами выставили съ *сохи* по 50 человѣкъ пѣшихъ и по 50 конныхъ. Кромѣ того они призвали къ себѣ 5,000 человѣкъ Луговой Черемисы, и просили еще помощи отъ сосѣднихъ городовъ, никогда не участвовавшихъ въ измѣнѣ. По ихъ настоянію, въ Устюгѣ приступили къ сбору по 10 человѣкъ съ сохи, а въ Сольвычегодскѣ усердіе было столь велико, что собрали съ *Малой Сошки* * по четыре человѣка. Богатѣйшіе изъ тамошнихъ владѣльцевъ, четверо Строгановыхъ, Максимъ, Никита, Андрей и Петръ дали даже по 5 человѣкъ съ сошки. Одни только Пермяне не отличились радѣніемъ къ общему благу. Ограничившись одними обѣщаніями они подъ разными предлогами медлили сборомъ ратныхъ людей и, казалось, выжидали развязки, чтобы покориться побѣдителю.

Дневникъ Сапѣги.

По несчастію, народныя возстанія, не исключая и предпринимаемыхъ по внушенію истиннаго долга, почти всегда омрачаются ненужнымъ и омерзительнымъ свирѣпствомъ. Въ Костромѣ Самозванцева Воеводу, Князя Димитрія Мосальскаго, долго мучили и потомъ, обрубивъ ему ноги и руки

* *Примѣчаніе.* Въ *сохѣ* помѣстныхъ дачъ заключалось десятинъ: доброй земли 400, средственной 500, а худой 600.—Малая же *сошка* состояла изъ 40 десятинъ.

утопили въ рѣкѣ; подобную же участь претерпѣли присланные туда для сбора казны Польскіе Шляхтичи: Горѣцкій и Грибовскій. Народъ, бросая ихъ въ рѣку, кричалъ имъ: *Полно вамъ, глаголи, жрать нашихъ коровъ и телятъ! Ступайте въ Волгу ловить нашу рыбу.* Бер.

Также и на правой сторонѣ Волги дѣла принимали лучшій оборотъ для Царя, при содѣйствіи непоколебимой твердости Нижняго-Новагорода, гдѣ хоругвь вѣрности никогда не переставала развѣваться, среди обширнаго владычества измѣны. Мятежники, желая ниспровергнуть сей оплотъ законности, начинали уже собираться въ прилегающихъ уѣздахъ. Нижегородцы просили помощи у Боярина Шереметева, шедшаго съ Бальчика вверхъ по Волгѣ. Шереметевъ, тотчасъ по прибытіи своемъ въ Казань, послалъ къ нимъ Головъ Андрея Микулина и Богдана Износкова съ отрядомъ, составленнымъ изъ стрѣльцевъ, Козаковъ и служивыхъ Литовцевъ и Нѣмцевъ. Отрядъ прибылъ въ Нижній 1-го Декабря и Нижегородцы принялись за дѣло. Главныя непріятельскія силы шли къ Нижнему правымъ берегомъ Оки, но и на лѣвой сторонѣ сей рѣки мятежническія толпы собирались въ Балахнѣ. Нижегородцы почли необходимымъ сперва избавиться отъ ближайшихъ враговъ. Но прежде чѣмъ дѣйствовать открытою силою,

Отписка Нижегородцевъ въ Пермь, отъ Января 1609 и Нижегородскаго Вознесенскаго Архимандрита Іоиля къ Луховскому Никольскому Игумену Іову. — Никоновская Лѣтопись. — Память Нижегородскихъ Воеводъ въ Му-

ромскій уѣздъ въ Декабрѣ 1608. — Столяровъ Хронографъ.

они пытались однимъ убѣжденіемъ отвесть Балаховцевъ отъ непріязненныхъ намѣреній. 21-го Ноября они писали имъ, что самозванство Тушинскаго Вора очевидно, ибо не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ умерщвленіи истиннаго Царевича Димитрія, и что во всякомъ случаѣ они предлагаютъ имъ оставаться съ ними въ добрыхъ сосѣдственныхъ сношеніяхъ, не тревожа одинъ другаго за разномысліе, до тѣхъ поръ пока утвердится на Московскомъ престолѣ всѣмъ Государствомъ единодушно признанный Царь. Но Балаховцы отвергнули мирныя предложенія, почему и рѣшено было немедленно обратиться на нихъ. Главный Воевода, Князь Александръ Андреевичъ Репнинъ, остался въ городѣ, а товарищъ его, Андрей Алябьевъ, переправился съ отрядомъ черезъ Оку 2 Декабря и устремился на Балахну. На половинѣ дороги отъ сего города, при деревняхъ Копосовѣ и Козинѣ, онъ встрѣтилъ мятежническія шайки, разсѣялъ ихъ, отбилъ у нихъ пушки и много плѣнныхъ и, преслѣдуя ихъ, овладѣлъ и Балахною; возвращаясь съ побѣдою въ Нижній, онъ привелъ съ собою Балаховскаго Воеводу, Степана Голенищева, и лучшихъ изъ Балаховскихъ жителей. Впрочемъ была разбита только слабѣйшая часть непріятельскаго войска; оставалось еще раздѣлаться съ главными его силами, состоя-

щими изъ Арзамасскихъ и Алатырскихъ Дѣтей Боярскихъ, Татаръ, Черемисъ, Мордвы, бортниковъ и всякихъ поселянъ, которые, подъ предводительствомъ присланнаго изъ Тушина Воеводы, Князя Семена Юрьевича Вяземскаго, наступая по правой сторонѣ Оки, спѣшили на отмщеніе за пораженіе товарищей своихъ. Храбрый Алябьевъ вышелъ изъ города, сошелся съ ними 5 числа подъ Богородскомъ и разбилъ ихъ на голову. Непріятель, преслѣдуемый на разстояніи пятнадцати верстъ, потерялъ знамена, набаты и 500 человѣкъ плѣнныхъ. Только наступившая ночь спасла бѣгущихъ отъ совершеннаго истребленія. Въ числѣ плѣнныхъ находился и самъ Князь Вяземскій, котораго Нижегородцы, гнушаясь его измѣною, повѣсили, не дожидаясь о немъ Царскаго указа. Ободренные таковыми удачами, Нижегородскіе Воеводы не ограничились уже однимъ охраненіемъ ввѣреннаго имъ мѣста, и сами обратились къ наступательнымъ дѣйствіямъ. 9-го Алябьевъ снова вышелъ изъ Нижняго и направился по правому берегу рѣки Оки. Встрѣченныя имъ мятежническія скопища 10 при селѣ Боремѣ и 11 въ Павловѣ, были разсѣяны и потерпѣли большой уронъ. Слѣдствіемъ сихъ успѣховъ было не только возвращеніе къ повиновенію Царю окрестныхъ селеній, но вліяніе оныхъ распространилось даже и на лѣвую сторону Оки,

гдѣ черный народъ ожидалъ только случая, чтобы возстать на Поляковъ и измѣнниковъ, за претерпѣнныя отъ нихъ бѣдствія. Пользуясь расположеніемъ умовъ, Чарочникъ Ѳедоръ Красный, въ Юрьевцѣ Повольскомъ, крестьянинъ Григорій Лапша въ Решмѣ, Иванъ Кувшинниковъ въ Балахнѣ, Ѳедоръ Нагавицынъ въ Городцѣ и Илья Деньгинъ въ Холуѣ, собрали значительныя толпы, которыя, совокупясь подъ главнымъ начальствомъ Краснаго, вступили въ Лухъ, гдѣ жители, еще прежде прибытія ихъ, отложившись отъ измѣнниковъ, схватили и отослали въ Нижній нѣсколькихъ Поляковъ и дворянъ, предавшихся по малодушію Самозванцу; домы ихъ были разорены въ наказаніе за преступленіе. Изъ Луха Красный съ товарищами направился на Шую, также уже поддавшуюся Царю Василью.

Отписка Вологжанъ въ Устюгъ, въ Декабрѣ 1608.

Между тѣмъ и Вологжане дѣйствовали наступательно, въ намѣреніи очистить весь лѣвый берегъ Волги отъ мятежниковъ, которые господствовали еще въ Пошехоньи и близъ лежащихъ селеніяхъ. Высланный изъ Вологды Голова, Ларіонъ Монастырскій, съ отрядомъ ратныхъ людей занялъ, 15 Декабря, Пошехонье и село Бѣлое. Оттуда онъ перешелъ въ село Данилово, гдѣ поставилъ острогъ, чтобы обезопасить себя отъ стороны Ярославля.

Хотя такимъ образомъ проповѣдѣйствіе разливалось довольно быстро, однако Самозванцевы сподвижники успѣли на время остановить стремленіе гражданъ и поселянъ, еще недостаточно пріученныхъ къ воинскому дѣлу и неподкрѣпленныхъ никакимъ стройнымъ войскомъ. Скопинъ еще не въ состояніи былъ выступить въ поле, а Шереметевъ не отваживался отдаляться отъ Казани, пока наступательными дѣйствіями со стороны Новгорода не развлекутся непріятельскія силы. Въ сихъ обстоятельствахъ не трудно было сначала опытнымъ воинамъ одолѣть однихъ новобранцевъ. По первымъ извѣстіямъ объ отложеніи Галичанъ, Сапѣга, 5 Декабря, выслалъ на нихъ изъ стана подъ Троицею, Справинскаго, съ 500 человѣкъ Польской конницы; но получивъ донесеніе, что возстаніе дѣлается всеобщимъ, онъ пять дней спустя почелъ необходимымъ выслать еще въ слѣдъ за Справинскимъ Лисовскаго, съ 2,000 Донскихъ Козаковъ. Дневникъ Сапѣги.

Справинскій встрѣтилъ и разбилъ 7,000 поселянъ подъ Великою Солью и сжегъ посадъ. Лисовскій же, переправясь черезъ Волгу въ Ярославлѣ, подступилъ подъ острогъ Монастырскаго въ Даниловѣ. Послѣ довольно жаркаго сраженія, острогъ былъ взятъ и много изъ защищавшихъ оный поселянъ остались на мѣстѣ. Очистивъ себѣ такимъ Никоновская Лѣтопись.

образомъ путь къ Костромѣ и Галичу, Польскіе вожди направились на сіи города, гдѣ слухъ объ одержанной ими поверхности привелъ гражданъ въ такое уныніе, что они сопротивлялись слабо. Лисовскій овладѣлъ Костромою 28 числа, и совершенно опустошилъ ее, желая сдѣлать строгій примѣръ надъ отпадающими отъ Самозванца. Нѣсколько дней спустя непріятель безпрепятственно вступилъ въ Галичъ.

Отписка Тотмичей къ Устюжанамъ, Января 1609 и Василья Вербышева къ Вычегодцамъ изъ Вологды того же мѣсяца и года.

Лисовскій не пошелъ далѣе и удовольствовался только занятіемъ Соли Галицкой передовымъ своимъ отрядомъ. Онъ не отваживался еще углубляться въ Сѣверную Россію, гдѣ ожидалъ найти сопротивленіе, коего по слабости имѣющихся при немъ силъ одолѣть не надѣялся. Въ самомъ дѣлѣ, въ сей отдаленной странѣ жители не щадили новыхъ усилій. Тотемцы выставили по 30 человѣкъ съ сохи; прочіе города, кромѣ Пермскихъ, не отставали отъ нихъ въ своихъ пожертвованіяхъ. Въ особенности въ Вологдѣ принимались дѣятельнѣйшія мѣры къ упорной оборонѣ. Въ усиленіе тамошнихъ укрѣпленій выстроили два острога, снабдили какъ ихъ, такъ и городскую стѣну новыми башнями, уставленными пушками, и выкопали передъ острогами ровъ, при которомъ поставили частоколъ. Въ людяхъ также не было недостатка, ибо кромѣ вооруженныхъ обывателей,

тамъ собралось много ратниковъ изъ Бѣлоозера, Чаронды, Каргополя, Сольвычегодска, Устюга, съ Ваги и съ Двины. Другая часть Вычегодцевъ и Устюжанъ стала въ соединеніи съ Тотмичами на Совьюгѣ, въ 20 верстахъ отъ Солигалицкой, прикрывая дорогу отъ сего мѣста въ Тотьму. Кромѣ того Тотмичи, для предохраненія себя отъ непріятельскихъ набѣговъ, содержали заставы при устроенныхъ засѣкахъ, на Толшмѣ, на Вотчѣ и въ Демьяновѣ. Впрочемъ Лисовскій не долго оставался въ Галичѣ; отозванный Сапѣгою, онъ возвратился подъ Троицу.

Укрощеніе поселянъ, передавшихся Царю на правомъ берегу Волги, принялъ на себя Суздальскій Воевода Ѳедоръ Плещеевъ. Онъ выступилъ изъ Суздаля 8 Декабря, направился на Шую, и на пути былъ подкрѣпленъ Польскою ротою Пана Соболевскаго, пришедшею изъ Владиміра. Въ Шуѣ уже находились въ сборѣ до 25,000 поселянъ, которые хотя упорно защищались по дворамъ, но не могли спасти обороняемаго ими города. Плещеевъ взялъ острогъ и сжегъ посады. Не смотря на сіе пораженіе, поселяне не унывали. Собравшись въ числѣ 30,000 они черезъ нѣсколько недѣль снова начали наступать, подъ предводительствомъ Ѳедора Краснаго. Плещеевъ смѣло пошелъ имъ на встрѣчу, и 11 Февраля 1609 года сошелся съ ними въ селѣ

Двѣ отписки Суздальскаго Воеводы Ѳедора Плещеева, къ Петру Сапѣгѣ отъ Декабря 1608.

Никоновская Лѣтопись. — Дневникъ Сапѣги. — Отписка Суздальскаго Воеводы Өедора Плещеева Юрьево-Польскому Воеводѣ Өедору Болотникову отъ 11 Февраля 1609.

Дуниловѣ, въ 16 верстахъ отъ Шуи. Сраженіе продолжалось отъ разсвѣта до полудня, и Плещеевъ, разбитый на голову, едва успѣлъ укрыться въ Суздалѣ съ малымъ числомъ воиновъ. Торжествующіе поселяне по пятамъ его подступили къ Суздалю. Сапѣга поспѣшилъ послать къ нему на помощь Ротмистра Мирскаго, съ двумя ротами Пятигорцевъ. При содѣйствіи сего подкрѣпленія, Плещеевъ, въ свою очередь, одержалъ побѣду подъ Суздалемъ надъ поселянами, коихъ по донесенію Мирскаго къ Сапѣгѣ, пало до 12,000. Но кажется нельзя сомнѣваться, что Польскій Ротмистръ въ семъ случаѣ изъ хвастовства много преувеличилъ уронъ побѣжденныхъ, ибо онъ самъ въ томъ же донесеніи удостовѣряетъ, что конница поселянъ, не выждавъ нападенія, оставила поле сраженія безъ всякой потери, а пѣхота ихъ, снабженная лыжами, убѣжала въ лѣсъ, гдѣ за глубокимъ снѣгомъ не было возможности ее преслѣдовать. Плещеевъ, не довольствуясь отстояніемъ Суздаля, выслалъ на поискъ находящихся тамъ Поляковъ и Козаковъ, которые 6 Марта овладѣли посадомъ Холуйскимъ и Клязмскимъ городкомъ.

Отписка Суздальскаго Воеводы Плещеева Сапѣгѣ 7 Марта 1609.

За Волгою поселяне имѣли лучшій успѣхъ. Ободренные отступленіемъ Лисовскаго, они снова обратились къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Отрядъ изъ 10,000 человѣкъ Устюжанъ, Тотмичей, Вычс-

Отписка Костромскаго

годцевъ, Сольвычегодцевъ, Кайгородцевъ, Вымянъ, Сольгаличанъ и Галичанъ занялъ почти безпрепятственно Галичь и Кострому. Самозванцевъ Воевода въ Костромѣ, Никита Вельяминовъ, засѣлъ съ бывшими при немъ ратными людьми въ Ипатскомъ Монастырѣ, отстоящемъ отъ города въ полуверстѣ за рѣкою Костромою. Въ то же время другой отрядъ поселянъ Вологодскихъ, Бѣлозерскихъ и Каргопольскихъ, подъ начальствомъ присланнаго изъ Новгорода отъ Князя Скопина Воеводы Вышеславцева, выступилъ изъ Вологды и направился на Романовъ. Романовскіе Дѣти Боярскіе и Татары, желая выслужиться у Вора, пошли на Вышеславцева, и встрѣтили его въ селѣ Бѣломъ; но претерпѣли пораженіе и отступили въ Романовъ. Слѣдствіемъ сего дѣла было покореніе Царской власти, Пошехонья, Мологи и Рыбной. Непріятель поспѣшилъ послать изъ Ярославля, на помощь Романову, Пана Галбовича съ 300 Поляковъ и Козаковъ. Но подкрѣпленіе сіе не спасло Романова. Вышеславцевъ взялъ городъ приступомъ 3 Марта. Галбовичъ возвратился въ Ярославль, а Иль-Мурза Исуповъ съ Романовскими Татарами отступилъ въ Ростовъ.

Воеводы Вельяминова Сапѣги.

Отписка Федора Пазвицына къ Устюжанамъ въ Мартѣ 1609 и Ярославскаго Воеводы Князя Борятинскаго Сапѣги отъ 15 Февраля 1609. — Грамота Самозванца Сапѣги отъ 11 Марта 1609. — Дневникъ Сапѣги.

Путь къ Ярославлю оставался открытымъ для Вышеславцева; однако онъ нѣсколько времени провелъ въ Романовѣ, дабы усилить свое войско вновь приставающими къ нему со всѣхъ сторонъ

людьми, и пошелъ на Ярославль только тогда, когда уже у него было въ сборѣ до сорока тысячь человѣкъ. Между тѣмъ и Сапѣга успѣлъ прислать въ Ярославль нѣсколько Польскихъ ротъ, подъ начальствомъ Пана Тышкевича, который, взявъ съ собою Ярославскихъ Дѣтей Боярскихъ, выступилъ на встрѣчу Вышеславцеву. Царскій Воевода раздѣлилъ войско свое на три полка, слѣдовавшія одинъ за другимъ по одной дорогѣ. При приближеніи непріятеля, передовой полкъ отъ Горенска и большой отъ Плешицы, отошли къ сторожевому полку, стоявшему позади за засѣками. Тышкевичъ, принимая сіе отступленіе за бѣгство, стремительно бросился за отходящими полками. Глубокій снѣгъ не допускалъ преслѣдовать на лошадяхъ иначе, какъ только по дорогѣ, на которой впереди засѣкъ стояла конница Вышеславцева; нѣкоторые изъ пѣшихъ людей его, снабженные лыжами, расположились по бокамъ; остальная его пѣхота занимала засѣки. Поляки съ перваго удара смяли Царскую конницу, но, преслѣдуя ее, наткнулись на засѣки, за которыми встрѣтили упорное сопротивленіе. Тогда Ярославскіе Боярскіе Дѣти, содѣйствовавшіе Тышкевичу болѣе по принужденію, нежели по охотѣ, видя, что дѣло принимаетъ для него худой оборотъ, не только оставили его, но даже сами обратились на Поляковъ. Въ тако-

вомъ положеніи Тишкевичу оставалось только помышлять объ отступленіи, которое само дѣлалось часъ отъ часу опаснѣе и затруднительнѣе. Лыжники, укрывшіеся въ лѣсъ съ начала сраженія при оттѣсненіи Царской конницы, вышли снова въ поле, и съ обѣихъ сторонъ охватили дорогу, по коей Тишкевичу неминуемо предстояло отходить. Такимъ образомъ Вышеславцеву удалось отрѣзать и истребить нѣсколько Козацкихъ ротъ. Тишкевичъ, пораженный симъ ударомъ, не смѣлъ даже защищаться и въ Ярославлѣ. Вышеславцевъ занялъ сей городъ безъ сопротивленія 8 Апрѣля, и немедленно послалъ отрядъ на освобожденіе Углича. Находившіеся тамъ 200 Поляковъ и Нѣмцевъ, служившихъ Самозванцу, не отважились сопротивляться и очистили городъ, гдѣ Царскій отрядъ былъ принятъ обывателями съ хлѣбомъ и солью. Ободренный симъ успѣхомъ, отрядъ сей пошелъ далѣе, и 21 Апрѣля подступилъ къ Колязину Монастырю, но тутъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, и отбитый съ урономъ, вынужденнымъ нашелся воротиться въ Угличъ.

Отписка Воеводы Вышеславцева въ Вологду, въ Апрѣлѣ 1609.

Дневникъ Сапѣги.

Отписка Колязинскаго Игумена Ѳеодосія Сапѣги, въ Маѣ 1609.

Пока все сіе происходило на Волгѣ, Алябьевъ съ Нижегородскою ратью дѣйствовалъ довольно медленно на берегахъ Оки. Хотя 7 Января ему и посчастливилось разбить подъ Яковцевомъ мятежничій отрядъ, высланный на него изъ Мурома,

Отписка Муромскаго Воеводы Никифора Плещеева Сапѣгѣ

въ Январѣ 1609. и взялъ въ плѣнъ начальника онаго, Власова, и хотя въ слѣдствіе сего успѣха онъ 16 Января находился уже въ 20 верстахъ отъ Мурома, однако долгое время еще не предпринималъ ничего противъ сего города, и вступилъ въ оный по соглашенію съ жителями только около половины Марта. Оставаясь самъ въ Муромѣ, онъ послалъ отрядъ къ Владиміру, по приближеніи коего Владимірцы взволновались противъ Вора. Старанія Воеводы Михайлы Вельяминова удержать ихъ въ повиновеніи Самозванцу, не только не имѣли успѣха, но еще раздражили ихъ противъ него самого. Чернь грозно требовала его казни, но среди своего изступленія, сохраняя еще нѣкоторую богобоязливость, она дозволила ему христіански изготовиться на смерть. Приведенный въ соборную церковь, онъ исповѣдывался духовнику своему, тамошнему Протопопу, который, по совершеніи сего долга, вывелъ его изъ церкви и сказалъ всенародно: *Сей есть врагъ Московскому Государству*. Народъ немедленно побилъ его каменьемъ.

Отписка Владимірскаго Воеводы Вельяминова Сапѣгѣ отъ Января 1609.

Дневникъ Сапѣги.

Никоновская Лѣтопись.

Извѣщенный о семъ происшествіи, Ѳедоръ Плещеевъ, злѣйшій изъ приверженцевъ Вора, затрепеталъ въ Суздалѣ, и обратился къ Сапѣгѣ съ убѣдительною просьбою о помощи, въ которой дѣйствительно имѣлъ величайшую нужду, ибо посланный отрядъ отъ Алябьева, соединясь съ Владимірцами, подступилъ подъ Суздаль въ числѣ

около 15,000 человѣкъ. Сапѣга поспѣшилъ исполнить требованіе Плещеева. Посланные имъ, Лисовскій съ 3,000 Донскихъ Козаковъ и тремя пушками и Справинскій съ нѣсколькими ротами Поляковъ, 3 Апрѣля прибыли къ Суздалю и разбили Царское войско, расположенное подъ городомъ. Если вѣрить Польскимъ свидѣтельствамъ, то пораженіе Царскихъ людей было такъ ужасно, что 11,000 изъ нихъ остались на мѣстѣ и только 4,000 успѣли укрыться во Владимірѣ. Живо преслѣдуя ихъ, Лисовскій, Справинскій и Плещеевъ по пятамъ побѣжденныхъ достигли Владиміра, но найдя сей городъ занятымъ великимъ множествомъ стекшихся туда поволжскихъ поселянъ, они не могли имъ овладѣть, и 6 возвратились въ Суздаль, гдѣ Лисовскій оставался недолго. Сапѣга, смущенный извѣстіемъ о потери Ярославля, поручилъ ему вновь покорить сей городъ Самозванцу. Лисовскій, оставя въ Суздалѣ Ротмистра Суму съ шестью Польскими ротами и 200 Козаковъ, вышелъ 12 Апрѣля, и съ 3,000 Козаковъ пошелъ для соединенія съ отрядомъ, составлейнымъ изъ Польскаго полка Микулинскаго и Русскихъ мятежниковъ; который, подъ предводительствомъ Самозванцева Боярина Ивана Ѳедоровича Наумова, подступилъ подъ Ярославль 30 Апрѣля. Наумовъ, не полагая встрѣтить сильнаго сопротивленія, рѣшился дѣй-

Дневникъ Сапѣги.

Отписки Ѳедора Плещеева и Андрея Просовецкаго Сапѣги въ Апрѣлѣ 1609.

Дневникъ Сапѣги. — Отписки Боярина Наумова Сапѣги, Ярославцевъ Вычегодцамъ и Устюжанъ Вычегодцамъ, всѣ три въ Маѣ 1609.

ствовать не дождавшись Лисовскаго, и въ самый день своего прихода пошелъ на приступъ большаго острога, прикрывавшаго посадъ. Начальствующіе въ городѣ Воеводы, Князь Сила Ивановичъ Гагаринъ и Никита Васильевичъ Вышеславцевъ, оборонялись храбро; сраженіе продолжалось во весь день, и неоднократныя покушенія Наумова овладѣть острогомъ, остались тщетными. Но въ слѣдующую ночь непріятели возобновили нападеніе съ лучшимъ успѣхомъ. Имъ удалось зажечь острогъ близъ Власьевскихъ воротъ и въ то же время измѣна довершила ихъ побѣду. Служка Спасскаго Монастыря, Григорій Каловскій, отворилъ имъ Семеновскіе вороты и впустилъ въ острогъ. Ворвавшись въ оный, они выжгли посадъ. Изъ защитниковъ большаго острога многіе были убиты, другіе разбрелись по окрестнымъ деревнямъ. Не смотря на сей разгромъ, Гагаринъ и Вышеславцевъ не робѣли и крѣпко засѣли съ оставшимися еще при нихъ людьми въ меньшемъ острогѣ, въ рубленомъ городѣ и въ Спасскомъ Монастырѣ. Напрасно Наумовъ 3-го Мая во весь день приступалъ къ меньшему острогу; онъ не могъ овладѣть онымъ, но надѣялся, что по примѣру случившагося подъ большимъ острогомъ, счастіе поблагопріятствуетъ ему въ слѣдующую ночь. Въ сей надеждѣ, 5 числа, за часъ до разсвѣта, онъ снова повелъ

воиновъ своихъ на приступъ меньшаго острога, снабдивъ ихъ щипами, примешами, смолеными бочками и огненными стрѣлами. Ярославцы приняли ихъ мужественно, и не только защищались упорно въ острогѣ, но сами дѣлали счастливыя вылазки, на коихъ побили и взяли въ полонъ многихъ мятежниковъ и отняли у нихъ щиты и примешы. Около полудня Наумовъ, видя себя рѣшительно отбитымъ, не почелъ возможнымъ возобновлять свои приступы и отступилъ отъ Ярославля по Углицкой дорогѣ. Но радость Ярославцевъ о избавленіи своемъ была еще преждевременна. Наумовъ, на отступленіи своемъ встрѣтилъ спѣшившаго къ нему на помощь Лисовскаго, который уговорилъ его воротиться подъ Ярославль; оба они 8-го Мая снова явились подъ симъ городомъ и осадили его.

Ярославцы просили помощи у сосѣднихъ городовъ; Устюжане поспѣшили снабдить ихъ порохомъ; людей же должно было имъ ожидать изъ Костромы, гдѣ находящіеся въ сборѣ поселяне были еще усилены крестьянами Кологривскими, Унжанскими, Парфеньевскими и Судайскими. Но предводитель ихъ, Воевода Давыдъ Жеребцевъ, не отважился итти на избавленіе Ярославля, а только для развлеченія непріятеля самъ осадилъ Ипатскій Монастырь 1-го Мая. Начальствовавшій въ Мо-

Отписка Костромскаго Воеводы Вельяминова Сапѣгѣ.

настырѣ, Никита Вельяминовъ, старался противиться обложенію, но послѣ жаркаго дѣла, продолжавшагося съ утра до вечера, онъ вынужденъ былъ запереться въ обители. Жеребцевъ, дабы совершенно стѣснить осажденныхъ, велѣлъ выкопать паралель, упирающуюся обѣими концами къ рѣкѣ Костромѣ. Въ слѣдующіе дни выведенъ былъ отъ паралели къ Монастырю подступный ровъ.

Между тѣмъ непріятели не имѣли успѣха подъ Ярославлемъ. Подкрѣпленіе, приведенное Лисовскимъ, мало имъ приносило пользы, ибо оно состояло изъ конницы, тогда какъ для осадныхъ дѣйствій они въ особенности нуждались въ пѣхотѣ и въ большихъ орудіяхъ. Послѣ двухнедѣльнаго безплоднаго стоянія Наумовъ и Лисовскій убѣдились наконецъ, что они теряютъ время напрасно, и 23 Мая рѣшились снять осаду. Лисовскій двинулся внизъ по правому берегу Волги на избавленіе Ипатскаго Монастыря, а Наумовъ и Микулинскій отступили въ Великое Село для прикрытія Ростова и Борисоглѣбскаго Монастыря. Въ семъ положеніи они оставались до тѣхъ поръ, пока извѣстились, что довольно значительный отрядъ Царскихъ приверженцевъ, подъ начальствомъ Головъ, Григорія Квашнина, Никиты Баташкова и Алексѣя Суворова, овладѣлъ Городецкимъ острогомъ, городомъ Кашинымъ и Калязинымъ

Отписка Наумова Сапѣги.

Дневникъ Сапѣги.

Отписка Вологодскихъ Воеводъ къ Пермскому Воеводѣ въ Іюнѣ 1609.

Монастыремъ, и даже переправился на правую сторону Волги въ Угличѣ. Непріятели признали нужнымъ остановить дальнѣйшее стремленіе сего войска, появленіе коего не только угрожало Ростову, но даже могло потревожить станъ Сапѣги подъ Троицею. Микулинскій принялъ на себя дѣйствовать наступательно, а Наумовъ засѣлъ въ Ростовѣ, дабы обезпечить тылъ Микулинскаго. Успѣхъ оружія остался на сторонѣ Польскаго вождя, который подъ Угличемъ разбилъ совершенно Царское войско и сжегъ городъ и половину посада. Не довольствуясь симъ, онъ самъ переправился за Волгу и нечаяннымъ нападеніемъ овладѣлъ Городецкимъ острогомъ, который также выжегъ. Дневникъ Сапѣги.

Впрочемъ Царская сторона укрѣплялась на Волгѣ выше Нижняго-Новгорода; но вліяніе Самозванцевыхъ сподвижниковъ оставалось во всей силѣ въ Мордовской землѣ. Такъ какъ за отдаленіемъ ся Пахалики и Козаки не проникали еще туда, то народъ, не видя ихъ наглостей и насилій, не отставалъ отъ слѣпой приверженности своей къ Тушинскому Вору. Правда, тамошніе мятежники не смѣли болѣе дѣйствовать на берегахъ Оки, гдѣ опасались встрѣтить страшнаго для нихъ Алябьева; но они обратили усилія свои въ другую сторону. Арзамасцы, Алатырцы, Цивильцы и Чебоксарцы, въ соединеніи съ Татарами и Нагорнюю Отписка Вятчанъ къ Устюжанамъ въ Январѣ 1609.

Черемисою, подступили подъ Свіяжскъ. Бояринъ Шереметевъ и Казанскіе Воеводы выслали на нихъ изъ Казани Казанскихъ и Свіяжскихъ людей. Сраженіе произошло 1-го Января 1609 года и кончилось совершеннымъ пораженіемъ мятежниковъ, которыхъ преслѣдовали и били на разстояніи семи верстъ. Желая воспользоваться одержанною поверхностію, Шереметевъ самъ выступилъ изъ Казани и осадилъ Чебоксары. Напротивъ того, изъ числа бѣглецовъ изъ-подъ Свіяжска, Арзамаскіе Мурзы, Бибай и Теребердей, исправившись за Волгу въ Кузьмодемьянскѣ, направились на Санчурскъ и на Яранскъ. Оба города покорились имъ безъ сопротивленія, хотя при нихъ только было 60 стрѣльцовъ, а все прочее войско ихъ состояло изъ Мордвы, Чувашъ и Черемисъ, не имѣвшихъ огнестрѣльнаго оружія, а дѣйствовавшихъ изъ однихъ луковъ. Мурзы, засѣвъ въ сихъ городахъ, старались, но безуспѣшно, возмутить и сосѣдственную Вятскую землю. Тамошній Царскій Воевода Князь Михайло Ухтомскій поспѣшилъ выслать ратныхъ людей для прикрытія Вятской земли отъ Яранска. Нѣсколько времени спустя мятежники, видя что Шереметевъ занятъ былъ осадою Чебоксаръ, опять собрались на нагорной сторонѣ въ намѣреніи возобновить покушеніе свое на Свіяжскъ. Для удержанія ихъ Ка-

Отписка Казанскихъ Воеводъ Вятскимъ Воеводамъ.

занскіе Воеводы выслали на нихъ сильный отрядъ, подъ начальствомъ Головъ Осипа Зюзина и Андрея Хохлова, которые 10-го Марта встрѣтили ихъ близъ Бурундокова, на рѣкѣ Свіягѣ, и разбили совершенно, при чемъ отбиты у мятежниковъ набаты и знамена ихъ и взято великое число плѣнныхъ. Впрочемъ частные успѣхи мало способствовали къ усмиренію мятежной страны; это усмиреніе могло только быть слѣдствіемъ покоренія Алатыря и Арзамаса, но Царскіе войска, находившіеся по близости сихъ городовъ, не были въ состояніи предпринять осады. Съ другой стороны Казанскіе Воеводы не смѣли отдалять рать свою, необходимую для охраненія самой Казани. Шереметевъ еще занятъ былъ осадою Чебоксаръ. Что же касается до Алябьева, то онъ направлялъ преимущественно свои дѣйствія вверхъ по теченію Оки, гдѣ побѣда, столь долго ему вѣрная, измѣнила ему. Желая овладѣть Касимовымъ, онъ былъ совершенно разбитъ подъ симъ городомъ воинами Касимовскаго Царя, и едва успѣлъ съ малыми людьми возвратиться въ Муромъ. Дневникъ Сапѣги.

Съ другой стороны, отступленіе Шереметева изъ-подъ Астрахани имѣло пагубное слѣдствіе; Астраханскіе Козаки вошли въ сношеніе съ Тушинскимъ Воромъ, покорились и привели къ нему въ Тушино своихъ двухъ мнимыхъ Царевичей, Августа Ивана и Лаврентія. Самозванецъ приказалъ Никоновская Лѣтопись.

новенія ихъ на дорогѣ изъ Тушина въ Москву.

Лисовскій, продолжая спускаться по правому берегу Волги, достигъ до города Кинешмы, который нашелъ занятымъ отрядомъ поселянъ, возставшихъ противъ Самозванца, подъ начальствомъ Воеводы Ѳедора Бабарыкина. Польскій наѣздникъ стремительно напалъ на сей отрядъ, разбилъ его, самого Бабарыкина взялъ въ плѣнъ, а Кинешму разорилъ до основанія. Оттуда онъ двинулся къ Юрьевцу, гдѣ полагалъ совершить переправу свою черезъ Волгу, но встрѣтилъ тамъ сопротивленіе, вовсе имъ неожиданное. Бояринъ Шереметевъ, наконецъ покорившій Чебоксары, находился уже въ Нижнемъ, и узнавъ о намѣреніи Лисовскаго перебраться за Волгу, выслалъ на него въ судахъ часть своего войска. Главная рать подоспѣла къ Юрьевцу въ то самое время, какъ Лисовскій совершалъ переправу. Воспользовавшись симъ обстоятельствомъ, Царскіе воины нанесли непріятелю сильное пораженіе. Большая часть всадниковъ Лисовскаго, уже перевезенная на находящійся подъ Юрьевцемъ островъ, была тамъ истреблена. Самъ Лисовскій, къ счастію своему еще остававшійся на правомъ берегу рѣки, отступилъ безвредно съ имѣвшимся при немъ малымъ числомъ людей.

Дневникъ Сапѣги. — Никоновская Лѣтопись.

Главная рать возвратилась въ Нижній съ бо-

тапною добычею, а Лисовскій снова обратился къ Костромѣ и сталъ подъ симъ городомъ въ селѣ Селищѣ. Не успѣвъ переправиться за Волгу ниже Костромы, онъ послалъ Козаковъ для отысканія судовъ вверхъ по рѣкѣ. Дальнѣйшихъ извѣстій о событіяхъ подъ Костромою не находится ни въ Русскихъ, ни въ Польскихъ современныхъ бумагахъ. Но такъ какъ скоро послѣ того Ипатскій Монастырь является уже въ рукахъ Царскихъ приверженцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Лисовскому не удалось заставить Жеребцова снять осаду. Отписка Ярославцевъ въ Пермь Великую.

Ротмистръ Сума, оставленный, какъ сказано выше, Лисовскимъ въ Суздалѣ, соскучился бездѣйствіемъ, и уговорился съ Суздальскимъ Воеводою Плещеевымъ и съ Атаманомъ Просовецкимъ, стоявшимъ съ Козацкимъ отрядомъ въ Шуѣ, чтобы всѣмъ троимъ совокупившись сдѣлать поискъ на Владиміръ. Успѣхъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ. Правда имъ посчастливилось разбить совершенно большое скопище Царскихъ приверженцевъ, встрѣченныхъ ими 19 Іюня подъ Владиміромъ, при чемъ съ Царской стороны погибло и потонуло въ Клязьмѣ много людей, но такъ какъ городъ Владиміръ былъ занятъ сильною пѣхотою, то они неотважились приступать къ оному. И такъ, не смотря на одержанную ими побѣду, они воротились въ Суз- Дневникъ Сапѣги. Отписка Просовецкаго къ Сапѣгѣ.

далъ не только не взявъ Владиміра, но даже утративъ Лухъ и Шую. Поселяне, возставшіе противъ Самозванца, воспользовались отбытіемъ Просовецкаго, чтобы снова занять оба сіи города.

Между тѣмъ главное дѣло Самозванцево, покореніе столицы, несоотвѣтствовало ожиданіямъ его. Не смотря на принятыя имъ мѣры, дабы стѣсненіемъ Москвы истощить ея запасы, Москва еще не весьма нуждалась. Самозванецъ уже съ досадою расчитывалъ, какъ безполезное его предъ городомъ стояніе растрачаетъ драгоцѣнное время и открываетъ Царю возможность собрать нужныя силы для освобожденія столицы; вдругъ

Дневникъ Марины.

явились въ Тушино новые знатные перебѣжчики, которые объявили, что Москва снабжается подвозами изъ Коломны, гдѣ находятся обильные склады, и что если можно бы успѣть отнять сей способъ продовольствія, то она неминуемо доведена будетъ до крайности. Въ слѣдствіе сего извѣстія, Самозванецъ принялъ намѣреніе овладѣть Коломною, что и поручилъ исполнить Пану Хмѣлевскому, находившемуся съ отрядомъ въ

Никоновская Лѣтопись.

Конрѣ. Хмѣлевскаго предполагали еще усилить другимъ отрядомъ, состоящимъ изъ Поляковъ и мятежниковъ, которому изъ Владиміра также повелѣно было направиться на Коломну. Коломен-

скій Воевода, Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ, провѣдавъ о намѣреніяхъ Хмѣлевскаго, просилъ помощи у Царя, который поспѣшилъ отправить къ нему на подкрѣпленіе значительное войско, подъ начальствомъ Князя Семена Васильевича Прозоровскаго и Василья Борисовича Сукина. Русскіе Воеводы успѣли предупредить Хмѣлевскаго, и когда Польскій вождь подступилъ наконецъ подъ Коломну, они въ сильной вылазкѣ рѣшительно отогнали его отрядъ, а самого его взяли въ плѣнъ. Не предвидя дальнѣйшей опасности для Коломны, Прозоровскій и Сукинъ возвратились въ Москву; съ ними же отправился и Бутурлинъ, замѣщенный на Коломенскомъ воеводствѣ Иваномъ Пушкинымъ. Но Коломенцы не на-долго успокоились; подступленіе отряда изъ Владиміра снова встревожило ихъ и Царь вынужденъ былъ вторично послать къ нимъ войско, коего начальство ввѣрилъ Князю Димитрію Михайловичу Пожарскому. Пожарскій, прибывъ въ Коломну, извѣстился чрезъ лазутчиковъ, что непріятель стоитъ въ 40 верстахъ, при селѣ Высоцкомъ. Не теряя времени, съ рѣшительностію великаго полководца онъ выступилъ, и на другой день съ утренней зарею явился передъ Высоцкимъ. Непріятель, неожидавшій нападенія, былъ смятъ и побѣжалъ къ Владиміру, оставя въ рукахъ по-

Розряды.

Никоновская Лѣтопись.

бѣдниіпелей много плѣнныхъ, значительную казну и нѣсколько запасовъ. Этотъ первый шагъ Пожарскаго на поприщѣ военоначальства возвѣщалъ Россіи, что въ рядахъ вѣрныхъ сыновъ ея возникаетъ вождь, на доблесть коего она полагаться можетъ.

Впрочемъ занятіе Коломны казалось Самозванцу столь важнымъ, что, не смотря на первую неудачу, онъ въ непродолжительномъ времени повторилъ покушенія свои на сей городъ. Отряженный имъ Полковникъ Млоцкій, съ довольно сильнымъ отрядомъ Польскихъ войскъ, успѣлъ наконецъ осадить Коломну.

Положеніе столицы со дня на день становилось затруднительнѣе: будущность представлялась въ столь мрачномъ видѣ, что уныніе распространилось на цѣлый городъ. Нѣкоторые изъ гнѣздящихся въ онομъ крамольниковъ, ободренные замѣченнымъ ими упадкомъ духа во всѣхъ сословіяхъ, возмечтали что настало наконецъ время для исполненія ихъ преступныхъ замысловъ. Начальники заговора, Князь Романъ Гагаринъ, Григорій Сунбуловъ и Тимофей Грязный, сами люди незначные, явились 17 Февраля съ тремя стами своихъ сообщниковъ въ Кремлѣ и требовали отъ собранныхъ тамъ Бояръ сверженія съ престола Царя Василья. Дерзость крамольниковъ не поко-

Латухинская степенная книга. — Столяровъ Хронографъ и Никоновская Лѣтопись.

лебала, но ужаснула Бояръ; они успѣли тайно разъѣхаться по домамъ. Тогда заговорщики бросились въ Успенскій соборъ, и схвативъ тамъ Патріарха, принудили его слѣдовать за собою на Лобное мѣсто. Безстрашный Святитель, окруженный злодѣями, къ досадѣ и смущенію ихъ, не поколебался. Онъ возшелъ на Лобное мѣсто только чтобы заклинать народъ не прельщаться измѣною, а оставаться вѣрнымъ данной присягѣ. Сказавъ сіе Святитель сошелъ съ народнаго амвона и величаво отправился къ себѣ на дворъ; заговорщики не смѣли насильно удерживать его въ глазахъ стекающейся черни. Необдуманное предпріятіе ихъ очевидно оказывалось не своевременнымъ. Москва еще была наполнена войскомъ, коего почти всѣ начальники, искренно преданные Царю, спѣшили къ нему на помощь. Только одинъ Князь Василій Васильевичъ Голицынъ пріѣхалъ по зову бунтовщиковъ на Лобное мѣсто въ надеждѣ, что успѣхъ останется на ихъ сторонѣ и что они изъ благодарности за его участіе возведутъ его на престолъ, на мѣсто низверженнаго ими Царя; всѣ прочіе Бояре отказались пристать къ нимъ. Народъ также не показывалъ ни малѣйшей наклонности содѣйствовать людямъ малоизвѣстнымъ и коихъ замыслы не имѣли одобренія Патріарха и Вельможъ. На-

прасно заговорщики, прибѣгая къ клеветѣ, кричали, что Василій Шуйскій посаженъ на престолъ одними потаковщиками своими безъ общаго согласія и что за него безъ пользы много проливается христіянской крови, хотя онъ по своему неразумѣнію, нетрезвости и развратному поведенію, оказывается вовсе недостойнымъ Царскаго вѣнца. Имъ отвѣчали, что Василій сѣлъ на царство не насильственно, а по избранію Бояръ, Дворянъ и всѣхъ служивыхъ людей; что за нимъ ни пьянства ни другаго порока не знаютъ и что во всякомъ случаѣ нельзя приступить къ важному дѣлу низверженія Царя, безъ общаго совѣта Бояръ и всѣхъ чиновъ людей. Заговорщики, не видя ни въ чемъ удачи, рѣшились на дѣйствіе отчаянное. Они шумною толпою бросились снова въ Кремль въ надеждѣ устрашить самого Царя и вынудить отъ него отреченіе отъ престола. Но никогда боязливость не была свойственна Василію. Съ тою же твердостію, съ коею онъ клалъ голову свою на плаху при Отрепьевѣ, онъ самъ вышелъ къ мятежникамъ и сказалъ имъ, что если хотятъ убить его, то онъ готовъ на смерть; но что сверженіе его съ престола не зависитъ отъ ихъ воли, и что онъ покорится только приговору Земской Думы, дѣйствующей отъ лица всей земли. Зло-

дѣи, устрашенные мужествомъ Царя, удержались отъ дальнѣйшаго насилія, которое самихъ могло бы подвергнуть мести народной. Попеченіе о собственной безопасности взяло мѣсто буйства, и заговорщики, избѣгая заслуженнаго наказанія, спѣшили удалиться изъ Москвы въ Тушинскій станъ. Но пристававшій къ нимъ Князь Голицынъ спокойно остался въ столицѣ, и Царь столь же твердый въ часъ личной опасности, сколь слабый въ дѣлахъ внутренняго управленія, въ особенности въ отношеніи къ родовитымъ Вельможамъ, не посмѣлъ обратить праведный гнѣвъ свой на закоснѣлаго крамольника, въ коемъ знатность рода едва ли уступала безнравственности сердца.

Вѣрные слуги Царя видѣли съ прискорбіемъ пагубную его снисходительность къ важнымъ преступникамъ, и наконецъ убѣдили его въ необходимости строгаго примѣра. Случай не замедлилъ представиться. Бояринъ Крюкъ-Колычевъ сталъ ссылаться съ Тушинскимъ Воромъ и обѣщалъ ему убить Царя въ Вербное Воскресенье при помощи уговоренныхъ имъ людей. Василій Ивановичъ Бутурлинъ донесъ Царю о злодѣйскомъ умыслѣ. Колычева схватили и, не смотря на Боярство, предали пыткѣ и казни. На пыткѣ Колычевъ остался вѣрнымъ своимъ сообщникамъ. Твердость

Показаніе Подьячаго Матвѣя Чубарова, отобранное въ Тушинѣ 8 Мая 1609, и Никоновская Лѣтопись.

его спасла ихъ жизнь, но подозрѣнія были столь велики, что нельзя было имъ избавиться отъ заключенія.

Смуты въ столицѣ въ особенности возобновлялись по причинѣ дороговизны хлѣба. Когда, по случаю осады Коломны, подводы изъ сего города прекратились, то Московскіе житопродавцы, закупивъ весь хлѣбъ, стали возвышать цѣну такъ, что четверть ржи продавалась уже по 7 рублей (23⅓ нынѣшнихъ серебряныхъ). Бѣдные люди, лишенные всякаго средства къ пропитанію, бѣгали въ Тушино; другіе буйными толпами приступали къ Царю и кричали ему, что нѣтъ силъ долѣе терпѣть нуждъ продолжительнаго облежанія. Царь, опасаясь, чтобы граждане, доведенные до отчаянія, не впустили къ себѣ Самозванца, обратилъ всѣ старанія на изысканіе средствъ

Палицынъ. къ облегченію ихъ тягостнаго положенія. По повелѣнію его житопродавцы были созваны въ Успенскій соборъ, гдѣ Патріархъ увѣщавалъ ихъ сжалиться надъ общею бѣдою и продавать хлѣбъ не выше установляемой правительствомъ цѣны, по 2 рубли (6⅔ нынѣшнихъ серебряныхъ) четверть. Но корыстолюбіе превозмогло всякое чувство состраданія. Тѣ, кои имѣли значительнѣйшіе запасы, отозвались неимѣніемъ оныхъ, и рынки опустѣли къ конечной погибели нуждающихся.

Въ сей крайности Царь обратился къ другимъ мѣрамъ. Троицко-Сергіевъ Монастырь имѣлъ въ Москвѣ богатыя житницы, ввѣренныя надзору Келаря сей обители, Аврамія Палицына. Царь убѣдилъ его вывезть на торгъ за установленную цѣну 200 четвертей ржи. Скупщики хлѣба испугались. Имъ извѣстна была значительность Монастырскихъ складовъ, которыхъ однихъ достаточно было для продовольствія Москвы въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, а между тѣмъ путь подвозамъ могъ снова открыться отбитіемъ ли непріятеля отъ Коломны, или подступленіемъ кого изъ ожидаемыхъ въ столицѣ вождей, Князя Скопина или Боярина Шереметева. Такимъ образомъ возстановленное въ Москвѣ изобиліе лишило бы ихъ даже и того весьма богатаго барыша, еще предоставляемаго имъ двухрублевою цѣною. Въ слѣдствіе сего они рѣшились сами продавать по объявленной цѣнѣ, что продолжалось довольно долгое время. Но наконецъ такъ какъ новыхъ подвозовъ все еще не было, они стали опять возвышать цѣны, и не довольствовались уже и прежними семью рублями. Царь снова прибѣгнулъ къ Троицкому Келарю. Аврамій нѣсколько колебался и представлялъ, что если утѣсненіе столицы еще продлится, то ему самому нечѣмъ будетъ продовольствовать живущихъ въ Москвѣ

на Богоявленскомъ подворьѣ Монастырскихъ людей. Царь, въ успокоеніе его, далъ ему слово принять на свой счетъ прокормленіе Монастырскихъ людей въ случаѣ продолженія бѣдствія, хотя бы тогда цѣна ржи возрасла и до неимовѣрной цѣны 70 рублей за четверть, и Келарь новою высылкою на продажу Монастырскаго хлѣба успѣлъ еще разъ возстановить двухрублевую цѣну.

Когда такимъ образомъ достояніе Троицкаго Монастыря спасало Москву, самая обитель продолжала геройское сопротивленіе свое, не смотря на разнородныя бѣдствія, коимъ подвергались храбрые ея защитники. Правда зимнее время удерживало Сапѣгу отъ продолженія осадныхъ работъ, но не менѣе того осажденные не имѣли отдохновенія, а трудность и опасность ихъ положенія день ото дня увеличивались. Пока теплая погода продолжалась, тѣснота помѣщенія не была чувствительна въ обители, ибо многіе располагались на открытомъ воздухѣ, или подъ навѣсами. Но когда стужа вынудила всѣхъ искать убѣжища въ кельяхъ и избахъ, то вскорѣ спертійся воздухъ, употребленіе худой воды и недостатокъ въ хлѣбномъ винѣ и въ пряныхъ зеліяхъ породили заразительную болѣзнь цынгу. Больные пухли, смердѣли, гнили и наконецъ умирали въ несносныхъ мученіяхъ. Когда язва, начавшаяся съ 17 Ноября

1608 года, достигла до высшей степени лютости, что умирало до ста человѣкъ въ день. Нѣкому было хоронить усопшихъ. За могилу платили по 5 рублей ($16^2/_3$ нынѣшнихъ серебряныхъ). Бѣдныхъ же бросали даже по сороку труповъ въ одну яму. Вопль и стенанія раздавались по всей Лаврѣ.

Не смотря на бѣдственное положеніе, угрожавшее конечною гибелью всѣмъ защитникамъ Монастыря, вылазки не переставали ни на одинъ почти день. Нѣкоторыя изъ нихъ были даже довольно значительны. Замѣчательнѣйшую осажденные учинили, пользуясь густою мглою одного изъ зимнихъ дней, на заставы, непріятелемъ содержимыя на Сѣверной и Восточныхъ сторонахъ обители. Часть Монастырскаго войска направилась къ нагорному пруду на заставы Русскихъ измѣнниковъ, близь служней слободы. Другой отрядъ, состоящій изъ конницы, спустился въ Мишутинъ оврагъ, побилъ находящуюся тамъ заставу и потомъ обратился на заставу, устроенную близь Благовѣщенской рощи, которую смялъ и погналъ по Красной горѣ до Клементьевскаго пруда. Непріятель, получивъ подкрѣпленіе изъ Сапѣгина стана, оттѣснилъ было нападающихъ, которые однакожъ при помощи вновь вышедшихъ изъ Монастыря конныхъ и пѣшихъ людей, оправились, и рѣшительно отбросили Поляковъ къ Клементьевскому пруду.

На другой сторонѣ обители дѣйствія осажденныхъ были не столь успѣшны. Во то время, какъ Русскіе измѣнники не безъ труда отражали противъ Красныхъ воротъ нападенія перваго отряда, Лисовскій отъ Терентьевской рощи приспѣлъ къ нимъ на помощь съ своими Козаками и вынудилъ Монастырскихъ воиновъ укрыться въ подсѣнномъ рвѣ. Царскіе Воеводы, не желая оставлять ни малѣйшей поверхности на сторонѣ непріятеля, выслали на встрѣчу Лисовскаго свѣжій конный отрядъ, подъ предводительствомъ Монаховъ Ферапонта Стогова, Малафея Ржевитина и двадцати другихъ старцевъ. Между тѣмъ съ отступленіемъ непріятеля сраженіе на Красной горѣ казалось прекращеннымъ; часть тамъ дѣйствующихъ воиновъ также направилась на Лисовскаго, а прочіе засѣли на Красной горѣ и въ Глиняномъ оврагѣ. Иноки стремительно понеслись на Лисовскаго, который, не выждавъ ихъ нападенія, поспѣшилъ отступить за мельницу и за Терентьевскую рощу и остановился въ раздоліи за горой Волкушей; но отступленіе его совершено было не безъ урона, и нѣкоторые изъ его лучшихъ витязей попались въ плѣнъ. Въ сіе время Сапѣга самъ поднялся со всѣми полками своими и двинулся Клементьевскимъ полемъ на Красную гору. Лисовскій, увидя его движеніе, спѣшилъ спуститься съ горы Волкуши,

и помчался на Красную гору во флангъ стоящимъ тамъ Монастырскимъ людямъ, которыхъ смялъ и согналъ подъ гору къ Пивному двору, гдѣ они, остановившись за надолбами, защищались упорно. Лѣтописецъ при семъ случаѣ особенно выхваляетъ необычайную храбрость крестьянина села Молокова, по прозванію Суета, который на обѣ стороны бердышемъ своимъ безщадно сѣкъ враговъ. Лисовскій, не видя возможности выбить осажденныхъ изъ-за надолбовъ, обратился по Красной горѣ на отрядъ, укрывавшійся въ Глиняномъ оврагѣ. Начальствующій симъ отрядомъ, слуга Пименъ Теневъ, смѣло выстроился на пригоркѣ у оврага и мужественно отразилъ нападеніе Лисовскаго, который, не полагая, чтобы Теневъ отваживался противустать ему, еслибы не надѣялся быть поддержаннымъ, не рѣшился напирать слишкомъ сильно, опасаясь засады. Теневъ же, пользуясь нерѣшительностью Лисовскаго, сталъ мало по малу отступать и наконецъ скрылся въ Косомъ оврагѣ. Тогда Лисовскій бросился за нимъ въ погоню и старался полонить самого его; но Теневъ ранилъ его стрѣлою въ лѣвый високъ. Лисовскій упалъ съ коня, и смущенные воины его, помышляя уже единственно о его спасеніи, спѣшили удалиться съ нимъ въ станъ Сапѣги. Все Клементьевское поле покрылось отступающими врагами; но Польскіе вожди, Князь Юрій

Горскій, Иванъ Тишкевичъ и Ротмистръ Сума, уговорили многихъ возвратиться къ бою на отмщеніе за рану славнаго наѣздника. Жестокая битва снова возгорѣлась на Красной горѣ. Съ обѣихъ сторонъ сражались съ такимъ остервенѣніемъ, что, поломавъ оружіе, рѣзались ножами и боролись въ обхватку. Наконецъ, не смотря на лучшее вооруженіе Поляковъ и на превосходство ихъ многочисленной конницы, они не могли одолѣть безпанцерныхъ Монастырскихъ воиновъ. Князь Горскій былъ убитъ, и враги со стыдомъ и урономъ отошли въ свои таборы.

Успѣхъ утѣшалъ осажденныхъ, но не облегчалъ ихъ гибельнаго положенія. Среди прочихъ нуждъ, въ особенности чувствителенъ для нихъ былъ ощущаемый недостатокъ въ дровахъ. Всѣ кровли, чуланы и заднія сѣни были уже сожжены. Обратились къ житницамъ, но и ихъ истребленіе не доставляло достаточнаго средства на потребности продолжительнаго суроваго времени года. Необходимость требовала допускать почти ежедневныя малыя вылазки для добыванія дровъ въ ближнихъ рощахъ. Непріятель часто устроивалъ близъ рощей засады, которые причиняли вылазкамъ не малый вредъ.

Отписка Троицкихъ властей Царю Василью.

Къ усугубленію опасностей, угрожавшихъ осажденнымъ, единодушіе въ нихъ очевидно ослабѣвало.

Не всѣ въ одинакой степени одарены крѣпостію духа, чтобы безтрепетно взирать на возрастающія бѣдствія. Многіе, отягченные нравственною усталостію, устремляли всѣ желанія свои къ скорѣйшему избавленію отъ тяжкихъ своихъ страданій. Другіе, болѣе виновные, старались уже о извлеченіи личныхъ выгодъ изъ замышляемаго ими предательства. Раздоръ и измѣна вкрадывались въ обитель, гдѣ до тѣхъ поръ господствовала вѣра и воспламенѣнное ею усердіе. По несчастію не было согласія даже и между главными вождями. Воеводы, Князь Долгорукій и Голохвастовъ, явно враждовали другъ противъ друга. За Долгорукова стояли воины, священники и простые Монахи, а Голохвастовъ имѣлъ на своей сторонѣ слугъ и поселянъ. Среди сихъ смутъ Долгорукому донесъ Діяконъ, Гурій Шишкинъ, что Монастырскій Казначей, Осипъ Дѣвочкинъ, давно ссылается съ непріятелемъ, что первый измѣнникъ, Осипъ Селевинъ, перебѣжалъ къ Сапѣгѣ по его же наущенію и наконецъ, что ему даже удалось уговорить къ предательству самого Голохвастова, который обѣщалъ, при первой большой вылазкѣ, запереть ворота за высланными людьми, дабы воспрепятствовать ихъ возвращенію, а между тѣмъ черезъ другой входъ впустить въ обитель Польскихъ воиновъ. Доносъ коснулся и живущей въ Монастырѣ Коро-

Письмо Царевны Ксеніи къ теткѣ своей изъ Троицы отъ 29 Марта 1609.—Отписка къ Келарію Палицыну Троицкаго Воеводы Князя Долгорукова и Монастырскихъ священниковъ и братій.—Палицынъ.

левы Инокини Маѳы Владиміровны *. Ее обвиняли въ тѣсныхъ связяхъ съ Дѣвочкинымъ, въ перепискѣ съ непріятелемъ и въ торжественномъ признаніи Самозванца за истиннаго Государя и внучатнаго брата своего. Долгорукій, пораженный важностію доноса, приказалъ схватить Дѣвочкина и допрашивать въ съѣзжей избѣ. Напротивъ того, Голохвастовъ созвалъ всѣхъ преданныхъ ему поселянъ у съѣзжей избы на избавленіе Дѣвочкина. Долгорукій не безъ труда успѣлъ усмирить мятежъ и согласить поселянъ не останавливать розыска надъ Дѣвочкинымъ, за котораго впрочемъ явились новые важные заступники. Архимандритъ и соборные старцы ходатайствовали за него, отъ того ли, что дѣйствительно не было ясныхъ доказательствъ въ его измѣнѣ, или можетъ быть благоразумные Иноки опасались строгостію, даже справедливою, но неумѣстною, довесть до отчая-

---

* *Примѣчаніе.* Въ 1-й книгѣ сего сочиненія ошибочно показано, что Королева Ливонская, Марья Владиміровна, въ инокиняхъ Маѳѣ, скончалась въ 1597 году. Такъ полагалъ Карамзинъ, самъ весьма естественно введенный въ заблужденіе неисправною надгробною надписью, читанною имъ въ Троицкой Лаврѣ. Напротивъ того, вновь открытые Профессоромъ Соловьевымъ въ Швеціи документы удостовѣряютъ, что Королева въ 1609 году находилась въ живыхъ и обитала въ Троицкомъ Монастырѣ, вмѣстѣ съ несчастною Царевною, дочерью Бориса Годунова.

нія Голохвастова и побудить его къ явному междоусобію, при помощи многочисленныхъ его приверженцевъ. Какъ бы то ни было, Дѣвочкинъ не былъ казненъ, а оставленъ въ темницѣ, гдѣ долгое время спустя онъ умеръ отъ лютой болѣзни.

Частыя измѣны продолжались. Двое Переяславскихъ Дѣтей Боярскихъ, Петръ Ошушковъ и Степанъ Лешуковъ, перебѣжали къ непріятелю и объявили, что обитель снабжается водою посредствомъ подземныхъ трубъ, проведенныхъ изъ нагорнаго пруда. По сему извѣстію, Лисовскій приказалъ нарядить работниковъ для разрытія плотины нагорнаго пруда и спуска воды, черезъ Служень оврагъ, въ рѣчку Кончуру. Опасаясь, чтобы осажденные не извѣстились о сей работѣ черезъ перехваченнаго языка, онъ строго предписалъ своимъ воинамъ уклоняться отъ боя съ выходящими изъ Монастыря людьми. Но самая хитрость Лисовскаго возбудила осторожность въ Монастырскихъ Воеводахъ. Подозрѣвая, что подъ оною кроется какой-либо тайный умыселъ, они ночью выслали охотниковъ, которые тихо приползли къ Польскому часовому, схватили его и привели въ обитель, гдѣ на допросѣ онъ объявилъ о раскопаніи плотины. Въ ту же ночь осажденные дружно принялись за дѣло. Всѣ трубы вдругъ были отворены; про-

вертѣли даже и такія, которыя отъ долгаго неупотребленія засорились. Вода хлынула стремительно и черезъ края наполнила всѣ запасные пруды, во внутренности обители находящіеся; въ то же время высланный отрядъ перебилъ непріятельскихъ работниковъ, перекопывавшихъ плотину нагорнаго пруда.

Архимандритъ неоднократно писалъ въ Москву къ Келарю Аврамію Палицыну, чтобы онъ приложилъ всѣ старанія о присылкѣ въ Монастырь помощныхъ людей. Келарь дѣйствовалъ неусыпно, но не весьма успѣшно. Онъ безпрестанно умолялъ Царя и требовалъ ходатайства братьевъ его, Патріарха и Думы Боярской, чтобы не оставлять славной обители на оскверненіе лютому врагу. Его утѣшали пустыми обѣщаніями, которыхъ исполнить не намѣревались по причинѣ стѣснительнаго положенія самой столицы. Аврамій вынужденъ былъ объявить, что Троица не въ состояніи держаться болѣе мѣсяца, если не примутъ мѣры для ея спасенія. Тогда встревоженный Патріархъ представилъ Василью, что съ паденіемъ Лавры утратится всякое сообщеніе Москвы съ Заволжскими областями, откуда сама столица могла единственно ожидать своего избавленія. Царь убѣдился наконецъ въ необходимости усилить Монастырскихъ защитниковъ, но и тутъ посы-

ласмое подкрѣпленіе было почти вовсе ничтожно. Оно состояло только изъ 60 Козаковъ, подъ начальствомъ Атамана Сухана Останкова, съ коими отпустили также 20 пудъ пороха. Келарь съ своей стороны отправилъ еще съ Останковымъ Никифора Есипова съ 20 Троицкими слугами.

Останковъ и Есиповъ удачно пробрались сквозь непріятельскіе полки, окружающіе Монастырь, и вступили въ оный 15 Февраля съ потерею только четырехъ Козаковъ, которыхъ непріятель успѣлъ захватить и которыхъ Лисовскій, въ досадѣ своей за пропущеніе прочихъ, приказалъ казнить въ виду обители. Нельзя было оставить безъ наказанія варварства, столь противнаго военнымъ обычаямъ и могущаго поколебать твердость осажденныхъ. Долгорукій и Голохвастовъ совершили месть и совершили ее жестоко. По повелѣнію ихъ, 42 плѣнные Поляка выведены были на гору старой токарни и казнены подъ Глинянымъ оврагомъ, а 19 Козаковъ претерпѣли ту же участь у нагорнаго пруда на взгоркѣ противъ таборовъ Лисовскаго. Это зрѣлище привело непріятелей въ такое отчаяніе, что они хотѣли убить перваго виновника онаго — Лисовскаго. Сапѣги стоило не мало труда, чтобъ избавить его отъ смерти. Впрочемъ прибытіе вспомогательнаго отряда не на-долго облегчило осажденныхъ. Въ непродолжительномъ

Акты, отысканные въ Швеціи Профессоромъ Соловьевымъ.

Дневникъ Сапѣги. — Палицынъ.

времени большая часть людей Останкова и Еспнова сдѣлались жертвою свирѣпствующей заразы, которая еще долго не переставала опустошать обитель.

Наконецъ благорастворенность весенняго воздуха распространила цѣлебное вліяніе на здоровье страждущихъ. Съ первыхъ чиселъ Мая мѣсяца болѣзнь начала ослабѣвать и скоро совершенно прекратилась. Въ смертоносномъ теченіи своемъ она поглотила до 2,000 человѣкъ.

Сапѣга, зная хорошо бѣдственное положеніе осажденныхъ, не предпринималъ ничего важнаго противъ нихъ въ теченіе зимы, а оставался въ наблюденіи. Съ одной стороны онъ долженъ былъ опасаться сообщенія заразы, а съ другой онъ не полагалъ нужды въ какихъ либо усиліяхъ противъ ежедневно-изнемогающаго непріятеля, и считалъ паденіе Лавры необходимымъ послѣдствіемъ погибели ея защитниковъ. Но когда зараза миновалась, а осажденные не преставали обороняться, то Польскій вождь рѣшился безотлагательно воспользоваться ихъ ослабленіемъ для нанесенія сильнаго удара всѣми полками своими. Съ полудня 27 Мая примѣчено было въ его войскахъ необыкновенное движеніе. Всадники подъѣзжали къ стѣнамъ для обозрѣнія. Другіе скакали по Клементьевскому полю и казалось избирали мѣста для орудій. Осажденные

изготовились къ отпору, хотя число изъ нихъ способныхъ къ бою едва доходило до 1,000 человѣкъ. Но въ минуту опасности пламенное усердіе одушевляло и слабѣйшихъ. Самыя женщины толпились на стѣнахъ и запасались каменьями, варомъ и известью. Также не оставили очистить подошвенныя бойницы.

Письмо изъ Троицы Соломониды, служанки Царевны Ксеніи къ матери своей въ Москву.

Палицынъ.

Когда смерклось, непріятели скрытно и тихо подползли къ стѣнамъ, везя за собою лѣстницы, тарасы и рубленые щиты. Залпъ изъ орудій, поставленныхъ на Красной горѣ, подалъ знакъ къ приступу. Загремѣла музыка; Поляки и Русскіе измѣнники устремились съ воплемъ къ оградѣ; но намѣреніе ихъ напасть въ расплохъ не могло исполниться. Ихъ уже ожидали и приняли мужественно. Изъ подошвенныхъ бойницъ истребляли ихъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, а со стѣнъ поражали каменьями, обливали варомъ и ослѣпляли извѣстью. Не давали имъ ни прислонить лѣстницъ, ни придвинуть щитовъ и тарасовъ. Бой продолжался во всю ночь безъ малѣйшаго успѣха со стороны враговъ, которые съ разсвѣтомъ отступили. Осажденные сдѣлали вылазку и, преслѣдуя бѣгущихъ, побили многихъ изъ нихъ, 30 человѣкъ взяли въ плѣнъ и овладѣли всѣми приступными снарядами.

Неудача сія привела Сапѣгу въ сильное недо-

умѣніе. Продолжать ли еще осаду, казавшуюся уже безнадежною, или, не теряя времени напрасно, отойти къ Москвѣ? Разрѣшеніе сего важнаго вопроса Сапѣга предложилъ созванному имъ 3 го Іюня Генеральному *Колу* *. Тщеславнымъ Полякамъ показалось тяжко отказаться отъ начатаго предпріятія. *Коло* положило отнюдь не отступать, не взявъ Монастыря. Къ несчастію крамолы продолжались въ Монастырѣ. Распря между обѣими Воеводами дошла до такой степени, что 24 Іюня Голохвастовъ хотѣлъ было склонить слугъ и Клементьевскихъ крестьянъ къ отобранію ключей отъ воротъ отъ Князя Долгорукова, котораго выставлялъ человѣкомъ не заслуживающимъ ихъ довѣрія. Но слуги и крестьяне, хотя преданные Голохвастову, не осмѣлились явно возстать противъ главнаго вождя, имѣющаго на своей сторонѣ воиновъ. Скоро послѣ того Князь Долгорукій имѣлъ случай доказать, сколь несправедлива была клевета, товарищемъ противъ него разсѣваемая. Сапѣга, хотя претерпѣнныя имъ неудачи мало располагали его къ новому приступу, почелъ невозможнымъ противиться общему желанію воиновъ своихъ, неотступно просящихъ позволенія еще разъ испытать счастія.

Дневникъ Сапѣги и отписка Воеводы, Князя Долгорукаго Келарю Палицыну и Троицкихъ старцевъ Царю Василью отъ 3 Іюля 1609.

* *Примѣчаніе.* Въ Польшѣ Жолнерскія сходки назывались *Коло*.

Въ ночи, съ 27 на 28 число, Поляки, подъ покровительствомъ дѣйствія мортиръ, со всѣхъ сторонъ устремились къ оградѣ съ щитами, лѣстницами и проломными ступами. Князь Долгорукій явился на стѣнѣ въ опаснѣйшемъ мѣстѣ и первый подавалъ доблестный примѣръ защитникамъ Монастыря, которые въ битвахъ забывая личныя вражды, дружно стояли противъ злодѣевъ Россіи. Непріятелю удалось было зажечь срубъ, поставленный осажденными въ видѣ отводной башни впереди острога, прикрывающаго пивной дворъ. Пользуясь сею мгновенною выгодою, онъ сталъ уже присланивать лѣстницы къ острогу. Усмотрѣвъ сіе съ водяной башни старецъ Гурій Шишкинъ и сотникъ Николай Волжинскій, кинулись изъ Монастыря къ пивному двору. За ними послѣдовали одинъ Монастырскій служка, два Козака и нѣсколько стрѣльцевъ. Вознаграждая малолюдство отважностью, они съ стремленіемъ ударили на нападающихъ, отбили ихъ и потушили пожаръ сруба. Бой продолжался во всю ночь. Къ утру Поляки отступили, бросивъ приступныя свои орудія.—Къ отрадѣ осажденныхъ имъ тогда сдѣлалось извѣстнымъ, что слухи о приближеніи Князя Скопина-Шуйскаго съ вспомогательнымъ Шведскимъ войскомъ уже начинали тревожить враговъ.

Въ Москвѣ жаждали извѣстій объ успѣхѣ даннаго порученія Князю Михайлу Васильевичу. Всѣ взоры были устремлены на Новгородъ. Царь и съ нимъ всѣ благомыслящіе Россіяне ожидали избавленія отечества преимущественно отъ дѣйствій юнаго Героя. Но надежда на будущіе подвиги его не скоро должна была исполниться. Ему еще предстояло испытать тяжкія искушенія и побѣдить важныя препятствія.

Посланные отъ него въ Выборгъ Полномочные, Головинъ и Зиновьевъ, вступили тамъ въ переговоры съ Шведскими Полномочными, которыми назначены были Еранъ Бойе, Арвидъ Вильдманъ, Тенесъ Еранзонъ Стирнскельдъ, Отто Мернеръ и Секретарь Эрикъ Элофзонъ. Казалось, что не трудно было уговориться въ дѣлѣ полезномъ для обѣихъ сторонъ. Если для спасенія Россіи нужна была помощь Шведовъ, то Швеціи также для собственной безопасности своей необходимо было не допускать Поляковъ овладѣть Россіею и сдѣлаться опасными сосѣдями для самой Швеціи. Но такъ какъ бѣда для Россіи была близка, а для Швеціи отдаленна, то Шведы воспользовались симъ, чтобы возвысить свои требованія. Условленная въ Новѣгородѣ богатая плата ихъ вспомогательному войску не удовлетворяла еще всѣмъ ихъ желаніямъ. Отложивъ всякую благо-

пристойность, они не устыдились домогаться приращенія владѣній своихъ въ ущербъ союзной имъ державы, и настоятельно просили объ уступкѣ Корелы. Сколь ни тягостно было для Русскихъ сердецъ добровольно предавать въ руки иноплеменниковъ Русскій городъ, однако Головинъ и Зиновьевъ, видя непреклонность Шведовъ, вынуждены были покориться злой необходимости. Впрочемъ уговорились не оглашать до времени о сей уступкѣ, неминуемо долженствовавшей произвесть сильное негодованіе въ Россіи, и потому, не упоминая о сей горестной статьи въ общемъ договорѣ, сдѣлали объ оной особое тайное постановленіе. На семъ основаніи обоюдныя записи были подписаны 28-го Февраля. Сущность оныхъ была слѣдующая: 1-е) Шведамъ выставить на службу Царя 5,000 наемнаго войска за условленную плату; 2-е) кромѣ того имъ же прислать еще безденежно столько войска, сколько Король заблагоразсудитъ; 3-е) во время похода ихъ въ Россіи церквей не разорять и людей безоружныхъ не забирать; 4-е) плѣнныхъ съ бою Русскихъ отдавать на окупъ, въ Швецію же отправлять только плѣнныхъ Поляковъ; 5-е) всѣмъ Шведскимъ войскамъ состоять въ полномъ повиновеніи у Князя Скопина-Шуйскаго; 6-е) Шведамъ не выдавать измѣнникамъ Русскихъ Полво-

мочныхъ, а привести ихъ съ собою безвредно въ Новгородъ; 7-е) имъ же Русскихъ городовъ никакихъ не только не брать на себя, но даже возвращать Царю и тѣ, которые держа сторону Вора взяты будутъ ими вооруженною рукою; 8-е) Россіи съ своей стороны отказаться навсегда отъ всѣхъ правъ своихъ на Лифляндію; 9-е) во время пребыванія Шведовъ въ Россіи продавать имъ кормъ по истинной цѣнѣ, принимать отъ нихъ въ уплату Шведскія золотыя и серебряныя деньги безпрепятственно и снабжать пѣшихъ людей ихъ подводами безденежно; 10-е) отставшимся Шведскимъ всадникамъ давать лошадей по настоящей цѣнѣ, которую и зачитать въ число слѣдующей имъ платы; 11-е) привезенные Русскими Полномочными 4,800 рублей роздать немедленно наемнымъ воинамъ, и имъ же дать еще по прибытіи ихъ въ Новгородъ 200 рублей, не зачитая ничего изъ сихъ 5,000 рублей въ число условленной платы; 12-е) если въ зимнее время понадобится Королю послать отъ 1,000 до 2,000 воиновъ (въ Шведскомъ подлинникѣ сказано до 3,000 и болѣе воиновъ) сухимъ путемъ изъ Финляндіи въ Лифляндію, то пропустить ихъ черезъ Ижерскую землю; 13-е) въ случаѣ еслибы въ послѣдствіи встрѣтилася Королю нужда въ помощи Царя, то послать ему

точно такое же количество войскъ, какое онъ теперь посылаетъ въ Россію; 14-е) Князю Скопину-Шуйскому въ Новѣгородѣ, а потомъ и самому Царю въ Москвѣ, утвердить заключенный договоръ и наконецъ 15-е) съ обѣихъ сторонъ не входить ни въ какой договоръ съ Королемъ Польскимъ безъ вѣдома и участія обѣихъ сторонъ *. Въ тайномъ отдѣльномъ постановленіи Русскіе Полномочные обѣщали черезъ три недѣли послѣ вступленія въ Россійскіе предѣлы Королевскихъ Воеводъ доставить имъ уступочную запись на Корелу за Новгородскою печатью и за подписомъ Князя Скопина-Шуйскаго, а еще два мѣсяца спустя прислать имъ таковую же запись за Царскою печатью, и въ то же время сдать имъ городъ Корелу со всѣмъ уѣздомъ, вывезя впрочемъ изъ уступаемой земли церковную утварь, Русскія пушки и всѣхъ Россіянъ и Корелянъ, которые не пожелаютъ оставаться въ подданствѣ Швеціи **.

Если Шведы дорого продавали свое содѣйствіе, по крайней мѣрѣ они не жалѣли усилій, чтобы помощь ихъ соотвѣтствовала важности цѣли. Не ограничиваясь условленными пятью ты-

* Смотри Приложенія № XII.

** Смотри Приложенія № XIII.

сячами человѣкъ, они изготовили близъ Выборга до 8,000 конницы и пѣхоты *. Главное начальство надъ симъ ополченіемъ, состоящимъ изъ Шведовъ, Шотландцевъ, Датчанъ, Англичанъ и Цесарцевъ, ввѣрено было Королемъ Якову Делагарди. Сей вождь былъ незаконорожденный сынъ дочери Короля Іоанна, и слѣдственно племянницы Карла IX, и хотя имѣлъ онъ роду только 27 лѣтъ, но сдѣлался уже извѣстнымъ въ 1601 году, въ которомъ вмѣстѣ съ Гилленгіельмомъ упорно защищалъ городъ Вольмаръ противъ Поляковъ. Взятый въ плѣнъ при сдачѣ города, онъ былъ размѣненъ и потомъ служилъ въ Нидерландахъ, въ войскѣ лучшаго полководца тогдашняго времени, Принца Маврикія Нассавскаго, и подъ его руководствомъ усовершенствовался въ ратномъ дѣлѣ. Подъ нимъ частными вождями были Аксель Куркъ, Андерсъ Бойс, Христофоръ Сомме и Эвертъ Горнъ.

Отписка Князя Скопина къ Вычегодцамъ и къ Царю изъ Новгорода.

Далинъ.

Отписка Князя Скопина Царю изъ Новгорода.

Делагарди выступилъ изъ Выборга, и 27 прибылъ на границу, гдѣ соединился съ Иванисомъ

Видсквидъ.

* *Примѣчаніе.* Въ отпискѣ Князя Скопина къ Царю, отъ Мая 1609 года, число вспомогательнаго войска выставлено въ 12,000, но кажется, что въ семъ случаѣ Князь повѣрилъ на дѣлѣ неоправдавшимся обѣщаніямъ Шведскихъ Генераловъ. Какъ Шведскіе такъ и Польскіе писатели согласуются въ томъ, что Шведы увеличивали свои силы.

Ададуровымъ, высланнымъ Княземъ Скопинымъ къ нему на встрѣчу съ 2,300 Русскихъ. Первымъ слѣдствіемъ появленія Шведовъ въ Россіи было покореніе Орѣшка, котораго жители добровольно обратились къ повиновенію Царю. Начальствующій тамъ закоренѣлый крамольникъ, Бояринъ Салтыковъ, отъѣхалъ въ Тушино. Делагарди хотѣлъ было мимоходомъ нечаянно овладѣть Копорьемъ, но такъ какъ ему не удалось подойти скрытно, то, не желая терять времени подъ маловажнымъ городомъ, онъ отказался отъ своего предпріятія и продолжалъ путь свой къ Новгороду.

Впрочемъ Шведы не торопились походомъ своимъ. Они шли не менѣе двухъ недѣль отъ границы до Тесова, хотя пройденное ими разстояніе составляло только 380 верстъ. Весенняя распутица могла быть причиною сей медленности, которая также была сообразна настоящимъ выгодамъ Шведовъ. Такъ какъ условленная плата расчитывалась со дня вступленія ихъ въ Россійскія предѣлы, то тратою времени они усугубляли свою награду. Съ другой стороны имъ желательно было не прежде соединиться съ Княземъ Михайломъ Васильевичемъ, какъ по минованіи срока, назначеннаго для полученія отъ него подтвержденія договора, касательно уступки Корелы. Делагардій

свою особою прибылъ въ Новгородъ 14-го Апрѣля, но войско его оставалось въ Тесовѣ. Князь Скопинъ принялъ Шведскаго военачальника какъ будущаго избавителя Россіи, встрѣтилъ его за городомъ и съ сердечнымъ умиленіемъ кланялся ему, опустя руку до земли. Русскій и Шведскій Полководцы, оба юные, оба отличные, скоро сблизились и взаимныя дружескія сношенія ихъ подавали надежду на отвращеніе важныхъ трудностей, возникающихъ съ перваго шагу. Шведы требовали подтвержденія уступки Корелы и выдачи заслуженнаго уже ими мѣсячнаго жалованья. По первому предмету Скопинъ спѣшилъ удовлетворить ихъ, и 15 Апрѣля выдалъ имъ подтвердительныя грамоты Выборгскихъ договоровъ *. Но въ разсужденіи платы представлялась совершенная невозможность. Въ Новгородѣ такъ нуждались деньгами, что не смотря на сдѣланныя пожертвованія Митрополитомъ, духовенствомъ, купечествомъ, посадскими и уѣздными людьми, которые всѣ дали по возможности деньгами, сукномъ и камкою, расходъ на образованіе Русскаго войска былъ такъ значителенъ, что Новгородская казна совершенно истощилась. Въ сей крайности Князь Михайло

* Смотри Приложенія № XIV.

Васильевичъ уговорилъ Делагардія довольствоваться на первый случай 5,000 рублей деньгами и соболями на 3,000 (всего на 26,666⅔ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), что все не составляло и пятой части условленнаго мѣсячнаго жалованья. Князь обѣщалъ заплатить сполна недоимку, когда открыто будетъ сообщеніе съ столицею.

Устроивъ сіе важное дѣло, Князь Михайло Васильевичъ занялся военными распоряженіями. Расчитывая съ свойственною ему осторожностію, что не безопасно было бы впустить въ Новгородъ столь значительное число Иноземцевъ, онъ дозволилъ Делагардію направить на Новгородъ только 3,600 конныхъ Французовъ и Шотландцевъ, предводительствуемыхъ Эраномъ Бойе и Оттомъ Мерперомъ. Фрикседь. Прочее же войско Делагардіево, состоящее еще изъ 4,000 человѣкъ, получило приказаніе итти подъ начальствомъ самого Делагардія прямо изъ Тесова въ Старую-Руссу на стоявшаго тамъ Керпозицкаго, и Скопинъ выслалъ туда же изъ Новгорода Семена Васильевича Головина и Ѳедора Чулкова съ отрядомъ, составленнымъ изъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, Козаковъ, Стрѣльцевъ и охочихъ людей. Отписка Князя Скопина къ Вычегодцамъ и къ Царю изъ Новгорода. Головинъ на пути своемъ получилъ донесеніе отъ Князя Ивана Мещерскаго, занимавшаго Порховъ съ Дворянами и Дѣтьми Боярскими Шелонской Пятины, что подъ сей

городъ подступили тысяча Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, посланныхъ Кернозицкимъ. Мещерскій просилъ помощи. Головинъ немедленно отрядилъ къ Порхову часть Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и Козаковъ, подъ предводительствомъ Головъ, Лазаря Осинина и Тимофея Шарова, которые предварительно сославшись съ Мещерскимъ, 8 Мая напали въ расплохъ на непріятелей, осаждающихъ Порховъ, разбили ихъ совершенно, отобрали всѣ ихъ набаты, знамена и кони, и взяли въ плѣнъ 180 человѣкъ. Съ другой стороны Головинъ продолжалъ[1] слѣдованіе свое къ Старой-Руссѣ, куда Горнъ вступилъ безпрепятственно съ передовымъ войскомъ, состоящимъ изъ 240 Шведовъ. Кернозицкій, не дождавшись его прихода, зажегъ городъ и отступилъ за Ловать, но желая имѣть точное свѣдѣніе о силѣ наступающаго отряда, онъ снова выслалъ за рѣку разъѣздъ изъ 300 человѣкъ конницы, который 11 Мая подошелъ подъ Старую-Руссу. Горнъ, извѣщенный о приближеніи непріятеля, встрѣтилъ его и принудилъ искать спасенія своего въ бѣгствѣ, оставивъ 30 плѣнныхъ въ рукахъ Шведовъ. На другой день Головинъ и Делагардій прибыли въ Старую-Руссу, и тотчасъ же отправили Чулкова и Горна, усиленнаго 670 Шведовъ, для преслѣдованія Кернозицкаго. Передовая дружина ихъ, изъ Иноземцевъ и 200 Русскихъ,

Фриксель и отписка Князя Скопина къ Царю въ Маѣ 1609.

Видскиндъ.

предводительствуемая самимъ Горномъ, настигла Кернозицкаго 15 вечеромъ при селѣ Каменкѣ. Шведскій начальникъ, не смотря на малочисленность бывшихъ при немъ людей, не усумнился переправиться черезъ рѣку, отдѣляющую его отъ непріятеля. Кернозицкаго воины, устрашенные его смѣлостію, смялись и побѣжали по направленію къ Торопцу, побросавъ 9 пушекъ, всѣ знамена и часть обоза. Кромѣ того они потеряли до 1,400 человѣкъ. Одна только наступившая ночь спасла все войско отъ конечной гибели. Въ оцѣпененіи непостижимаго ужаса непріятель сопротивлялся такъ слабо, что Шведскій уронъ состоялъ только изъ 6 человѣкъ. За симъ Горнъ и Чулковъ заняли Торопецъ.

Послѣдствіемъ перваго успѣха Шведскаго войска было отложеніе отъ Самозванца городовъ: Старицы, Осташкова, Холма, Великихъ Лукъ, Невеля и Ржевы Пустой. Самый Псковъ поколебался. Тамошніе именитые люди, Духовенство и Дѣти Боярскіе, полагая, что приспѣло удобное время взять верхъ надъ буйною чернью, тайно послали отъ себя къ Князю Михайлѣ Васильевичу посадскаго человѣка, Семена Савельева, съ обѣщаніемъ сдать городъ, если явится передъ онымъ Царское войско. Скопинъ, постигая, сколь полезно было бы для него не оставлять за собою воровскаго гнѣзда

Отписка Князя Скопина къ Вологжанамъ.

въ важномъ городѣ, немедленно приказалъ итти изъ Порхова подъ Псковъ Князю Мещерскому, Осинину и Шарову, подкрѣпленныхъ нѣсколькими Шведами.

Неожиданный случай, казалось, предвѣщалъ несомнѣннымъ покореніе Пскова. Городъ сей загорѣлся 25 Мая по неосторожности людей, варившихъ кисель на Полонищи. Пожаръ сдѣлался ужаснымъ. Весь средній городъ и Кремль сдѣлались добычею пламени. Не успѣли даже предохранить отъ огня складовъ пороха, отъ взрыва коего опрокинулись обѣ набережныя стѣны по Великой и по Псковѣ. Сгорѣло также множество оружія. Тогда нѣкоторые изъ Псковскихъ Дѣтей Боярскихъ, не полагая возможнымъ, чтобы жители вздумали еще защищаться, не смотря ни на малое количество уцѣлѣвшаго пороха, ни на недостатокъ оружія, ни даже на большія проломы, обнажавшіе крѣпость, отъѣхали къ Новгородцамъ, вѣроятно дабы опередить товарищей своихъ въ изъявленіи усердія своего къ Царю.

Псковская Лѣтопись.

Пока сіе происходило, Князь Мещерскій приближался ко Пскову, и 28 Мая онъ напалъ въ десяти верстахъ отъ города на Атамана Ефима Корякова, сторожившаго Порховскую дорогу съ отрядомъ Псковскихъ Козаковъ. Козаки были сбиты и Царскіе воины на плечахъ ихъ устремились къ городу, который тамъ едва не вовсе безъ

обороны. Хотя Коряковъ еще накануне доносилъ о подступленіи Мещерскаго, большіе люди, желающіе всемѣрно облегчить для Царскаго войска покореніе Пскова, утаили сіе извѣстіе, и самого присланнаго вѣстника посадили въ тюрьму, дабы онъ не разглашалъ своего порученія. Они расчитывали, что 28 Мая падало въ тотъ годъ на воскресенье недѣли Св. Отецъ, въ которое обыкновенно Псковитяне выходятъ изъ города за Великую рѣку, на срѣтеніе Иконы Св. Богородицы, приносимой изъ Печерскаго Монастыря. Удаленіе черни совершенно въ противуположную сторону отъ Порховской дороги, подавало имъ надежду, что Мещерскій овладѣетъ городомъ безпрепятственно. Въ самомъ дѣлѣ обыватели, ничего не подозрѣвая, вышли за Великую на Трубину гору, въ ожиданіи прибытія Иконы, какъ вдругъ пушечные выстрѣлы съ Великихъ воротъ возвѣстили объ угрожающей опасности. Всѣ опрометью кинулись обратно въ городъ, и едва успѣли во-время засѣсть на стѣнахъ. Начальники Царскаго войска, видя Псковитянъ, готовящихся къ оборонѣ, воздержались отъ нападенія на самый городъ. Посланные не на бой, а только для сосодѣйствованія дѣйствіямъ именитыхъ людей, долженствующихъ по завѣренію Савельева сдать имъ городъ, они признали полезнымъ стараться прежде всего обезсилить преданную

Самозванцу чернь, которая въ особенности опиралась на содѣйствіе Стрѣльцевъ. Въ сихъ обстоятельствахъ, овладѣніе Стрѣлецкою слободою, лежащею за Великою, на правомъ берегу рѣчки Мирожи, было бы весьма важно, потому что плѣненіе тамъ живущихъ женъ и дѣтей Стрѣльцевъ могло смирить буйство сихъ необузданныхъ ратниковъ. Въ ночи съ 28 на 29, Царскіе воины переправились за Великую и приступили къ Стрѣлецкой слободѣ; но Стрѣльцы мужественно отбили ихъ, и они вынуждены были довольствоваться выжженіемъ предмѣстія Завеличья и отогнаніемъ вблизи онаго пасущихся коровъ. Послѣ сего малоуспѣшнаго поиска, они стали на Любатовѣ, откуда посылаемыми разъѣздами опустошали окрестности.

Между тѣмъ въ городѣ все было въ страшномъ волненіи. Отысканный и выпущенный изъ тюрьмы вѣстникъ Атамана Корелкова служилъ живымъ свидѣтельствомъ о тайныхъ сношеніяхъ именитыхъ людей съ тѣми, коихъ народъ почиталъ за враговъ. Раздраженная чернь, отложивъ всякое повиновеніе къ подозрѣваемымъ ею властямъ, сама стала распоряжаться по внушенію свирѣпыхъ своихъ страстей. У всѣхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, находящихся еще въ Псковѣ, отняли боевыхъ коней и отдали Стрѣльцамъ для вылазокъ,

а у тѣхъ, которые послѣ пожара отъѣхали къ Новогородцамъ, описали даже все имѣніе, а женъ ихъ посадили подъ стражу. Трудно было бы винить чернь, еслибъ она ограничилась сими предостерегательными мѣрами, вполнѣ оправданными справедливымъ недовѣріемъ. Но скоро она вышла изъ предѣловъ умѣренности, для нея вовсе не естественной. Должно признаться также, что приверженцы Царя поступками своими раздували пламень народной ярости. Именитые люди и Духовенство не переставали сноситься съ Новгородцами. Въ одинъ день, священникъ и дьяконъ церкви Николая Чудотворца со усохи, перелѣзли черезъ городскую стѣну, въ намѣреніи передаться Новогородцамъ. За ними погнались. Дьяконъ успѣлъ безвредно уйти въ Любатово, но попа поймали и пытали. Онъ оговорилъ многихъ, которыхъ также схватили и пытали у Смердьихъ воротъ. Хотя у пытки находились Самозванцевы Воеводы, Александръ Жировой Засѣкинъ и Дьякъ Иванъ Луговскій, и также старосты Псковскіе и Посадскіе, но слушались не ихъ, а простаго стрѣльца, Тимофея, по прозвищу Кудекуша Трепецъ, который при помощи суровой настойчивости своей сдѣлался настоящимъ властителемъ города. По мановенію его ударили въ набатъ, и чернь стала пресыщаться лютѣйшими неистовствами. Бывшаго Царскаго

Воеводу, Боярина Петра Шереметева, удавили въ тюрьмѣ, а многихъ Дѣтей Боярскихъ мучили, жгли и ломали имъ ребра. Трепецъ основывалъ владычество свое на ужасахъ губительства.

Царское войско не долго стояло въ Любатовѣ. Такъ какъ малочисленность его отнимала надежду силою покорить Псковъ, то въ избѣжаніе напрасныхъ трудовъ и безполезной траты времени, Князь Скопинъ отозвалъ въ Новгородъ Князя Мещерскаго съ товарищами. Такимъ образомъ Псковичи остались при своей волѣ или лучше сказать при своемъ своевольствѣ.

Никоновская Лѣтопись.

Князь Михайло Васильевичъ оставался въ Новгородѣ только для того, чтобы дать время Делагардію обогнуть озеро Ильмень и поравняться съ нимъ. Когда же извѣстился, что Шведскій вождь переступилъ за Шелонь, то Корнилій Чеглоковъ получилъ отъ него повелѣніе двинуться по Московской дорогѣ и съ Иноземцами, приведенными Ератомъ Бойе и Мернеромъ. Въ слѣдъ за сими передовыми и самъ Скопинъ выступилъ изъ Новагорода 10 Мая съ главнымъ Русскимъ войскомъ, которое, за отряженіемъ Головина и Чеглокова, едва ли состояло изъ 3,000 человѣкъ. Подвизаясь на дѣйствія рѣшительныя, Князь чувствовалъ необходимость держать въ совокупности средства свои и всемѣрно избѣгалъ опаснаго раз-

Отписка Князя Скопина къ Царю.

Видекиндъ.

дробленія силъ. Въ слѣдствіе сего, онъ послалъ повелѣніе Головину, Делагардію и Горну слѣдовать къ Московской дорогѣ на соединеніе съ нимъ. Одному Чулкову предписано было оставаться въ Торопцѣ для удержанія въ повиновеніи вновь покорившіеся города.

Отписка Князя Скопина къ Царю.

Горнъ, на возвратномъ пути своемъ изъ Торопца, извѣстился, что непріятельскій отрядъ засѣлъ въ лежащемъ по близости Холма Хлавицкомъ Монастырѣ. Горнъ немедленно обратился туда, взялъ приступомъ Монастырь и истребилъ находящихся тамъ непріятелей. По совершеніи сего подвига, онъ 25 Мая возвратился къ Делагардію, который направилъ его на Торжекъ съ 800 человѣкъ конницы и 200 пѣхоты.

Далинъ и Никоновская Лѣтопись.

Видекиндъ.

Сей городъ уже готовился покориться. Слухъ о приближеніи Новгородской и иноземной рати произвелъ сильное впечатлѣніе на граждан, которые послали къ Князю Скопину съ повинною. Обрадованный Князь предписалъ 16 Мая Чеглокову спѣшить въ Торжекъ и оберегать тамошнихъ жителей до его прибытія.

Отписка Князя Скопина къ Царю.

Наступленіе Скопина не мало тревожило самый Тушинскій станъ, и тѣмъ болѣе что тамъ имѣли извѣстіе, что и съ другой стороны, въ окрестностяхъ Оскола и Ливенъ, показались Крымскіе Татары, призванные также Царемъ на помощь Мо-

Царская Грамота Вологодскому Вое-

водъ Пушкину изъ Москвы отъ 15 Мая 1609.

Степенная Книга.

сквы. Въ сихъ обстоятельствахъ Гетманъ Рожинскій призналъ за нужное созвать на *Коло* все Польское Рыцарство, для совѣщанія о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Гетманъ предложилъ собранію разрѣшить вопросъ: можно ли съ надеждою на успѣхъ дѣйствовать противъ вновь ополчающихся за Царя союзниковъ его? Хвастливые Ляхи возопили, что нѣчего опасаться Шведовъ, ими двѣнадцать лѣтъ съ ряду постоянно поражаемыхъ въ Лифляндіи. Съ общаго согласія положили отрядить часть войска на Князя Скопина, а главнымъ силамъ, не отступая отъ столицы, оставаться въ Тушинѣ.

Въ исполненіе сего предначертанія, Рожинскій отправилъ на встрѣчу Князю Михайлу Васильевичу Пана Зборовскаго съ 2,000 Польскихъ копейщиковъ, къ коимъ придалъ еще 1,000 Русскихъ всадниковъ, предводительствуемыхъ злодѣемъ Княземъ Григорьемъ Шаховскимъ. Кромѣ того, для усиленія Зборовскаго, предлагалось ему присоединить къ себѣ отрядъ Керпозицкаго, отступавшаго по направленію предстоявшаго ему пути.

Плесецкій. — Беръ. — Филаретова Рукопись.

Зборовскій слѣдовалъ сперва на Зубцовъ, гдѣ извѣстился, что во вновь передавшемся Царю городѣ Старицѣ находится весьма мало ратныхъ людей. Легкое завоеваніе польстило ему; онъ повернулъ на Старицу и въ ночное время напалъ на сей городъ. Сопротивленія почти вовсе не

было. Граждане, видя свое безсиліе, не защищали стѣнъ, а искали убѣжища въ банияхъ и церквахъ, но и тамъ не избѣгли смерти. Зборовскій, желая сдѣлать жестокій примѣръ надъ отпадающими отъ Самозванца, предалъ огню и мечу весь городъ, не щадя и малолѣтнихъ. Совершивъ сію кровавую месть, Зборовскій двинулся къ Торжку и осадилъ тамъ Чеглокова.

Князь Скопинъ съ своей стороны шелъ такъ медленно, что еще находился къ Крестецкомъ яму, когда получилъ донесеніе Чеглокова о угрожающей Торжку опасности. Онъ тотъ часъ же предписалъ Головину итти впередъ съ 1,000 Русскихъ и дѣйствовать на выручку Чеглокова въ совокупности съ Горномъ, направляющимся также на Торжекъ съ 200 конныхъ и 800 пѣшихъ Иноземцевъ.

Головинъ дѣйствительно соединился съ Горномъ въ окрестностяхъ Торжка, и полагая, что Зборовскій не ожидаетъ ихъ, они 17 Іюня двинулись на него въ надеждѣ учинить нападеніе въ расплохъ. Но Зборовскій уберегся. Головинъ и Горнъ нашли его готовымъ къ бою, и вынуждены были устроить войско свое для открытаго дѣйствія. Шведская пѣхота, обыкшая копьями, стала въ первой линіи, а за нею находилась Шведская и Новогородская конница. Зборовскій самъ началъ сраженіе, приказавъ тремъ хоругвямъ своимъ ударить на Шведовъ

Двѣ хоругви были отбиты, но прочія врѣзалась въ Шведскую пѣхоту, и прорвавшись сквозь нея, опрокинула стоявшую позади конницу, которую и погнала до самаго Торжка. Истребленіе Шведской пѣхоты, разстроенной и оставленной безъ всякой опоры, казалось неизбѣжнымъ. По счастію Чеглоковъ поспѣшилъ на помощь погибающимъ. При содѣйствіи учиненной имъ вылазки, гонимая конница оправилась и прикрыла отступленіе въ городъ остатковъ пѣхоты. Не менѣе того уронъ Шведовъ былъ весьма значителенъ и простирался до 500 человѣкъ выбывшихъ изъ строя.

Зборовскій, не смотря на одержанную имъ побѣду, не остался подъ Торжкомъ. Войско Головина и Горна, хотя и разбитое, не менѣе того много усиливало число защитниковъ города, и потому не представлялось вѣроятности для Зборовскаго овладѣть онымъ прежде прибытія Скопина. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился отступить до Твери, гдѣ соединился съ Керновицкимъ.

Князь Михайло Васильевичъ и Делагарди прибыли 27 Іюня въ Торжокъ, куда къ тому же времени подоспѣло подкрѣпленіе, посылаемое ему изъ Смоленска.

Царь еще въ теченіе зимы приказывалъ Смоленскому Воеводѣ, Боярину Шеину, послать рать на помощь Москвы. Въ слѣдствіе сего повелѣнія,

Князь Яковъ Боряшинскій и Семенъ Ададуровъ были 2 Января оппправлены съ войскомъ по Московской дорогѣ. Они разбили въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Осмѣ, Польскій оппрядъ Роппмиспра Иліошки, котораго самого взяли въ плѣнъ, послѣ чего безпрепятственно заняли Дорогобужъ, но не могли продолжать слѣдованія, по причинѣ смуты, происшедшей въ войскѣ по наущенію подосланнаго отъ Самозванца Ивана Зубова. Служивые люди объявили, что наступающая весенняя распушица запрудняетъ походъ, и что они до засухи не пойдутъ далѣе. Когда же Воеводы хотѣли ихъ принудить къ исполненію приказанія начальства, то большая часть Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцевъ разъѣхались по помѣстьямъ своимъ: нѣкоторые даже передались Самозванцу. Воеводы воротились въ Смоленскъ 11 Февраля съ весьма малымъ числомъ оставшихся при нихъ людей. По наступленіи теплой погоды, Шеинъ опять снарядилъ войско изъ Смоленскихъ, Брянскихъ и Серпейскихъ служивыхъ людей и 21 Мая отправилъ оное, подъ начальствомъ тѣхъ же Боряшинскаго и Ададурова, по прежнему направленію. Польскій отрядъ, предводительствуемый Ротмистромъ Чижею и Паномъ Запорскимъ, хотѣлъ было не допустить Смоленскую рать къ Дорогобужу; но Боряшин-

Отписки Смоленскихъ Воеводъ Шеина и Князя Горчакова къ Царю въ 1609 году.

Розряды.

Отписки Смоленскихъ Воеводъ Шеина и Князя Горчакова къ Царю въ 1609 году.

Видскиндъ. скій и Ададуровъ разбили его подъ симъ городомъ и отбросили за Днѣпръ, при чемъ отбили 4 орудія и взяли 1500 человѣкъ въ плѣнъ; 31 Мая Царскіе Воеводы продолжали путь до Вязьмы и 3 Іюня овладѣли симъ городомъ. Тутъ они получили повелѣніе итти на соединеніе съ Княземъ Скопинымъ, и поворотили на Бѣлую, куда прибыли 12 числа. Самозванцевыми Воеводами въ Бѣлой были Князь Иванъ Хованскій и Иванъ Колычевъ. Они сдали городъ безпрекословно, и со всѣми гражданами цѣловали крестъ Царю Василью. Борятинскій и Ададуровъ, усиливъ дружину свою нѣсколькими пристависшими къ нимъ Дѣтьми Боярскими городовъ Дорогобужа, Вязьмы и Бѣлой, выступили изъ Бѣлой 20, и совершили соединеніе свое съ Скопинымъ въ Торжкѣ, куда привели съ собою 3,000 человѣкъ.

Такимъ образомъ Князь Скопинъ усиливался по мѣрѣ наступленія своего. Зборовскому оставалось мало надежды побѣдить его открытымъ оружіемъ, и потому онъ прибѣгнулъ къ тайнымъ Письмо Зборовскаго къ Делагардію изъ Твери отъ 21 Іюня 1609. проискамъ. Онъ написалъ изъ Твери письмо къ Делагардію, съ объясненіями о мнимыхъ правахъ Лжедимитрія, и съ увѣщаніями не проливать крови для неправаго дѣла. Вручитель сего письма Далинъ. имѣлъ кромѣ того порученіе стараться возбудить мятежъ въ Шведскомъ войскѣ. Но его подстерегли и строго наказали прежде, чѣмъ онъ

успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Делагарди отвѣчалъ Зборовскому, что онъ присланъ Королемъ своимъ не для разбирательства обоюдныхъ правъ соперниковъ на Московскій престолъ, а дабы сражаться за Царя Василья.

Князь Скопинъ, простоявъ нѣсколько дней въ Торжкѣ, выступилъ наконецъ къ Твери, и переправясь черезъ Волгу въ десяти верстахъ отъ сего города, приближился къ оному. Зборовскій и Кернозицкій, воспользовавшіеся промедленіемъ его въ Торжкѣ, чтобы усилиться подкрѣпленіемъ, присланнымъ имъ изъ Тушина, вышли ему на встрѣчу въ числѣ 5,000 человѣкъ и 11 Іюля вступили въ бой. Сначала Делагарди съ правымъ крыломъ Царскаго войска, состоящимъ изъ Шведовъ и Финляндцевъ, оттѣснилъ было самого Зборовскаго, нападавшаго на него. Но успѣхъ сей не поддержался. Лѣвое Царское крыло, гдѣ стояли Нѣмцы и Французы съ малою частію Шведовъ, не выдержало непріятельскаго натиска и обратилось въ бѣгство съ потерею четырехъ пушекъ и четырехъ знаменъ. Глядя на сіе и Русскіе полки побѣжали. Тогда Делагарди вынужденнымъ нашелся отказаться отъ погони за Зборовскимъ и отступить, что учинилъ также не безъ значительнаго урона. Непріятелю много способствовалъ проливной дождь, который, препят-

Царская Грамота Вологжанамъ изъ Москвы отъ 26 Іюля 1609. — Далинъ. — Филаретова Рукопись. — Никоновская Лѣтопись.

ствуя Иноземцамъ дѣйствовать изъ ружей, беззащитно подвергалъ ихъ метанію стрѣлъ мятежническаго войска. Польскіе писатели увѣряютъ, что Поляковъ пало только 50, а напротивъ того изъ Царскаго войска Иноземцевъ 1,000, да Русскихъ 6,000; разсказъ очевидно преувеличенный, въ особенности въ разсужденіи Русскихъ, которые мало и въ дѣлѣ были. Не менѣе того нѣтъ сомнѣнія, что Иноземцы много потерпѣли. Побѣдители, вѣроятно удержанные ненастьемъ, не долго преслѣдовали бѣгущихъ, и съ торжествомъ возвратились въ Тверь.

Пораженіе Царскаго войска могло бы имѣть пагубнѣйшія послѣдствія, если бы Князь Скопинъ допустилъ себя до унынія. Но геройская душа его не поколебалась. Всѣ помышленія его устремились на скорое отмщеніе за претерпѣнную неудачу. Въ слѣдующій день дождь не переставалъ, и потому ничего предпринято не было; но такъ как въ ночи на 13 число прояснилось, то Князь снова повелъ войско къ Твери. Непріятель, въ упоеніи побѣды, вовсе не ожидавшій возобновленія наступательнаго дѣйствія со стороны Царскаго войска, хотя и вышелъ въ поле ему на встрѣчу, но сдѣлалъ сіе съ торопливостію и смущеніемъ, почти неизбѣжными при внезапности ночнаго боя. Сраженіе началось за часъ до раз-

Отписки Князя Скопина Воеводамъ Ярославскимъ и Вологодскимъ въ Іюлѣ 1609.

свѣта и продолжалось около трехъ часовъ. Скопина воины и Иноземцы сломили противниковъ, ворвались на плечахъ ихъ въ Тверской острогъ и продолжали поражать ихъ по улицамъ. Спасаясь бѣгствомъ, большая часть Поляковъ и Русскіе измѣнники покинули Тверь и раздѣлились на двое. Часть, при коей находился самъ Зборовскій, направилась по Московской дорогѣ, а другая на Іосифовъ Монастырь. Однако нѣсколько Поляковъ, не оставляя Твери, засѣли въ городской осыпи. Скопинъ приказалъ выбивать ихъ, и между тѣмъ послалъ въ погоню за бѣгущими, которые, живо преслѣдуемые на разстояніи сорока верстъ, потерпѣли значительный уронъ и многіе изъ нихъ потонули въ Волгѣ и въ Шошѣ. Но засѣвшіе въ городѣ защищались упорно и отбили три приступа. Скопинъ, избѣгая напрасной траты людей, приказалъ прекратить нападеніе къ великой досадѣ Шведовъ, которые надѣялись получить богатую добычу при взятіи города. Князь расчитывалъ, что непріятель, не запасшійся всѣмъ нужнымъ для продолжительнаго сидѣнія, самъ поспѣшитъ очистить городъ, если ему открыть путь къ отступленію. Въ семъ предположеніи онъ рѣшился продолжать слѣдованіе свое къ Москвѣ, и выступилъ изъ Твери, предписавъ Делагардію идти за собою.

Пясецкій.

Далинъ.

Столица ожидала прибытія Скопина тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что одно приближеніе его имѣло уже спасительное вліяніе на духъ при Царѣ находящагося войска. Сіе испыталъ на дѣлѣ Гетманъ Рожинскій, который, по наущенію вновь прибывшаго въ Тушино Пана Бобовскаго, 5 Іюня двинулся къ Москвѣ; высланные Царемъ Бояре Князь Дмитрій Шуйскій, Князь Андрей Голицынъ, Князь Иванъ Куракинъ и Князь Борисъ Лыковъ встрѣтили его на Ходынкѣ и вступили съ нимъ въ жаркій бой. Побѣда осталась на сторонѣ Бояръ, которые гнали непріятеля на разстояніи пяти верстъ и взяли въ плѣнъ до 200 человѣкъ. Послѣ сей неудачи, Рожинскій оставался въ бездѣйствіи около трехъ недѣль, но наконецъ имѣя извѣстіе, что Скопинъ уже достигалъ Торжка, рѣшился новымъ поискомъ предупредить его прибытіе. 25 Іюня онъ выступилъ со всѣми силами изъ Тушинскаго стана въ намѣреніи сжечь деревянный городъ. Царь снова выслалъ ему на встрѣчу свои полки, которые опять столкнулись съ нимъ на Ходынкѣ. Сраженіе продолжалось во весь день съ большимъ остервенѣніемъ съ обѣихъ сторонъ. Непріятель сталъ было одолѣвать и опрокинулъ противопоставленную ему конницу, отъ чего и Царская пѣхота начала колебаться. Но скоро приспѣли ей на помощь съ

Царская Грамота Ярославским Воеводам из Москвы от 28 Июня 1609. — Столяров Хронограф. — Никоновская Лѣтопись.

одной стороны Бояринъ Князь Куракинъ, а съ другой Бояре Князь Андрей Голицынъ и Князь Лыковъ, которые, стремительно ударивъ на враговъ, успѣли дать другой оборотъ дѣлу. Бой возобновился жестоко. По свидѣтельству Лѣтописца, никогда еще Царскіе воины не оказывали такого мужества противъ Тушинскихъ злодѣевъ, которые не устояли и были гонимы до таборовъ своихъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ смятеніи своемъ, не попали на Тушинскую дорогу, и втоптанные въ Москву рѣку, тамъ потонули. Девять Поляковъ и сорокъ Русскихъ мятежниковъ попались въ плѣнъ. Непріятели потеряли также нѣсколько орудій, знаменъ, набатовъ и литавръ. Пораженіе сіе было для нихъ такъ чувствительно, что они болѣе не отваживались открытою силою подходить къ Москвѣ.

Стѣсненіе столицы однакожъ продолжалось по причинѣ упорства Млоцкаго, держать въ строгомъ обложеніи Коломну. Напрасно городъ сей ожидалъ освобожденія своего отъ Прокопья Ляпунова, который дѣйствительно выступилъ изъ Переславля Рязанскаго съ преданными ему Рязанцами, въ намѣреніи подать руку помощи осажденнымъ. Первыя его дѣйствія были удачны. Онъ очистилъ отъ непріятеля города Пронскъ, Михайловъ и Зарайскъ; но когда приблизился къ Ко-

Грамота Сургутскихъ Воеводъ Волынскаго и Бязгаго въ Кетскій острогъ. Никоновская Лѣтопись.

ломнѣ, то былъ разбитъ Млоцкимъ и нашелся вынужденнымъ отказаться отъ своего предпріятія. Впрочемъ самъ Млоцкій наконецъ потревожился. Съ одной стороны до него доходили слухи о вступленіи Скопина въ Тверь, а съ другой онъ имѣлъ донесеніе о приближеніи Крымскихъ Татаръ, шедшихъ прямо на Коломну. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ не дерзнулъ оставаться далѣе подъ Коломною и 17 Іюля отступилъ къ Серпухову. Недѣлю спустя Калга Султанъ прибылъ къ Окѣ, близъ Коломны, съ 40 тысячами Татаръ и, остановясь за рѣкою, прислалъ въ Москву просить наставленія для дальнѣйшаго направленія. Царь приказалъ ему идти къ столицѣ. Но о Татарахъ въ семъ году болѣе нѣтъ никакихъ современныхъ свѣдѣній, и потому должно полагать, что Калга Султанъ, искавшій болѣе безпрепятственнаго грабежа, чѣмъ случая къ настоящему бою, не дерзнулъ перейти за Оку и воротился въ Крымъ, не предпринявъ ничего важнаго въ пользу призвавшаго его Царя.

Царскія Грамоты къ Воеводамъ Вологодскимъ и Ярославскимъ изъ Москвы отъ 26 Іюня 1609.

Однако въ Тушинѣ Воръ не мало безпокоился о приближеніи Князя Михайлы Васильевича. Не смѣя самъ ослабить себя подъ Москвою, онъ поручалъ Сапѣги принять надлежащія мѣры къ подкрѣпленію Зборовскаго, и писалъ ему о томъ еще при первомъ извѣстіи объ отступленіи Збо-

Грамота Самозванца къ Сапѣги изъ Тушинскаго стана отъ 30 Іюня / 10 Іюля 1609.

ровскаго отъ Торжка. Когда же Самозванецъ получилъ донесеніе о пораженіи Зборовскаго въ Твери, то, усугубляя настоянія свои, онъ повторительными грамотами убѣждалъ Сапѣгу не тратить времени подъ Троицею за *Курятниками*, которыми онъ овладѣетъ безъ труда, если успѣетъ разбить Князя Скопина, и потому предлагалъ ему обратить усилія свои преимущественно на сего Князя. Сапѣга, полагая себѣ за безчестье отступить отъ Монастыря, не взявъ онаго, отговаривался, медлилъ, и наконецъ, когда и самъ убѣдился, что даже для успѣха предпринятой имъ осады необходимо остановить стремленіе Скопина, то и тутъ оставилъ значительную часть своего войска подъ Троицею, и двинулся на Скопина только съ пятью хоругвями Гусарскими, четырью Пятигорскими и двумя Козацкими. Отрядъ сей выступилъ 18 Іюля, и пройдя черезъ Дмитровъ, достигъ 20-го береговъ Жатосьмы. Тутъ Сапѣга узналъ, что Скопинъ перемѣнилъ направленіе свое.

Двѣ грамоты того же къ тому же изъ Тушинскаго стана отъ 14 и 24 Іюля 1609.

Дневникъ Сапѣги.

Князь Михайло Васильевичъ, продолжая слѣдованіе свое къ Москвѣ, находился уже въ Городнѣ, въ 130 верстахъ отъ столицы, какъ вдругъ получилъ поразительное извѣстіе, что шедшіе за нимъ Иноземцы отказываются болѣе помогать ему. Неудовольствіе, питаемое ими за недопущеніе ихъ къ продолженію приступа Твери, скоро начально

Никоновская Лѣтопись.

разразилось при подстрекании злонамѣренныхъ людей. Едва Делагарди отошелъ нѣсколько верстъ отъ Твери, какъ мятежъ вспыхнулъ въ его войскѣ.

Далѣе.

Финляндцы первые взволновались и объявили, что, не получая условленной платы, они не полагаютъ себя въ обязанности углубляться въ Россію, и безъ всякаго ручательства подвергаться вѣроломству Московскаго народа. Сначала пристали къ нимъ Нѣмцы и Французы, а наконецъ поколебались и самые Шведы. Напрасно Делагарди, душевно сокрушенный, всячески старался возстановить порядокъ. Ни угрозы ни увѣщанія его не подѣйствовали, и онъ вынужденнымъ нашелся самъ отвесть войско свое обратно въ Тверь, дабы сохранить въ немъ нѣкоторое устройство и не утратить безвозвратно возможности на будущее время еще полезно содѣйствовать Князю Скопину, умѣвшему внушить ему искреннюю къ себѣ преданность.

Письмо Делагардія къ Царю изъ Твери отъ 2 Августа 1609.

Иноземцы засѣли въ Твери, гдѣ уже не нашли Поляковъ, поспѣшившихъ очистить городъ, какъ предугадывалъ Скопинъ, лишь только открылся для нихъ свободный путь на Тушино. Делагарди, сколь возможно скрывая неповиновеніе войска, притворился будто пошелъ назадъ по собственному побужденію, и написалъ Скопину, что приведенъ былъ къ сей рѣшимости неисполненіемъ договора со стороны Русскихъ, которые вмѣсто заслужен-

ной Иноземцами платы за четыре мѣсяца, удовольствовали ихъ только за два мѣсяца, и также не очистили еще Корелы, хотя по договору городъ сей должно было сдать Шведамъ одиннадцать недѣль спустя послѣ вступленія ихъ въ Россію, то есть 28 Мая.

Князь Михайло Васильевичъ, столь неожиданно оставленный союзниками своими, подвергся бы неминуемой гибели, если бы отважился съ однимъ, находящимся при немъ малочисленнымъ Русскимъ войскомъ, продолжать движеніе свое къ столицѣ. Ему не оставалось болѣе другой надежды дѣйствовать успѣшно, какъ соединясь предварительно съ силами, находящимися при Вышеславцевѣ, въ Ярославлѣ, и съ Жеребцовымъ, въ Костромѣ. Дабы успѣть въономъ, онъ переправился въ Городнѣ черезъ Волгу, и прикрываясь сею рѣкою, направился въ низъ по лѣвому ея берегу, на Колязинъ. Впрочемъ онъ несовсѣмъ еще отчаявался уговорить Делагардія снова помогать ему, и для того послалъ къ нему съ увѣщаніями Ивaниса Ададурова. Никоновская Лѣтопись.

Сапѣга, видя, что отъ стороны Твери опасность миновалась, рѣшился возвратиться къ осадѣ Троицкаго Монастыря, взятіе коего не переставало быть главнымъ предметомъ его помышленій. 21 Іюля онъ соединился съ Зборовскимъ въ Николаев-

*

Дневникъ Сапѣги. скомъ Монастырѣ, а 24 вмѣстѣ съ нимъ прибылъ подъ Троицу.

Зборовскій, осмотрѣвъ Монастырь, не мало удивился долговременному сопротивленію защитниковъ столь малаго мѣста, и насмѣхаясь надъ Сапѣгою, укорялъ его, что не умѣлъ *лукошка взять* Палицынъ и Дневникъ Сапѣги. и сидѣвшихъ въ немъ *воронъ передавить*. Оскорбленный Сапѣга, собралъ 26 числа Генеральное *Коло*, на которомъ всѣ единогласно опять требовали штурма. Сапѣга согласился удовлетворить общему желанію.

На другой день занялись нужными приготовленіями. Самъ Сапѣга объѣзжалъ Монастырь кругомъ со всѣми Полковниками и Ротмистрами. Для предупрежденія безпорядка указано было кому и въ какомъ порядкѣ приступать, къ какой стѣнѣ или башнѣ, и также сколько человѣкъ отряжать для приставленія лѣстницъ.

Готовясь къ рѣшительному дѣйствію, непріятель хотѣлъ еще испытать силу увѣщаній, подкрѣпляемыхъ ложными извѣстіями. Подосланные имъ Бояринъ Михайло Салтыковъ, Дьякъ Иванъ Грамотинъ и нѣсколько простолюдиновъ Русскихъ, подъѣхали къ оградѣ и увѣряли Монастырскихъ людей, что Сапѣга возвратился съ побѣдою, что Князь Скопинъ и Шведы были имъ совершенно разбиты, что Скопинъ самъ поддался Царю Ди-

митрію, и что наконецъ даже и Москва покорилась и выдала Царя Василья и окружающихъ его Бояръ. Осажденные догадались, что такое скопленіе печальныхъ извѣстій было только грубымъ обманомъ. Они отвѣчали, что измѣнники очевидно баснословятъ, и что повѣрятъ имъ только, если они признаются, что Князь Михайло Васильевичъ трупами ихъ запрудилъ Волгу.

Приступъ начался 28 *, за три часа до разсвѣта. Сапѣга самъ разставилъ полки и отдалъ приказаніе, чтобы всѣ двинулись въ одно время, по первому вѣстовому выстрѣлу, примѣчая откроютъ ли осажденные огонь, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ предписывалось явно подступать, а во второмъ подходить къ стѣнамъ, какъ можно скрытнѣе. То же вмѣнялось въ обязанность наблюдать и при второмъ вѣстовомъ выстрѣлѣ, но при третьемъ всѣ вдругъ должны были кинуться на стѣны. Сколь не благоразумны были сіи распоряженія, непослушливые Поляки не хотѣли слѣдовать имъ. Всякій дѣйствовалъ только по собственному своему усмотрѣнію, отъ чего неминуемо произошло

---

* *Примѣчаніе*. Сіе число показано въ дневникѣ Сапѣги. Палицынъ же пишетъ, что приступъ былъ 31. Но въ семъ случаѣ дневникъ заслуживаетъ болѣе вѣры, тѣмъ паче, что Палицынъ, писавшій по разсказамъ другихъ, часто сбивается въ числахъ.

замѣшательство, несовмѣстное съ успѣхомъ предпріятія. Хотя послѣ претерпѣнныхъ въ обители бѣдствій, въ ней не оставалось болѣе двухъ сотъ человѣкъ способныхъ къ бою, однакожъ и сія горсть воиновъ отразила безъ большихъ усилій враговъ, приступавшихъ недружно и безпорядочно. Вся потеря со стороны осажденныхъ состояла въ одной женщинѣ, убитой на стѣнѣ. Кромѣ ея не было никого не только убитаго, но даже и раненаго. Непріятель же понесъ значительный уронъ. Въ особенности много потерпѣли воины Зборовскаго, упорствовавшаго болѣе прочихъ передъ *Лукошкомъ*, коего неприступность суждено было ему испытать на опытѣ, за что самъ въ свою очередь подвергся нареканіямъ и насмѣшкамъ Сапѣги и Лисовскаго.

Худой успѣхъ сего третьяго общаго приступа * привелъ въ такое уныніе Польскихъ вождей, что они готовы были снять осаду, но не смѣя взять на себя отвѣтственности за отступленіе, они 30 числа опять созвали *Коло.* Тутъ Польская надменность вновь восторжествовала. Положили не отходить отъ Мона-

* *Примѣчаніе.* Осаждавшіе ходили на приступъ со всѣмъ войскомъ своимъ 14 Октября, 27 Мая и 28 Іюля. Прочіе приступы были только частные, хотя нѣкоторые изъ нихъ производились также съ величайшимъ ожесточеніемъ.

стыря, но принять нужныя мѣры для отраженія Князя Скопина, если бы онъ вознамѣрился учинить нападеніе на станъ осаждающихъ.

Между тѣмъ Князь Михайло Васильевичъ продолжалъ слѣдованіе свое въ Колязинъ Монастырь, который едва не нашелъ уже въ рукахъ непріятеля. Микулинскій, остававшійся еще на лѣвой сторонѣ Волги, увѣдомился о принятомъ имъ направленіи и поспѣшилъ подъ Монастырь. Къ счастію, ему не удалось скрыть своего движенія. Князь, извѣщенный объ ономъ, выслалъ передъ собою 2,000 Стрѣльцевъ, которые успѣли предупредить въ Колязинѣ Польскаго Полковника. Микулинскій, отнюдь не полагая застать въ Монастырѣ столь многочисленныхъ защитниковъ, немедленно по прибытіи своемъ пошелъ на приступъ, но былъ отбитъ и удалился со стыдомъ. Самъ Князь прибылъ въ Колязинъ 24 Іюля, и остановился тамъ въ ожиданіи Вышеславцева и Жеребцова, которые въ непродолжительномъ времени и соединились съ нимъ.

Ададурова порученіе осталось также не совсѣмъ безуспѣшнымъ. Онъ засталъ Делагардія еще въ Твери, обѣщалъ ему немедленно присылку денегъ и убѣдилъ его не отходить далѣе, не объяснившись предварительно какъ съ Княземъ Скопинымъ, такъ и съ самимъ Царемъ. Делагарди согласился даже

тотъ часъ же отправить въ Колязинъ отрядъ изъ 250 человѣкъ пѣхоты и 720 конницы, подъ начальствомъ Христіерна Сомме, коему вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ войти въ сношенія съ Скопинымъ по предмету удовлетворенія Шведскихъ требованій. Въ то же время онъ послалъ, отъ войска своего, къ Царю въ Москву съ представленіями Ротмистровъ Якова Бурьена и Ивана Францбека съ четырью товарищами.

Видекиндъ.

Дѣла Шведскія въ архивѣ.

Извѣстія, получаемыя Сапѣгою подъ Троицею, согласовались въ томъ, что у Князя Скопина, даже и послѣ соединенія его съ Вышеславцевымъ и Жеребцевымъ, не было въ сборѣ болѣе 20,000 человѣкъ, изъ коихъ, за исключеніемъ 1,000 Шведовъ, прибывшихъ съ Сомме, и нѣсколькихъ служивыхъ людей изъ Новгородской и Смоленской земли, всѣ остальные были по большой части худо вооруженные поселяне. Польскій вождь, разсуждая, что распря между Скопинымъ и Делагардіемъ могла окончиться миролюбно, и опасаясь въ такомъ случаѣ новаго совокупленія обѣихъ полководцевъ, призналъ полезнымъ предупредить оное учиненіемъ немедленнаго поиска на Скопина. Въ семъ намѣреніи, 10 Августа, онъ выступилъ изъ-подъ Троицы вмѣстѣ съ Зборовскимъ; одной конницы находилось при нихъ 12,000 Польскихъ копейщиковъ, не считая Козаковъ. Польскіе вожди остановились 14

Дневникъ Сапѣги.

Беръ. Дневникъ Сапѣги и Палицынъ.

числа при Монастырѣ Рябовѣ, въ 20 верстахъ отъ Колязина. Князь Михайло Васильевичъ, съ своей стороны, переправилъ за Волгу Воеводъ Головина, Князя Борятинскаго, Валуева и Жеребцева съ частію войска, и приказалъ имъ удерживать непріятеля на топкихъ берегахъ рѣчки Жабны. Въ течепіе нѣсколькихъ дней не происходило ничего важнаго, но 18 числа Сапѣга сталъ наступать со всѣмъ войскомъ своимъ, и въ особенности усиливался переправиться черезъ Жабну въ селѣ Никольскомъ. Русскіе Воеводы дѣйствовали храбро и искусно. Не возбраняя совершенно переправу, они перепустили черезъ рѣчку нѣкоторую только часть непріятелей, и не давая имъ болѣе усиливаться, ударили на нихъ, втоптали ихъ въ болота, прилегающія къ рѣчкѣ, и совершенно истребили. Примѣтивъ же, что пораженіе сіе поколебало даже главныя силы непріятеля, они звали самого Князя Скопина довершить побѣду. Князь двинулся немедленно съ остальными дружинами своими и, переправясь черезъ Волгу и Жабну, вступилъ въ бой съ Сапѣгою и Зборовскимъ. Во весь день сражались упорно. Наконецъ подъ вечеръ непріятель былъ опрокинутъ и гонимъ до Рябова Монастыря. Скопинъ, обрадованный симъ успѣхомъ, возвратился въ Колязинъ.

Сапѣга стоялъ еще четыре дня въ бездѣйствіи

при Рябовѣ, съ одной стороны не отваживаясь на новое нападеніе, а съ другой стыдясь отступленія, которое обнаружило бы претерпѣнную имъ неудачу, когда онъ, по внушеніямъ своего тщеславія, надѣялся еще утаить оную. По 22 Августа войско его возмутилось въ слѣдствіе распространившагося слуха, что Король Польскій вступаетъ въ Россію съ намѣреніемъ дѣйствовать для собственныхъ своихъ видовъ, а не въ пользу Самозванца. Корыстолюбивые Жолнеры, предпочитая личныя выгоды выгодамъ своего отечества, весьма досадовали на предполагаемое Королемъ завоеваніе Россійскихъ областей, потому что опасались лишиться богатыхъ наградъ, обѣщанныхъ имъ Самозванцемъ. Сапѣга, усматривая въ нихъ готовность къ явному неповиновенію, не почелъ возможнымъ оставаться долѣе, такъ сказать, въ виду Князя Скопина. 23-го числа онъ выступилъ изъ Рябова и направился сперва къ Ростову, но не доходя до сего города повернулъ на Переславль, куда и прибылъ 30. Зборовскій, отдѣлившись отъ него, возвратился въ Тушино. Сапѣга не долго оставался въ Переславлѣ. 1-го Сентября онъ отправилъ Лисовскаго, съ 2,000 Донскихъ и 100 Малороссійскихъ Козаковъ, къ Ростову и Борисоглѣбскому Монастырю для наблюденія за движеніями Скопина, а самъ на другой день выступилъ изъ Переславля

и 3 Сентября возвратился подъ Троицу. Впрочемъ для охраненія Переславля онъ оставилъ тамъ 250 Стрѣльцевъ, двѣ роты Козацкіе и нѣсколько Дѣтей Боярскихъ и другихъ служивыхъ людей.

Въ тотъ самый день, какъ Князь Скопинъ удачно отстаивалъ честь Россійскаго оружія на берегахъ Жабны, во Псковѣ оказывалось противодѣйствіе, которое если бы поддержалось, то могло бы подать надежду на возстановленіе общественнаго порядка въ семъ важномъ городѣ. Около трехъ мѣсяцевъ господствовалъ тамъ ужасный Кудекуша Трепецъ, опираясь на товарищей своихъ Стрѣльцевъ, коихъ заслужилъ довѣріе, потворствуя всѣмъ ихъ прихотямъ. Все трепетало передъ свирѣпою его властію и предъ нѣсколькими подобными ему *лаятелями*. По малѣйшему мановенію ихъ, таскали въ темницы и предавали лютой смерти, не только людей подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ вѣрными Царю Новогородцами, но даже и тѣхъ, которыхъ вина вся состояла только въ соболѣзнованіи объ участи несчастныхъ жертвъ, погибающихъ безъ разспроса и суда. Казни умножились до такой степени, что самая чернь, сперва одобрявшая сіи строгости, начала гнушаться оными. Иго, наложенное Стрѣльцами, уже тяготило всѣхъ. Таковое расположеніе умовъ видимо направляло къ разрыву между обывателя- Псковская Лѣтопись.

ми и Стрѣльцами при первомъ случаѣ, который не замедлилъ представиться. 18 Августа Стрѣльцы схватили обывателя, Алексѣя Хозина, и повели его на казнь. Народъ взволновался. Люди всѣхъ сословій высыпали на улицы и кричали, что нельзя терпѣть долѣе своевольства Стрѣльцевъ, что они распоряжаются всѣмъ безъ вѣдома цѣлаго города, и даже приговариваютъ къ смерти, не спросясь общей думы, а по собственному произволу. Толпы, разгоряченныя сими рѣчами, бросились отнимать Хозина Стрѣльцы, желая поставить на своемъ, принялись за оружіе. Тогда пронесся по городу слухъ, что Стрѣльцы побиваютъ Псковитянъ. Ударили въ набатъ на Романихѣ, и всѣ Посадскіе устремились на Стрѣльцевъ, которые, видя свое малолюдство въ сравненіи съ обывателями, спѣшили отрубить голову Хозину у Великихъ воротъ, и потомъ, выбѣжавъ изъ города черезъ Егорьевскія ворота, удалились въ Мирожскую слободу свою. При всеобщемъ озлобленіи на Стрѣльцевъ естественно было, что извѣстные противники ихъ Дворяне, Дѣти Боярскіе, Игумны и Священники сдѣлались главами народнаго возстанія. Пользуясь симъ, они въ свою очередь овладѣли городомъ и жестоко карали виновниковъ прежнихъ неустройствъ. Кудекуша Трепецъ, неуспѣвшій вмѣстѣ съ прочими Стрѣльца-

ми уйти изъ города, былъ побитъ каменьемъ. Той же участи подверглись семь главнѣйшихъ площадныхъ крикуновъ; другимъ десятерымъ отсѣкли головы. Кромѣ того многихъ били кнутомъ и заключили въ темницу. Именитые люди и далѣе бы распростерли месть свою, но опасались сопротивленія черни, мгновенно покорившейся имъ, не по единодушію, а только въ торопяхъ и такъ сказать не-хотя. Уже съ обѣихъ сторонъ являлись признаки взаимной недовѣрчивости. Именитые люди подозрѣвали посадскихъ въ наклонности къ примиренію съ Стрѣльцами, а напротивъ того посадскіе приписывали именитымъ тайное намѣреніе отложиться отъ Самозванца и возвратиться подъ державу Царя Василья.

Между тѣмъ Князь Скопинъ употреблялъ въ пользу невольное стояніе свое въ Колязинѣ. Неусыпныя старанія его были обращены на разныя предметы, ведущіе всѣ къ одной цѣли: составленіе могущественнаго ополченія на освобожденіе Москвы. Для сего онъ дѣятельно занимался пополненіемъ истощенной казны своей, обученіемъ неопытныхъ воиновъ Вышеславцева и Жеребцева и прекращеніемъ неудовольствій, объявленныхъ Делагардіемъ.

Для пополненія казны онъ разослалъ во всѣ Сѣверные города, незанятые непріятелемъ, гра-

моты, коими приказывалъ прислать къ нему всѣ находящіяся въ сборѣ Государственныя доходы, собрать вновь по 50 рублей (166²/₃ нынѣшнихъ серебряныхъ) съ сохи и кромѣ того воззвать всѣхъ вѣрныхъ Россіянъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ какъ деньгами, такъ и сукнами, камками и тафтами. Въ мѣстахъ же, гдѣ продавцы сихъ товаровъ, нужныхъ для снаряженія войска, отказались бы добровольно ставить, предписывалось отбирать ихъ по оцѣнѣ и безъ согласія хозяевъ, впрочемъ удовлетворяя ихъ немедленно[1] по оцѣнкѣ изъ Государевой казны. Почти вездѣ безропотно исполняли его требованія. Со всѣхъ сторонъ везли въ Колязинъ подати и приношенія. Въ особенности пожертвованіями отличались Монастыри. Отдаленнѣйшій изъ нихъ, Соловецкій, хотя прислалъ уже Князю Скопину въ Новгородъ 2,000 рублей (6666²/₃ нынѣшнихъ серебряныхъ), однакожъ не отказался отъ новыхъ пожертвованій, и отправилъ къ Князю еще 3,150 рублей (10,500 нынѣшнихъ серебряныхъ). Одна Пермская земля продолжала оказывать мало готовности къ удовлетворенію отечественныхъ нуждъ. Тамошніе Воеводы отвѣчали Князю, что въ ихъ городахъ ни суконъ, ни камокъ, ни тафтъ вовсе нѣтъ. Даже и имѣющихся у нихъ въ сборѣ Государственныхъ доходовъ они не послали, подъ

Отписка Князя Скопина Шуйскаго въ Пермь Великую въ Августѣ 1609.

Отписка Князя Скопина-Шуйскаго въ Соловецкій Монастырь въ Ноябрѣ 1609.

Челобитная Пермскихъ Воеводъ, Князю Скопину-Шуйскому въ 1609 году.

предлогомъ, что сіе удобнѣе сдѣлать по установленіи зимняго пути. Въ разсужденіи добровольныхъ пожертвованій, только сами Воеводы дали два сорока соболей, да Чердынцы семь сорокъ, а Соликамцы и Кайгородцы никакого пожертвованія не сдѣлали. Пермскіе жители уклонились также и отъ пятидесяти рублеваго сбора съ сохи, и въ послѣдствіи исходатайствовали Царскую грамоту, освобождающую ихъ отъ сей подати.

Царская Грамота въ Пермь Великую изъ Москвы отъ 30 Декабря 1609.

Образованіе новонабранныхъ воиновъ Князь Михайло Васильевичъ поручилъ Шведскому начальнику Сомме, который ревностно занялся симъ дѣломъ. Онъ ежедневно обучалъ ихъ по правиламъ, введеннымъ въ Голландіи знаменитымъ Принцемъ Маврикіемъ Нассавскимъ, и въ примѣрныхъ бояхъ показывалъ имъ какъ владѣть оружіемъ, копать подступные рвы, устроивать окопы и даже какимъ образомъ обращаться при дѣйствіяхъ малой войны.

Видекиндъ.

Услуги, оказанные Христіерномъ Сомме, не ограничились наставленіями по военной части. Онъ также много способствовалъ къ утвержденію дружелюбныхъ сношеній между Княземъ и Делагардіемъ, возстановленіе коихъ затруднялось новымъ неповиновеніемъ Делагардіева войска. Иноземцы сіи, соскучивъ пребываніемъ въ Твери, возмутились 5 Августа и настоятельно требовали немедленнаго возвращенія въ Швецію. Делагарди,

не видя возможности противиться общему желанію, пошелъ обратно къ Новгороду. На пути въ Торжкѣ явился къ нему Королевскій Секретарь, Карлъ Олофсонъ, отправленный Королемъ съ на-

Дѣла Шведскія

стоятельнымъ требованіемъ Корелы. Делагарди немедленно послалъ его къ Скопину для приведенія къ окончанію переговоровъ, уже начатыхъ Христіерномъ Сомме. Съ обѣихъ сторонъ искренно желали счастливаго окончанія сихъ переговоровъ. Скопинъ не хотѣлъ лишиться Шведской помощи, долженствующей столь значительно умножить его силы, а Шведскимъ Полководцамъ казалось прискорбнымъ безславно оставлять блистательное поприще, открывающееся для будущихъ подвиговъ ихъ. При сихъ взаимныхъ расположеніяхъ, дѣло шло такъ успѣшно, что прежде еще прибытія Олофсона, Сомме уже заключилъ съ Княземъ Скопинымъ новый договоръ, подписанный 21 Августа*, по силѣ коего Делагардій обязывался немедленно итти изъ Торжка въ Колязинъ для соединенія съ Скопинымъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ часъ по выступленіи его отправлены были довѣренныя особы для дѣйствительной сдачи Шведамъ города Корелы и его уѣзда.

Между тѣмъ пріѣхалъ и Олофсонъ, который

* Смотри Приложенія № XV.

объяснилъ, что условіе о сдачѣ Корелы хотя и удовлетворяло требованіямъ короны Шведской, но что оставалось еще отвратить негодованіе Иноземнаго войска выдачею заслуженнаго жалованья, и что безъ сего Делагардію невозможно будетъ убѣдить подчиненныхъ своихъ снова воевать за Царя. Тогда Скопинъ рѣшился сдѣлать всѣ-возможныя пожертвованія для удовольствованія Иноземцевъ. Отпуская отъ себя Олофсона, онъ послалъ съ нимъ Дворянина Ѳедора Чулкова, коего снабдилъ 3,000 рублей, назначенныхъ въ прибавку къ 1,000, уже отправленныхъ къ Ададурову. Кромѣ того онъ предписалъ, чтобы изъ Новгорода выслали Чулкову 2,000 рублей деньгами, да на 5,000 рублей соболями. Чулковъ, имѣя такимъ образомъ въ сборѣ 11,000 рублей (36,666⅔ нынѣшнихъ серебряныхъ), долженъ былъ ихъ раздать Иноземцамъ и требовать, чтобы они всѣ шли для соединенія съ Скопинымъ, за исключеніемъ одиихъ раненыхъ и больныхъ. Когда же Делагардій выступитъ въ походъ къ Колязину, то предписывалось Чулкову ѣхать въ сопровожденіи Олофсона въ Новгородъ, а оттуда, взявъ съ собою еще Дьяка Ефима Телепнева, всѣмъ тремъ отправиться въ Корелу для сдачи Шведамъ сего города съ уѣздомъ. На семъ основаніи были составлены взаимныя записи, которыя Князь Скопинъ и Олофсонъ

подписали 27 Августа *. Необходимость заставляла Скопина принять на собственную отвѣтственность обязательство немедленной уступки сего города, хотя ни Выборгскій договоръ, ни слѣдственно постановленное онымъ отторженіе отъ Россіи Корелы не были еще утверждены Царскимъ согласіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что никакая крайность не можетъ извинить подданнаго, располагающаго въ пользу чужеземцевъ достояніемъ отечества, безъ разрѣшенія Державной
Далинъ. власти, и потому, отправляя Чулкова, далъ ему тайное наставленіе не торопиться сдачею Корелы, а стараться выиграть время на полученіе Царскаго указа. Для скорѣйшаго же исходатайствованія онаго, онъ, прежде еще подписанія договора съ Сомме, послалъ прямо въ Москву служителя своего, Архипова, съ словесными объясненіями. Писать съ нимъ онъ считалъ неосторожнымъ, потому что опасался, чтобы непріятель не захватилъ его на дорогѣ.

Чулковъ и Олофсонъ не нашли уже Делагардія въ Торжкѣ, а настигли его только въ Крестцахъ.
Никоновская Лѣтопись. Чулковъ, дѣйствуя по договору, роздалъ деньги войску, которое подъ предводительствомъ Делагардія двинулось къ Колязину; но въономъ находилось
Видекиндъ. подъ ружьемъ уже не болѣе 1200 человѣкъ. Прочіе

* Смотри Приложенія № XVI.

всѣ разбрелись и нестройными толпами спѣшили къ Шведской границѣ, Финляндцы изъ явнаго непослушанія, а другіе подъ предлогомъ ранъ, болѣзни и дряхлости. Впрочемъ Делагардій ожидалъ новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи и послалъ Горна въ Выборгъ съ порученіемъ ускорять ихъ отправленіемъ. Чулковъ поѣхалъ въ Новгородъ, откуда вмѣстѣ съ Телепневымъ отправился въ Корелу.

Сношенія, открытыя Делагардіемъ прямо съ Царемъ, получили въ то же время благопріятный для него оборотъ. Бурьенъ и Францбекъ съ товарищами, проѣхавъ черезъ Колязинъ, Владиміръ и Коломну, прибыли въ Москву и 17 Августа были представлены Царю. Они вручили ему письмо Делагардіево, въ коемъ полководецъ сей жаловался на неисполненіе Русскими Выборгскаго договора, какъ въ разсужденіи слѣдовавшей платы иноземному войску, такъ и по предмету замедленія въ сдачѣ Швеціи города Корелы *. Черезъ нѣсколько дней прибылъ также въ Москву и Архиповъ, который донесъ отъ имени Скопина, что безъ помощи Шведовъ трудно ему дѣйствовать успѣшно, но что алчныхъ союзниковъ сихъ не иначе можно убѣдить къ содѣйствію, какъ исполненіемъ обѣщанной въ Выборгѣ уступки Корелы. Царь, видя

* Смотри Приложенія № XVII.

изнеможеніе своего Государства, рѣшился на пожертвованіе горестное для Русскаго сердца. Отпуская Шведскихъ Ротмистровъ, онъ писалъ къ Делагардію и къ Князю Скопину, что соглашается на всѣ постановленія Выборгскаго договора. Въ разсужденіи платы, онъ извѣщалъ Шведскаго полководца, что за неоткрытіемъ безопасныхъ сообщеній съ Колязинымъ нельзя еще послать туда казны изъ Москвы, но что предписано Скопину употребить всѣ возможныя усилія для собранія потребныхъ денегъ на удовлетвореніе Иноземцевъ, и что если и за тѣмъ останется еще что недоплаченнымъ, то онъ Царскимъ словомъ своимъ завѣряетъ его, что вся недоимка будетъ пополнена исправно тотъ часъ по прибытіи его въ Москву *. Вмѣстѣ же съ Ротмистрами былъ отправленъ Дворянинъ, Елизарій Безобразовъ, который, проѣзжая черезъ Владиміръ, долженъ былъ взять тамъ 12,000 ефимковъ (16,800 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и отвезть ихъ въ Колязинъ для раздачи Иноземцамъ. Для большаго же успокоенія Шведовъ, Царь еще послалъ въ Корелу грамоту, въ коей предписывалъ Епископу, Воеводамъ и всѣмъ жителямъ очистить городъ, когда получатъ на то повелѣніе отъ Князя Скопина **.

---

* Смотри Приложенія № XVIII и № XIX.
** Смотри Приложенія № XX.

Князь Михайло Васильевичъ, имѣя надежду скоро быть опять значительно усиленнымъ, сталъ готовиться къ возобновленію наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ такъ какъ вся надежда отечества лежала на столь многотрудно имъ собранномъ ополченіи, то онъ вмѣнялъ себѣ въ особенную обязанность пещись о сохраненіи онаго. Для сего, руководствуясь совѣтами Делагардія, онъ рѣшился послѣдовать осторожному и для противниковъ докучливому образу дѣйствій Принца Маврикія въ Бельгіи, хотя обстоятельства, въ коихъ онъ находился, мало сходствовали съ побудившими Принца Маврикія къ избранію такого рода войны. Маврикію предстояло защищать землю не обширную, но крѣпкую по мѣстности и по единодушію жителей. Онъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ могущественнымъ, но отдаленнымъ. Испанцы могли по временамъ выставлять въ поле сильное войско, однако такъ какъ Государство ихъ не было смѣжно съ областями, гдѣ происходили дѣйствія, то они лишены были способовъ достаточно поддерживать свои ополченія, которыя быстро таяли въ бездѣйствіи. Въ семъ положеніи дѣлъ Маврикію очевидно надлежало стараться выиграть время какъ для изнуренія противнаго войска, такъ и для полученія пособій отъ сосѣдственныхъ державъ, Англіи и Франціи, благопріятствовавшихъ Голландцамъ. На-

противъ того медлительность Князя Михайлы Васильевича могла быть опасною для Россіи. Стѣсненная Москва требовала скорой помощи, да и цѣлое Государство, преданное безначалію и разоренію, изнемогало отъ продолженія междоусобія. Казалось, что Князю тѣмъ нужнѣе было наступать рѣшительно, что Царская сторона не имѣла болѣе въ виду полученія новой помощи ни откуда, и что Князь, дѣйствуя въ странѣ открытой, могъ надѣяться на быстрые успѣхи, слѣдствіемъ коихъ было бы освобожденіе столицы, обузданіе внутреннихъ крамольниковъ и предупрежденіе исполненія вредныхъ замысловъ Короля Польскаго, угрожавшаго уже близкимъ вторженіемъ въ Россію. Какъ бы то ни было, Князь разсудилъ иначе и положилъ себѣ за непремѣнное правило: избѣгая опасныхъ случайностей главныхъ сраженій, томить непріятеля частными поисками, стараться затруднять его сообщенія и между тѣмъ постепенно подвигаться впередъ, подъ покровительствомъ отрядовъ, заранѣе высылаемыхъ для занятія укрѣпленныхъ мѣстъ и для построенія новыхъ острожковъ.

Въ исполненіе сихъ предначертаній Князь, самъ еще не переступая за Волгу, выслалъ на правую сторону сей рѣки Семена Васильевича Головина съ значительнымъ отрядомъ для поиска надъ

Переславлемъ, гдѣ, по полученнымъ извѣстіямъ, непріятель худо берегся. Въ самомъ дѣлѣ оставленные тамъ Сапѣгою Поляки вмѣсто того, чтобы держаться въ совокупности въ городѣ, безпечно расположились по домамъ посада. Головинъ напалъ на нихъ ночью въ расплохъ и безъ труда овладѣлъ Переславлемъ. Занятіе сего города перерѣзывало совершенно сообщеніе Сапѣги съ Лисовскимъ, который не смѣя долѣе оставаться въ окрестностяхъ Ростова, отошелъ къ Суздалю, и тамъ укрѣпился. Сапѣга съ своей стороны выслалъ изъ-подъ Троицы Тромчевскаго съ четырью Польскими ротами въ Александрову слободу, для возстановленія сообщеній своихъ съ Лисовскимъ и для обезпеченія дѣйствій кормовщиковъ, посылаемыхъ въ окрестности слободы на отысканіе съѣстныхъ припасовъ для войска, осаждающаго Монастырь.

Никоновская Лѣтопись и Дневникъ Сапѣги.

Также и отъ Нижняго наконецъ приближался къ Москвѣ давно ожидаемый Бояринъ Шереметевъ. Онъ взялъ направленіе свое черезъ Муромъ на Касимовъ, въ намѣреніи вымѣстить надъ симъ послѣднимъ городомъ за претерпѣнное подъ онымъ Алябьевымъ пораженіе. Касимовцы, ободренные прежнимъ успѣхомъ, оборонялись упорно. Шереметевъ принужденъ былъ итти на приступъ. Воины его, не смотря на храбрость противниковъ, наконецъ ворвались въ городъ и побили множество

Касимовцевъ. Сія удача имѣла довольно выгодныя послѣдствія для Царской стороны. Города Елатьма и Кадомъ покорились безъ сопротивленія. Кромѣ того и большая часть Татаръ, находившихся въ Тушинѣ при Царѣ Касимовскомъ, оставили его и, жалѣя женъ и дѣтей, возвратились въ Касимовъ, гдѣ снова присягнули Царю Василью. Шереметевъ остановился было опять въ Касимовѣ, но присланные къ нему отъ Царя съ милостивымъ словомъ за совершенный имъ подвигъ Князь Семенъ Прозоровскій и Иванъ Чепчюговъ имѣли также порученіе пенять ему за оказываемую медленность. Возбужденный симъ нареканіемъ, онъ поспѣшилъ перейти въ Владиміръ, дабы сблизиться съ Княземъ Скопинымъ.

Отписка Устюжанъ къ Пермичамъ въ Августѣ 1609.

Царская Грамота къ Делагардію изъ Москвы Августа 1609.

Никоновская Лѣтопись.

Отъ Владиміра до Переславля считается только съ небольшимъ сто верстъ, почему казалось, что оба Царскіе полководцы не могли встрѣтить важныхъ препятствій для соединенія своихъ ополченій. Москва уже оживлялась надеждою близкаго спасенія. Но къ сокрушенію благонамѣренныхъ Россіянъ, въ то же время, давно съ Запада надвигающаяся гроза, разразилась на берегахъ Днѣпра. Вѣковый врагъ Россіи, Король Польскій, долго таившій свои вѣроломные замыслы, наконецъ вооруженною рукою переступилъ за Смоленскій рубежъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

═

№ I.

ГРАМОТА

Царя Василья Ивановича въ Пермь Великую изъ Москвы 1606 года, Іюня.

I. Отъ Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, въ Пермь Великую, князю Семену Юрьевичу Вяземскому да подьячему Ивану Ѳедорову. Писали есмя къ вамъ напередъ сего, что Божіимъ праведнымъ судомъ, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, страдникъ, вѣдомой воръ, богоотступникъ, еретикъ, ростряга, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, отступя отъ Бога и по совѣту дьяволю и лихихъ людей, которые всегда Московскому Государьству хотятъ разоренья и кроворозлитья, назвалъ себя Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ, Царевичемъ Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ, и въ Полшѣ и въ Литвѣ короля и многихъ пановъ и служивыхъ людей своимъ вѣдовствомъ и чернокнижствомъ прелстилъ, да не токмо что въ Полшѣ, и въ Московскомъ Государьствѣ многихъ людей прелстилъ, а чаяли его Царевичемъ Дмитреемъ: и тотъ воръ богоотступникъ, по своему бѣсовскому умыслу и по совѣту съ Полскимъ королемъ и съ паны радами, въ Московскомъ Государьствѣ многую смуту и разоренье учинилъ, и церкви Бо-

жіи осквернилъ, и многихъ православныхъ крестьянъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали и его обличали, злой смерти предалъ, и понялъ за себя воеводы Сандомирскаго дочь, Латынскія вѣры, и не крестивъ ее, въ соборной церкви Пречистыя Богородицы вѣнчалъ, и Полскихъ и Литовскихъ людей для крестьянскаго разоренья многихъ къ Москвѣ привелъ, и церкви Божіи и святыя иконы обругалъ, и Нѣмецъ, и Римлянъ, и Поляковъ, и розныхъ вѣръ многихъ злыхъ еретиковъ въ церковь пущати велѣлъ со оружіемъ, а иныхъ скверныхъ дѣлъ и писати не вмѣстимо, какое злое поруганье крестьянской вѣрѣ чинилъ, и православнымъ крестьяномъ многое насильство и кровопролитье учинилъ, и жены у мужей отнималъ, и иныя нестерпимые грубости и поносы чинилъ; а послѣднее, по совѣту съ Полскими и съ Литовскими людми, измѣннымъ обычаемъ хотѣлъ бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и гостей, и всякихъ лутчихъ людей побити, а Московское Государьство хотѣлъ до основанія разорити, и крестьянскую вѣру попрать, и церкви разорить, а костелы Римскіе устроить; и милосердый въ Троицы славимый Богъ нашъ, по своей святой милости, надъ нами и надо всѣмъ православнымъ крестьянствомъ милость свою показалъ, умыслъ ихъ злодѣйской всѣмъ людемъ объявилъ и гнѣвъ свой отъ православныхъ крестьянъ отвратилъ, и святыхъ Божьихъ церквей и православныя крестьянскія вѣры до конца въ разоренье и православныхъ крестьянъ въ росхищенье и въ работу не далъ, противъ его злыхъ и скаредныхъ дѣлъ. А умыслъ его злодѣйской таковъ былъ: послѣ смерти того вора, взято въ его хоромѣхъ листъ утвержоной того ростриги Гришки съ воеводою Сандомирскимъ, что было ему отдавати воеводѣ Сандомирскому да его дочери и ихъ роду городы Новгородъ и Псковъ, съ пригороды и со всѣми людми и съ уѣзды, и владѣти было тѣми городы и уѣзды воеводѣ Сандомирскому съ дочерью, и монастыри и костелы устроивати было Римскіе, а тому было вору тѣми городы не владѣти и какъ было имъ разорити истинная православная крестьянская вѣра, а учинити во всемъ Московскомъ государьствѣ Римская вѣра; да тутъ же взято, въ хоромѣхъ, Римского Папы и Кардиналовы и Езовитцкые листы, о крестьянской же вѣрѣ и о разореньѣ и о утвержень

Римскія вѣры; и на томъ на всемъ тотъ воръ ростряга Гришка Отрепьевъ въ Литвѣ воеводѣ Сандомирскому, при многихъ панѣхъ и при Папиныхъ посланникѣхъ, присягалъ и крестъ цѣловалъ, и ту утверженную запись имъ съ клятвою на себя далъ за своею рукою, а писалъ тотъ листъ воевода Сандомирской. И по нашему указу бояре наши воеводы Сандомирскаго про тотъ воровской утверженной листъ допрашивали: его ли писмо тотъ листъ и какимъ обычаемъ у нихъ такой совѣтъ на крестьянское разоренье былъ? И воевода Сандомирской, смотря того листа, бояромъ нашимъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ такой утверженной листъ съ воромъ съ ростригою писалъ и писмо его рука, а были у нихъ такіе листы по противнямъ; а прелстилъ его тотъ воръ вѣдовствомъ и оманомъ, и крестъ ему тотъ воръ на томъ на всемъ цѣловалъ, что было ему то все сдѣлать, что въ томъ листу писано; да сверхъ того писма, хотѣлъ ему тотъ воръ отдати Смоленскъ и Сѣверу всю со всьми людми и казну многую Полскому Королю и ему воеводѣ обѣщался тотъ воръ давати, а иную многую казну денежную и суды золотые и иную всякую казну и наряды всякіе, ему давалъ; и о вѣрѣ де съ нимъ съ Сандамирскимъ тотъ воръ говорилъ, чтоб ему, по своему обѣщанью, учинити въ Руском Государьствѣ Римская вѣра и костелы поставити, и иныя многія статьи хотѣлъ учинити; и онъ де Сандомирской и самъ то узналъ, что онъ не прямой Царевичъ Дмитрей, потому что о Московскомъ государьствѣ все говоритъ о разореньѣ и впередъ себѣ Московскаго государьства не проча, и съ своими пріятели онъ Сандомирской о томъ часто говаривалъ и отъ того съ кручины много боленъ былъ, то де и бояромъ нашимъ вѣдомо было; и надъ тѣмъ деи воромъ и надъ нимъ надъ Сандомирскимъ учинилося Божье наказанье, по ихъ винамъ, что они мыслили о крестьянской вѣрѣ и разореньѣ, и въ томъ де онъ Сандомирской передъ Богомъ и передъ нами великимъ Государемъ и передо всьми людми Московскаго государьства виноватъ. Да бояромъ же нашимъ сказывали въ роспросѣ Станиславъ да Янъ Бучинскіе, которые жили въ верху у того вора у Гришки, у тайныя его думы и у всякихъ у тайныхъ его дѣлъ: кануне деи

того дни въ пятницу, Маія въ 16 день, какъ того ростригу убили, говорилъ тотъ рострига на единѣ со княземъ Констянтиномъ Вешневецкимъ, а они были туто жъ: «время деи мнѣ своимъ дѣломъ промышлять, чтобъ государьство свое утвердить и вѣра костела Римская распространить; а начялное деи дѣло, что бояръ побить; а не побить деи бояръ, и мнѣ самому быть отъ нихъ убиту; а толко деи побью бояръ, и язъ деи что хочу то чиню.» И Вешневецкой де и они Бучинскіе молвили: «да толко ему побить бояръ, и за нихъ землею стануть.» И рострига Гришка молвилъ: «то деи уже у меня умышлено тѣмъ обычаемъ, велѣлъ деи я вывести за городъ нарядъ весь будто для потѣхи, а въ сю деи недѣлю (Маія въ 18 день) велѣлъ туто выѣхать за городъ, будто для стрѣлбы смотрѣть, воеводѣ Сандомирскому и сыну его старостѣ Сенецкому, и Тарломъ, и Станицкимъ, и рохмистру Доморацкому, и съ ними всѣмъ Полскимъ и Литвѣ, въ збруѣ во всемъ и съ оружьемъ; и какъ деи я выду на стрѣлбу, а за мною будутъ бояре всѣ и дворяне, и какъ учнутъ изъ наряду стрѣляти, и въ ту пору Поляком всѣмъ ударити на бояръ и на дворянъ, и ихъ побивать; а то деи семи указалъ же, кому на кого на бояръ пріѣхати и убити, князя Өедора Мстиславского Михайлу Ратомскому, а Шуйскихъ Тарлу да Станицкимъ, а про иныхъ бояръ также приказано кому кого убить; а убить деи велѣлъ семи бояръ, которые здѣся владѣютъ двацати человѣкъ, и какъ деи побьютъ ихъ, и во всемъ будетъ моя воля.» И они деи Бучинскіе молвили: «Московское государьство великое, станутъ за бояръ всѣмъ государьствомъ, и Поляковъ и Литву всѣхъ самихъ побьютъ.» И рострига Гришка говорилъ: «Поляки деи и Литва выѣдутъ всѣ въ збруѣ и съ копьи и со всякимъ боемъ; да и звычей деи у меня тотъ положенъ, что на потѣхи со мною часто выѣзжаютъ роты вооружены, урядятъ какъ на битву; былъ деи семы на Вяземѣ и со мною деи былъ рохмистръ Доморацкой со всею ротою, во всей ратной збруѣ, да здѣсь ко мнѣ часто пріѣзживалъ уредясь какъ на битву, и то де будетъ ужъ никому не примѣтно, что выѣдутъ нынѣ со мною Поляки и Литва въ збруѣ; а бояре деи и дворяне ѣздятъ со мною простымъ обычаемъ, и имъ деи

безъ оружія что учинить? а какъ деи тѣхъ бояръ побьютъ, и досталные деи всѣ устрашатся, ещо деи иные на нихъ же придутъ.» И они деи Бучинскіе молвили: «великое дѣло то надобе начати да и совершити; а толко не совершится, ино самимъ намъ будетъ худо.» И ростригa деи Гришка говорилъ: «вѣрьте деи мнѣ, одиолично то совершится; язъ де ужъ и такіе статьи видѣлъ, сего деи году въ великой постъ говорили про меня не многіе стрѣлцы, что я вѣру ихъ разоряю, и мнѣ деи тотчасъ сказали, и язъ деи тѣхъ стрѣлцовъ велѣлъ сыскати и приказалъ быти на дворецъ всѣхъ приказовъ стрѣлцомъ; и тѣхъ которые говорили туто жь велѣлъ привести; и учалъ де семя вину ихъ и измѣну всѣмъ стрѣлцомъ сказывать, а у меня де ужь говорено съ Григорьемъ Микулинымъ, какъ ему туто говорити и что надъ тѣми стрѣлцы учинити: и какъ измѣну ихъ объявили, и Григорей де учалъ говорить: освободи де, Государь, мнѣ, я у тѣхъ твоихъ измѣнниковъ не токмо что головы поскусаю, и чрево изъ нихъ своими зубами вытаскаю, да мигнулъ де на нихъ Григорей стрѣлцамъ, и стрѣлцы де, блюлясь отъ меня, тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, мало де сами не пересѣклись сткучи ихъ; а то де чаю такъ же будетъ, на кого де только укажу, что измѣнникъ мой и то де ужъ не пробудеть, всѣ де отъ меня блюлся дѣлають что велю.» И они де Бучинскіе молвили: «такихъ ты бояръ велишь побить, кому у тебя въ царствѣ урежати и кому въ приказѣхъ быти?» И Гришка де ростригa говорилъ: то де ужь у меня умышлено, нынѣ де у меня здѣсь готовы воевода Сандомирской и староста Сенатцкой, да ты Вешневецкой, да Тарлы, да Станицкіе, да вы Бучинскіе, и иные ваши пріятели, а по иныхъ Поляковъ и по Литву пошлю, и мнѣ де будетъ ужь надежно, и государьство мое будетъ безъ опасенья, и въ Римскую де вѣру всѣхъ вскорѣ приведу; а то де уже здѣся видѣлъ, хоти кого безвинно велю убить, а никто ни за кого слова не молвитъ.» И они де Бучинскіе говорили: «слышали семя здѣся у многихъ, что за вѣру здѣся и такъ насъ не любять; а толко стати неволею приводить, и за то станутъ всѣмъ народомъ.» И ростригa де Гришка говорилъ: «видѣли де естя сами, что здѣся дѣлается: нарокомъ де

есми приказалъ Полякомъ и всякихъ розныхъ вѣръ людемъ ходити здѣся въ болшую ихъ церковь и по всѣмъ ихъ церквамъ въ сабляхъ, и какъ кто ходитъ, и они де кабы сперва поговаривати межъ тайно стали, и нынѣ де ужъ и то ни за что; и язъ де велѣлъ Полякомъ носити крестъ у поясовъ, и ниже горазно пояса, и назади, а они де тому кланяются и держатъ иконы и кресты въ великой чести, и Поляки де и Люторы и Колвинцы и въ церкви такъ хотили, и за то де никто никаковъ человѣкъ никакова слова не молвилъ; а какъ де я вѣнчался, и у меня де въ ту пору болшое опасенье было, потому что по ихъ крестьянскому закону первое крестивъ да то же вести въ церковь, а не крестивъ никому иныхъ вѣръ въ церковь не ходити, и язъ де нарочно велѣлъ быти въ ту пору Лютаремъ, и Калвинцомъ и Евангликомъ, и иныхъ всякихъ вѣръ людемъ, и они де въ церквѣ были и слышали де семя, что и образомъ изругалися и смѣялися и въ церквѣ иные сидѣли въ обѣдню, а иные спали, на образы преклонилися, и за то де никаковъ человѣкъ не смѣлъ слова молвить; а болши де семя всего боялся, что Цесарева моя Римскія вѣры и нешто Митрополиты и Архіепискупы и Епискупы упрямятся, не благословятъ и миромъ не помажутъ, и во многолѣтьѣ не станутъ поминати, и какъ де семя вшолъ вѣнчатися въ церковь и язъ де что хотѣлъ то дѣлалъ, все дѣлалось по моему хотѣнью и волѣ, и въ царьскихъ дверѣхъ миромъ помазывали и во многолѣтьѣ пѣли во всѣхъ церквахъ благовѣрную Цесаревую, а сами де они то знаютъ, что поемѣста опричь Римской вѣры въ Греческой вѣрѣ Цесаря не бывало; а которые Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и попы, про то учали были прежь сего о томъ поговаривати, и язъ де ихъ поразосылалъ, а нынѣ де никаковъ человѣкъ не смѣетъ слово молвить и во всемъ волю мою творятъ.» И говорилъ де тутo ростригa Гришка съ клятвою, «что однолично въ недѣлю, Маія въ 18 день, на стрѣлбѣ бояръ, Мстиславскаго и Шуйскихъ, и иныхъ бояръ и дворянъ лутчихъ, и дѣтей боярскихъ и головъ, и сотниковъ, и стрѣлцовъ, и черныхъ людей, которые за нихъ либо станутъ, побить всѣхъ, а совершивъ тотъ часъ костелы Римскіе ставить; а въ церквахъ въ Рускихъ пѣти не велю и

то де все совершу, на чемъ де есми присягалъ Папѣ и кардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ, и какъ де есми воеводѣ подъ клятвою въ писмѣ своемъ написалъ; и Вешневецкому де есми приказалъ, чтобъ къ недѣлѣ со всѣми своими людми былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно.» — И мы слыша такого злодѣя и богоотступника и еретика черица Гришки злые умыслы и разоренье на крестьянское государство и на православную вѣру, ужаснулись, какъ такой злодѣй помыслилъ на такое злое дѣло и вставъ на Бога боговъ и хотѣлъ до основанія крестьянское государьство разорить и стадо Христовыхъ овецъ въ конечную погибель привести; а какъ милосердый Богъ, призря своею милостію на Російское государьство, не давъ въ разоренье и въ расхищенье крестьянскаго роду, и не попустилъ на долгое время того вора и богоотступника, вскорѣ злобѣсную его душу испровергъ, а на Російское государьство изобравъ насъ великого Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича, всеа Русіи Самодержца; и мы великіи Государь, за помочью великого Бога, приялъ скифетръ Російского царствія, по прародительской нашей царьской степени, и по моленью Патріарха, и Митрополитовъ, и Архіепискуповъ, и Епискуповъ и всего освященного собора, и за челобитьемъ Царей и Царевичей и многихъ государьскихъ дѣтей, которые служатъ въ Московскомъ государьствѣ, и бояръ нашихъ, и околничихъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей Московского государьства, говорили есмя Митрополитомъ, и Архіепискупомъ, и Епискупомъ, и всему освященному собору, и бояромъ, и дворяномъ, и всему православному крестьянству: что въ прошломъ въ 99 году, за грѣхъ всего православнаго крестьянства, великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руссіи сынъ, благовѣрный Царевичь Князь Дмитрей Ивановичь, по зависти Бориса Годунова, яко агня незлобивое заклася и святая его праведная и непорочная душа отъиде въ вѣчное блаженство, въ небесное царство, а тѣло его святое погребено на Угличѣ и много исцѣленія подаетъ всякимъ одержимымъ различною болѣзнью, и явно къ болящимъ приходя себя оказуетъ, и милостивое свое исцѣленіе подаетъ, на увѣреніе всѣмъ право-

славнымъ крестьяномъ, и многіе про его чудеса свидѣтельствуютъ и на соборѣ намъ про то извѣщали; а злодѣемъ его и убійцомъ Богъ милосердый, по своей святой волѣ, мстя неповинную кровь праведнаго, воздалъ месть по ихъ дѣлу, злой смерти предалъ и для ихъ злодѣйского умыслу на Російское государьство послалъ свой праведной гнѣвъ къ познанію истинная, проявляя терпѣніе и злострадапія страстотерпца своего; а намъ бы мощи благовѣрнаго Царевича Князя Димитрея Ивановича принести въ царьствующій градъ къ Москвѣ. И поговоря о томъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ послали есмя на Углечь, по мощи Царевича Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи, Ростовскаго Митрополита Филарета, да Асторохапского Епискупа Ѳеодосья, да Спаского Архимарита Сергія, да Ондроньевскаго Архимандрита Аврамья, да бояръ Князя Ивана Михайловича Воротынского, да Петра Никитича Шереметева, да Григорья Ѳедоровича да Ондрея Олександровича Нагихъ; и Маія въ 28 день писали къ намъ съ Углеча богомольцы наши, Ростовской Митрополитъ и Асторохапской Епискупъ, и архимариты, и бояре наши, что они мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи позпали и осматривали, и въ ту де пору отъ гроба весь храмъ наполнился многаго благоуханія, и мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича цѣлы и ничѣмъ нерушимы, а въ иныхъ мѣстѣхъ часть земли отдана, а на лицѣ и на главѣ власы цѣлы чермны, и на костяхъ плоть цѣла, а ожерейлецо низано жемчужное съ пугвицы все цѣло, и въ лѣвой рукѣ шириночка тафтяная шита золотомъ и серебромъ цѣла жъ, и сабанъ на немъ весь цѣлъ, а покрытъ кафтанцомъ комчатымъ на хрептахъ на бѣльихъ, нашивка серебрена съ золотомъ, а сапожки на немъ цѣлы жъ, толко подошвы у носковъ отстали; да на Царевичевыхъ же мощехъ положено орѣховъ съ пригорщи, а сказываютъ, какъ онъ тѣшился и въ тѣпору орѣшки кушалъ, и какъ его убили и тѣ орѣхи кровью обагрилися, и для того тѣ орѣхи на немъ во гробѣ положили, и тѣ орѣхи на Царевичевыхъ мощахъ цѣлы жъ; да которые жъ люди одержимы были розными болѣзньми и исцѣлѣли отъ Царевичева Дмитреева гроба, въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 114

году, до ихъ пріѣзду, и тѣ люди принесли къ нимъ писмо; и то писмо они къ Москвѣ привезли, Іюня въ 3 день, и мощи благовѣрного Царевича Князя Дмитрея Ивановича. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи и мать Царевичева Князя Дмитрея Ивановича, Царица и Великая Княгиня инока Марѳа Ѳедоровна всеа Русіи, съ Митрополиты и съ Архіепискупы и съ Епискупы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры и съ дворяны и со всякими людми Московскаго государьства, мощи благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея Ивановича встрѣтили со кресты за Каменымъ городомъ, и его мощи передо всѣмъ освященнымъ соборомъ и передо всѣми людми язъ и мать его, Царица инока Марѳа Ѳедоровна всеа Русіи, смотрили и всѣмъ людемъ показывать велѣли, и его цѣлбоносные мощи и ризы всѣ цѣлы и тлѣнію непричасны: и мы, видя сами такое неизрѣченное Божье милосердіе, съ радостными слезами всесилному и въ Троицы славимому Богу и Его страстотерпцу благовѣрному Царевичу Князю Дмитрею Ивановичу хвалу воздали и милости у него и прощенія просили; и какъ понесли мощи его въ городъ, и отъ его мощей многіе болные розличными болѣзньми получили исцѣленіе; а какъ его поставили въ церкви Архангела Михаила, и отъ его цѣлбоносныхъ мощей пролились рѣки милосердія, многіе болные розличными болѣзньми исцѣленіе получили: въ первой день исцѣлилъ всякими розными болѣзньми тринадцать человѣкъ, а въ другой день (Іюня въ 5 день) двѣнадцать человѣкъ, и до сего дни непрестанно исцѣляетъ и всѣмъ приходящимъ съ вѣрою нескудно милость свою подаетъ. А на принесеніе мощей благовѣрного Царевича Князя Дмитрея Ивановича Царица и Великая Княгиня инока Марѳа Ѳеодоровна, въ церкви Архангела Михаила, передъ Митрополиты, и Архіепискупы, и Епискупы, и передо всѣмъ освященнымъ соборомъ, и передъ бояры, и передъ дворяны, и передо всѣми людми, била челомъ намъ великому Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, что она передъ нами, и перлъ освященнымъ соборомъ, и передо всѣми людми Московского государьства и всеа Русіи, виновата; а болши всего виноватѣе передъ новымъ мученикомъ, передъ сыномъ своимъ

Царевичемъ Дмитреемъ: терпѣла вору ростригѣ, явному злому еретику и чернокнижцу, не объявила его долго, и много кровь крестьянская отъ того богоотступника лилася и разоренье крестьянской вѣрѣ хотѣло учиниться; а дѣялось то отъ бѣдности, потому, какъ убили сына ее Царевича Дмитрея, по Борисову велѣнью Годунова, а ее послѣ того держали въ великой нужи и родъ ее весь по дальнимъ городомъ разосланъ былъ и въ конечной злой нужѣ жили, и она по грѣхомъ обрадовалась, отъ великія нестерпимыя нужи вскорѣ не извѣстила, а какъ онъ съ нею видѣлся и онъ ей запретилъ злымъ запрещеніемъ, чтобъ она не говорила ни съ кѣмъ; и намъ бы ее въ томъ пожаловати и всему народу Московского государьства простить велѣти, чтобъ она въ грѣхѣ и проклятствѣ ото всего міра не была. И мы великій Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи, по своему царьскому милосердому обычаю, и для великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и для благовѣрного страстотерпца Царевича Дмитрея Ивановича честныхъ его и многочудесныхъ мощей, Царицу иноку Мароу во всемъ простили, а Митрополитовъ и Архіепископовъ и Епископовъ и всего освященного собора и всего православного крестьянства молили, чтобъ они въ купѣ о Царицѣ Мароѣ молили Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ Святыхъ, чтобъ Богъ милость свою показалъ и отъ такова злаго грѣха душу ее освободилъ. —И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ велѣли быти въ соборную церковь архимаритомъ и игуменомъ и всему освященному собору, и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, и приказнымъ и всякимъ служилымъ людемъ, и всякимъ торговымъ и чернымъ людемъ, а какъ сойдутся, и вы бъ сю нашу грамоту велѣли ее вычесть всѣмъ людемъ въ слухъ, а будетъ въ церковь всѣ люди не вмѣстятся, и вы бъ имъ велѣли вычести передъ церковью на просторномъ мѣстѣ, чтобъ милость Божія и Пречистыя Богородицы и Великихъ Чудотворцовъ заступленіе, наипаче же великого свѣтильника страстотерпца благовѣрного Царевича Князя Дмитрея Ивановича преславные чудеса, всѣмъ людемъ были вѣдомы, и о такомъ бы есте неизреченномъ Божьѣ милосердіи воздали хвалу всесилному въ Трои-

цы славимому Богу, что насъ и всѣхъ православныхъ крестьянъ не предалъ въ руцѣ врагу и богоотступнику и еретику въ расхищенье и въ разоренье и въ работу, и наша истинная православная крестьянская вѣра не порушилась и церкви Божіи лѣпоту свою приняли; также и о томъ, чтобъ явилъ намъ мощи въ чудесѣхъ новаго страстотерпца благовѣрного Царевича Князя Дмитрея Ивановича, иже православными своими чудесы весь міръ просвѣтилъ и невѣрныхъ Поляковъ и всякихъ иноземцовъ невѣрныя ихъ серца въ вѣру превратилъ; и о нашемъ бы есте многолѣтномъ здоровьѣ молили Бога, чтобъ намъ и всему православному крестьянству устроилъ Богъ все благая и полезная, и чтобъ матъ Царицею и Великою Княгинею инокою Марфою Өедоровною всеа Русіи Богъ милость свою показалъ, для сына ее благовѣрного Царевича Князя Дмитрея Ивановича душу ее освободилъ отъ грѣха и отъ всемірнаго проклятства, что она, страшася смерти, женскою немощію одержима, долгое время такова великого богамерского дѣла не объявила и великого страстотерпца нового мученика, сына своего, благовѣрного Царевича Князя Дмитрея Ивановича, многочудныя его мощи въ забвеньѣ и безъ памяти учинила; и съ утверженныя грамоты ростриги Гришки Отрепьева, что далъ на себя крѣпость воеводѣ Сандомирскому, и съ Пашиныхъ и съ Кардиналовыхъ съ воровскихъ ссылочныхъ грамотъ, что писали о крестьянскомъ разореньѣ, и о городѣхъ, которыхъ поступился Сандомирскому и его дочери, и о Римской вѣрѣ, списавъ списки послали есмя къ вамъ, и вы бъ тѣ списки потомужъ велѣли вычести всѣмъ людемъ въ слухъ, и не въ одномъ мѣстѣ, чтобъ ихъ воровской умыслъ всѣмъ людемъ былъ вѣдомъ; и того бъ есте вора, и еретика, и богоотступника, ростригу Гришку Отрепьева и его совѣтниковъ, которые на крестьянское разоренье и на попранье православныя вѣры съ нимъ совѣтовали, вѣчному проклятью предали и впередъ проклинать велѣли ежегодь, вмѣстѣ съ еретики; а съ сей бы есте нашея грамоты и съ утверженныя ростриги Гришки Отрепьева, что онъ далъ на себя крѣпость за своею рукою воеводѣ Сендамирскому, списавъ слово въ слово, послали бы есте въ уѣзды или въ пригороды, а въ которой день и съ кѣмъ имянемъ пошлете, и вы бъ

о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли отдати въ Болшой четверти діаку нашему Нечаю Ѳедорову. Писанъ въ Москвѣ, лѣта 7114 Іюня въ день.

II. Переводъ съ Полского писма съ утверженного рострии Гришки Отрепьева, что далъ на себя крыпость за своею рукою воеводѣ Сандомирскому; а сказали Бучинскіе, что то писмо воеводы Сандомирского Юрья Мнишка, и самъ воевода передо всѣми бояры сказалъ, то писмо его воеводина рука:

«Мы Дмитрей Ивановичъ, Божією милостію Царевичъ всеа Русіи, Углетцкій, Дмитровскій, и иныхъ Князь, отъ кольна предковъ своихъ, и всѣхъ государьствъ Московскихъ Государь и отчичъ.»

«Помнячи себѣ перваго житія нашего не тѣмъ обычаемъ, какъ иные монархи и предки наши, но какъ иные люди крестьянскіе за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ которого живетъ начало и конецъ, а животъ и смерть бываетъ отъ него жъ, усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи въ королевствѣ въ Полскомъ, въ дому честнемъ великого роду житія честного и побожного пріятеля и товарища, съ которымъ бы мнѣ за помочью Божіею въ милости въ любви житіе свое провадити, ясневельможную панну Марину съ Великихъ Кончицъ Мнишковну, воеводенку Сендамирскую, старостенку Лвовскую и Самборскую, дочь ясневелможного пана Юрья Мнишка, человѣка великія доброты и любви, и для того есмя взяли его себѣ за отца и о томъ мы его просили, чтобъ онъ всегда къ намъ былъ любителемъ и дочь бы свою панну Марину за насъ далъ, а что тепере мы есть не на государьствахъ своихъ и то тепере до часу; а какъ дастъ Богъ буду на своихъ государьствахъ жити, и ему бъ попомнити слово свое прямое, вмѣстѣ съ панною Мариною, за присягою, а язъ помню свою присягу: и намъ бы прямо обьма держати и любовь бы была межъ насъ, а на томъ мы писаньемъ своимъ укрѣпляемся, а впередъ во имя святыя Троицы даю ему слово свое прямое царьское, что женюсь на паннѣ Маринѣ, а не женюсь и язъ проклятство на себя даю; а кой часъ доступлю государьствъ нашихъ отчины Московскія, и язъ пану отцу, его милости, дамъ десять сотъ тысячь золотыхъ Полскихъ; также и паннѣ Маринѣ, женѣ нашей, изъ казны нашей Московской, на

подъемъ для того дальнего проѣзду, къ наряду клейнотовъ и серебра и бархотовъ золотыхъ дамъ; и посланниковъ его милости пана отца и панны Марины не задержавъ отпускати, и ихъ жаловати, и дарити нашимъ царьскимъ жалованьемъ. На томъ мы на всемъ слово свое царьское даемъ другое, то, какъ вступимъ на нашъ царьскій престолъ отца нашего, и мы тотъ часъ пословъ своихъ пошлемъ до наяснѣйшаго короля Полского, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, чтобъ то наше дѣло, которое нынѣ промежъ насъ, было ему вѣдомо и позволилъ бы то намъ сдѣлати безъ убытка. Третье то, той же прежереченной паннѣ, женѣ нашей, дамъ два государьства великіе, Великій Новгородъ да Псковъ, со всѣми уѣзды, и съ думными людми, и съ дворяны и съ дѣтми боярскими, и съ попы, и со всѣми приходы, и съ пригородки, и съ мѣсты, и съ селы, со всякимъ владѣньемъ и съ поволностью, со всѣмъ съ тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государьствами владѣли и указывали; а мнѣ въ тѣхъ въ обѣихъ государьствахъ, въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, ни чѣмъ не владѣти и въ нихъ ни во что не вступаться, тѣмъ нашимъ писаньемъ укрѣпляемъ и даруемъ ей паннѣ то, за тѣмъ своимъ словомъ, прямо; а какъ за помочью Божіею, съ нею ввичаемся, и мы то все, что въ нынѣшнемъ нашемъ писмѣ написано, отдадимъ ей и въ канцлѣріи нашей ей то въ вѣки напишемъ и печать свою царьскую къ тому приложимъ; а будетъ у нашей жены, по грѣхомъ, съ нами дѣтей не будетъ, и тѣ обои государьства ей приказати намѣстникомъ своимъ владѣти ими и судити, и волно ей будетъ своимъ служивымъ людемъ помѣстья и вотчины давати, и купити, и продавати; такъ же волно ей, какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ прямыхъ удѣлныхъ государьствахъ монастыри и костелы ставити Римскіе, и бискупы и попы Латынскіе, и школы поставляти и ихъ наполняти какъ имъ впередъ жити, а самой жити съ нами, а попы свои держати сколко ей надобе; также на боженство свое Римскія вѣры держати безо всякія заборонны, якожъ и мы сами, съ Божіею милостію, съ великою трудностью то приняли есмя и станемъ о томъ накрѣпко промышляти, чтобъ все государьство Московское въ одну вѣру Римскую всѣхъ привести и костелы бъ Римскіе устроити; а того Боже намъ не дай, бу-

четъ тѣ наши рѣчи, въ государьствахъ нашихъ не полюбятся и въ годъ того не здѣлаемъ, ино будетъ волно пану отцу и панинѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожалуютъ болши того, пождутъ до другого году, а язъ тепере въ томъ во всемъ даю на себя запись своею рукою съ крестнымъ цѣлованьемъ, что то все сдѣлати по сему писму, и цѣлую крестъ и присягаю на томъ на всемъ при святцкомъ чину, при попѣхъ, что мнѣ все по сей записи сдержати крѣпко и всѣхъ Руских людей въ вѣру Латынскую привести. Писанъ въ Самборѣ, мѣсяца Маія въ 25 день лѣта 1604.»

А на исподи написано: «Дмитрей Царевичь рукою своею.»

Да воевода жъ Сендомирской сказалъ передо всѣми бояры, что писалъ къ нему рострига съ Москвы листъ своею рукою, а далъ ему городъ Смоленескъ со всѣмъ уѣздомъ, да Сѣверу всю, и поволилъ ему въ нихъ костелы ставити и монастыри Римскіе.

Да рострига жъ воръ Гришка Отрепьевъ писалъ къ Папѣ Римскому, съ попомъ его съ Онфреемъ єзовитомъ, а въ грамотѣ его пишетъ о томъ, что мысль его вся и радѣнье ото всего сердца къ Папѣ Римскому, его Латынской вѣрѣ, какъ ему обѣщался; а подлинно о томъ о всемъ приказалъ онъ къ Папѣ съ попомъ его съ Онфреемъ єзовитомъ и впередь къ Папѣ о томъ хотѣлъ писати; а что онъ Папа слышелъ его дѣло, о которомъ онъ писалъ къ Папѣ двожды, что сговорилъ женитися у Сендомирского воеводы у Юрья Мнишка на дочери его Маринѣ, за его Папинымъ благословеньемъ, а то отъ Папы благословенье иному ся никому не даетъ, толко тѣмъ которые въ его въ Латынской вѣрѣ, а ты мнѣ возвѣстилъ, отъ Греческія вѣры въ Латынскую вѣру оступилъ и всѣхъ людей государьства своего на то привести хотѣлъ, и на томъ ему онъ челомъ бьетъ, что онъ Папа о Московскомъ государьствѣ радѣлъ и промышлялъ накрѣпко, чтобъ ранѣе все Московское государьство въ Латынскую вѣру привести, и онъ во всемъ въ томъ крѣпокъ и неподвижимъ въ Латынской вѣрѣ, на чемъ душу свою далъ Папѣ и Литовскому королю.

Да къ вору жъ къ Гришкѣ къ ростригѣ кардиналъ Пильяной, утвердитель Римской вѣры, писалъ Марцынъ Малакрида, отъ Папы; а въ грамотѣ пишетъ:

«Какъ вѣсть та къ Папѣ придетъ, что онъ ихъ Латынскую вѣру принялъ, и имъ то всѣмъ будетъ воудивленье и въ радость, всѣ они о томъ станутъ веселитися и радоватися; и всегда ему Папа о томъ своимъ писмомъ напоминалъ, чтобъ онъ многое крестьянство широкого Московского государьства своимъ злохитрьствомъ въ вѣру въ Латынскую своею рукою привелъ и укрѣпилъ, какъ напередъ того въ своей грамотѣ къ прежнему Папѣ Клименту изъ Самбора писалъ; а они о томъ радуются всѣми сердцами и душами своими, что онъ хочетъ во всемъ Московскомъ государьствѣ Латынскую вѣру укрѣпити: и какъ сядетъ на Московскомъ государьствѣ, и ему бъ вскорѣ во всемъ Московскомъ государьствѣ Латынская вѣра укрѣпити и самому быти крѣпко въ той же Латынской вѣрѣ.»

Да къ вору жъ, къ еретику, къ ростригѣ къ Гришкѣ Отрепьеву писалъ Папинъ легатъ, который живетъ у Полского короля въ Краковѣ, Клавдіусъ Рагавусъ, для утвержения Латынскія вѣры; а въ грамотѣ пишетъ:

«Надобно ему сверхъ всего исполнити то, что онъ Папѣ и имъ всѣмъ обѣщалъ, что въ Московскомъ государьствѣ Греческая вѣра съ Латынскою вѣрою съединитъ, и они тому его слову вѣрятъ: и онъ бы, по тому своему слову, вскорѣ то учинилъ и своему имяни отъ Папы и отъ нихъ всѣхъ честь принялъ.»

Да Папа жъ писалъ къ кардиналу Краковскому, къ брату къ родному Сендомирского воеводы; а въ грамотѣ пишетъ:

«Что онъ Папа его кардинала укрѣпляетъ и благословляетъ на свадьбу любителныхъ дѣтей своихъ (ростриги Гришки съ воеводинкою Сендомирскою), и то Папѣ на него кардинала добрѣ радостно, что онъ ростригу и дочь воеводы Сендомирского на обрученье благословилъ, онъ Папа ихъ сердечнымъ хотѣньемъ также благословляетъ; и чтобъ онъ кардиналъ любителную свою дочь (воеводинку Сендомирскую) укрѣплялъ и внушалъ ей, чтобъ она крѣпко Латынскую вѣру держала и всѣмъ прямымъ сердцемъ промышляла съ мужемъ своимъ вмѣстѣ, чтобъ Московского государьства людей всѣхъ подданныхъ къ Латынской вѣрѣ привести, и подлинно онъ Папа чается, что они посямѣста тѣмъ дѣломъ промышляютъ: а будетъ кардиналъ его

Папы въ томъ не станетъ слушать, и онъ его проклинаетъ; а онъ Папа чается, что Московскіе люди въ Латынской вѣрѣ будутъ, толко ихъ станетъ накрѣпко приводить, а не всѣхъ любовію и волею, надобе и неволею и жесточью, а кто станетъ крѣпко, и того бъ убивать не ужасался.»

Да рострига жъ къ Папину легату, которой въ Полшѣ живетъ для укрѣпленья Латынскія вѣры, писалъ, чтобъ онъ благословилъ жену его въ суботу мяса ѣсти, для Московскихъ людей, а отъ Руского Патріарха причаститься. И легатъ Папинъ писалъ къ нему противъ, что онъ то чинитъ не гораздо: цѣловалъ онъ на томъ крестъ и душу свою далъ, что ему быти въ Латынской вѣрѣ крѣпку и неподвижиму, да и всѣхъ людей привести въ Римскую вѣру, а нынѣ хочетъ жену свою причащати у Руского Патріарха, да и для людей въ суботу мяса ѣсти, и онъ ему на то не произволяетъ, чтобъ того накакъ не дѣлалъ, помнилъ бы на чемъ душу свою далъ Папѣ, да и самъ бы и всѣмъ людемъ своимъ у Рускихъ поповъ причащатись и въ суботу мяса ѣсти не велѣлъ.

И рострига Гришка къ Папину легату писалъ, что онъ въ томъ виноватъ; а впередъ во всемъ самъ крѣпокъ въ Латынской вѣрѣ, и съ женою своею, и людей всѣхъ на то приведетъ къ Латынской вѣрѣ, а инако слово его не будетъ.

А писано въ тѣхъ во всѣхъ грамотахъ именемъ Царевича Дмитрея Ивановича, какъ тотъ воръ рострига назывался своимъ воровствомъ; а въ нынѣшнихъ переводѣхъ имени Царевича Дмитрея не написано, потому что тѣмъ имянемъ тотъ воръ назывался своимъ воровствомъ ложно.

№ II.

ПИСЬМО

Польскихъ Пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго къ Русскимъ Боярамъ, писанное въ Москвѣ 10 Іюня 1606.

Бывъ на дняхъ у бояръ, и имѣвъ съ ними разговоръ о происшедшемъ за грѣхи мірскіе кровопролитіи, мы для пользы обоихъ Государствъ предлагали: отпустить насъ Пословъ немедленно въ отечество, для донесенія Его Королевскому Величеству и Рѣчи Посполитой, какимъ образомъ все несчастіе по грѣхамъ нашимъ случилось, какъ Думные Бояре и военные люди, охраняя насъ, Пословъ, и другихъ подданныхъ Его Величества, прекратили кровопролитіе. Бояре Думные обѣщали представить слова наши великому Государю и Великому Князю всея Россіи Василію Ивановичу, скоро дать намъ отвѣтъ, изложить на бумагѣ свои рѣчи и немедленно насъ отправить. Но какъ по-нынѣ насъ не отпустили и назначили другихъ приставовъ, то мы убѣждаемъ Думныхъ Бояръ исходатайствовать намъ у великаго Государя немедленный отпускъ. Просимъ объ этомъ не для себя: мы готовы за Его Королевское Величество и Рѣчь Посполитую умереть на чужбинѣ; просимъ для пользы общей. Безпокоясь о долговременной отлучкѣ нашей и получая разныя вѣсти, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, Государь нашъ и Рѣчь Посполитая могутъ заключить, что Думные Бояре побили пословъ со всею свитою и нарушили перемиріе; желаніе мести произведетъ неминуемое кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ. Мы опасаемся, не возгорѣлась ли уже война на

границѣ: ибо добрые люди желаютъ мира и покоя, а злые раздоровъ и кровопролитія; тѣ и другіе есть какъ у насъ, такъ и у васъ: не одной матери дѣти! Если же для отвращенія сего бѣдствія, великій Государь отправитъ безъ насъ гонца или Пословъ къ Его Королевскому Величеству, мы не ручаемся за ихъ безопасность: въ Польшѣ много достойныхъ сожалѣнія людей, коихъ братья убиты въ Москвѣ; слѣдствіемъ будетъ неминуемое ужаснѣйшее кровопролитіе. Въ предупрежденіе сего зла, мы, Послы, помышляя о благѣ общемъ, предлагаемъ свои мѣры: да поступятъ столь же благонамѣренно и Думные Бояре! Но если насъ задержатъ и неволя наша причинитъ какое-либо бѣдствіе: не мы будемъ виновны предъ людьми и предъ Богомъ. Просимъ сверхъ того, отпустить съ нами людей Королевскихъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ Посольскомъ домѣ; равнымъ образомъ Пана Тарла съ женою и Панью Старостину Сохачевскую; ибо здѣсь сіи особы вовсе безполезны и ничего нѣтъ у нихъ, кромѣ горькихъ слезъ. Еще просимъ прислать къ намъ Каплана нашего Ксенза Воицеха, вмѣсто убитаго Ксенза Помаскаго, Каноника и Секретаря Его Величества: пусть онъ лучше молится Богу, чѣмъ горюетъ безвинно. Наконецъ просимъ дозволенія посылать съ приставами людей нашихъ къ Пану Воеводѣ Сендомирскому, къ Пану Тарлу и другимъ подданнымъ Его Величества, здѣсь находящимся; просимъ и о томъ, чтобы у Пановъ не всѣхъ людей отбирали, оставляя нѣкоторыхъ для прислуги. За годъ предъ симъ, еще при Борисѣ Ѳеодоровичѣ, св. Отецъ, Папа Римскій, послалъ въ Персію двухъ монаховъ Кармелитовъ для обращенія Магометанъ въ Христіанскую вѣру; имъ даны были отъ Цесаря Христіанскаго и отъ Короля Польскаго письма къ Борису о свободномъ пропускѣ ихъ чрезъ землю Рускую: въ то время воротили ихъ изъ Невля. Когда Бориса не стало, они опять пріѣхали въ Москву съ Королевскимъ гонцомъ Бандзиловичемъ, съ намѣреніемъ вскорѣ отправиться въ Персію. Имѣя повелѣніе Его Королевскаго Величества развѣдать о сихъ монахахъ, мы узнали отъ Димитрія, что они отправились въ Персію, но на границѣ будутъ ожидать Пословъ Московскихъ, назначенныхъ къ Персидскому Шаху. Просимъ Думныхъ Бояръ исходатайствовать у великаго Государя симъ монахамъ дозволе-

нѣ отправиться въ Персію съ Московскими Послами. Святый отецъ, Папа Римскій, Цесарь Христіанскій, Его Королевское Величество и все Христіанство будутъ весьма признательны великому Государю, Князю Василію Ивановичу. Бакзиловича, бывшаго гонцемъ и Приставомъ при тѣхъ монахахъ, просимъ отпустить въ Литву. Если же нынѣ Московскіе Послы не отправятся въ Персію, и по сему случаю монахи не могутъ продолжать своего путешествія, просимъ отпустить и ихъ въ Литву. Еще просимъ у великаго Государя Князя Василія Ивановича милостиваго дозволенія взять у дочери Пана Воеводы Сендомирскаго четырехъ дѣвицъ Девчискую, Войцеховскую, двухъ Закличанокъ и Панью Разводовскую съ дочерью: мы намѣрены отвезти ихъ съ собою въ Польшу.

№ III.

ОТРЫВОКЪ ГРАМОТЫ

вдовствующей Царицы Марѳы Ѳеодоровны къ жителямъ города Ельца. — Писана 1606, въ Августѣ.

. . . . Романовъ, да Астораханского Архіепископа Ѳеодосья, да Спаского Архимарита Аврамія, да бояръ Князя Івана Михайловича Воротынского, да Петра Никитича Шереметева, да братью мою Ондрья Олександровича да Григорья Ѳедоровича Нагихъ; и Ростовской Митрополитъ, и Астараханской Архиепископъ, и Архимариты и бояре благовѣрного Царевича Князя Дмитрея Івановича почали и осматривали, і втупору весь храмъ наполнился многово благоуханія, и мощи его, Божиею милостию, цѣлы и невредімы, въ немногихъ мѣстехъ часть земли отдана, а на лицѣ плоть и на главѣ волосы цѣлы и на костяхъ плоть цела, и ожерелецо, что язъ положила низано жемчюгомъ, цѣло, и въ лѣвой рукѣ шириночка таѳтяна шита золотомъ и серебромъ целажъ, и саванъ на немъ весь цѣлъ, и коѳтанецъ, чѣмъ былъ покрытъ, весь же цѣлъ и сапошки цѣлыжъ, и которые люді одержимы были розными болѣзньми, и тѣ всѣ исцѣлѣли отъ его святыхъ мощей, и тѣмъ людемъ привезли къ намъ письмо. А Июня въ 3 день мощи сына моего благовѣрного Царевича Дмитрея к Москве привезли, і Великиі Государь Царь и Великиі Князь Василеи Івановичь всеа Русиі, и я с Митрополиты, и с Архиепископы, и съ Епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з бояры, и з дворяны и со всякими людми Московского Государства мощи его встрѣтили

со кресты за городомъ, и его мощи передъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и передъ всѣми людми Государь Царь і Великiй Князь Василеи Івановичь всеа Русi смотрилъ, да и язъ, и всѣмъ людемъ показывати велѣли, и его цѣлбоносные мощи и ризы все цѣлы и тлѣнию непричастны, въ немногихъ мѣстехъ часть земли отдана; и мы, видя такое неизреченное Божие милосердье, с радостными слезами вседержителю, въ Троице славимому Богу и Его страстотерпцу благовѣрному Царевичю Дмитрею Івановичю хвалу воздали, и милости у него и прощенья просили. И какъ понесли мощи его в городъ, и отъ его мощей многие болные различными болезньми исцеление получили; а какъ его поставили в церкве Архангела Михаила, и отъ его целбоносныхъ мощей пролились рѣки милосердия, многие болные различными болѣзньми исцеление получили, и ныне непрестанно исцеляетъ, і всѣмъ приходящимъ с вѣрою неоскудную милость свою подаетъ. А язъ на принесенье его мощей, въ церкве у Архангела Михаила передъ Митрополиты, и Архиепископы и передо всѣмъ освященнымъ соборомъ, и передъ бояры, и передъ дворяны и передо всѣми людми Великому Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичю всеа Русi била челомъ, что я передъ нимъ Государемъ и передо всѣмъ освященнымъ соборомъ и передо всѣми людми Московского Государства всеа Русi виновата; а болши всего виновата передъ новымъ мучеником, передъ сыномъ своимъ Царевичемъ Дмитреемъ, что святые его многочудесные мощи в забвеньи и безъ памяти учинила, терпѣла вору ростриге, явному злому еретику и чернокнижцу, не обличила его долго и многая кровь отъ того богоотступника лилася, и разоренье Крестьянской вѣре хотѣло учинитися; а дѣлалося то отъ бѣдности, потому, какъ убили сына моего Царевича Дмитрея, по Борисову велѣнью Годунова, а меня после того держали в великои нуже, и родъ мои весь по далнимъ городомъ розосланъ былъ, и в конечнои злои нуже жили, и язъ, по грехомъ, отъ страху, будучи в великои нестерпимои нуже, вскоре не известила; а какъ онъ со мною увиделся, и онъ запретилъ злымъ прещеньемъ, чтобъ я того не говорила ни с кѣмъ; и Государь бы і весь освященный соборъ і весь народъ

меня въ томъ простили, чтобъ мнѣ в томъ грехѣ въ проклятстве ото всего мира не быти. I Великиі Государь Царь и Великиі Князь Василеи Івановичъ всеа Русиі, по своему Царскому милосердому обычею, и для Великого Государя Царя і Великого Князя Івана Васильевича всеа Русиі, и для благовѣрнаго страстотерпца Царевича Дмитрея Івановича целбоносныхъ его и многочюдесныхъ мощеи, меня въ томъ простилъ; да и к вамъ Елчаномъ о томъ отъ Государя Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русиі про то про все писано, і вы Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичю всеа Русиі крестъ целовали и души свои дали на томъ, что ему Государю служити безо всякие хитрости до своего живота. А ныне язъ слышу, по греху Крестьяискому, многую злую смуту, по замыслу враговъ нашихъ Литовскихъ людеи, и говорите де-и, что тотъ воръ былъ прямой Царевичь сынъ мой, а ныне бутто живъ, и вы какъ такъ шатаетеся? Чему вѣрите врагомъ нашимъ Литовскимъ людемъ, или измѣнникомъ нашимъ лихимъ людемъ, которые желаютъ о Крестьяиской крови, и своихъ злопагубныхъ для корыстеи? Какъ васъ не увѣрять многочюдесные мощи сына моего Царевича Дмитрея Івановича, и Царские грамоты и приказъ и наше богомолцы Царские і вашеи всѣхъ правоелавныхъ Крестьянъ к вамъ грамоты и моленья? И отъ Патриарха, и Митрополитовъ, и Архиепископовъ, и Епископовъ, и отъ Архимаритовъ, и Игуменовъ, і всего освященнаго собора и ото всеѣ земли Московского Государьства грамоты к вамъ посыланы, и рѣчью съ вашими Елчаны приказывано многижда, чтобъ вы позналися и на истинный путь обратилися, і врагомъ нашимъ Литовскимъ людемъ, или измѣнникомъ нашимъ, которые вамъ лжутъ, желая Крестьянские крови, не вѣрили, и отъ васъ и послѣ места обращенья никоторого нѣтъ, и смущаетеся и вѣрите врагомъ нашимъ Литовскимъ людемъ и нашимъ измѣнникомъ; а мнѣ, благовѣрнаго Царевича Дмитрея Івановича матери, и Царскимъ богомолцомъ Патриарху, и Митрополитомъ, и Архиепископомъ, и Епискупомъ і всему освященному собору, и бояромъ и околничимъ, и дворяномъ і всеи земле Московского Государьства не вѣрите. і вашею смутою и непокорствомъ многая

кровь Крестьянская безвинно проливаетца, и остави свѣтъ, во тмѣ шатаетеся. И ныне язъ послала к вамъ брата своего боярина Григорья Θедоровича Нагово, и с нимъ послала к вамъ образъ сына своего благовѣрного Царевича Дмитрея Івановича, чтобъ ваши серца просветилися и на истинной путь обратилися; і выбъ, памятуя Бога, и истинную непорочную православную Крестьянскую вѣру, и души свои и крестное целованье, на чемъ есте Великому Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичу всеа Русі души свои дали, позналися и на истинныи путь обратилися, и о винахъ своихъ прислали бити челомъ к Великому Государю Царю и Великому Князю Василью Івановичю всеа Русі безо всякого сумнѣнья. А мнѣ то подлинно вѣдомо, что Великиі Государь Царь і Великиі Князь Василей Ивановичь всеа Русі васъ пощадитъ, вины ваши покроетъ своимъ Царьскимъ милосерьемъ, мнѣ онъ то свое Царьское милостивое слово к вамъ молвилъ; а язъ васъ на то благословляю и прошу того у Бога, чтобъ ваши серца на истинныи путь обратились, и житибъ вамъ в домѣхъ своихъ безмятежно, въ тишинѣ и во благоденстве, а кровь бы Крестьянская престала литися. А тому истинно вѣрите, что то былъ не сынъ мои, воръ, богоотступникъ, розстрига Гришка Отрепьевъ, и убитъ онъ ныне на Москвѣ, мои очи его мертва видели; а истинной Государь мой сынъ Царевичь Дмитреи Івановичь убитъ на Углече въ 99 году; а ныне мощи его на Москвѣ в Архангиле Михаиле, сами о себѣ свидѣтелствуютъ неизреченными чюдесы, і выбъ безо всякого сумнѣнья прислали бити челомъ к Великому Государю Царю і Великому Князю Василью Івановичю всеа Русі, а онъ Государь милостивъ и щедръ, вины ваши покроетъ своимъ Царьскимъ милосерьемъ.

№ IV.

ЧЕЛОБИТНАЯ,

подданная 20 Февраля 1607 Патріарху Іову, отъ гостей, торговыхъ людей и всего чернаго народа.

Отцемъ началствующему въ части земли Господня, ея же глаголемъ Росія, первопрестолну ти сущу святыя соборныя и апостольскія церкви, Іеву пресвятѣйшему, о Господѣ радоватися. Народъ христіанескъ, чада твоя, ихъ же породи церковію крещенія паки банею бытія, отъ твоего отеческаго здраваго ученія отторгнушася и на лстивое злохитрьство лукаваго вепря уклонишася, и свирѣпу и немилосерду томителю себе во исправленіе издашася, ему же наскачущу яко иногда Іуліяну, но не попустити ему Богъ конечнѣ погубити и поглотити чада твоя, яко же и прежде рѣхъ церковію породи, но твоего отца нашего еже во Владыцѣ всѣхъ и вседержителю Богу, Господу нашему Іисусу Христу, молитвою и Пречистой его Матере, нашей христіяньской заступницѣ, преславно изъятъ насъ отъ руки напрасно восхищающаго зломысленнаго волка и отнюднымъ промышленіемъ на лутчее преведеніе яко отъ заплѣненія пущаетъ и къ первому благостраданію человѣколюбивѣ возвращаетъ: и подалъ намъ Богъ, твоимъ отца нашего моленіемъ, вмѣсто нечестія благочестіе, и вмѣсто лукаваго злохитрьства благую истину, и вмѣсто хищника щедраго подателя, Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича, всея Русіи Самодержца; а родъ благоцвѣтущія его отрасли корень самъ ты, Государь и отецъ, во Степенной книгѣ написано вѣдаешь.

И нынѣ тебѣ Государю святѣйшему Іеву, Патреарху Московскому и всеа Русіи, Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, о своемъ Російскомъ народѣ, православныхъ христіянѣхъ, и молю и прошу благословенія и прощенія и клятвеннаго еже на насъ разрѣшенія, ею же кляхомся во святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви при Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ и при его Царицѣ Марьи, и паки при его сынѣ Өедорѣ и матери его той Царицы Марьи, что было намъ имъ служити и правити во всемъ прямо, и инаго было Государя не искати и на государьство никого иного не хотѣти, и никакого зла не учинити, и не подъискивати никоторыми ухищреньми, и съ тѣмъ было воромъ, который назывался Царевичемъ Княземъ Дмитреемъ Углецкимъ, не знатися и грамотки не ссылатися, и на государьство было его не хотѣли и не пріимати; а служити было и прямити во всемъ прямо, какъ Борису Царю, такъ и сыну его Өедору, и битися было за нихъ и стояти за крестное цѣлованье и до смерти, по сему крестному цѣлованью: «на томъ (рече) цѣлую крестъ, какъ въ сей записи писано.» Увы намъ окаяннымъ! Зломысленные вѣтри внезапь возвѣяша страстное море похотное, восколебався тучею страстей врьюще, мысленный корабль опровержеся и бремены грѣховными погружены быхомъ: найде бо на ны дивіи изъ дубравы лукавый вепрь великъ, зубъ зловѣрія имущь, имъ же весьма уповая благочестія корень выторгнути, но обаче самъ вскорѣ сломися, и сокрушися, и искоренися, по твоихъ святѣйшаго отца нашего молитвахъ; и тогда убо вы намъ, злохитрьствомь насъ уловѣ и льстивно лестію прелсти, отъ простаго и до мудраго, отъ мала и до великаго, вси прелстихомся и вѣру яхомъ, и непщевахомъ быти истиннѣ, и скоро отъ клятвы отскакахомъ и крестное цѣлованіе измѣнихомъ, что клялися есми въ соборнѣй и апостолстѣй святѣй церкви и крестъ цѣловали, что было того вора Грику Огрепьева, которой называется Царевичемъ Княземъ Дмитреемъ Углецкимъ, на государьство не хотѣти, и ту клятву преступихомъ и крестное цѣлованіе вскорѣ измѣнихомъ, и того вора Гришку Огрепьева, которой назывался Царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, похотѣли, и на государьство Московское его приняли, и

Царемъ его быти помазали; и того мы своего Государя Өедора, Борисова сына, и матерь его Царицу Марью, и Царевну Ксенью, которымъ клялися и крестъ цѣловали, что было имъ служити и прямити во всемъ прямо, и мы въ томъ согрѣшили, клятву и крестное цѣлованіе преступили и ихъ злому убійцѣ Гришкѣ Отрепьеву выдали, и воръ Гришка надъ ними мучительски творилъ, какъ хотѣлъ, Государя нашего Өедора съ матерью его смерти предалъ, а Царевну Ксенью во иноческій образъ отослалъ, а тебе отца нашего отъ насъ отторгнулъ, а насъ отъ тебя, яко же и злохищный волкъ стадо Христово словесныхъ овецъ, лютостію наскачуще, и пастыря со овцами разлучилъ. И се убо, возлюбленне Господемь, вязати достоинъ ти, яко отъ дне тогдашняго и до дне сего вси въ тьменіи суетнѣ пребываемъ и ничтоже намъ къ пользѣ спѣется; и се убо нынѣ разумѣхомъ, яко во всемъ предъ Богомъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, согрѣшихомъ, и тебе святѣйшаго Іева, Патріарха Московскаго и всеа Русіи, отца нашего, не послушахомъ, и клятву и крестное цѣлованіе преступихомъ. И нынѣ Государь святѣйшій Іевъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, Государь Царь и Великій Князь Василей Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ, о всемъ о томъ всего міра о прегрѣшеніи, клятвы и крестнаго цѣлованія преступленіи, молю и прошу прощенія и разрѣшенія, понеже, господине, дана ти бысть власть вязати и рѣшати отъ Владыки всѣхъ Христа, Бога нашего; яко же бо тогда отъ твоея святыни связани быхомъ, такожe и нынѣ отъ твоея жъ святыни и разрѣшитися ищемъ, да не токмо еже мы живи суще во градѣ семъ, но и о всѣхъ православныхъ христіянѣхъ, иже во всѣхъ градѣхъ страны сея живущихъ, да не точію о сихъ симъ прощенія и разрѣшенія, но и о тѣхъ, иже свѣта сего отшедшая отца и братію нашу, и о тѣхъ молимъ и просимъ отъ твоея же разрѣшитися святыня, и вси равно вкупѣ, отъ мала и до велика, во православной вѣрѣ живущіи, вси прощенія и разрѣшенія яже на насъ клятвы нашея просимъ. И ты, Государь святѣйшій Іевъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, не отверзи насъ кающихся о прегрѣшеніи нашихъ сотвори, Государь, отеческую любовь, чадолюбно благоволи чадомъ твоимъ очищенія

дати о прегрѣшеній нашихъ, и яко же древле мы грѣшніи моленіемъ твоимъ сохраняеми бѣхомъ, тако и нынѣ молитвенника же тя ко Спасу всѣхъ быти молимъ; буди, Государь, приводяй заблуждьшихъ и не отрини во отчаяніе насъ умрети, утѣши чадь своихъ истиннымъ словомъ ученія, отверзи священный и неумытный умъ, и на свѣтлая насъ словесъ слышанія приведи, да помемало слышавше отъ тебе возвеселихомся, яко богословіе исправившаго тя видѣвше, и прочее не буди намъ къ тебѣ многословія вѣщати, но да едино просихомъ, то и взыщемъ, еже прощенія и разрѣшенія отъ твоея святыни получити просимъ. А не многими глаголы стужати смѣемъ, но точію даждь намъ, Бога ради, по закону отеческія любви прощеніе и разрѣши насъ отъ клятвеннаго грѣха, имъ же кляхомся въ соборнѣй и апостолстѣй святѣй церкви, въ сій вѣкъ и будущій: «и не быти (рѣхомъ) на насъ милости Божіи, и Пречистои Богородицы, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Олексѣя и Іоны, и всѣхъ Святыхъ;» и нынѣ обращаемся и паки просимъ на ся милости Божіи, понеже безъ нея не можемъ нимало живи быти, и падѣемся, по твоихъ молитвахъ, яко Богъ, естествомъ сый благъ, готова себе подастъ всѣмъ возвращающимся и просящимъ о прегрѣшеніи прощенія, яко и за Ахава Господь самъ къ Пророку вѣщаше, глаголя: «не имамъ сотворити прежереченнаго зла, видѣхъ бо его, како сѣтуя ходитъ предо мною о своихъ согрѣшеніяхъ;» тако же, видѣвше Владыки Христа Бога нашего человѣколюбіе, и просимъ отъ твоея святыни получити прощеніе и пріяти благословенія и излитія милости милосердія Божія благовѣрному и христолюбивому Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, и всѣмъ благовѣрнымъ княземъ и бояромъ, и христолюбивому воинству, и всѣмъ православнымъ христіаномъ.

№ V.

ПРОЩАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Патріарха Іова Русскому народу 20 Февраля 1607 года.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всесилнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнымъ, въ превелицѣй и въ превысочайшей и велелѣпнѣй святѣй славѣ пресіятелнаго величествія Своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстѣмъ съ превѣчнымъ и единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и съ божественымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся освящаются, единосущныя и нераздѣлныя Троица, равнобожественныя, и равночестныя, и равносопрестолныя, и равносовѣтныя, и равнодѣйственныя, и равносущныя, и соприсносущныя, и собезначалныя, и единоначалныя, и трисоставныя, и нераздѣлныя, въ тріехъ составѣхъ единаго Божества, Царя царьствующимъ и Господа господьствующимъ, неопредѣленнаго и всякія силы крѣпчайшаго, имъ же Царіе царьствуютъ и велицыи величаются, сего въ Троицы приснославимаго Бога нашего недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается, и отъ несущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ присвояются и лѣта считаются: отъ Него же пріемше земля наша Руская своими Государи величатися и властвоватися, имъ же начало и корень бысть Рюрикъ глаголемый, отъ колѣна Августа Кесаря Римскаго, первый Великій Князь въ Русіи, въ Великомъ Новѣгородѣ, отъ его же рода

благовѣрный Великій Князь Владимеръ Кіевскій, крестивый землю нашу Рускую святымъ крещеніемъ, въ четвертомъ степени произыде; отъ него же Владимера, глаголю, великіе християньстіи поборницы, благовѣрные Цари и Великіе Князи Рустіи, по царьскимъ степенемъ произыдоша, даже и до сего времени, въ немъ же Государь нашъ, благовѣрный и христолюбивый Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, седмыйнадесять царьскій степень отъ Великого Князя Владимера обрѣтеся, самодержавствова скифетроцарьствія великаго Російскаго государьства. Сего убо общедателный долгъ, праведнымъ и непремѣнымъ судомъ Божіимъ, достиже: великій, превысокій, православный столпъ, корень благовѣрія, предивный цвѣтъ благочестія, степень царьскій, Костянтинъ новый, Владимеръ славный, Ярославъ дивный, Александръ пречудный, Государь нашъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, грѣхъ ради нашихъ оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженьство небеснаго царьствія; а по отшествіи отъ житія сего, великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ, на всѣхъ своихъ великихъ государьствахъ скифетродръжанія Російскаго царьствія повелѣлъ царьствовати на Російскомъ государьствѣ благородному сыну своему, великому Государю нашему Царю и Великому Князю Ѳедору Ивановичу, всеа Русіи Самодръжцу; а второму сыну своему, Царевичу Дмитрею Ивановичу, далъ въ удѣлъ въ своей царьской отчины градъ Углечь и иные грады, и великого Государя нашего Царевича Димитрія на Углечѣ не стало въ 99 году, пріятъ закланіе неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ. А великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичь всеа Русіи на своей царьской степени на Російскомъ государьствѣ, на преславномъ престолѣ прародителей своихъ, великихъ Государей нашихъ, крестоносныхъ Царей, царьствовалъ четыренадесять лѣтъ и, праведнымъ и непреминутелнымъ судомъ Божіимъ, отъ жизни сея преселися въ вѣчное блаженство небесного царьствія: и царьскій корень, иже толикими лѣты влечашеся, сократися, наслѣдія и вожа преславному государьству Російского царьствія ихъ царьского изращенія не остася. И по отшествіи къ Богу вели-

каго Государя нашего Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, мы смиренніи богомолцы его, азъ Іевъ, бывый Патріархъ царьствующаго града Москвы и всеа Великія Росіи, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и дьяки, и весь царьскій синклитъ, и гости, и дѣти Боярскіе, и всякіе служивые и торговые люди, и вси православные крестьяне царьствующаго града Москвы, съ женами и съ дѣтми и съ сущими млеко. младенцы, били челомъ и молили Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Өедоровну всеа Русіи съ великимъ воплемъ и неутѣшнымъ плачемъ, чтобы она Государыня насъ пожаловала, въ содержаніи скипетра своихъ великихъ государьствъ Російскаго царьствія была по прежнему и насъ бы сирыхъ до конца не оставила; и по многое время о томъ вси мы вкупѣ со всѣми православными крестіяны ее великую Государыню молили и били челомъ со всяцымъ усердіемъ. И великая Государыня наша Царица и Великая Княгиня Ирина Өедоровна всеа Русіи намъ о томъ отказала и восхотѣла, по своей къ Богу вѣрѣ и по душевному желанію, объщеніе свое исполнити и воспріяти равноангелный иноческій образъ, а правити великаго государьства Російскаго не изволила; и послѣ преставленія приснопамятнаго Государя нашего Царя и Великого Князя Өедора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, въ 9 день изыде отъ своихъ царьскихъ полатъ и вниде въ пречестную обитель Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одигитрія, въ Новой дѣвичь монастырь, и премѣнивъ земное царьство благолѣпнымъ премѣненіемъ, изволила пріяти тихое и безмолвное иноческое житіе, облече себе во ангелолѣпный иноческій образъ. Мы же, богомолцы ея, азъ Патріархъ Іевъ царьствующаго града Москвы, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояре и околничіе, и дворяне, и приказные всякіе люди, и дьяки, и гости, и служивые и торговые всякіе люди, вси православные крестьяне, съ женами и съ дѣтми и съ сущими млеко младенцы, били челомъ Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Олександрѣ Өедоровнѣ всеа

Русіи, чтобы она насъ сирыхъ не оставила и Російского государьства безгосударна и безнадежна не учинила, дала бы намъ на царьство брата своего Бориса Ѳедоровича; также и Борису Ѳедоровичу били челомъ и молили со слезами по многіе дни, чтобъ онъ насъ пожаловалъ, на Російскомъ государьствѣ былъ Царемъ и Самодержьцомъ всей Російской землѣ. Государыня же Царица и Великая Княгиня инока Олександра Ѳедоровна всеа Русіи и братъ ее Борисъ Ѳедоровичь къ моленію нашему никакожъ быша преклонны, и ни единожда, но по многіе дни прошеніе наше презирающе. И по сихъ азъ Патріархъ Іевъ и весь освященный соборъ, и бояре и околничіе и весь царьскій сигклитъ, и всѣ православные христіяне. совѣтовавъ о томъ, какъ намъ въ Московскомъ государьствѣ жити безгосударнымъ и такому великому Російскому царьству быти сиру и престолу царьскому вдовствовати, и положиша совѣтъ таковъ, что мнѣ Патріарху со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и бояромъ, и околничимъ, и дворяномъ, и всему царьскому сигклиту, и всѣмъ православнымъ христіяномъ, сотворивъ праздиество Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы честнаго и славнаго Ея Одигитрія, въ соборной и апостольстѣй церкви ея въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ святымъ церквамъ и по честнымъ монастыремъ, вземше честные и животворящіе кресты и чудотворные образы, Пречистыя Богородицы Владимерскія, и образъ Пречистыя же Богородицы чудотворцова Петрова писма, и иные многіе чудотворные образы, и итти въ Новой дѣвичь монастырь, и паки молити и бити челомъ со слезами великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ инокѣ Олександрѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи и брату ее Борису Ѳедоровичу, чтобы они насъ сирыхъ не оставили и Російского государьства вдовствовати не сотворили: пожаловала бы Государыня моленія насъ всѣхъ православныхъ христіянъ не презрѣла и слезъ и рыданія всенароднаго множества не оставила, благословила бъ на Російскомъ государьствѣ царствовати брату своему Борису Ѳедоровичу; а Борисъ бы Ѳедоровичь такоже моленія всѣхъ насъ, паче же и великаго подвига честныхъ и животворящихъ крестовъ и чудотворныхъ образовъ, не презрѣлъ, былъ на Московскомъ государьствѣ Царемъ и Самодерж-

цемъ всей Руской землѣ. И Государыня Царица и Великая Княгиня инока Олександра Ѳедоровна и братъ ее Борисъ Ѳедоровичь, великаго ради подвига честныхъ и животворящихъ крестовъ и великихъ чудотворныхъ иконъ, моленія нашего не презрѣли: брата своего Бориса Ѳедоровича на Російскомъ государьствѣ царьствовати благословила и Борисъ Ѳедоровичь насъ пожаловалъ, на Російскомъ государьствѣ Царемъ учинился. И мы, азъ бывый Патріархъ Іевъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, въ соборной и апостольстѣй церкви знаменовалися честными и животворящими кресты, а бояре и околничіе, и дворяне, и приказные всякіе люди, и дьяки, и гости, и служивые и торговые всякіе люди всего Московского государьства, животворящій крестъ цѣловали, на томъ, что намъ всѣмъ Царю Борису Ѳедоровичу, и Царицѣ его Марьѣ, и Царевичу Ѳедору, и Царевнѣ Ксеніи, служити вѣрою и правымъ сердцемъ, а зла никотораго на нихъ не думати и не измѣнити ни въ чемъ и во всемъ прямити по тому, какъ мы единородныя и безсмертныя души своя ему давали и животворящій крестъ цѣловали; и двѣ грамоты утвержелныя съ великою клятвою о всемъ о томъ написавше, и руки своя приложили, и печати своя привѣсили, и едину положиша въ царьскихъ хранилищахъ, а вторую положиша во святѣй великой соборной и апостольстѣй церкви Пречистыя Богородицы. И царьствовавшу Царю Борису на Московскомъ государьствѣ семь лѣтъ, и во времена царьства его, огнедыхателный діяволъ, лукавый змѣй, погубитель душъ человѣческихъ, не хотя добра роду человѣку и святыя нашея православныя христіянскія вѣры въ крѣпости быти, и святымъ божественнымъ церквамъ въ неподвижномъ состояніи, и насъ всѣхъ православныхъ крестьянъ въ мирномъ союзѣ, и хотя облещи насъ въ клятву яко въ ризу и въ преступленіе цѣлованія животворящаго креста, воздвиже на насъ подобна себѣ врага, нашего же Російскаго государьства черньца Гришку Отрепьева, и научи его преже отступити отъ Творца нашего Бога и попрати иноческій святолѣпный образъ и діяконьскій чинъ, потомъ же вложи въ него злохитрый ядъ и бѣсовскій плевелъ всѣявъ, и злобу лукавства сво-

его вложи въ сердце его: и по наученію дьявольскому той прежереченный врагъ Божій, ростріга Гришка Отрепьевъ, избѣжавъ отъ Російского государства въ Литовскую землю и тамо испустивъ изъ себе бѣсоданный ему діявольскій ядъ, назва себе приснопамятнаго Государя нашего Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи сыномъ, Царевичемъ Дмитреемъ; Королю же Литовскому Жигимонту, еще въ то время съ нашимъ Государемъ въ мирномъ постановленіи бывшу, но для разоренія христіяньскія нашія непорочныя вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, крестное цѣлованіе преступилъ и мирное постановленіе порушилъ, послалъ съ тѣмъ воромъ Литовскихъ людей и Запорожскихъ Черкасовъ въ вотчину Російскія области, въ Сѣверскую украйну: и въ седмое лѣто царьства Царя Бориса Ѳедоровича пришелъ тотъ воръ ростріга Гришка Отрепьевъ, съ Литовскими людми и съ Запорожскими Черкасы, въ вотчину Російскія области, въ Сѣверскую украйну, въ городъ Черниговъ и въ иные Сѣверскіе городы, и прелстилъ ихъ своимъ злодѣйствомъ и волхвованіемъ и бѣсовскимъ мечтаніемъ, и Сѣверскіе люди украйные и христіянскія вѣры мало памятуютъ, забывъ Бога и православную христіянскую вѣру и крестное свое цѣлованье преступивъ, съ тѣмъ воромъ соединилися, и многія святыя Божія церкви оскверяили, и многую кровь христіянскую пролили, и безчисленное убійство людемъ содѣяли. Егда же сему прежереченному врагу Божію и гонителю на христіянскую вѣру, ростригѣ, бывшу въ Сѣверскихъ городѣхъ, мы же, азъ смиренный Іевъ, бывый въ то время Патріархъ въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, вамъ бояромъ, и дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и дьякомъ, и служивымъ людемъ, и гостемъ, и торговымъ всякимъ людемъ, всѣмъ православнымъ хрестьяномъ, про того вора про ростригу извѣщалъ подлинно, какъ онъ поверглъ иноческій и дьяконскій чинъ, и какъ избѣжалъ отъ Російскаго государства въ Литовскую землю, и кто онъ именемъ, и чей сынъ, и какъ онъ жилъ во дворѣ у меня, Іева Патріарха; и о томъ подлинно же вамъ сказывалъ, что Царевичъ Дмитрей убитъ на Углечѣ въ 99-мъ году, при царьствѣ блаженныя памяти великаго Государя нашего Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи; и въ

полки къ бояромъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и ко всей рати, о томъ о всемъ писалъ подлинно, и здѣся въ царьствующемъ градѣ Москвѣ по всѣмъ сотнямъ о томъ подлинныя памяти розсылалъ, и наказывалъ, и укрѣплялъ всѣхъ васъ, чтобы вы памятовали Бога и крестное свое цѣлованіе и души свои, на чомъ цѣловали крестъ Царю Борису, и Царицѣ его Марьѣ, и Царевичу Ѳедору, и Царевнѣ Ксеніи, и самъ вамъ на собя великую клятву полагалъ, что воистинну прямой воръ ростри́га, а не Царевичь Дмитрей: и вы въ томъ наше наказаніе и заклинаніе, и свои души, и крестное цѣлованіе, все въ презрѣніе положили и отнюдь насъ въ томъ ни въ чемъ не послушали. И судомъ Божіимъ, въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, Царя Бориса Ѳедоровича не стало, а послѣ его остался сынъ его Царевичь Ѳедоръ: и мы, азъ Іевъ Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, и бояре, и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и дiяки, и столники, и стряпчіе, и весь царьскій сигклитъ, и гости, и изъ городовъ служивые всякіе люди, и царьствующаго града Москвы и изъ иныхъ ото всѣхъ градовъ, которые въ то время прилучилися въ царьствующемъ градѣ Москвѣ, всѣ православные крестьяне били челомъ Царя Бориса Царицѣ Марьѣ да сыну ей Царевичу Ѳедору, чтобъ они на Московскомъ государьствѣ царьствовали, а Царевичь бы Ѳедоръ именовался Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Руссіи; и азъ, Іевъ бывый Патріархъ, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, въ соборной церкви Пречистыя Богородицы знаменовалися честнымъ и животворящимъ крестомъ, а бояре и околничіе, и дворяне, и весь царьскій сигклитъ, и служивые люди, и гости, и торговые всякіе люди, животворящій крестъ цѣловали на томъ, что было всѣмъ намъ служити имъ вѣрою и правымъ сердцемъ, и зла на нихъ ни котораго не умышляти, и ни въ чемъ имъ не измѣнити, по прежней утверженой грамотѣ. И грѣхъ ради нашихъ и всего православнаго христіянства, попусти на ны Богъ сего же прежереченнаго врага и гонителя и злодѣя, ростригу Гришку Отреньева, и прелсти вся люди Божія именемъ Царевича Дмит-

рея Ивановича, толикій мятежъ учинилъ въ православныхъ крестьянѣхъ, его же отъ начала свѣта въ божественномъ Писаніи не обрѣтается: еже всѣмъ намъ извѣстно есть, яко той врагъ Божій прелстилъ Сѣверскіе и Резанскіе всѣ городы и Російского государьства полки, которые противъ его врага стояли подъ Кромами, и не устыдѣвся помыслити коснутися и самому преславному царьствующему граду Москвѣ, прислалъ свой воровской листъ и ими же и индѣ прелщалъ, и симъ своимъ злымъ листомъ царьствующаго града Москвы всѣхъ Божіихъ людей въ злую прелесть и смятеніе низложи, иже вси въ соблазнъ впидоша, прямѣ того вора нарицающе Царевичемъ Дмитреемъ, и крестное цѣлованіе, на чемъ цѣловали крестъ Царю Борису и Царицѣ Марьѣ и Царевичу Өедору, и на чемъ написали съ великими клятвами утверженую грамоту, и сія вся толикія клятвы православніи христіяне они преступиша и наше соборное моленіе въ презрѣніе положили, и по грѣхомъ, того вора, не вѣдая о немъ подлинно, что онъ врагъ Божій ростріга, а не Царевичь Дмитрей, и не увѣряся о томъ достовѣрно, восхотѣша на Російское государьство царствовати пріяти и животворящій крестъ тому вору цѣловали,именемъ Царевича Дмитрея Ивановича, и Царицу Марью и Царевича Өедора и Царевну Ксенью съ царьского престола свергнуша, и отъ царьскихъ полатъ изженуша, и злою смертію удавленіе умориша, и святую соборную и апостолскую церковь Пречистыя Богородицы опозориша: множество народа царьствующаго града Москвы внидоша во святую соборную и апостолскую церковь, со оружіемъ и дреколіемъ, во время святого и божественного пѣнія, и не давъ совершити божественныя литоргіи, и внидоша во святый олтарь, и мене Іева Патріарха изъ олтаря взяша и во церкви и по площади таская позориша многими позоры, и въ царьскихъ полатахъ подобіе Христова тѣлеси и Пречистыя Богородицы и Архангеловъ, иже уготовленно было на Господню плащаницу подъ златые чеканные образы, и то вражію ненавистію раздробиша и, на копья и на рогатины встыкая, по граду и по торжищу посаху, позорующе, забывъ страхъ Божій; и потомъ сій врагъ, ростріга, пріѣхавъ въ царьствующій градъ Москву, съ Лю-

тори, и съ Жиды, и съ Лахи, и съ Римляны, и съ прочими оскверненными языки, и назвавъ себе Царемъ, и коснуся царьскому вѣнцу, и владѣя такимъ превысокимъ государьствомъ мало не годъ, и которыхъ злыхъ діяволскихъ бѣдъ не сдѣлалъ, и коего насилія не учинилъ, еже и писати неудобно есть: розныхъ вѣръ злодѣйственнымъ воинствомъ своимъ, Лютори и Жиды и прочими оскверненными языки, пришедшими съ нимъ, многія крестьянскія церкви осквернилъ, и не пріимъ сытость сицева бѣсовскаго яда, но и до конца хотя разорити нашу непорочную христіянскую вѣру, пріявъ себѣ изъ Литовскія земли невѣсту, Люторскія вѣры дѣвку, и введе ея въ соборную и апостолскую церковь Пречистыя Богородицы и вѣнча царьскимъ вѣнцомъ, и повелѣ той своей скверной невѣстѣ прикладыватися и въ царьскихъ дверѣхъ святымъ мvромъ ся помазалъ. И таковое злое начинаніе его видѣвъ, кто отъ правовѣрныхъ крестьянъ къ человѣколюбивому Богу не восплакалъ, и кто отъ жалости сердечныя не воздохнулъ? Но убо, различнаго ради его мученія и смертнаго посѣченія, многіи и знаемiи его злодѣя не смѣли дерзнути возвѣстити о немъ, что онъ злодѣй ростригa, а не Царевичъ Дмитрей; но и же всю надежу свою возложили на Бога и на Пречистую его Богоматерь, и на великаго страстотерпца Царевича Дмитрея, и всѣхъ Святыхъ. Видѣвъ достояніе свое въ таковѣ погибели и христіянскую нашу вѣру разоряему, воздвиже на него велегласна обличителя и злому умышленію его проповѣдника, великаго Государя нашего, воистинну свята и праведна Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всея Русіи, и аще и многое безчестіе и гоненіе мало и не досмерти пострада, но того врага милосердый Богъ, промысломъ его до конца сокрушилъ: убіенъ бысть отъ всенароднаго, и скареднаго тѣла его не осталося. А на Російское государьство, по премногому къ намъ Божію человѣколюбію, избранъ бысть Царь и Самодержецъ, великій Государь нашъ, Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, понеже онъ Государь отъ корени прежебывшихъ Государей нашихъ Царей, по степени царьскихъ родовъ, отъ благовѣрнаго Великаго Князя Олександра Ярославича Невскаго; и святая наша христіяньская вѣра въ прежній благій покой возратися и

сіяти нача яко солнце на тверди небеснѣй, и святыя церкви отъ оскверненія очистилися, и всѣ мы православные христіяне, аки отъ сна воставше, отъ буйства уцѣломудрихомся. Искони же ненавидяй добра роду человѣческому прегордый сатана, иже вмѣсто свѣтлости ангелскія въ темный мракъ премѣнился и вмѣсто существа ангелскаго діяволъ наречеся, не хотя православныхъ христіянъ во святѣй христіянстѣй вѣрѣ и въ любвѣ и въ мирѣ сожителствовати, возставилъ плевелъ золъ, хощетъ поглотити пшеницепосные класы; *Богу же сія на ны попустившу*, *за умноженіе грѣхъ нашихъ*, *собралися* тое жъ прежепогибшіе Сѣверскія украйны Севрюки и иныхъ Резанскихъ и Украинскихъ городовъ стрѣлцы и казаки, и разбойники, и тати, и бѣглые холопи, и прелстивъ тое жъ прежеомраченную безуміемъ Сѣверскую украйну, и отъ тоя Сѣверскія украины мнози и иніи городи прелстишася и кровь православныхъ христіянъ аки вода проливается; а называютъ того мертваго злодѣя, иже содержа престолъ царьскій, ростригу, жива, а намъ и вамъ всѣмъ православнымъ христіяномъ сего злодѣя смерть подлинно вѣдома.—И нынѣ азъ смиренный Ермогенъ, Божіею милостію Патріархъ царьствующаго града Москвы и всея Великія Росія, и азъ смиренный Іевъ, бывый Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный соборъ, молимъ скорбными сердецы и плачевными гласы премилостиваго Царя царьствующимъ и Господа господьствующимъ, благоусерднаго Владыку нашего Христа Бога, да умилосердится о всѣхъ насъ, по своему предивному человѣколюбію, и да излієтъ на насъ елей милосердія своего и явитъ намъ неизслѣдимую пучину благоутробія своего, и да покажетъ на насъ въ послѣднихъ сихъ временѣхъ божественная своя изрядная чудеса: подастъ намъ, погрязшенымъ въ пучину клятвы, свою безчисленную милость, прострѣтъ намъ дародателную свою десницу и воздвигнетъ насъ отъ такія презѣлнѣйшія клятвы, яко отъ глубины потопленія; ниспослетъ намъ божественное рѣшеніе отъ сихъ заклинателныхъ узъ и отъ преступленія сего, еже преступихомъ презѣлнѣ, въ немъ же кляхомся; и покрыетъ насъ пресвѣтлымъ облакомъ огнезарнаго

своего Божества! Да и васъ молитъ наше смиреніе, благороднiи князи, и бояре и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и діяки, и служивые люди, и гости, и торговые люди, и вси православніи христіяне: подвигнетеся трудолюбезно, постомъ и молитвою, и чистотою душевною и тѣлесною, и прочими духовными добродѣтели, и начнемъ вкупѣ со свяцемъ усердіемъ молити въ Троицы славимаго Господа Бога, и Пречистую Его Богоматере, и великихъ Чудотворцовъ Московскихъ Петра и Олексія и Іоны, и новоявленнаго страстотѣрпца Христова Царевича Димитрея, и всѣхъ Святыхъ, да тѣхъ молитвами подастъ намъ премилостивый Богъ всѣмъ миръ и любовь и радость, и о православной христіянской вѣрѣ и о святыхъ церквахъ и о крестномъ цѣлованіи утвердитъ въ сердцахъ нашихъ крѣпость и раченіе великое, и Російское государьство отъ непотребнаго сего раздѣленія въ прежнее благое соединеніе и мирный союзъ устроитъ, и подастъ премилостивый Господь Богъ Государю нашему Царю и Великому Князю Василію Ивановичу всеа Русіи на вся враги его побѣдителная, и царьство его миромъ оградитъ, и всякія благодати исполнитъ! А еже вы, бояре, и околничіе, и дворяне, и приказные люди, и діяки, и столники, и стряпчіе, и весь царьскій синклитъ, и дѣти боярскіе, и гости, и торговые и всякіе служивые и черные люди, и вси православніи христіяне, цѣловали честный и животворящій крестъ Царю Борису, и Царицѣ его Марьѣ, и Царевичу Ѳедору, и Царевнѣ Ксеніи, на томъ, что было вамъ всѣмъ имъ служити и прямити и добра хотѣти во всемъ, и мимо ихъ Государей на царьство не искати никого, и утвержелную грамоту съ клятвою о томъ написали, и послѣ Царя Бориса цѣловали крестъ Царицѣ Марьѣ, и Царевичу Ѳедору, и Царевнѣ Ксеніи, и сіе крестное цѣлованіе преступили и потомъ цѣловали крестъ, по злодѣйской ростригинѣ прелести, назвалися Царевичу Дмитрею Ивановичу: и въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестного цѣлованія азъ Ермогенъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и азъ смиренный Іевъ, бывый Патріархъ царьствующаго града Москвы, по данней намъ благодати отъ пресвятого и животворящаго Духа и полагаяся на премилостивыя щедроты

Божія, васъ вкупѣ всѣхъ православныхъ христіянъ прощаемъ и разрѣшаемъ въ сій вѣкъ и въ будущій, и молимъ Владыку нашего и содѣтеля Христа Бога, да подастъ всѣмъ намъ, и вамъ всѣмъ православнымъ христіяномъ царьствующаго града Москвы, и всѣхъ градовъ всѣмъ православнымъ христіяномъ, иже требуютъ благословенія и прощенія, вамъ и супругамъ и чадомъ вашимъ, въ нынѣшнемъ вѣцѣ, и праведныя десницы своея благословеніе, и мирное сожитіе, и любовь, и радость, и всякія благостыни исполнитъ васъ; а въ будущемъ вѣцѣ, на страшнѣмъ судѣ, да сподобитъ насъ и васъ Владыко нашъ Христосъ Богъ ликостоянія со Святыми и горняго Іерусалима наслѣдіе; а вы насъ, Бога ради, такоже простите въ нашемъ заклинаніи къ вамъ, и что будетъ кому грубость какову показалъ, въ томъ во всемъ простите и милостивнѣ сотворите, да и сами обрящете милость отъ Бога въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. А милость Божія и Пречистыя Богородицы, и великихъ Чудотворцовъ Петра и Олексія и Іоны, и новоявленнаго страстотѣрпца и мученика Царевича Дмитрія, и всѣхъ Святыхъ молитва, и нашея многогрѣшныя руки благословеніе, да есть и будетъ со всѣми вами, православными христіяны, всегда и во вѣки, аминь.

№ VI.

СОБОРНАЯ УКАЗНАЯ ГРАМОТА

Царя Василья Ивановича, о конечномъ запрещеніи перехода крестьянъ, 1607 года.

Марта въ 9 день Государь Царь и Великій Князь Василій Іоанновичь всея Русіи́ съ отцомъ своимъ Святѣйшимъ Гермогеномъ Патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со своимъ Царскимъ синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной избы отъ Бояръ и Дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія кромолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было по тому, что крестьяне выходъ имѣли вольный; а Царь Θеодоръ Іоанновичь по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ Бояръ, выходъ крестьяномъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того началися многія вражды, кромолы и тяжи. Царь Борисъ Θеодоровичь, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ, и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что Судьи не знали, како по тому суды вершити; и нынѣ великія въ томъ учинилися распри и насилія, и многимъ раззоренія и убивства смертныя, и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются.

Сего ради приговорили есмы, и уложили по святымъ великимъ соборамъ и по правиламъ святыхъ отецъ.

Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быти за тѣми, за

кѣмъ писаны; а буде тѣ крестьяне вышли за кого иного, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ, или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье, и тѣ дѣла не вершены, или кто Сентября по 1 число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны, до сроку Рождества Христова 116 года безъ пожилаго; а не отдаетъ кто на тотъ срокъ, ино на немъ брати за пріимъ и пожилое по сему уложенію; а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день, и Сентября по 1 не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредь за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давати, и крестьянъ не вывозити (не возвращати).

А буде которые отнынѣ изъ за кого вышедъ, перейдутъ къ иному кому бы то ни было, и тотъ приметъ противо сего нашего соборнаго уложенія, и у того крестьянина взявъ, перевести ему со всѣми того крестьянина пожитки, откуда онъ перебѣжалъ; а дворъ, есть ли крестьянинъ строилъ, заплатити, чего судитъ, а двора не возити; да съ него же на Царя Государя за то, что принялъ противо уложенія, доправити 10 рублевъ, не принимай чужаго, да съ него же за пожилое тому, чей крестьянинъ, за дворъ на всякой годъ по три рубли, и за холостаго то же на годъ по три рубли.

А приидетъ къ кому крестьянинъ наниатися въ работу на лѣто, или на зиму, или на весь годъ, а не семьями, и кто найметъ не далье года, о томъ не винити за пріемъ, и пожилаго не правити по тому, что его Государь свѣдомъ, гдѣ онъ живетъ.

А побѣжитъ жонка, или вдова, или дѣвка въ чужую отчину, и выдетъ замужъ, и того мужика, который женится на чужей жонкѣ, отдати тому, чья жонка, со всѣми его животы и съ дѣтьми, кои отъ тоя бѣглыя родились; а буде у того мужика дѣти есть отъ первой жены, и до тѣхъ дѣла нѣтъ, съ мачихою не отдавать; а буде они малы, то пустити съ отцомъ, доколѣ кому минетъ отъ роду 15 лѣтъ.

А которые люди держатъ рабу до 18 лѣтъ дѣвку, а вдову послѣ мужа болье дву лѣтъ, а парня холостаго за 20 лѣтъ,

а не женятъ, и воли имъ не даютъ, и той вдовѣ, или дѣвкѣ, или парню, итти къ Казначею; а Казначею, опытавъ о томъ, и доведутъ, что имъ тѣ лѣта минули, а Государь ихъ не женитъ, ино тѣмъ дати отпускныя въ Москвѣ Казначею; а въ иныхъ городахъ Намѣстникомъ и Судьямъ; а будетъ Государь ихъ биги челомъ о кражѣ, или сносѣ, и ему въ томъ отказати, и суда не давати; не держи не женатыхъ надъ законъ Божій и правила святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людѣхъ.

А которые послѣ сего уложенія крестьяне, или холопи, или раба побѣжитъ отъ своего Государя, и придетъ къ иному, и Государю искати своего холопа, и рабу и крестьянина въ пятнадцати лѣтахъ отъ побѣга; а за пятнадцать лѣтъ не искать.

А въ городахъ Воеводамъ и Дьякамъ и всякимъ приказнымъ людѣмъ навѣдыватися во всемъ ихъ уѣздѣ чрезъ старостъ, и сотскихъ и Священниковъ, нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь; и гдѣ ему скажутъ, оныхъ брити, и спрашивати накрѣпко: чей онъ, откуда, когда бѣжалъ и гдѣ сколько жилъ, и не подговорилъ ли его кто? и буде скажетъ кто подговорилъ, и доведетъ на него, и того подговорщика казнити торговою казнію, и взять съ него поруку, что ему того бѣглаго отвести къ его Государю, да съ него же въ казну взяти пени 10 рублевъ; а съ пріемщиковъ со всякаго, кто его принималъ, и въ селѣ болье 7 дней держалъ, доправити въ казну по 10 рублевъ за дворъ и за одинакаго мужика; а за бабу и за дѣвку по 3 рубли за пріемъ.

А примутъ чьего холопа, или крестьянина, или рабу въ Царевы и Великаго Князя села, или волости, или въ черныя волости, или въ Патріарши и Святительскія и монастырскія села, ино за пріемъ правити на Волостеляхъ, или на прикащикахъ и на старостѣ, кто ту волость, или село тогда управлялъ, и пришлаго принялъ; а пожилыя и за дворы имати на тѣхъ селахъ и волостяхъ; а въ городахъ на всѣхъ посадскихъ по сему уложенію.

А которой Намѣстникъ, или Судья, или Дьякъ и иной приказной человѣкъ о пришлыхъ въ его уѣздѣ провѣдывать, и сы-

скивать и допрашивать не будетъ, и за прiемъ деньги брать не станетъ; а доведутъ на него въ томъ, и съ него тѣ деньги доправити вдвое, и отъ дѣла отбросити, и впредь ему ни у какова Государева дѣла не быти.

№ VII.

ГРАМОТА ВТОРАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ

въ городъ Смоленскъ, отъ $^{11}/_{21}$ Апрѣля 1608 года

Божиею милостію и пречистое Богородицы и по благоволенію всесильного въ Троицѣ славимого Бога нашего, бысть въ преднихъ лѣтѣхъ отъ начала отъ превысокіе великіе славы искони вѣчнаго великого нашего Царского ступня отъ Августа Кесаря, Тивирея Царя Римского, его Царскому великому Величеству Господь Богъ повелѣлъ быти на земли надо многими Цары превысокимъ Царемъ и Обладателемъ многихъ странъ Восточныхъ и Сѣверныхъ, Южныхъ и Полуденьныхъ, и отъ того Царского великого корени отрослъ въ новой благодати отъ благоплоднаго родьства отъ Князя Володымера Кіевъского, и отъ его великого неисходимого корени отрослъ и азъ нынѣ въ новой благодати Нового Іерусалима, Московскіе области великого Величества Самодержецъ и Вседержитель и великого Царского Скипетра Державецъ Россійского Государства, и иныныхъ многихъ Государствъ Государь и Обладатель, многихъ странъ Восточныхъ и Сѣверныхъ, Южныхъ и Полуденьныхъ, Царь Казаньской и Царь Астраханьской, и инымъ многимъ Царемъ Царь милосердой и щедрой и праведной и грозной и премудрой и храброй, великимъ разумомъ и премудростею равенъ премудрому Царю Соломону, а храбростію и превысокою великою славою подобенъ Царю Александру Македонскому, прирожденный Московскій Великій Государь Царь и Великій Князь Димитрьи Ивановичь

всея Русси, Богомъ хранимый и Богомъ избранный и Богомъ почтенный и Богомъ дарованный и Богомъ помазанный, и надо всѣми Ордами превознесенъ вторымъ и целевымъ уподобися, покровеніемъ десницею Вышнего Бога и умиленіемъ пречистее Царицы пречистее Владычицы нашея Богородицы и присно-Дѣвы Марыя, надежи нашой праведной всему православному Хрестеяньству, и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Алексея и Іоны и ихъ святыми молитвами и благословеніемъ, единый подсолнечный Хрестеянскіи Царь, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрій Ивановичъ всея Руси, и отъ Нашого Царского Величества великого въ нашу отчыну въ Смоленскъ Богомолцомъ нашымъ, началу и власти: Архіепископу, и Епископу, и Архимандриту, и Игумену, и Протопопомъ, и Попомъ, и Диякономъ и всему освященному Собору, вашымъ твердымъ ученіемъ и наказаніемъ утвержается православная Хрестиянъская вѣра и спасается родъ человѣческій, и прытомъ Боярыну нашому и Воеводѣ Михаилу Борысовичу Шеину съ товарыщи, и Дворяномъ, и Дѣтемъ Боярскимъ, и Головамъ Стрелецкимъ и Казацкимъ, и болшимъ Торговымъ людемъ, и Сотникомъ Стрелецкимъ и Казацкимъ, и Стрелцомъ, и Козакомъ, и Пушкаремъ и Затемщикомъ, и черныхъ слободъ Посацкимъ людемъ, и всякимъ Посацкимъ, Жилецкимъ людемъ города Смоленска и Смоленского уѣзду Старостамъ и Цѣловальникомъ и Христіянамъ. Вѣдома вамъ учынилося, что грехъ ради нашыхъ измѣнники нашы и холопи нашы искони вѣчные изогнали насъ отъ Нашого Царского прародителького Престола: и Божіею милостію и пречистые Богородицы и Московскихъ Чудотворцовъ Петра и Олексея и Іоны и великого Чудотворца Николы и ихъ Святыми молитвами и благословеніемъ. Московское области великаго Величества Самодержца и Вседержителя Россійскому Государству милосердой и праведной и щедрой, язъ прырожоный Государь вашъ Царь и Великій Князь Димитрей Ивановичъ всея Русіи, далъ Богъ, здоровъ и Богомъ хранимъ и нетрелимъ ничымъ бысть, радуюся и веселюся и пребываю въ благодати Божой, хваля Бога по велицей его милости, а въ своей прародителской Царской искони вѣчной отчынѣ въ Сѣверскихъ странахъ, азъ милосердыи и праведныи и щедрый пры-

роженъный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси упрашиваю и умаляю у Небеснаго Царя и у пречистей Богородицы милости, чтобъ Владыка Небесный Царь отовратилъ отъ насъ свой праведный гнѣвъ и того всего православного Христіянского роду, и умилосердился бы надъ нами и надо всимъ Хрестіянскимъ родомъ своимъ неизрѣченнымъ милосердіемъ и утолилъ бы Христіянскую кровь своими щедротами, а мнѣ бы рабу своему, прыроженьному Государу вашому, Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Руси Господь Богъ повелѣлъ быти на нашомъ прародительскомъ Царскомъ Престолѣ на Москвѣ; а вамъ, нашымъ прыроженнымъ людемъ всего Московского нашого Государства, обьявляю свое Царское великое Величество и многолѣтное здравье. И выбъ, прыроженые люди наши, слышечы про наше Царское великое Величество и многолѣтное здравье, обще радовалисъ и веселилися и сумнѣнья бы въ сердцахъ своихъ никакова не держали, не прельщаю̃ись никакими мѣрами, и былибъ вы надежны на милость Божую и пречистей Богородицы и великого Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье; а вѣдаете вы и сами, что азъ милосер̃дый и праведный и щедрый, прыроженый Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси милостивъ и щедрый: хотя бы и подъленъный измѣнъникъ нашъ Василей Шуйской покорылся намъ Великому Государу Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу Всея Руси, намъ добилъ челомъ и вину свою принесъ, и мы бы и той его страдничей винѣ не пометилися и вину бы ему отдали и свобъ бездѣльника пожаловали по своему Царскому милосердому обычаю; потому что всякому неправедному зане̃же Богъ метитель, а не мы. И вы, прыроженые нашы люди всего Московского нашого Государства, и сами вѣдаете о томъ подълинно, что умысля нашы измѣнники, прежъ сего восталъ злакозненъный врагъ и отступникъ вѣри Хри̃тиянъскіе еретикъ Борисъ Годуновъ и гонитель на нашъ благоплодной Царской корень, и хотѣлъ онъ наше Царское благоплодное родъство отъ благоплоднаго корени Равноапостолного ото Князя Володымера Киевъского, меня великого Величество Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всея Русіи Самодержца и Все-

держителя Московскіе области великого Величества Россійскому Государству во младенчествѣ извѣстный, умышля онъ съ сатаною со отцомъ своимъ и со аггелы его и съ своими совѣтники превознести на нашемъ благоплодномъ, послѣдуючи нашому благоплодному Царскому корени и превознесъся, на благозданъномъ Престолѣ Божіемъ нимъ свѣтъ сотворенъ, а намъ Господь Богъ нарекъ насъ быти Царами, какъ Апостолъ Павелъ пишетъ въ Петровомъ Посланіи во второй главѣ, а въ зачалѣ въ пятидесять-семомъ сице пишетъ: Бога бойтетя, а Царя чтите, сей бо есть слуга Божіи; Олексѣй Митрополитъ томужъ послѣдуючи пишетъ, что пикако благоплодному корени отъ благоплоднаго родства Князя Володымера Киевъскаго и ихъ Богозданъному Престолу Божіему никако прошеніе не будетъ; а нынѣ богоотступники и еретики Олексѣя Митрополита Московского Чудотворца ставятъ лжывымъ учителемъ и не называютъ его Святымъ, и Пророка Давыда темъ же ставятъ лжывымъ Пророкомъ, что тотъ Пророкъ Давыдъ пишетъ во Псалтыре въ четырнадцатой каѳизмѣ, а во псалмѣ во сто четвертомъ: не прыкасантеся помазанному моему и во Пророцехъ моихъ не лукавнуйте, за ваше беззаконіе прызоветъ гладъ на землю и всяко утверждеше хлѣбное порушытъ; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ, въ каѳизмѣ 12, а во псалмѣ 88: вознесу рогъ его и положу на мори руку его и на рѣкахъ десницу его; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ въ каѳизмѣ 16, а во псалмѣ во 109: изъ чрева прежде денницы родихъ тя, клятся Господь и не раскается; тотъ же Пророкъ Давыдъ пишетъ до нихъ богоотступниковъ и еретиковъ, что они отъ Бога отступаютъ, крестъ цѣлуютъ Богу и потомъ намъ Великимъ Государемъ ино; не ложно написалъ Пророкъ Давыдъ въ каѳизмѣ одинадцытой и во псалмѣ семьдесятъ семомъ, что устами своими хвалите Бога, а языкомъ своимъ лжете ему и искренни его во сердцехъ вашихъ отнюдь никако не бывало. И его Борисовы совѣтники Богданъ Яковлевъ сынъ Бѣльской; да Ондрей Петровъ сынъ Клешнинъ, да Василей Щолкаловъ отрынули отъ себя его злоколенный умыслъ и прынесли искреннюю благодать во сердцехъ своихъ, и помня намъ Великимъ Государемъ крестное цѣлованье, какъ блаженное памяти

Государу нашому батюшку Великому Государу Цару и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи и намъ крестъ цѣловали, что была имъ никакова злого умыслу въ сердцахъ своихъ на насъ прыроженыхъ Царей и не мыслити на отца нашего и на у весь плодъ его: и милосердый всесильный въ трехъ лицахъ славимый Богъ, не хотя его злокозненного умыслу и его отца сатаны, извергъ его съ Боголданъного Престола Божіего, аки сатану съ Небеси. И вы, прыроженые нашы люди всего Московскаго нашого Государства, и сами вѣдаете о томъ подъменъно ето для ради его вражьего совѣту злокозненьного умыслу богоотступника и еретика Бориса Годунова и тогды Хрестьянъское неповинъные крови много пролилося на Москвѣ и на Угличь и въ инъныхъ во многихъ городехъ, что онъ нашь измѣнъникъ богоотступникъ и еретикъ Борисъ Годуновъ невинно многихъ людей побилъ розными муками; и вы, прыроженъные наши люди, о томъ разумѣйте, за его Борисовы злокозненьныя козни? Владыка Небесный Царь праведного своего гнѣву на него на злодѣя не посла ли, и его во мгновеніи око не сокрушы ли и память его злодѣйная съ шумомъ не погибла ли, а наше Царское великое Величество десницею Вышнего Бога покровенъно и по ся мѣста отъ его злокозневъного умыслу. И нынѣ, томужъ послѣдуючы, второй досталь злокозненъный врагъ и отщепенецъ вѣры Хрестиянъское, еретикъ Василій Шуйскій, холопъ нашъ искони вѣчное, хотѣлъ онъ благоплодное наше Царское родство отъ благоплоднаго корени Равноапостольного ото Князя Володимера Киевъского, меня Великого Государя Цара и Великого Князя Дмитрея Ивановича, всея Руссіи Самодержца и Вседержитель Московское области великого Величества Россійского Государства, известь, умысля онъ холопъ нашь съ сатаною со отцемь своимъ и со агелы и съ своими совѣтники превознестися на нашемъ благоплодномъ, послѣдуючы нашему благоплодному Царскому корени и прознесъся; на Богозданъвомъ Престолѣ Божіимъ пимъ свѣтъ сотворенъ, а намъ Господь Богъ нарекъ насъ быти Царями. И милосердый всесильный въ трехъ лицахъ славимый Богъ отвратилъ отъ насъ праведный свой гнѣвъ и отъ моего окаянства, уподобися Ангелову благовѣствованію, проглаголалъ мнѣ изъ ихъ совѣту человѣкъ,

что умышляетъ надо мною Василей Шуйской, хочетъ мене злой смерти предати; и мене Господь Богъ десницею своею покрылъ отъ его злокозненъного умысла, не предалъ Богоотступнику и еретику въ руки, которой не помня на крестное цѣлованіе, какъ намъ Великимъ Государемъ блаженные памяти Государу нашему батюшку Великому Государю Цару и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи, и блаженные памяти брату нашому Великому Государу Цару и Великому Князю Өедору Ивановичу всея Русіи, и намъ Государу Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русіи, и нынѣ намъ измѣнилъ: но токмо всемогущему въ трехъ лицахъ славимому Богу, что намъ Великимъ Государемъ крестъ цѣловали, что было имъ надъ нами Государы своими никакоя зла не умышляти, и иного Государа мимо нашего благоплодъное родъство не избрати и не хотѣти и не мыслити, и Государства нашего подъ нами Господары своими не подыскивати, и насъ Великого Господара Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи милосердый въ Троицы славимый Богъ укрылъ насъ десницею своею отъ его злокозненъного умыслу, злой смерти не предалъ, а въ наше мѣста убилъ Нѣмчина именемъ Арцыкалусъ. И вы, прыроженъные наши люди всего Московъского нашего Господарства, и сами о томъ подлинъно вѣдаете, что для ради его вражьего совѣту и злокозненъному умыслу богоотступника и еретика Василья Шуйского, что неповинъные Хрестиянскіе крови много пролилося и нынѣ безпрестани льется; и вы, прыроженные наши люди, сего ли не разумѣете его вражьегожъ совѣту, злокозненъного умыслу, той его воровской еретической прелести, не токмо что онъ нашъ благоплодной Царской корень посегнулъ, но и Хрестіянской вѣрѣ гонитель и губитель сталъ, что онъ на Хрестиянскую кровь накупаеть Агаренъ Иллевонъ Еватъ и Хрестиянъ въ бусурманскую вѣру преводить и продаетъ Срачынамъ Хрестиянской родъ, и младенцовъ побиваютъ и вдовицъ осквернютъ и дѣвицъ растлятъ, и храмы Божіи разорютъ и образомъ Божіимъ поругаются. Да тотъ же нашъ измѣнъникъ богоотступникъ и еретикъ и попратель вѣры Хрестиянское, Василей Шуйской, насъ Великого Государа Цара и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи называетъ богоотступни-

комъ и еретикомъ, будъто я Грышко Атрепьевъ: и вы, прыроженые наши многіе люди, знали Грышу Атрепьева, каковъ былъ Грышка Атрепьевъ, коль старъ, и колькихъ лѣтъ, и каковъ образомъ, и каковы волосы и какова борода; и вамъ прыроженъпымъ нашымъ людемъ будетъ Богъ отометитель Саваоѳъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ Давыдъ Пророкъ пишетъ во Псалтырѣ въ 13 каѳизмѣ, въ девяносто въ третьемъ псалмѣ: Богъ отомщеніе Господь, Богъ отомщеніе, и молитъ, да вдовицъ и младенецъ не токма ихъ измѣнъниковъ нашихъ порушилъ, но и Небо пропинаетъ и богоотступниковъ на иньный путь приводитъ. И азъ милосердый и праведный и щедрый прыроженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Россіи не дивлю на измѣнника своего, на богоотступника и еретика и попрателя вѣры Хрестиянской, на Василья Шуйского, потому что онъ отъ Бога отступилъ, и вѣру Християнскую попралъ, и наше Царское крестное цѣлованье забылъ, и нарекъ онъ себя быти проклятою ехидною, и превознесъся онъ, аки сатана, и похотѣлъ онъ пребывать со отцомъ своимъ сатаною во адѣ, а вы, прыроженъные наши люди, стражте въ сустѣ дней вашихъ: а мнѣ дива на васъ нѣтъ, на учителей нашыхъ на Архиепископы и Епископы и на у весь освященъный Соборъ, и на тебя Боярына нашого и Воеводъ и на Дворянъ и на другихъ Боярскихъ и всего нашого Московского Государства прыроженныхъ нашыхъ людей, что вы такову измѣннику нашему богоотступнику и еретику вѣры послѣдствуете и тлѣнъному его житію служите. И вы, прыроженъные наши, о томъ разумѣйте, что азъ не о своемъ Царскомъ великомъ Величествѣ сѣтую и тужу, жаль мнѣ васъ бѣдныхъ и неразумныхъ нашыхъ прыроженныхъ людей, что вы за невѣды душамъ своимъ готовите адъ, стражите и служите и угажаете тленъному его жытію, проклятой ехиднѣ, измѣнънику нашему и холопу искони вѣчному Василью Шуйскому, и вѣрыте вы его вражьему совѣту, злокозненному умыслу и той его воровской еретической прелестной совѣсти и пребываете вы во тмѣ своимъ неразуміемъ: а наше Царское великое Величество будетъ Богомъ права, а не вами, и вся вся возможна отъ Бога, а не отъ человѣкъ; Богъ что восхощетъ то и сотворытъ. А азъ

милосердый и праведный и щедрый прыроженый Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси сходилъ отъ ихъ злокозненъного умыслу въ Литовскую землю, и былъ въ Литовской земли Богохранимъ и здоровъ и пришолъ зъ Литовскіе земъли въ вашу отчыну въ Московскую земълю въ преславущый градъ Стародубъ во 12 недѣль, и не хотѣлъ я себе вскоре объявить и назвалъ я себя Андреемъ Нагимъ для своихъ измѣнъниковъ Василья Шуйскаго, и его совѣтниковъ и мыня, Государя вашего прыроженъпаго и милосердаго и праведнаго и щедраго и Скипетра Державца, Великого Государя и Великого Царя и Великого Князя Дмитрія Ивановича всея Русіи узнали насъ прыроженъные нашы люди многихъ городовъ, и добили намъ челомъ и вину свою принесли, что азъ истинной и праведной и щедрой прыроженъный Великій Господарь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руссіи; и азъ милосерной и праведной и щедрой Великой Государь вашъ Царь и Великой Князь Дмитрей Ивановичь всея Русіи не токма правыхъ людей жалую, но и виннъымъ своимъ прыроженымъ вину отдаю и жалую ихъ своимъ Царскимъ великимъ жалованьемъ. И вы, прыроженъные нашы люди всего Московского нашого Государства, разумѣйте, свѣтъ ли лутче, или тьма; намъ ли прыроженному и Великому Государу своему Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Росіи служыти, или измѣнъннку нашому холопу, а своему вамъ брату Василью Шуйскому; грѣхъ ли лутчее творить, или правду содѣвать; кровь ли Християнская неповинъная проливать, или утолить; и кому будетъ въ той неповинъной Хрестіанской крови отвѣтъ Богу дать и на комъ та неповинная Християньская кровь взыщетца, и суди тому Господь Богъ, хто на нашъ Царской благоплодной корень посегнулъ и хто нашему Царскому благоплодному корени гонитель и губитель сталъ. Ты, Боярынъ нашъ и Воевода, и Дворане и Дѣти Боярскіе и всего нашего Московскаго Государства, и сами о томъ подлинъно вѣдаете, что прежъ сего Господь Богъ выдалъ намъ измѣнника нашего и богоотступника и еретика Василья Шуйского за его злокозненъный умыслъ, что онъ на насъ злой совѣтъ совѣщевалъ, и азъ милосерыи и праведный и щедрый и

прырожоный Великій Государь вашъ Царъ и Великій Князь Дмитрій Ивановичь всея Русіи той его страдничей винѣ не помстился, и вину ему отдати и казнить его не велѣлъ, по своему Царскому милосердому обычаю. И вы, прыроженные наши люди о томь разумѣйте, что ужо измьннику нашему и богоотступнику и еретику и попрателю вѣры Хрестиянской Василью Шуйскому тльнное его житіе скончевается, за множество нечестіе его и за высокоуміе великое и за превозношенія и за гордость и за пированья невѣрное и за его лукавые сатанинскіе дѣла гробь его отверзаетца, и адъ приняти его готовитца за его лестное къ намъ глаголанья; и выбъ, прироженные наши люди всего нашего Московского Государства, помня Бога и души свои и наше Царское крестное цѣлованье, отовратилисябъ вы отъ измьнника нашего отъ Василья Шуйскаго и отъ его тлѣнного прельстного житія и обратилисябъ вы къ Нашему искони вѣчному и пресвѣтлому къ Царьскому великому Величеству. И какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и выбъ, Богомолцы наши Архіепископъ, и Епископъ, и Архимандриты, и Игумены, и Протопопы, и Попы, и Діяконы и весь освѣщенный Соборъ, парицаетесь вы пастыри и учители и вожови словесным ь овцамъ, помня Бога и души свои и свое иноческое обьщанье къ Богу, собравсябъ вы въ Соборную церковь, и пѣлибъ молебны съ звонами и молилибъ Бога о Государыни нашей матушки о Государыни Царицы и Великой Княгини Марьи Ѳедоровной всея Руси, а во иноцѣхъ иноки Марфѣ, и о насъ о Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Дмитреѣ Ивановичѣ всея Русіи; а тыбъ, Бояринъ нашъ и Воевода Михайло Борисовичь Шеинъ съ товарищи, и Дворяны, и Дѣти Боярскіе, и Головы и Сотники Стрелецкіе и Казацкіе, и Стрѣлцы и Казаки, и Пушкари и Затинщики, и всякіе Торговые и черныхъ слободъ Посацкіе, Жилецкіе люди, помня Бога и души свои и наше Царское крестное цѣлованье, и блаженныя памяти брата нашего Великого Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіи и насъ милосердаго и праведнаго и щедрого Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи къ себѣ великое мое жалованье, и выбъ, прироженые наши люди, служили намъ и прямили, какъ служили и прямили преже сего блаженные

памяти Государю нашому батюшку Великому Государу Цару и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руссіи, и блаженные памяти брату нашему Великому Государу Цару и Великому Князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи и намъ Великому Государу Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русіи; а вѣдаете вы и сами, что язъ истинный и милосердый и праведный и щодрый, прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Русіи, своихъ измѣнниковъ и прежъ сево торговою казнью не казнивалъ, не токмо что смертью. И выбъ, прироженные наши люди, надежны были на милость Божію и пречистей Богородицы и великого Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье; а вѣдаете вы, прироженные наши люди, что ни мать къ дѣтямъ своимъ такъ, какъ я къ прироженнымъ людемъ. . . . . . И выбъ, прироженные наши люди, помня Бога и души свои, крестъ бы намъ вы цѣловали по прежнему, и намъ добили челомъ и вину свою принесли; а какъ вы, прироженные наши люди, намъ Великому Государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русіи добьете челомъ и вину свою принесете, и мы васъ пожалуемь тѣмъ, чево у васъ и на разумѣ нѣтъ. Тѣ, которые бездѣлники, вражьимъ совѣтомъ и злокозненнымъ умысломъ, вскорѣ намъ прироженному и милосердому и праведному и щедрому Великому Государу Цару и Великому Князю Дмитрею Ивановичу всея Русіи не добьютъ и вины своее не принесутъ, и на тѣхъ людей Владыка Небесный Царь пошлетъ праведной свой гнѣвъ; а отъ Нашего Царского Величества тѣмъ бездѣлникомъ милости не будетъ, за ихъ воровство. Да и о томъ, намъ вѣдомо учинилось, что грѣхъ ради нашихъ и всего Московского нашего Государства, что въ Московскомъ нашомъ Государствѣ объевилось еретичество великое: вражьимъ совѣтомъ, злокозненнымъ умысломъ многіе называются Царевичами Московскими, прироженными Царскими семенами. Вы, прироженные наши люди Московского нашого Государства, и сами вѣдаете о томъ подлинно, сколко блаженные памяти у Государя нашего батюшка Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи и его благоплодного отросли была насъ: нашъ первый братъ нашъ Царевичь и Великій Князь Дмитрей

Ивановичь всея Русіи, да Царевичь и Великій Князь Иванъ Ивановичь всея Русіи, да Царевичь и Великій Князь Өедоръ Ивановичь всея Русіи, что былъ Московскіе области великого Величества на Московскомъ Государствѣ Царемъ; и родились они отъ Царицы и Великіе Княгини Настасеи Романовной всея Русіи, а азъ Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Русіи родился отъ Царицы и Великіе Княгини Марьи Өедоровной всея Русіи Нагихъ. И вы, прироженные наши люди, и сами вѣдаете, что болшого брата нашего Царевича и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Русіи во младенчествѣ не стало; а у брата нашего Царевича и Великого Князя Ивана Ивановича всея Русіи дѣтей не было; а у брата нашего Московскій облости великого Величества Государя Царя и Великаго Князя Өедора Ивановича всея Русіи, что былъ на Московскомъ Государствѣ Царемъ, одна была дочь Царевна Өеодосья и тое двух лѣтъ не стало. А нынѣ объявлаютца въ Астарахани и въ Полскихъ юртехъ многіе Царевичи Московского Государства: въ Астарахани Царевичь Августъ Князь Иванъ, а сказывается Государя нашего батюшка блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русіи сынъ, что была блаженные памяти за батюшкомъ нашимъ за Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Русіи Колтовскихъ, и онъ сказывается отъ тое родился; и вы, прироженные наши люди, и сами вѣдаете, что за Государемъ нашимъ батюшкомъ за Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи была Колтовская..... семнатцать недѣль. Да вотъ въ Астараханиѣхъ, сказываютъ, объевился Царевичь Лаврентей, а называетъ себя брата нашего Царевича и Великого Князя Ивана Ивановича всея Руси сынъ, а сказываетца родился отъ Царицы и Великои Княгини Елены Ивановной Шереметевыхъ; и вы, прироженные наши люди всего нашего Московского Государства, и сами вѣдаете подлинно, что за братомъ нашимъ за Царевичемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Ивановичемъ всея Руси Шереметевыхъ была, а дѣтей у него не было. Да изъ Полскихъ же юртовъ объевилъся Петръ Царевичь и иные многіе Царевичи въ Полскихъ юртехъ объявлаютца: Царевичь Өедоръ, Царе-

вичь Клементей, Царевичь Савелей, Царевичь Семіонъ, Царевичь Василей, Царевичь Ерошка, Царевичь Гаврилка, Царевичь Мартинка, а называютъ себя, будто они блаженные памяти брата нашего Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всея Руси дѣти, а наши племянники; и вы, прироженные наши люди всего Московского нашего Государства, и сами вѣдаете о томъ подлинно, что блаженные памяти брата нашего Государя Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всея Руси одна была дочь Царевна Өеодосья, и тое двух лѣтъ не стало, а болши того у него дѣтей не бывало. И вы, прироженные наши люди всего Московского нашего Государства, той еретической прелести и вражью совѣту не вѣрили и не прелщались никакими мѣрами и сумнѣнья бы въ сердцахъ своихъ никакова не держали; а вѣдаете вы, прироженные наши люди, что Московскіе области великого Величества Самодержца Московскому Государству, блаженные памяти Государя нашего батюшка Великого Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, что отъ его благоплодного родства и отъ благоплодного его корени единъ азъ, милосердый и праведный и щедрый и прироженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси, Богомъ хранимъ и здаровъ. И вы бъ, прироженные наши люди, служили намъ и прямили по прежнему: и азъ милосердый и праведный и щедрый прироженный Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси послалъ въ Понизовные города и въ Полскіе юрты тѣхъ воровъ сыскивать, которые называются Царевичами; а сыскавъ, велѣлъ бити кнутомъ; а бивъ кнутомъ, велѣлъ ихъ помѣтать въ тюрьму до нашего указу. А какъ мы Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси, по милости Божей, будемъ на прародителей нашихъ престолѣ Россійского Государства въ Москвѣ, и мы про тѣ про всѣ воровскіе прелѣсти сов. . . . . и тѣмъ воромъ велимъ свой Царской указъ учинити; а васъ. . . . . , которые намъ служатъ и прямятъ, пожалуемъ тѣмъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ. Да слухъ насъ дошелъ, что вы, прироженные . . . . , хотѣли намъ добити челомъ и вину свою принести, и . . . . . , который называлея Царевичемъ Петромъ . . . . и въ иныхъ

городахъ многихъ нашихъ прироженныхъ людей побилъ невинно разными муками: и язъ милосердый и праведный и щедрый прироженный Великій Государь вашъ Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичь всея Руси и самъ о такомъ великомъ грѣхѣ сѣтую и тужу, что Крестиянскіе неповинно крови много пролилося. Да слухъ насъ дошолъ, что вы, наши прироженные люди, блюдетесь нашихъ ратныхъ Литовскихъ людей и Козаковъ и отъ нихъ насилства и убойства и грабежи; и выбъ, прироженные наши люди, отнюдь сумнѣнья въ сердцахъ своихъ никакова не держали, а былибъ вы надежны на милость Божію и пречистѣй Богородицы и великого Чудотворца Николы и на наше Царское великое мое къ вамъ жалованье. Писанъ Нашего Царского Величества въ нашемъ стану на Орлѣ, лѣта 7116, Апрѣля въ 24 день.

(А припись у сей грамоты) Московскіе облости великого Величества Самодержца и Вседержителя Великого Государя Царя и Великого Князя Дмитрея Ивановича всея Руси, **Dmitr Car.**

№ VIII.

ПЕРЕМИРНЫЙ ДОГОВОРЪ,

заключенный между Россію и Польшею, въ Москвѣ въ Іюлѣ 1608 года.

Съ прежними послы вашими съ Миколаемъ Олешницкимъ, съ Олешницы Каштеляномъ Малогоскимъ, да съ Олександромъ Корвиномъ Госевскимъ старостою Велижскимъ, которые прежъ того пріѣхали въ наше Московское государство; и мы Великій Государь поволили имъ межъ себя видѣтися, и послы и посланники ваши видѣвся межъ себя объявили нашимъ бояромъ, что по вашему королевскому повелѣнью приказано имъ всѣмъ четыремъ вмѣстѣ посломъ и посланникомъ, Миколаю, Александру, Станиславу, Князю Яну, о всякихъ дѣлехъ говорити и становити межъ Насъ великого Государя Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русіи, и межъ Васъ великого Государя Жигимонта Короля Польского и великого Князя Литовского, и межъ нашихъ великихъ государствъ, и грамоту вашу вѣрющую къ намъ Великому Государю объявили на себя на всѣхъ на четырехъ, и мы Великій Государь посломъ вашимъ Миколаю и Олександру велѣли быти у насъ на посольствѣ, и выслушавъ Вашіе вѣрющіе грамоты на пословъ и на посланниковъ и ихъ посольства, велѣли бояромъ нашимъ съ послы вашими съ Миколаемъ Олешницкимъ, Коштеляномъ Малогоскимъ, да съ Олександромъ Гасевскимъ старостою Велижскимъ, и съ посланники вашими Станиславомъ Витовскимъ, да со Княземъ Яномъ Соколинскимъ, о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ говорити, которые учинилися нашимъ великимъ государствамъ съ вашу сторону въ

перемирные лѣта черезъ крестное цѣлованье, многая кровь пролилась въ нашемъ государствѣ отъ вашихъ людей, отъ воеводы Сендомирского и отъ иныхъ Польскихъ и Литовскихъ людей многіе убытки нашей царской казнѣ, и нашимъ и земскимъ людемъ, и иные многіе обиды починились, и чтобъ вамъ Великому Государю и вашимъ государствомъ въ томъ во всемъ исправленье учинити, и нашу Царскую казну и убытки поплатити, и такіебъ дѣла на всякое добро привести; а о прежнемъ перемирьѣ, которое учинили ваши великіе послы канцлеръ великого княжества Литовскаго Левъ Ивановичъ Сопега съ товарищи, межъ Великого Государя Царя и Великого Князя Бориса Өедоровича всея Русіи, и васъ Жигимонта короля, и межъ нашими великими государствы, велѣли есмя бояромъ нашимъ съ послы и посланники вашими говорити, чтобъ то прежнее перемирье для покою хрестьянского подкрѣпити; а послы ваши и посланники съ нашими бояры говорили, чтобъ мы Великій Государь людей вашихъ воеводу Сендомирского и его приятелей, и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые при нихъ, изъ нашего государства велѣли выпустити: да послыжъ ваши и посланники говорили о справедливости людей вашихъ, о которыхъ сказывали, будто побиты на Москвѣ и на городѣ, ихъ животовъ, которые будто въ тупоры отъ нихъ пограблены, и о заплатѣ товаровъ розныхъ людей поторгованые, которые будто до казны Московскіе побраные, и о иныхъ обидахъ, которые будто починились надъ перемирье и крестное цѣлованье; а о прежнемъ перемирьѣ, которое учинено межъ Великого Государя Царя и Великого Князя Бориса Өедоровича всея Русіи, и межъ васъ Великого Государя Жигимонта короля, и межъ нашими государствы, сказали послы и посланники ваши, что подтверждати имъ не велѣно. А съ обѣихъ сторонъ бояре наши и послы и посланники ваши того прежнего перемирья не нарушиваючи, ни утверждаючи, отложили то впередъ на наши государскіе ссылки послы нашими. И мы Великій Государь, Божіею милостію Царь и Великій Князь, Василей Ивановичъ, всея Русіи Самодержецъ, и многихъ государствъ Государь и обладатель, съ вами великимъ государемъ Жигимонтомъ, Божіею милостію королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ,

и великіе нашіе государства съ коруною Польскою и великимъ княжствомъ Литовскимъ, взяли перемирье на три годы и на одиннатцать мѣсяцъ съ двятцатаго числа Іюля нынѣшнего 116 году, до Іюня по 20 число 120 году, на томъ, что въ тѣ перемирные лѣта о прежнемъ перемирьѣ, которое учинено межъ Великого Государя Царя и Великого Князя Бориса Ѳедоровича всея Русіи, и межъ васъ великого государя Жигимонта Короля, и межъ нашихъ великихъ государствъ Россійскаго царствія и коруны Польскіе и великаго княжства Литовскаго, о подкрѣпленьѣ, и о вѣчномъ доконченьѣ, и о всякихъ добрыхъ дѣлехъ намъ великимъ государемъ слати на обе стороны своихъ великихъ пословъ дѣлати и становити; а рать и войнѣ въ тѣ перемирные лѣта межъ Насъ Великого Государя Божіею милостію Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и Васъ великого государя Жигимонта, Божіею милостію Короля Польского и великого князя Литовского, и межъ нашихъ великихъ государствъ, и межъ коруны Польскіе и великого княжства Литовского не бытги, и ни чемъ намъ Великому Государю, Божіею милостію Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи самодержцу вашихъ великого Государя Жигимонта Короля Польского и великого Князя Литовского земель не воевати, и не зацеплятн, города Кіевѣ съ волостьми, города Канева съ волостьми, города Черкасъ съ волостьми, города Житомиря съ волостьми, города Вручья съ волостьми, города Любечи съ волостьми, города Гамли съ волостьми, и сель Уваровичь, Телешовичь, Тереничь, Кошелева Лѣсу, Морозовичь, Липиничь, Полешанъ; города Турова съ волостьми, города Мозыря съ волостьми, и волостей Отчича и Брагина, Речицы, Горволя, Стрешина, Чичерска, Пропойска, Могилева, города Мстиславля съ волостьми, и волостей Хиславичь, города Кричева съ волостьми, города Дубровны съ волостьми и волостей Горъ и Романова, города Орши съ волостьми, города Керколма, города Куконоса, города Скровна, города Неваръ, да города Крюсборха, города Иксиеля, города Радопожа, города Дынемента, города Инеса, трехъ городовъ, Кремона тожъ и Тура, Патренцеля, Зевонлда, города Сонцела, города Итова, города Юренцъборха, города Перчея, города Розенбека, города Розеня, города Лемзеля, города Моляна, города Летеперя, горо-

да Кеси, города Ерли, города Невріна, города Пиболды, города Шкукна, города Зербеня, города Смилтина, города Борзуна, города Чествина, города Трейката, города Ровного, городища Левдуна, городища Болбина, города Резицы, города Лужи, города Влеха, города Володимерца, города Илиеня, города Илтенберха, города Былста, города Векеря, города Векели, города Новагородка Ливонского, города Керепети, города Говъ и Куслова, города Юрьева, Мукова, Рандега, Рынголя, Конгота, Кавлетя, Лаюса, Борхолма, Повчева, Пайды, Вильяна, Тарваса, Пернова старово, Пернова нового. А рубежемъ быти всѣхъ тѣхъ городовъ по старымъ рубежемъ, и въ тѣ городы и въ земли не вступатися и не воевати, и городовъ не засѣдати, и новыхъ городовъ не ставити, до того перемирнаго сроку: такъ же и вамъ великому Государю Жигимонту Божіею милостію Королю Польскому и великому Князю Литовскому, и корунѣ Польской и великому княжству Литовскому, въ тѣ перемирныя лѣта, нашихъ великого Государя, божіею милостію царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца земель не воевати, и не зацеплятн ни чѣмъ. Московскіе земли всее, и Нова города великого, и Ноугородцкихъ пригородовъ, Ивана города, Ямы, Копорьи, Корелы, и всѣхъ пригородовъ Ноугородцкихъ, и Новгородскихъ волостей, и всее Новгородцкіе земли, города Пскова, и Псковскихъ пригородовъ Опочки, Красного, Острова, Вельи, Воронача, Изборска, Глова, Кобылья, Врева, Выбора, Дубкова, Вышегорода, Володимерца, города Себежа, и волостей Себежскихъ, и волостей Псковскихъ, и Псковскіе земли всее, города Твери, и Тверскіе земля всее, города Переславля Резанскаго, и Резанскіе земли всее; города Пронска, и Пронскіе земли всее; города Рылска съ волостьми, города Путивля съ волостьми, города Новагородка Сѣверскаго съ волостьми, города Радгоща съ волостьми, города Чернигова съ волостьми, города Стародуба съ волостьми, города Почепа съ волостьми, города Поповы горы съ волостьми, и волостей Залѣсья, Бабичь, Свѣтиловичь, Голодна, Скарбовичь, Лапичь; города Карачева съ волостьми, и волостей Хотимля, Сновска, Харобора, Мглина, Дрокова; города Трубческа съ волостьми, города Мосальска съ волостьми, города Сер-

пейска съ волостьми, и волостей Замошья, Тухачова, Дегны, Фоминичь, Погостищъ, Мощина, Демены, Гордечны, Уже, Перепети, Снопота, Ковылни, Шуи, Лазорева городища, Ближевичь, Любуни, Даниловичь, города Брянска съ уѣздомъ и съ волостьми, и волостей Соловьевичь, Прикладней, Пацыни, Ѳедоровского, Осовика, Ковыничь, Сухоря, Всеславля, Волочия, Жерыни, города Рославля съ волостьми, а рубежъ городу Рословлю со Мстиславлемъ, промежъ Словнева да Шубнева, къ Гневскому доброю рѣчкою на Водоносъ, отъ Водоноса доброюжъ рѣчкою въ Остръ черезъ великій боръ въ рѣку Шумячу, къ Стрекулѣ, къ рубежу къ Кричевскому, а отъ Кричева городу Рословлю рубежъ рѣка Шумяча, а Шумячею въ рѣку въ Немелицу, а изъ Немелицы старымъ рубежемъ къ Заборью въ Ипутъ рѣку, да внизъ Ипутьею къ Хмелю: города Смоленска съ путьми и съ волостьми, что къ нему тянетъ, и волостей Еловца, Болваницъ, Лазоревицины, Пустоселья, Романовского, Хопотновичь, Молохвы всее, что къ ней потягло, и Петровского державья Кутева, Извѣровичь, Дубровенского Пути, Катыни, Каспли, Поречья, Дуры, Щучьей; а рубежъ Смоленску и волостямъ Смоленскимъ съ Дубровою, и съ Романовымъ, и съ Горами и со Мстиславлемъ, отъ Днѣпра ниже города Смоленска рѣкою Мересю, въ верьхъ межъ Пречистые Взруба, Изверовичь, въ Иватту рѣку, а изъ Иватты рѣки на Елнискій рубежъ, да въ Городню, а Городнею въ Вехру въ Чорной Мохъ, а изъ Вехры въ Прудилу, а изъ Прудилы въ Железницу, а Железницею подъ Дуденски въ Вехру, а изъ Вехры въ Лютую Воду, а изъ Лютые Воды въ Выпино, а изъ Выпина въ Сожъ, а Сожемъ на низъ въ Березыню, а Березынею въ верьхъ сухомъ промежъ селъ Почина и Глатковичь по холмомъ, а оттолѣ въ Пулневу; а за рѣкою за Днѣпромъ рубежъ Смоленску внизъ по Днѣпру рѣкѣ, нижь Клементья святаго пять верстъ; города Мценска съ волостьми, и городища Дмитровца, и Новыхъ Городовъ, города Ливенъ, города Воронежа, города Мѣщовска съ волостьми, города Опакова съ волостьми, и волостей Залидова, Недохова, Быниковичь, Лычина; города Вязмы, и волостей Вяземскихъ всѣхъ, что къ Вязмѣ потягло; города Дорогобужа, и волостей Дорогобужскихъ всѣхъ, что къ нему потягло изстари;

города Бѣлые съ волостьми, и Верховья, и Болшева, и Шоптова, и Моневидова слободы; города Лукъ Великихъ и волостей Лутцкихъ до Лыси, Березая, Усвая, Ловца, Весны, Бологого; города Холма и волостей Холмскихъ, Велилы и Лопастницы, и Барца; города Заволочья, тожъ и Ржевы Пустые и Ржевскихъ волостей, города Невля, города Тороица, и всѣхъ Торопецкихъ волостей, Данковы, Любуты, Дубны, Рожны, Туры, Бибиревы, Старцовы, Нежелскіе, Плаветцкіе, Жеженцкіе, Велижскіе, Озеретцкіе, Казариновскіе: а рубежемъ быти всѣхъ городовъ по старымъ рубежомъ; а Тороицу и всѣмъ Торопецкимъ волостямъ и Новгородцкимъ землямъ и волостямъ, городу Лукамъ Великимъ, городу Невлю, что въ Пуповичахъ, и городу Ржевѣ, и городу Острю, и городу Заволочью, и волостямъ Долыси, Березаю, и городу Усваю, Ловцу, Веснѣ, Бологу, и городу Холму и Холмскимъ волостямъ, Велилѣ, и Лопастницамъ, и Буицу, и инымъ волостямъ всей землѣ Ноугородцкой, съ вашею землею Литовскою и съ Полчаны, и съ Видбляны, землѣ и водѣ рубежи по старымъ рубежемъ. И вамъ великому государю Жигимонту Божіею милостію королю Польскому и великому князю Литовскому, и вашимъ великимъ государствамъ коронѣ Польской и великому княжству Литовскому, въ тѣ наши Великаго Государя, Божіею милостію Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Росіи самодержца, городы, и въ земли, и въ угодья по томужъ не вступатись и не воевати, и ни чемъ не зацеплати, и городовъ и земель не засѣдати, и новыхъ городовъ не ставити до того перемирнаго сроку; а о рубежехъ и о спорныхъ земляхъ, и о порубежныхъ и обидныхъ дѣлехъ во всѣхъ мѣстѣхъ слати намъ великимъ государемъ межъ себя на обѣ стороны судей съ обѣ стороны поровну, по четыре человѣки; а съ ними со всѣми людей съ стороны по пятидесяти человѣкъ; а выслати тѣхъ судей на рубежъ въ два мѣста межъ Чернигова и Остря, да межъ Тороица и Велижа, въ четвертомъ году перемирныхъ лѣтъ, сослався и приговоря срокъ; и тѣмъ судьямъ съѣхався и сыскавъ старожильцы, вправду съ обѣ стороны учинити рубежъ Торопецкимъ землямъ съ Витебскою землею, и съ городомъ Велижемъ, какъ было изстари Витебской землѣ съ Торо-

пецкою землею по старымъ рубежомъ; а межъ Усвята и Усвятцкого уѣзда, и Сурожай, и Сурожского уѣзда, и Озерищъ и Озерищского уѣзда, съ Лутцкимъ уѣздомъ, и съ Невельскимъ, и съ Бельскимъ уѣздомъ, и въ Черниговскомъ и въ Путивльскомъ уѣздѣ, и въ Ноугородцкомъ и во Псковскомъ уѣздѣ, въ рубежахъ и въ обидахъ росправа учинити, а по инымъ по всѣмъ мѣстомъ, гдѣ будетъ споръ и обиды, съ обѣ стороны выславъ изъ пограничныхъ городовъ судей, и сыскавъ вправду съ обѣ стороны по всѣмъ по тѣмъ мѣстомъ, и учинити рубежъ во всемъ, какъ было изстари по всѣмъ мѣстомъ, по старымъ рубежомъ, и въ обидныхъ во всякихъ дѣлехъ росправа учинити вправду; а войнѣ въ тѣ перемирные три годы и одиннадцать мѣсяцъ на обѣ стороны не быти, рати и войны не вчинати, и ни въ чемъ не зацепляти, и съ обѣ стороны мѣстъ ни гдѣ не поступати; а городовъ новыхъ не ставити, и въ земли и во всякіе угодья у тѣхъ городовъ и у волостей до того перемирного сроку не вступатись. А въ которыхъ местехъ судьи съ обѣ стороны въ рубежахъ межъ не учинять, и намъ обослався посланники и гонцы межъ себя, сослать другихъ судей думныхъ людей, и пановъ радъ, и о тѣхъ о спорныхъ земляхъ по сыску рубежъ учинити, и то дѣло въ рубежахъ довершити, а тѣми дѣлы перемирья не нарушивати и не розрывати. А кто намъ Великому Государю Божіею милостію Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и нашимъ государствамъ и всѣмъ землямъ, которые къ государствамъ нашимъ належатъ, недругъ будетъ, и вамъ великому государю Жигимонту Божіею милостію королю Польскому и великому князю Литовскому *и коруне Польской и великому княжству Литовскому, и изо всѣхъ земель, которые къ корунѣ Польской и къ великому княжству Литовскому належатъ, противъ насъ великого Государя Божіею милостію Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и иныхъ всѣхъ государствъ,* всякому нашему недругу въ тѣ перемирные лѣта людьми и казною не вспомогати по сей нашей перемирной грамотѣ; такъ же и вамъ великому государю Жигимонту Божіею милостію королю Польскому и великому князю Литовскому, и корунѣ

Польской и великому княжеству Литовскому и всѣмъ землямъ, которые къ коронѣ Польской и къ великому княжеству Литовскому належать, кто недругъ будетъ, и намъ Великому Государю Божiею милостiю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русiи самодержцу, и нашимъ государствамъ противъ васъ великого Государя и противъ короны Польские и великого княжества Литовского, всякому вашему недругу въ тѣ перемирные лѣта по томужъ людьми и казною не вспомогати, по сей перемирной грамотѣ: а кого къ намъ Вы великiй государь Жигимонтъ король пошлешь своихъ великихъ пословъ, посланниковъ, или гонцовъ въ тѣ перемирные лѣта, о тѣхъ о всѣхъ о добрыхъ дѣлехъ, и тѣмъ вашимъ великимъ посломъ, и посланникомъ, и гонцомъ прiѣхати къ намъ, и отъ насъ отъѣхати добровольно безо всякiе зацепки и задержанья: такъ же кого Мы, Великiй Государь Царь и Великiй Князь Василей Ивановичь всея Русiи самодержецъ, пошлемъ къ вамъ Жигимонту королю своихъ великихъ пословъ и посланниковъ или гонцовъ, о тѣхъ о всѣхъ о добрыхъ дѣлехъ, и нашимъ великимъ посломъ, посланникомъ, или гонцомъ, и имъ добровольно прiѣхати и отъѣхати безо всякаго задержанья и зацепки; а купцомъ вашимъ изо всѣхъ вашихъ земель во всѣ наши земли прiѣхати со всякимъ товаромъ, и торговати на всякой товаръ, а прiѣхати имъ и отъѣхати добровольно безо всякихъ зацепокъ; а нашимъ купцомъ изо всѣхъ нашихъ земель во всѣ ваши земли прiѣхати со всякимъ товаромъ, и торговати по томужъ на всякой товаръ, а прiѣхати имъ и отъѣхати добровольно безо всякихъ зацепокъ; такъ же, которые ваши послы и посланники и гонцы, или гости гдѣ ни пойдутъ отъ Васъ, или къ Вамъ черезъ наши земли съ какимъ товаромъ ни буди, и намъ у тѣхъ вашихъ пословъ и у посланниковъ, или у гонцовъ, и у гостей товаровъ не отымати, а пропущати Намъ къ вамъ пословъ и гостей со всякимъ товаромъ черезъ свои земли безо всякихъ зацепокъ; такъ же наши послы и посланники или гонцы, и гости, куды ни пойдутъ отъ насъ, или къ намъ черезъ ваши земли съ какимъ товаромъ ни буди, и вамъ у тѣхъ нашихъ пословъ и у гостей товаровъ не отымати, а пропущати ихъ къ намъ со всякимъ товаромъ черезъ свои

земли безо всякихъ зацепокъ: а которые послы, или посланники, или гонцы отъ иныхъ государей, отъ ково ни буди, поидутъ къ намъ черезъ ваши земли, или гости съ ними, или опричь пословъ гости поидутъ къ намъ черезъ ваши земли съ какимъ товаромъ ни буди, и вамъ у тѣхъ пословъ, и у гостей, товаровъ не отъимати, а пропущати къ намъ тѣхъ пословъ и гостей со всякимъ товаромъ черезъ свои земли безо всякихъ зацепокъ: а какова обида учинитца въ тѣ перемирные лѣта межъ нашихъ князей и воеводъ и намѣстниковъ, и всякихъ людей въ земляхъ и въ водахъ, и въ иныхъ въ какихъ обидныхъ дѣлехъ, и наши князи и намѣстники и волостели Украинные сослався, да тѣмъ обиднымъ дѣломъ всякимъ управу учинятъ на обѣ стороны; а въ какихъ обидныхъ дѣлехъ князи и намѣстники, и волостели не учинятъ управы, и намъ о томъ сослати судеи, и они съѣхався да тѣмъ обиднымъ дѣломъ всѣмъ управу учинятъ на обѣ стороны безъ хитрости. А татя, бѣглеца, холопя, робу, должника, по Украиномъ по исправѣ выдавати; а даное, заемное, положеное, поручное отдати; а отойдутъ по симъ перемирнымъ грамотамъ межъ насъ урочныя лѣта, и розмирье межъ насъ учинитца, а въ ту пору которые вашіе земли послы и посланники и гонцы, или купцы прилучатца въ нашихъ земляхъ, и намъ тѣхъ вашихъ пословъ и посланниковъ, и гонцовъ, и купцовъ не порубати, и животовъ ихъ у нихъ не отъимати, а отпустити намъ ихъ всѣхъ добровольно со всѣми ихъ животы; а которые наши послы и посланники и гонцы, или купцы, прилучатца въ ту пору въ вашихъ земляхъ, и вамъ нашихъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ, и купцовъ, такъ же не порубати и не имати, и животовъ ихъ у нихъ не отъимати, а отпустити ихъ всѣхъ добровольно со всѣми ихъ животы. А которые люди ваши панъ Юрьи Мнишекъ, воевода Сендомирской съ сыномъ и съ дочерью, и съ иными своими пріятели, и иные люди ваши Польскіе и Литовскіе, которые въ томъ дѣлѣ задержаны, изъ нашего Московскаго государства были не отпущены, и намъ Великому Государю тѣхъ всѣхъ людей вашихъ отъ большого и до малого человѣка мужескаго и женскаго полу не задерживаючи съ ихъ животами, которые при нихъ, отпустити изъ государ-

ства вашего мѣсяца Сентября до 28 дня 117 году, и кормъ и подводы имъ до рубежа дати и отпроводити велѣти; такъ же и вамъ великому государю Жигимонту, Божiею милостiю королю Польскому и великому князю Литовскому, нашихъ великого Государя, Божiею милостiю Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русiи, людей всякихъ, которые въ вашихъ государствахъ задержаны, изъ вашихъ государствъ со всѣми ихъ людми и съ животы безо всякаго задержанья отпустити, и до рубежа велѣти ихъ проводити; а иные всѣ дѣла на обѣ стороны, о которыхъ говорили бояре наши съ послы и съ посланники вашими, и что говорили съ нашими бояры ваши послы и посланники, а договоръ имъ на Москвѣ не сталея, росправа на обѣ стороны учинити по договорнымъ записямъ бояръ нашихъ, и пословъ и посланниковъ вашихъ: а что нынѣ въ нашемъ государствѣ люди ваши Князь Романъ Ружинской, да Князь Адамъ Вишневецкой, и иные паны и ротмистры со многими Польскими и Литовскими людьми, вшодчи въ великiе государства наши, водятъ съ собою вора, называючи его тѣмъ же именемъ, какъ прежнiй убитой воръ Розстрига называлея, царевичемъ Дмитреемъ Углецкимъ, и сложась тѣ ваши люди съ воры съ нашими измѣнники, нашу землю пустошатъ, и кровь крестьянскую проливаютъ; а послы и посланники ваши сказывали, что тѣ люди ваши такое злое дѣло дѣлаютъ безъ вашего повелѣнья и вѣдомости, и Вамъ великому Государю Жигимонту Королю, и вашимъ великимъ государствамъ коруны Польской и великому княжству Литовскому, тѣхъ людей Князь Романа Ружинского, да и Князь Адама Вишневецкого, и иныхъ пановъ и ротмистровъ, и всѣхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, которые съ ними и по инымъ мѣстомъ, изъ нашихъ государствъ вывести вскорѣ: да которые будеть и иные вашихъ государствъ люди пошли въ нашихъ государства воинскимъ и воровскимъ обычаемъ, или которые впередъ похотятъ пойти, и Вамъ великому государю Жигимонту Королю, и вашимъ великимъ государствамъ тѣхъ всѣхъ людей изъ нашихъ государствъ воротити тотъ же часъ, и впередъ въ тѣ перемирные лѣта никакова человѣка въ наши государства изъ своихъ государствъ, воинскимъ обычаемъ, и для всякаго воровства, ни которымъ умышленьемъ не

пропускати. А что тотъ воръ, котораго нынѣ называютъ ваши люди и наши измѣнники государскимъ сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ Углетцкимъ, или впередъ которые будетъ воры въ нашихъ государствахъ, или въ вашихъ государствахъ, умысля воровскимъ обычаемъ учнутъ называтись Московскихъ великихъ государей дѣтьми, или братьями, или иное какое воровство учнутъ замышляти ваши люди, или наши измѣнники, и Вамъ великому Государю Жигимонту Королю, и вашимъ государствамъ корунѣ Польской и великому княжству Литовскому, тому нынѣшнему вору, и инымъ такимъ воромъ, и всѣмъ нашимъ измѣнникомъ не вѣрити, и за нихъ не вступатись, и людьми, и казною, и инымъ никакимъ вспоможеньемъ не помогати, изъ своихъ государствъ въ наше государство за рубежъ воинскимъ и воровскимъ обычаемъ не пропускати никакова человѣка, и воеводѣ Сендомирскому Юрью Мнишку и его пріятелемъ, и инымъ ни кому тому вору, которого водятъ съ собою ваши королевскіе люди, Князь Романъ Ружинской, да Князь Адамъ Вишневецкой, съ товарыщи, называючи его прежнимъ именемъ, какъ убитой Розстрига назывался, царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, и инымъ воромъ, которые будетъ нынѣ и впередъ учнутъ называтись государскими дѣтьми, и нашему всякому измѣннику людьми и казною, и иными ни какими мѣрами ни чѣмъ не помогати, и къ нимъ не приставати, и ни которого зла на Насъ великого Государя и на наши великіе государства не замышляти. Такъ же томужъ воеводѣ Сендомирскому и его пріятелемъ, такого человѣка, которой нынѣ при вашихъ людѣхъ при Князехъ Ружинскомъ и Вишневецкомъ есть, и называютъ его Княземъ Дмитреемъ Ивановичемъ, въ убитого вора въ Гришкино мѣсто Отрепьева, которой былъ на Московскомъ государствѣ, зятемъ себѣ не называти, и дочери своей Марины за него не давати, и инымъ всякимъ такимъ же воромъ нынѣ и впередъ ни въ чемъ не вѣрить, и дочери своей Марины государынимъ именемъ государынею Московскою не называти; такъ же и Намъ великому Государю, Божіею милостію Царю и великому Князю Василью Ивановичу всеа Русіи, вашимъ всякимъ измѣнникомъ, которые такимижъ злыми мѣрами учнутъ име-

повατися, ни въ чемъ имъ не вѣрити, и помочи ни которою мѣрою и умысмъ не чинити: а на томъ на всемъ, какъ въ сей перемирной грамотѣ писано, Мы великій государь, божіею милостію Царь и великій Князь Василей Ивановичь, веса Русіи самодержецъ, Владимерскіи, Московскіи, Новгородскіи, Царь Казанскіи, Царь Астороханскіи, Государь Псковскіи, и великіи Князь Смоленскіи, Тверскіи, Югорскіи, Пермскіи, Вятцкіи, Болгарскіи, и иныхъ Государь и великіи Князь Новагорода Низовскіе земли, Черниговскіи, Резанскіи, Ростовскіи, Ярославскіи, Белоозерскіи, Удорскіи, Обдорскіи, Кондинскіи, и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны повелитель и Государь, Иверскіе земли Грузинскихъ царей и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель, цѣловали семя крестъ Вамъ великому Государю Жигимонту, божіею милостію Королю Польскому и великому князю Литовскому, Рускому, Прускому, Жемонтцкому, Мазоветцкому и иныхъ, на томъ, что намъ и государствамъ нашимъ по сей перемирной грамотѣ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ тотъ миръ держати крѣпко по тому, какъ въ сей перемирной грамотѣ писано. Писанъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія миру 7116-го Іюля Мѣсяца Индикта шестаго, царствія нашего и царствъ третьяго.

№ IX.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

второго Лжедимитрія Юрью Мнишкѣ, Воеводѣ Сендомирскому, $^{4}/_{14}$ Октября 1608 года.

Димитрій Ивановичь, Божіею милостію Царь всея Россіи, Князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и проч., и проч., и проч., и иныхъ многихъ Государствъ и Татарскихъ Ордъ, Московской Монархіи подвластныхъ, Государь и дѣдичь.

Объявляемъ, что мы будучи благодарны ясневельможному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкѣ, воеводѣ Сендомирскому, нашему искреннолюбезнѣйшему отцу, за его къ намъ благосклонность, коея вѣчный залогъ имѣя при себѣ и многократно чрезвычайную ощущая отеческую его къ намъ милость, разсудили равнымъ образомъ и съ своей стороны изъявить ему таковоежъ искреннее усердіе. А дабы онъ не токмо изъ вышереченныхъ словъ, но особливо изъ щедроподатной нашей Царской руки былъ увѣренъ, обѣщаемся, какъ скоро Господь Богъ поможетъ намъ прибыть въ столицу нашу, повелѣть ему немедленно изъ казны нашей выдать триста тысячь рублей. Для вящщаго же удостовѣренія сихъ словъ нашихъ, прилагаемъ нашу печать при собственноручномъ подписаніи. Дана въ лагерѣ подъ столичнымъ городомъ Москвою во владѣніяхъ нашихъ, 14 Октября, 1608 года.

Димитрій Царь.

Таковая роспись городамъ Сѣверскимъ со всѣми волостьми надлежать имѣетъ къ привиллегіи, отъ насъ данной ясневельможному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкѣ, воеводѣ Сендомирскому и проч., государю отцу нашему, намъ усердно и вѣрно любезному.

Димитрій Царь.

Таковая роспись городамъ Сѣверскимъ со всѣми волостьми надлежать имѣетъ къ привиллегіи, отъ насъ данной ясневельможному господину Юрью изъ Великихъ Кончицъ Мнишкѣ, воеводѣ Сендомирскому и проч., государю отцу нашему, намъ усердно и вѣрно любезному.

Димитрій Царь.

№ XI.

ГРАМОТЫ

отъ 29 Сентября 1608 года, 1-ая Гетмана Пана Сапѣги къ Троицкимъ Воеводамъ Князю Долгорукову и Голохвастову; 2-ая отъ него же Сапѣги къ Архимандриту Іоасафу и 3-я Отвѣтная на двѣ первыя отъ Троицкихъ людей.

1-ая.

Отъ великаго гетмана Петра Павловича Сапеги маршалка, и секретаря Киренецкаго, и Третисвятскаго, и старосты Кіевского, да пана Александра Ивановича Лисовскаго, во градъ Троицкой Сергіевъ монастырь воеводамъ, Князю Григорью Борисовичу Долорукову, да Алексью Ивановичю Голохвастову, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и слугамъ монастырскимъ, и стрѣльцомъ, и казакомъ, и всѣмъ осаднымъ людямъ, и множеству народа, пишемъ къ вамъ милуючи и жалуючи васъ, покоритесь великому Государю вашему Царю Дмитрею Ивановичю, сдайте намъ градъ, зѣло пожалованы будете отъ Государя Царя Дмитрея Ивановича: аще ли не сдадите, да вѣсте, яко на то есмя пришли, не взявъ града прочь не отъити: но и начежъ сами вѣсте, колицы гради Царя вашего Московского взяхомъ, и столица ваша Москва и Царь вашъ сѣдитъ во осадѣ, мы же пишемъ къ вамъ снабдяще благородіе ваше, помилуйте сами себе, покоритеся великому имени, Царю нашему и вашему: да аще учините тако, будетъ милость и ласка къ вамъ Государя Царя Дмитрея, яко ни единъ великихъ васъ у вашего Царя Василья Шуйскаго пожалованъ есть. Пощадите благородство свое, соблюдите свой разумъ, не предайте себе лютой и безвременной

смерти, соблюдите себе, и паки соблюдите сами себе и прочихъ: аще же за сею ласкою увидите лице наше, а мы вамъ пишемъ Царскимъ словомъ, и со всьми избранными паны заистинствуемъ, яко не токмо во градѣ Троицкомъ намѣстники будете отъ Государя нашего и вашего прироженнаго, но и многіе грады и села въ вотчину вамъ подастъ, аще сдадите градъ Троицкой монастырь: аще ли же и сему не покоритеся милости нашей и ласки, и не сдадите намъ града, а дастъ Богъ, возмемъ его, то ни единъ отъ васъ во градѣ, милости отъ насъ не узритъ, но умретъ злѣ.

2-ая.

И ты святче Божій, старѣйшино мнихомъ. Архимандритъ Іоасафъ, попомните жалованіе Царя и великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи, какову милость и ласку стяжалъ къ Троицкому Сергіеву монастырю, и къ вамъ мнихомъ великое жалованіе, а вы беззаконники все то презрьли, забыли есте сына его Государя Царя Дмитрея Ивановича, а Князю Василью Шуйскому доброхотствуете, и учите во градѣ Троицкомъ воинство, и народъ весь сопротивъ стояти Государя Царя Дмитрея Ивановича, и его позорити и псовати не-подобно, и Царицу Марину Юрьевну, такоже и насъ. И мы тебѣ святче Архимандритъ Іоасафъ засвидьтельствуемъ, и пишемъ словомъ Царскимъ, запрети попомъ и прочимъ мнихомъ, да не учатъ воинства не покарятися Царю Дмитрею, по молити за него Бога, и за Царицу Марину, и намъ градъ отворите безъ всякія крови. Аще ли не покоритеся, и града не здадите, и мы за разъ взявъ замокъ вашъ, и васъ беззаконниковъ всѣхъ изрубаемъ.

3-я.

Да вѣсть ваше темное державство. гордіи начальницы, Сапега и Лисовской, и прочая ваша дружина, вскую насъ прельщаете Христово стадо православныхъ Христіанъ. Богоборцы. мерзость запустьнія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ Христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совьту, а о нихъ же есте къ намъ писасте, мы сія

пріемше оплевахомъ. Кая бо польза человѣку возлюбити тьму паче свѣта, и преложити лжу на истину, и честь на безчестіе, и свободу на горькую работу, како же вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную Христіанскую вѣру Греческаго закона, и покоритися новымъ еретическимъ закономъ отпадшимъ Христіанскія вѣры, иже прокляти быша отъ четырехъ вселенскихъ Патріархъ? Или кое пріобрѣтеніе и почесть, еже оставити намъ своего православнаго Государя Царя, и покоритися ложному врагу, и вамъ Латынѣ иновѣрнымъ, и быти намъ яко жидомъ, или горши сихъ? Они бо жидове не познавше Господа своего распяша, намъ же знающимъ своего православнаго Государя, подъ ихъ же Царскою Христіанскою властію отъ прародителей нашихъ родихомся въ віноградѣ истиннаго пастыря Христа, како оставити намъ повелѣваете Христіанскаго Царя, и ложною ласкою и тщетною лестію, и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хощете? Но ни всего міра не хощемъ богатства противу своего крестнаго цѣлованія.

№ XII.

ОБОЮДНЫЯ ДОГОВОРНЫЯ ЗАПИСИ,

заключенныя 28 Февраля 1609 года, между Россійскими и Шведскими полномоченными, о взаимном вспоможеніи противъ общихъ враговъ.

1-ая.

Великого Государя Царя и великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи Самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Асторохапского, Царя Сибирского, Государя Псковскаго, великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского, и иныхъ Государя и великого князя Новагорода низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея Сѣверные страны государя и повелителя, Иверскія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государя и облаателя, его царского Величества столникъ и воевода Семенъ Васильевичь Головинъ. да дiякъ Сыдавной Васильевъ сынъ Зиновьевъ: по приказу царского Величества болрина и воеводы и ближнево приятеля князя Михайла Васильевича Шуйского, договорились велможнѣйшаго, высокороженного князя и государя, Карла девятого Свитцкого, Готцкого, Вендинского, Каянского, Ифлянского, и иныхъ Короля, съ думными съ полномочными воеводами, съ Юрьемъ Боемъ, да съ Денисомъ Юрьевымъ да съ Арьвѣемъ Тѣнисовымъ, да со Толчемеромъ

Фармеріеромъ, да съ дьякомъ съ Ирикомъ Илесомъ, на томъ итти съ нами велѣможнѣйшаго короля Карла воеводамъ Аксельку-ку, да Моршалку Кристереуму, да Онтрью Бою, да Евогтериу, да съ ними за наемъ конныхъ збруйнымъ двѣ тысячи человѣкъ, да пѣшимъ добрымъ оружникомъ три тысячи человѣкъ, ко Государю Царю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, на помочь къ Москвѣ, по прежнему договору, да сверхъ наемныхъ пяти тысячь человѣкъ, сколько велѣможный король Карло пуститъ, оказуючи ко Государю и ко всему Россійскому государству любовь, и за тое королевскую ко Государю нашему дружбу и пріятельство Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу, всея Русіи самодержцу, и его государевымъ дѣтямъ и наслѣдникамъ, и всему Россійскому государству, съ Свійскимъ королемъ съ Карломъ и съ его дѣтми и съ наслѣдниками и со всемъ Свійскимъ государствомъ мирного постановленья, которое учинено межъ Россійскимъ и Свейскимъ государствомъ во 103 году, ни чемъ не рушити, и держати навѣки крѣпко по тому, какъ въ прежнихъ мирныхъ записяхъ написано; и въ Лифлянскую землю государю нашему и его дѣтемъ и наслѣдникомъ, не вступатца; такъ же Государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи самодержцу, его государевымъ дѣтемъ и наслѣдникомъ, и всему Россійскому государству съ Свѣйскимъ Карломъ королемъ и съ его дѣтьми и съ наслѣдники и со всемъ Свейскимъ государствомъ быти въ одиночествѣ на нынѣшнего владѣющаго Жигимонта короля Польского, и на его дѣти, и наслѣдники, и на все княжество Литовское стояти за одно; и государю нашему и всему Россійскому государству безъ вѣдома Карла короля и всего Свѣйского государства, съ Литовскимъ королемъ и со всею Литовскою землею не миритись; а Карлу королю безъ государева вѣдома и всего Россійского государства, съ Литовскимъ королемъ и со всемъ Литовскимъ государствомъ, такъ же не миритись: а лучитца государю нашему и всему Россійскому государству съ Литовскимъ королемъ и со всемъ Литовскимъ государствомъ помиритца, и государю нашему замирить Карло короля Свѣйского и все Свѣйское государство; а учнетъ миритца съ Литовскимъ королемъ и со всемъ Ли-

товскимъ государствомъ Карло король и все Свѣйское государство, и ему замирить Государя нашего царя и великого князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и Московское государство, и другъ друга въ мирномъ постановленьѣ не выговаривать.

Такъ же, коли нужа имеетъ Карла короля, понадобятца ему воинскіе люди; и государю нашему царскому Величеству дати ему ратныхъ людей столько же, сколко король Карло Государю нашему на помочь нынѣ людей дасть, и противъ Жигимонта короля Польскаго и ево наслѣдниковъ Государю нашему своими ратьми также помогать, какъ нынѣ велможный король Государю нашему царскому Величеству помогаетъ; а Карлу королю и всему Свѣйскому Государству тѣмъ Государя нашего людемъ наемные деньги дать тожъ число, что и ево ратнымъ людемъ Государь нашъ царское Величество дасть, и кормы имъ изготовитъ, и поволность имъ учинитъ придти въ Свѣйскую землю, и поитить изъ нее на Русь безо всякаго задержанья и зацепки, и безъ пошлины. А сколько вельможнѣйшій король Государю нашему царскому Величеству пошлетъ сверхъ пяти тысячь человѣкъ безденежно, своихъ ратныхъ людей, и какъ Свѣйскому королю понадобятца Государя нашего ратные люди, и Государь нашъ царское Величество противъ того столько же отпуститъ къ Свѣйскому королю на помочь своихъ ратныхъ людей безденежно; а что Свѣйского короля Карла ратные люди ко Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи на помочь къ Москвѣ пойдутъ, и тѣмъ ратнымъ людемъ дати Государю нашему наемные деньги по договору боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйскова, какъ онъ договорился въ Новѣгородѣ съ королевскимъ дьякомъ съ Моншею Мартиновымъ, и по росписи, какову роспись далъ боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу Шуйскому Монша за Графовою рукою, двѣ тысячи человѣкомъ коннымъ сбруйнымъ, да тремъ тысячемъ человѣкомъ пѣшимъ добрымъ, съ того числа, какъ онѣ поидутъ Государя нашего землею съ рубежа, и которые дойдутъ до Москвы, и тѣмъ дати на Москвѣ противъ росписи въ двое. А ково судомъ Божьимъ убьютъ, лучитца королевскимъ людемъ взять въ государевыхъ

измѣнников на дѣлѣ въ языцехъ, которые учнутъ противъ Государя стояти, и тѣхъ языковъ у нихъ не отнимать, а велѣти ихъ имать на окупъ по договору, на чомъ уговоритца тотъ, кто языка взялъ. А будетъ ково возмутъ на дѣлѣхъ, и въ подъѣздѣхъ, и въ загонѣхъ, Литовскихъ людей, и тѣхъ Литовскихъ людей волно имъ побивать, и въ полонъ въ свою землю имать; а Рускихъ людей крестьянъ въ загонѣхъ и нигдѣ въ полонъ не имать Рускихъ служилыхъ людей на дѣлехъ, и давать на окупъ; и королевскимъ ратнымъ людемъ людцкой и конской кормъ продавать по торговой по прямой цѣнѣ, какъ въ которомъ городѣ и мѣстѣ тутошніе люди межъ себя купятъ и продаютъ, а лишнихъ денегъ за людцкой и конной кормъ на нихъ Государь имать не велитъ ни которыми дѣлы, и о томъ государевъ указъ и боярской приговоръ во всѣхъ городѣхъ будетъ крѣпко, что за людской и за конской кормъ лишка передъ Рускими людми не возмутъ; а кто лишекъ возметъ, и тому отъ Государя быть въ великой опалѣ, и въ продажѣ Свѣйскимъ серебрянымъ деньгамъ ефимкамъ, и мѣлкимъ серебрянымъ деньгамъ, на всякіе покупки ходить.

А какъ воинскіе пѣшіе люди снарядомъ будутъ на рубежѣ, и намъ подъ нихъ и подъ нарядъ велѣти собрати въ Орѣховскомъ и въ Корельскомъ уѣздѣ подводы, сколько мочно собрати, а иные подводы збирати идучи къ Нову городу, и давати имъ тѣ подводы подъ люди и подъ наряди безцѣнно и безденежно на Русь идучи, и съ Руси идучи назадь; а чего подводъ за какими нужами дорогою не зберетца, и достальные подводы подъ пѣшихъ людей будутъ въ Новѣ городѣ готовы; а у которыхъ конныхъ людей лошадей не будетъ, или у кого лошадь падетъ, или убьютъ па дѣлѣ, и подъ тѣ люди намъ лошадьми до Нова города промышлять, сколько помочь сяжетъ, и дать въ цѣну жъ, и зачитать тѣ лошади въ наемные деньги по цѣнѣ; а въ Новѣ городѣ, и изъ Нова города идучи къ Москвѣ также лошадьми промышлять, и давать подъ нарядъ и подъ пѣшихъ людей лошади безденежно, а коннымъ людемъ въ цѣну, и зачитать въ наемъ.

Такжъ, коли будетъ Свѣйского государства людей имѣть такая нужа отъ недруговъ, какъ учнуть имъ въ Лифлянтахъ

досаждать, и для тово, что зимою ратным людем въ Лифлянты через море ѣхать не мочно, и Свѣйскаго государства ратным людем тысяча, или двумъ тысячам человѣком, изъ Ругодива въ Лифлянты Государя нашего землею итти вольно, обослався Государя нашего съ воеводами и съ приказными людьми, которые будуть въ тѣ поры воеводы въ Иванѣ городѣ, и въ Ямѣ, и въ Копорьѣ. А кормы имъ людцкія и конскіе идучи Государя нашего землею покупать, а насильством кормовъ и подводъ идучи не имать, и Государя нашего людем тѣсноты и насильства никакова не учинить ни которыми дѣлы.

А что писалъ Государя нашего Царскаго Величества бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской въ Свею, что послалъ съ нами ратным людем пять тысячь рублевъ, и съ нами изъ Нова города пошло четыре тысячи восмь сотъ рублевъ, и противъ княжъ Михайлова писма Васильевича въ тѣхъ деньгахъ нѣтъ дву сотъ рублевъ, и мы въ Выборѣ королевским воеводам четыре тысячи восмь сотъ рублевъ отдали, и у нихъ въ томъ отпись взяли за ихъ руками; а достальные деньги двѣстѣ рублевъ отдати намъ королевским воеводам Акселкурку съ товарыщи въ Новѣ городѣ; а въ наемъ тѣхъ всѣхъ пяти тысячь не зачитать.

И на томъ на всемъ, какъ въ сей записи писано, вмѣсто Государя своего Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца и всего Россійскаго государства, я Царскаго Величества стольникъ и воевода Семенъ Васильевичь Головинъ, да я діякъ Сыдавной Васильевъ крестъ цѣлуемъ, и запись даемъ за своими руками и за печатьми, что сей нашъ договоръ Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и его государьским дѣтем и наслѣдником, и всему Россійскому государству держати крѣпко и нерушимо, и на томъ устоять навѣки неподвижно; и князю Михайлу Васильевичу въ Новѣгородѣ противъ сего листа дать утверженная грамота; а какъ будуть на Москвѣ, и Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу дать на сей договоръ своя государева грамота за своею царскою печатью; а сей договоръ написавъ

одинъ порускіи, а другой понемѣтцкіи слово въ слово, даемъ королевскимъ полномочнымъ Юрью Бою съ товарыщи.

А Свидцкіе полномочныи Юрьи Бой съ товарыщи, съ нами съ Семеномъ Васильевичемъ Головинымъ, да съ діакомъ Сыдавнымъ Васильевымъ договорились, и святымъ Евангеліемъ руками и устами съ клятвою утвердилисъ по своей вѣрѣ, какъ они вѣратца въ крестного целованья мѣсто, и писмо за своими руками и за печатьми намъ дали, на томъ: будучи королевскимъ воеводамъ со всѣми ратными людьми Государя нашего въ землѣ воевать тѣ мѣста, которые Государю не добили челомъ, а ратнымъ людемъ велѣти заказъ учинить крѣпкой, чтобъ они святыхъ божіихъ церквей и монастырей не жгли и не разоряли, и поруганья надъ иконами не дѣлали, и крестьянъ не побивали, и въ полонъ не имали; а тѣхъ мѣстъ, которые Государю служатъ, или при нихъ Государю добьютчеломъ, воеводамъ и ратнымъ людемъ не воевати, и государевыхъ городовъ не засѣсти; а которые городы нынѣ въ измѣнѣ, и лучитца гдѣ которой городъ взяти, или которой городъ здастся безъ взятья, и тѣхъ городовъ не засѣстижъ, и къ воромъ не пристати, и Государю царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу не измѣнити, и надъ бояриномъ и воеводою надъ княземъ Михайломъ Васильевичемъ Шуйскимъ, и надъ государевыми людьми хитрости и израдъ никакіе не учинити, и у князя Михайла Васильевича быть въ послушаньѣ и въ совѣтѣ, а самоволствомъ ничево неделати, и съ послы имъ итти на Русь вмѣстѣ, и пословъ воромъ не выдати. Писана въ королевскомъ городѣ въ Выборѣ лѣта 7113-го, Февраля.

2-ая.

Пресвѣтлѣйшаго, велеможнѣйшаго, высокороженного князя и Государя, Государя Карла, королевства Свитцкого, Готцкого, Вендинского, Финского, Корелского, Лопарей въ полунощной сторонѣ, Каянского, Эстерского, Чухонского, въ Лифлянтахъ короля, подданные слуги полномочные великіе послы, мы по семъ написанные Свитцкого королевства думные Юрьи Бой,

Тенисъ Юрьевъ, Арвей Тенисовъ, Атоль Гелмеръ Фармерперъ, да дьякъ Ирикъ Илвесопъ, объявляемъ симъ и исповѣдуемъ, что мы въ имени и вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя, и всей коруны Свитцкой, здѣсь въ Выборѣ въ мѣсяцѣ Февралѣ лѣта 1609 году, великого Государя царя и великого князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанского, царя Асторохапского, царя Сибирского, Государя Псковскаго, великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого Болгарского, и иныхъ Государя, и великого князя Нова города Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея сѣверныя страны Государя и повелителя Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ Государя и облалателя, его царского Величества посланными и полномочными послы съ Семеномъ Васильевичемъ Головинымъ, да съ дьякомъ Сыдавнымъ Васильевымъ сыномъ Зиновьевымъ, о великихъ дѣлехъ межъ обѣихъ великихъ государствъ дѣтей и наслѣдниковъ, и ихъ обоихъ царствъ и государствъ и земель, межъ себя договорилися, соединилисъ, и утвердилися съ обѣихъ сторонъ, какъ то все по семъ написанное разумно словесно о себѣ объявляетъ, которой договоръ соединеніе и утвержденіе, и что въ себѣ всякая стоять имѣетъ, и объявляетъ, и то съ обѣихъ сторонъ мы во имя и вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя, и всего королевства Свитцкого, съ своей стороны своими клятвами о святомъ Евангеліе, и усты, и руками, и печатьми утвердили; и противъ того Рускіе послы вмѣсто ихъ Царя и великого Князя и всего Россійского государства съ своей стороны крестнымъ цѣлованьемъ при насъ все своими руками подписали, и печатьми запечатали и утвердили, и что межъ нашихъ великихъ Государей, нашего велеможнѣйшаго короля и Государя Карла девятаго, Свитцкого, Готцкого, Вендинского, Финского, Корельского, Лопарского, Канского, Чюхонского, въ Лифлянтахъ короля й иныхъ, Царя и великого князя Василья Ивановича всея Русіи Самодержца и ихъ съ обѣихъ сторонъ дѣтей и на-

слѣдниковъ, королевства Свицкого королемъ и владѣтелемъ, какъ и Царемъ и великимъ Княземъ Россійского государства, и ихъ обоихъ земель и царствъ, Свицкои и Руской земли, и ихъ подданныхъ людемъ недвижимо, и непревратно въ вѣки на вѣки, крѣпко и твердо держати, и съ нее есть договорные статьи, которые посемъ написаны; первое, мы вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя Карла девятаго, и по его милостивому приказу и велѣнью Рускимъ посломъ Семену Васильевичу Головину, да дьяку Сыдавному Василью сыну Зиновьеву, вмѣсто ихъ царя и великого князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, къ прежнему договору, которой ихъ Царя и великого Князя ближней пріятель, бояринъ и воевода Князь Михайло Васильевичь Шуйской, съ нашего велеможнѣйшаго и милостиваго короля и Государя большова ратново воеводы графа Пахима Фретрихова Мансвилского и Шлеготного, государя въ Гевдрусахъ послашнею Монисю Мартиновымъ въ великомъ Новѣ городѣ сполна учинили и обѣщались, и на томъ утвердилися, что намъ ихъ Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, нашего велеможнѣйшаго Короля государя ратми противъ его недруговъ двѣмя тысячи з рутными конными людьми, и тремя тысячи добрыми пѣшими людьми помогать, которые пять тысячь человѣкъ нынѣ уже здѣся, и не то многихъ иныхъ нашего велеможнѣйшаго Короля и государя большимъ воеводою Аксел Курком, до большой маршалокъ Кресгерсумъ, да двѣмя инымъ воевода Ондрѣй Бой, да Эвертъ Горнъ, и нашего милостиваго Короля и Государя нарядомъ пушки, и зелье, и ядра, и что къ тому пристоитъ, за рубежъ на Русь ихъ недругомъ на побѣду итти: противъ того Руские послы Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ сынъ Зиновьевъ, вмѣсто ихъ Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, обѣщались и на томъ утвердились, что какъ нашего велможнѣйшаго Короля и Государя ратные люди за рубежъ въ ихъ Царя и великого Князя землю придутъ, и про нихъ всякіе кормы, ѣсти и питьи, готовы будутъ, и наемные деньги имъ дадутъ по договору князя Михайла Васильевича и по росписи, какову роспись князь Михайло Васильевичь Шуйской самъ сво-

сю рукою писалъ и подписалъ, Монцѣ Мартинову далъ, и по той росписи и смѣтѣ, которую смѣту Монша Мартиновъ далъ отъ графа Мансвелского князю Михайлу Васильевичу Шуйскому въ великой Новъ городъ привезчи, и князь Михайло Васильевичъ Шуйской тое сметную роспись заполно принялъ, которой договоръ и отпускъ словесно объявляетъ. А тѣ деньги по смѣтѣ, которые Рускіе послы отъ князь Михайла Васильевича съ собою привезли нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ, объ нихъ учинити, и тѣ деньги нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя большому ратному воеводѣ Акселкурку, да воеводѣ Андрею Бою отдати, и тѣ имъ деньги ратнымъ людемъ роздати, чтобъ межъ ратными людьми прямо учинити; и кой часъ нашего велеможнѣйшаго милостиваго Короля и Государя ратные люди за рубежъ пойдутъ, и съ того числа имъ наемъ считать; а тѣ четыре тысячи восемь сотъ рублевъ Рускихъ денегъ, которые Рускіе послы здѣся отдали, и тѣ деньги ратнымъ людемъ въ наемъ не зачитати; а тѣ двѣстѣ рублевъ, которыхъ въ тѣхъ пяти тысячахъ нѣтъ, и тѣ имъ деньги впередъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя большому воеводѣ Акселькурку, да воеводѣ Андрею Бою отдати; и тѣхъ денегъ у ратныхъ людей изъ найму не вычитати, и все, что въ прежнемъ договорѣ вымяновано и договоренося о найму, о ѣдѣ и о питьѣ, или записѣ; также и о вольномъ выѣздѣ и въѣздѣ въ землю и изъ земли; также о вольности гонцовъ на Русь и съ Руси, изъ Выбора, или изъ Ругодива, или въ Выборъ или въ Ругодивъ посылати, и на томъ на всемъ, о чемъ съ нами Рускіе послы крестнымъ цѣлованіемъ обѣщались и утвердилися, безо всякіе лсти, твердо и недвижимо устояти. Да Рускіежъ послы обѣщалися и на томъ утвердилися, что весь, которые нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ, доколѣ они въ Руской землѣ будутъ, кормы или запасы дадутца, и чтобы имъ не дорожею цѣною зачитати, какъ межъ Рускихъ людей, и въ тѣхъ уѣздѣхъ, гдѣ имъ лучится итти, прямая цѣна имется, и имъ продавати, или зачитати по тому же, а о томъ крѣпкой заказъ учинити, что ни которому Рускому человѣку, по ихъ Царя и Великаго Князя

опалы и казни, нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя за свой запасъ, или за конской кормъ, лишка черезъ цѣну не имати ни которыми дѣлы; и какъ нынѣ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратные люди на рубежъ нынѣ придутъ, и Рускимъ посломъ подъ тѣ люди елико мошно подводами промыслити, а чего недостаетъ, и имъ идучи на дорогѣ, куды они поидутъ, подъ нихъ добывати, да на Русскомъ рубежѣ готовымъ быти подводамъ, на чомъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя нарядъ, которой съ ними, на Русь и съ Руси назадъ везти; и у которыхъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя конныхъ людей идучи лошади падутъ, или кимъ обычаемъ отбудетъ, и имъ на Руси иные лошади безъ великаго задержанья дати, и въ нихъ наемъ по прямой праведно цѣнѣ зачитати. Да онижъ намъ обѣщались, что нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя деньгамъ золотымъ и ефимкомъ, мѣлкимъ серебренымъ деньгамъ, на покупку ходити, и что нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ, и что имъ надобѣ, на тѣ на деньги покупати, и никому ихъ Царя и Великаго Князя подданнымъ людемъ тѣми нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя деньгами не поругатися, ни охулити, по ихъ Царя и Великаго Князя опалы. Да Рускіежъ послы вмѣсто своего Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и всего Россійскаго государства, намъ обѣщались, что какъ притчею нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя которому городу въ Инфлянтахъ въ зимнею пору нынѣ, или впередъ, отъ недруговъ которая тѣснота учинитца, а нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ отселѣ изъ Финской земли для непостоянной зимы, что черезъ ледъ, или для иныхъ помѣшекъ, и тѣмъ, которые въ Инфлянтахъ, черезъ море на помочь нельзе итти; и имъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя и коруны Свитцкой ратныхъ людей съ три тысячи человѣкъ, или больши, какова нужа иметъ, ихъ Царя и Великаго Князя землею, Копорскимъ, и Ямскимъ, и Ивангороцкимъ уѣздомъ, въ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя городъ Ругодивъ пропускати и не задержати; а до того приходу нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя воеводамъ, которымъ воеводамъ

велятъ итти съ ратными людьми черезъ Рускую землю, и имъ съ Рускими воеводы, которые въ Копорьѣ, и въ Ямѣ городѣ, и въ Иванѣ городѣ, напередъ обсылатися, и имъ объявити; и Рускимъ воеводамъ ихъ Царя и Великого Князя подданнымъ людемъ не запрещати, ѣсти и пити, и всякой запасъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ продавати прямою цѣною, какъ ихъ Царя и Великаго Князя подданные люди межъ себя купятъ. А противъ того мы вмѣсто своего велеможнѣйшаго Короля и Государя Карла девятаго обѣщалися и утвердилися, что нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ, которые нынѣ къ ихъ Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи противъ того недруга на Русь на помочь идутъ, ихъ церкви и монастыри не разоряти, ни грабити, и ихъ иконамъ и образомъ не поругатися, и ихъ Царя и Великого Князя Василья Ивановича всея Русіи подданныхъ людей, которые люди прямятъ, или добромъ здаутся, не побивати и не полонити; а которые ихъ Царю и Великому Князю добромъ не здаутся, и тѣхъ яко прямыхъ вразей гонити; а которые языки возмутца прироженныхъ служилыхъ людей, опричь крестьянства, на дѣлѣ, или на стравкѣ, или въ подъѣздѣ, или въ загонѣхъ, или гдѣ индѣ можетъ быть, и ихъ Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи не добьютъ челомъ, и тѣхъ языковъ Рускимъ воеводамъ у нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратныхъ людей насильствомъ не отымати ни которыми дѣлы, развѣе выкупати у тово, кто его возметъ, или какъ межъ себя договорятца съ тѣмъ, кто его выкупаетъ, или съ тѣмъ полонениикомъ договоритца; а котораго языка наши возмутъ отъ недруговъ одного, или больши въ подъѣздѣ, или гдѣ, и имъ напередъ Царя и Великого Князя къ воеводамъ тѣхъ полонениковъ для всякихъ вѣстей приводити, а послѣ того томужъ, которой его взялъ, отдати, или у него того выкупити, какъ съ нимъ сговоритъ. А которымъ нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя Божіею милостію и помощію Литовскихъ людей, или Поляковъ полонятъ, и тѣхъ имъ на окупъ Рускимъ людямъ не давати, до нашего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратнымъ людемъ тѣхъ Литвы и полонениковъ съ Руси на нашу сторо-

ну вывозити безо всякой привески поволити и пропущати: да нашимъ же къ Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи къ измѣнникомъ и недругомъ не приставати, и ни въ какомъ совѣтѣ съ ними не бывати, и Царю и великому Князю не измѣнити по смертной казни, и надъ княземъ Михайломъ Васильевичемъ измѣною, или злохитрымъ инымъ умышленьемъ, не подъискивати, и никоторые ни которые не учинити по смертной казни; а быти имъ у него въ послушаньѣ и въ совѣтѣ, поколѣ они въ ихъ земли будутъ; а итти имъ съ Рускими послы съ стольникомъ и воеводою съ Семеномъ Васильевичемъ Головинымъ, да съ дьякомъ съ Сыдавнымъ Васильевымъ сыномъ Зиновьевымъ на Русь вмѣстѣ, и отъ того имъ ихъ оберегати, которые причею на дорогѣ встрѣтятца, и кормомъ ихъ не выдавати ни которыми дѣлы; но за нихъ стояти должнымъ быть; и гдѣ лучитца, которой городъ на Руси Государю Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи добромъ не здастся, нашего велеможнѣйшего Короля и государя ратные люди силою возмутъ, и то учинить ихъ Царю и великому Князю на пользу безо всякія хитрости, а злымъ умышленьемъ не засѣсти, и отъ Московского государства не отвратити ни которыми дѣлы. А какъ впередь нашего велеможнѣйшаго Короля и государя ратные люди черезъ Рускую землю въ Руголивъ пойдутъ, и имъ такожъ по смертной казни въ Копорскомъ, и въ Ямскомъ, и въ Иванегородцкомъ уѣздѣ сильно ни што не отъимати, Царя и великого Князя подданнымъ людемъ насильства ни которымъ не учинити; а лучи имъ всякіе кормы покупати на свои деньги по прямой цѣнѣ: Мы вмѣсто своего велеможнѣйшаго Короля и государя и его Королевскаго величества дѣтей и наслѣдниковъ, будущихъ Свицкихъ Королей и всѣхъ подданныхъ, своею клятвою о святомъ евангеліи обѣщалисъ; а противъ того Рускіе послы вмѣсто своего Царя и великого Князя и всего Россійского государства крестнымъ цѣлованьемъ обѣщалися и утвердилися, что тому мирному постановленью, которое лѣта 1595 году межъ королевства Свитцкого и Рускіе земли поставлено, никогда и въ вѣки на вѣки не превратить и не розрывать, но всегда межъ обѣихъ государей и ихъ дѣтей и наслѣдниковъ

королемъ и владѣтелемъ Свитцкіе земли, и Царемъ и великимъ княземъ Россійскаго государства, и ихъ обѣихъ сторонъ земель и государствъ подданнымъ симъ обновити, и укрѣпити, и утвердити, и въ вѣки на вѣки безо всякіе хитрости нерушимо, твердо держати, и на томъ устояти, и чтобъ ихъ Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи и его дѣтемъ и наслѣдникомъ, и будущимъ Царемъ и Государемъ Рускіе земли и всего Россійского государства, и съ ихъ подданными того вступанья, которое ихъ Царского величества Російского государства чаютъ имѣти въ Лифлянтахъ, безо всякого спору поступатися, и не вступатися въ городы, въ посады, и въ села, и въ деревни, или въ меньшую деревню, или въ выть земли, ни что не вымораживая, въ которомъ мѣстѣ ни будь, въ Юрьевскомъ ли уѣздѣ, или въ Перновскомъ уѣздѣ, и во Алентоши, въ Верлянты, Ярванъ, въ Гарьенъ, и Вѣкъ, и не причитатися ни которыми дѣлы. Мы съ Рускими послы соединилися и учинилися, что межъ нашимъ и велеможнѣйшимъ Королемъ и государемъ и его королевскимъ дѣтемъ и наслѣдникомъ, и будущимъ Свѣйскимъ Королемъ и всего Свейского королевства, и межъ Государя Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и его Царского Величества дѣтей и наслѣдниковъ и будущихъ великихъ Царей и Государей, и всего Московского государства сему вѣковѣчному и нерушимому соединенію противъ Короля Жигимонта, нынѣшнего Короля Польского и Литовского, и его дѣтей и наслѣдниковъ, и будущихъ королей, и всего Польского и Литовского государства быти, что нашему велеможнѣйшему Королю и государю, и всему Свѣйскому королевству, и Царю и великому Князю и всему царству Московскому, противъ Жигимонта Польского и Литовского короля, и всего Польского и Литовского государства за одинъ стояти; и что нашему велеможнѣйшему Королю и государю и всей корунѣ Свейской мирного постановленья съ тѣмъ Королемъ Польскимъ, и со всемъ его государствомъ не учинити, и не поставити, развѣ съ вѣдома и хотѣнья Царя и великого Князя и всего царства Московского; также Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи, и всему Російскому царству безъ нашего велеможнѣйшаго Короля и государя хо-

тѣнья и вѣдома съ тѣмъ Польскимъ и Литовскимъ королемъ, и ево государствомъ мирново постановленья не учинити, развѣе также нашего велеможнѣйшаго Короля и государя и всей Свѣиской коруны и государства съ вѣдома и хотѣнья; и аще бы такъ учинилось, что нашъ велеможнѣйшiи Король и государь и королевство Свитцкое съ Польскимъ и съ Литовскимъ королемъ и ево государствомъ мирново постановленья учинити, и Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русiи и всему Россiискому государству, въ такомъ мирномъ утверженьѣ и въ совокупленьѣ быти также; коли Царь и великiй Князь и ево государство съ Польскимъ и съ Литовскимъ королемъ и съ его государствомъ мирное постановленье учинятъ, и нашему велеможнѣйшему Королю и ево дѣтемъ и наслѣдникомъ и всей корунѣ Свiиской, въ томъ мирномъ утвержденьѣ также быти совокуплену; Руские послы Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ сынъ Зиновьевъ, вмѣсто Государя своего Царя и великого князя Василья Ивановича всея Русiи самодержца, и его Царского величества дѣтей и наслѣдниковъ, намъ вмѣсто велеможнѣйшаго Короля и государя и ево дѣтей и наслѣдниковъ Свiискихъ королей, и всего королевства Свiиского, твердо обѣщались и укрѣпились на томъ, какъ нашему велеможнѣйшему Королю и государю и его величества дѣтемъ и наслѣдникомъ, и будущимъ Свейскимъ королемъ, которая помочь противъ ихъ недруговъ понадобитца, и Царю и великому Князю и его дѣтемъ и наслѣдникомъ, и всему царству Росiискому какъ отъ нихъ помочи воспросятъ, нашему велеможнѣйшему Королю и государю и ево дѣтемъ и наслѣдникомъ, и будущимъ Свiискимъ королемъ и владѣтелемъ, столькимижъ людми помогати, какъ нашъ велеможнѣйшiи Король и государь имъ нынѣ помогаетъ, только за такойжъ платежъ, и что имъ пити и ѣсти и всякому запасу нашего велеможнѣйшаго Короля и государя въ землѣ готову быть, что имъ вольно прiѣхать и отъѣхать, и государя нашего велеможнѣйшаго короля и государя земли, и сiе все въ прещописанное мы обѣихъ сторонъ добровольно, мы во имя и вмѣсто нашего велеможнѣйшаго Короля и государя Карла короля девятаго, и его величества дѣтей и наслѣдниковъ Свитцкихъ

королей и владѣтелей, и всего Свитцкого государства Рускіе послы и вмѣсто ихъ Царя и великого Князя и его царского величества дѣтей и наслѣдниковъ, и всего Россіиского государства, сполна договорились, что сему всему вѣковому неразрывимому мирному постановленью и соединенью быти межъ великихъ государей нашего велеможнѣйшаго короля и государя Карла девятаго, и Царя и великого князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и ихъ обѣихъ величества дѣтей и наслѣднихъ королей, и Царемъ и государемъ, и ихъ обѣихъ государствъ землямъ Свейской и Руской неподвижно и непремѣнно въ вѣчное время держати на томъ, вмѣсто своего велеможнѣйшаго короля и государя, государя Карла девятаго, и его королевскаго величества дѣтей и наслѣдниковъ, о святомъ евангеліи своею клятвою учинили, и се соединенье и мирное утверженье своими руками подписали, и своими прироженными печатьми запечатали. Такъжъ и Рускіе послы свое крестное цѣлованье учинили, что сія вся не токмо неподвижно и непремѣнно держати, но и ихъ Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, и его Царского величества боярина воеводы князя Михайла Васильевича Шуйскова полное утверженье за своими и всего Російскаго царства печатьми поставить, что то все держати на вѣки неподвижно, на томъ бы, какъ прежъ объявлено обѣихъ сторонъ съ клятвами утвердилися, и своими руками подписали, и своими печатьми прироженными запечатали. Писанъ въ Выборѣ Февраля въ 28 день лѣта 1609 года.

№ XIII.

ЗАПИСЬ,

данная Россійскими Полномочными въ Выборгѣ о уступкѣ Швеціи города Корелы съ уѣздомъ, въ Февралѣ 1609.

Великого Государя Царя и великого князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, Володимерского, Московского, Новгородцкого, Царя Казанского, Царя Астраханского, Царя Сибирского, Государя Псковскаго и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, Государя и Великого Князя Нова города низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всее сѣверные страны Государя и повелителя Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государя и обладателя; его царского величества стольникъ и воевода Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ сынъ Зиновьевъ, по приказу царскаго величества боярина и воеводы и ближнево пріятеля князя Михайла Васильевича Шуйскова, договорились велеможнова и высокорожденново князя и государя Карла девятаго, Свейцкого, Готцкого, Вендинского, Каянского, Лифлянского, и иныхъ короля съ думными и съ полномочными съ воеводами, съ Юрьемъ Боемъ, да Станесемъ Юрьевымъ, да съ Арвеемъ Тенисовымъ, да съ Отолгемеромъ Фармерисеромъ, да съ дьякомъ съ Ирикомъ Илвесомъ на томъ: итить королевскимъ воеводамъ Акселкурку, да Моршалку Хрестерсуму,

Андрею Бою, Эветгорну, да съ ними ратнымъ наемнымъ людемъ, коннымъ збруйнымъ и пѣшимъ, добрымъ оружникомъ, по прежнему договору пяти тысячи человѣкомъ, да сверхъ наемныхъ пяти тысячь человѣкъ, сколько вельможный Король пошлетъ ко Государю нашему царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи на помочь къ Москвѣ; и какъ придемъ за рубежь государя нашего въ землю, и королевскимъ воеводамъ Акселкурку съ товарыщи, съ тѣми со всѣми ратными людми нигдѣ не мѣшкать, итти въ Новъ городъ на спѣхъ, или гдѣ мы имъ велимъ итти государя нашего царского величества по указу; и послѣ того, какъ онѣ съ рубежа съ нами пойдутъ, спустя три недѣли, доставить намъ до королевскихъ воеводъ царского величества боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского крѣпость за государевою за Новогородцкою печатью, и за князя Михайла Васильевича рукою, на городъ на Корелу съ уѣздомъ; а послѣ тѣхъ трехъ недѣль спустя два мѣсяца боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу доставить до нихъ государя нашего царского величества крѣпости на городъ на Корелу съ уѣздомъ, за его государскою печатью, и поступитися Государю нашему царскому величеству, государю ихъ Карлу королю противъ его любви и дружбы города Корелы съ уѣздомъ по старинѣ, какъ былъ городъ Корела съ уѣздомъ по старинѣ напередъ сего блаженные памяти за прежними Государи, и за великимъ Государемъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Русіи самодержцемъ. А королевскимъ воеводамъ съ тѣми ратными, съ наемными людьми съ пятью тысячами человѣкъ, съ конными и съ пѣшими, и съ тѣми людми, что сверхъ найму будутъ ко Государю нашему царскому величеству на помочь итти, и Государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу служить, и къ ворамъ не пристать, и городовъ, которые за государемъ, и которые нынѣ въ измѣнѣ, не засѣсть, и государю нашему царскому величеству не измѣнить, и надъ бояры и надъ государевыми людьми измѣны никакіе не учинить, и быть у государевыхъ бояръ и воеводъ въ послушаньѣ. А по томъ государю нашему, царскому Величеству, съ тѣхъ мѣстъ, какъ они пошедъ съ рубежа, учнутъ ему го-

сударю служить, спустя одиннатцать недѣль, городъ Корела очистить, и отдать Свитцкому королю, и быти городу Корелѣ съ уѣздомъ по старинѣ, какъ было напередъ сего, за Свитцкимъ королемъ, и за его наслѣдники, и Свитцкой коруны за правители, въ вѣковѣчной вотчинѣ по старымъ межамъ и гранемъ, какъ были напередъ сего. А изъ Корелы и изъ Корелского уѣзда, изъ церквей божіе милосердіе, образы и всякое церковное строеніе, и изъ города нарядъ, пищали и зелье, и ядра которой привезенъ въ Корелу послѣ того, какъ у Свитцкіе коруны Корела взята, и Рускихъ людей и Корелянъ со всѣми ихъ животы, которы похотятъ итти на Русь, Государю нашему царскому Величеству вывезти; а которые похотятъ жити въ Корелѣ и въ Корелскомъ уѣздѣ, и тѣхъ не возити; а нарядъ, пищали, и зелье, и ядра, что взято у Свитцкого Короля, Государю нашему царскому Величеству оставить въ Корелѣ по описи Дмитрея Вельяминова съ товарыщи сполна; и удержать Государю нашему царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и его наслѣдникомъ и правителемъ, тотъ договоръ о Королѣ въ вѣки непремѣнно, и на томъ устоять, что городъ Корела съ уѣздомъ корунѣ Свитцкой въ вѣковѣчную вотчину совокупить, и соединить, и отдать Государю нашему царскому Величеству городъ Корела Свитцкому Королю, послѣ того какъ Нѣметцкіе воеводы съ ратными людьми пойдутъ съ рубежа, спустя одиннатцать недѣль, а больши того государю нашему царскому Величеству города Корелы за собою не держати. На томъ царского Величества столникъ и воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, по приказу боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйского, въ государя своего Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца мѣсто, крестъ цѣлуемъ, и се писаніе велеможного короля думнымъ воеводамъ Юрью Бою съ товарыщи даемъ за своими руками и за печатьми: писанъ въ Выборѣ лѣта 7117-го Февраля въ день.

№ XIV.

ГРАМОТЫ

Князя Михайлы Васильевича Скопина-Шуйскаго, подвердительныя 1-ая Выборгскаго договора о вспомогательномъ войскѣ, 2-ая Записи о уступкѣ Швеціи города Корелы съ уѣздомъ.

1-ая.

Божіею милостію, великого Государя царя и великого князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанского, царя Астороханского, царя Сибирского, Государя Псковскаго, и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорскаго, Пермского, Вятцкого, Болгарского, и иныхъ государя, и великого князя Нова города Низовскіе земли, Черниговского, Резанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея сѣверныя страны государя и повелителя, Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ Князей; и многихъ государствъ Государя и обладателя его царского Величества бояринъ и воевода Князь Михайла Васильевичь Шуйской, далъ сю утверженную грамоту велеможного и высокороженного князя и государя Карла девятаго, Свитцкого, Готского, Вендинского, Финского, Каянского и Устерского, въ Инфлянтахъ и иныхъ короля, большому ратному воеводѣ Якову Пунтусовичю Делегарду, да Аскелкурку, да Кристелсуму, да Андрею Бою, да Эветгорну, которые пришли, по королевскому велѣнью и прежнему договору, къ великому Государю нашему царю и великому князю Василью

Ивановичю всея Русіи самодержцу къ его царскому Величеству на помочь, государя своего съ воинскими людьми, на томъ, что договорился Государя нашего Царя и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи самодержца, и его царского Величества столникъ и воевода Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, по моему приказу, какъ я имъ далъ полную мочь, велеможного Карла короля съ думными и съ полномочными воеводами въ Выборѣ, съ Юрьемъ Боемъ съ Тенесомъ Юрьевымъ, да съ Арвеемъ Тенесовымъ, да съ Олгемеромъ Фермернеромъ, да съ діякомъ съ Ирьомъ Павесомъ, и крестнымъ цѣлованьемъ межъ себя крѣпилися, и записьми розмѣнялися, что королевскимъ воеводамъ государя своего по королевскому указу итти на помочь къ великому Государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, съ двемя тысячи конными збруйными, да съ тремя тысячи пѣшими, добрыми оружники; и великому государю нашему царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и его царьскимъ наслѣдникомъ, и всему Россійскому государству, тотъ договоръ, что договорился столникъ и воевода Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, всѣ тѣ статьи что въ записи писаны, держати крѣпко, и ничемъ не нарушивать, и стояти въ томъ на вѣки неподвижно. А я царского величества бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской, даю имъ на тотъ договоръ сю утверженную грамоту Новгородцкого государства за печатью, и за своею приписью; а великому Государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу, всея Русіи самодержцу, велеможного Карла короля воеводамъ Якову Пунтосову съ товарыщи, или инымъ королевскимъ полномочнымъ, какъ придутъ, дать своя царская грамота за своею царскою печатью, на срокъ съ тѣхъ мѣстъ, какъ они съ рубежа пошли, и учнутъ государю служить, спустя одиннатцать недѣль. Къ сей грамотѣ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской, Новгородцкого государства государеву печать приложилъ, лѣта 7117-го, Апрѣля въ 13 день.

2-ая.

Божіею милостию, великого Государя Царя и великого Князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанскаго, царя Асторохапского, царя Сибирского, Государя Псковскаго, великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского, и иныхъ государя, Царя и великого Князя Нова города низовскіе земли, Черниговского, Разанского, Полотцкого, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всея сѣверныя страны Государя и повелителя, Иверскіе земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кабардинскихъ Черкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ Государя и обладателя; его царскаго Величества бояринъ и воевода, и ближней пріятель, князь Михайло Васильевичъ Шуйской, даю сію укрѣпленную грамоту, Новгородцкого государства за печатью и за своею рукою, велеможново и высокороженного князя и государя Карла Девятаго, Свитцкого, Готцкого, Венденского, Каянского, Лифляндского, Естерского, и иныхъ короля, большому ратному воеводѣ Якову Пунтосовичу Делегарде съ товарыщи, на томъ: договорилисъ по сему приказу столникъ и воевода Семенъ Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ, въ Выборѣ съ королевскими съ думными и полномочными послы, съ Юрьемъ Боемъ, да съ Тенисомъ Юрьевымъ, да съ Арвеемъ Тенисовымъ, да съ Отолмемеромъ Фонмернеромъ, да съ діакомъ съ Ирикомъ Илвесомъ, и межъ себя крестнымъ цѣлованьемъ и Евангеліемъ, и записьми укрѣпилисъ, что по королевскому указу и по прежнему договору, королевскимъ ратнымъ воеводамъ, да съ ними наемнымъ коннымъ збруйнымъ и пѣшимъ добрымъ оружникомъ пяти тысячь человѣкъ, да сверхъ наемныхъ пяти тысячь, сколько велеможный Король, оказуючи ко Государю нашему и ко всему Россійскому государству любовь, пришлетъ, итти ко государю нашему Царю и великому князю Василью Ивановичу всея Русіи на помочь къ Москвѣ; и какъ королевскіе воеводы Яковъ Пунтосовичь Делегардій съ товарыщи, съ тѣми ратными людьми пойдутъ со мною изъ Новагорода ко государю на по-

мочь къ Москвѣ, и учнутъ государю служити, и мнѣ боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу доставить до воеводъ до Якова Пунтосовича съ товарыщи на городъ Корелу государя нашего царскаго Величества грамота, за ево государевою печатью, спустя съ тѣхъ мѣстъ, какъ онѣ со мною изъ Нова-города поидутъ ко государю на помочь, два мѣсяца, что государю нашему царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, поступитись государю ихъ Карлу королю, для ево любви и дружбы, города Корелы съ уѣздомъ по старинѣ, какъ былъ городъ Корела съ уѣздомъ напередъ сего блаженные памяти за прежними государи, и за великимъ государемъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Русіи самодержцемъ; а королевскимъ воеводамъ съ тѣми ратными съ наемными людми съ пятью тысячью человѣкъ съ конными и съ пѣшими добрыми оружники, и съ тѣми людми, что сверхъ найму будутъ, ко государю нашему царскому Величеству къ Москвѣ на помочь итти, и государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу служити, и къ воромъ не приставати, и городовъ, которые за государемъ, и которые нынѣ въ измѣнѣ, не засѣсти, и государю нашему Царскому Величеству не измѣнити, и надъ бояры, и надъ государевыми всякими людьми израды никакой не учинити, и быти имъ у меня и у иныхъ государевыхъ бояръ и воеводъ въ послушаньѣ. А по томъ государю нашему царскому Величеству, съ тѣхъ мѣстъ, какъ они пошли съ рубежа и учнутъ государю служити, спустя одиннатцать недѣль, городъ Корела очистити и отдати Свитцкому королю, и быти городу Корелѣ съ уѣздомъ по старинѣ, какъ было напередъ сего за Свитцкимъ королемъ, и за его наслѣдники, и Свитцкой коруны за правители, въ вѣковѣчной вотчинѣ, по статымъ межамъ и гранемъ. А изъ Корелы, и изъ Корелского уѣзда, изъ церквей божіе милосердіе образы и всякое церковное строенье, и изъ города нарядъ, пищали, и зелье, и ядра, и всякой нарядъ что къ тому пристоитъ, которой привезенъ въ Корелу послѣ того, какъ у Свитцкіе коруны Корела взята; и архіепискупа, и воеводъ, и всякихъ Рускихъ людей, и Корелянъ со всѣми ихъ животы, которые похотятъ

итти на Русь, государю нашему царскому Величеству вывезти а которые похотять жить въ Кореле, и въ Кореческомъ уезде, и техъ не возити; а нарядъ же, пищали и зелье, и ядра, что взято у Свитцкого короля, государю нашему царскому Величеству оставити въ Кореле, по описи Дмитрея Вельяминова съ товарыщи, весь сполна; да держати государю нашему Царю и великому Князю Василью Ивановичу всея Русіи самодержцу, и ево наследникомъ, и правителемъ, тотъ договоръ въ веки непременно, и на томъ устояти, что городъ Корела съ уездомъ коруне Свитцкой въ вековечную вотчину совокупить и соединить, и отдать государю нашему царскому Величеству городъ Корела Свитцкому королю, после того, какъ Немецкіе воеводы съ ратными людьми пошедъ съ рубежа и учнутъ государю служити, спустя одиннатцать недель; а болши того за собою государю нашему царскому Величеству города Корелы не держати. Къ сей утверженной грамоте я бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской, государеву печать Новгороцкого государства приложилъ, и руку свою у сей грамоты приписалъ: писанъ въ государеве отчине въ великомъ Новегороде, лета 7117-го, Апреля въ 5 день.

№ XV.

ДОГОВОРЪ,

заключенный 21 Августа 1609 въ Колязинѣ, между Княземъ Михайломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ и Шведскимъ Генераломъ Сомме.

Божиею милостию, Великого Государя Царя і Великого Князя Василья Івановича всея Русіі Самодержца, и многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуиской договорился велеможнешаго і высокороженного Князя и Государя Государя Карла Свитцкого с ратнымъ моршалкомъ съ Крестеръ Сумомъ: что ему послати Королевскихъ дворянъ х Королевскимъ воеводамъ къ Якову Пунтусову с товарыщи и ко всѣмъ ратнымъ людемъ в Торжокъ, і велѣти имъ Якову со всѣми людми итти не Торшку ко мнѣ в Колязинъ, не мешкавъ; а бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуиской, по его моршалкову прошенью и по договору, послалъ Государя своего Царского Величества дворянина Федора Даниловича Чюлкова к Неметцкимъ воеводамъ къ Якову Пунсосову с товарыщи. И которой часъ Королевской воевода Яковъ Пунтосовъ, или которые иные Неметцкие воеводы со всѣми ихъ ратными людми не Торшку ко мнѣ в Колязинъ поидутъ, и Федору и Королевскимъ дворяномъ, ково Яковъ Пунтосовъ пришлетъ, ѣхати на Великиі Новгородъ, а изъ Новагорода ѣхати тотъ часъ, не мешкая, с ними дьяку Еоиму Телепневу в Корѣлу; и приѣхавъ, городъ Корѣла очистити и отдати со всѣмъ уѣздомъ Карла Короля Свитцкого полномочнымъ, которые бу-

дутъ о томъ присланы, со всѣмъ потому, какъ въ прежней договорной записи писано, которой договоръ в Выборе межъ Государя нашего Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русі и межъ Карла Короля Свитцкого обѣихъ Государствъ полномочные послы учинили. И на томъ язъ Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михайло Васильевичь Шуйской крестомъ животворящимъ знаменовался, и сю крѣпость, за своею рукою и за печатью, далъ Королевского Величества ратному моршалку Крестеръ Суму: что мнѣ велѣти городъ Корѣла со всѣми уѣзды очистити и отдати Королевского Величества полномочнымъ безо всякого отговору и прекословия, по прежней договорной записи тотъ часъ, и тотъ договоръ, что договорился столникъ і воевода Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Сыдавной Васильевъ с полномочными послы съ Юрьемъ Боемъ с товарыщи, держати крѣпко, неподвижно и непремѣнно въ вѣчные вѣки; а Крестеръ Сумъ обещался мнѣ по своей вѣре, своимъ крѣпкимъ обещаньемъ: что ему со всѣми людми отъ меня не отстать нигдѣ никоторыми дѣлы, да и тѣмъ воеводамъ Якову Пунтосову со всѣми людми ко мнѣ быть, и писмо мнѣ на себя в томъ Крестеръ Сумъ далъ. К сему договору бояринъ і воевода Князь Михайло Васильевичь Шуйской печать свою приложилъ, лѣта 7117, Августа въ 21 день.

№ XVI.

ВЗАИМНЫЯ ДОГОВОРНЫЯ ЗАПИСИ,

заключенныя 27 Августа 1609 въ Колязинѣ, между Княземъ Михайломъ Васильевичемъ Скопинымъ-Шуйскимъ и Шведскимъ Секретаремъ Олусономъ.

1-ая.

Божиею милостию, Великого Государя Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русі Самодержца, и многихъ Государствъ Государя и Облаадателя, Его Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуиской объявляю симъ, что язъ договорился велеможного і высокорожденного Князя и Государя Государя Карла девятого, Свитцкого, Готцкого и иныхъ Короля посланнымъ з діакомъ с Карлусомъ Олусуномъ на томъ: что послати мнѣ ныне с нимъ діакомъ с Карлусомъ Олусуномъ своихъ полномочныхъ, і велѣти имъ ѣхати с нимъ діакомъ с Карломъ Олосоновымъ въ Его Царского Величества порубежной городъ въ Корылу, і велѣти имъ Его Царского Величества городъ Корыла с уѣзды очистити и отдати Королевского Величества діаку Карласу Олусону, или полномочнымъ, которые о томъ отъ Его Королевского Величества будутъ присланы, по прежнему договору, которой договоръ учинили в Выборе Царского Величества столникъ і воевода Семенъ Васильевичь Головинъ, да дьякъ Сыдавнои Васильевъ, а Королевского Величества полномочные Юрьи Бои с товарыщи. И язъ Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуи-

скои по тому договору послалъ Θедора Чюлкова, и далъ ему полную мочь во всемъ, и велѣлъ ему и ѣхати не Колязина с Королевскимъ діякомъ с Карломъ Улусовымъ х Королевскимъ воеводамъ к Якову Пунтосову съ товарыщи; да с нимижъ я послалъ ратнымъ людемъ наемъ три тысячи рублевъ денегъ, а напередъ сего послано к воеводе к Иванису Ододурову тысяча рублевъ денегъ, да изъ Новагорода привезутъ две тысячи рублевъ денегъ, да на пять тысячь рублевъ соболеи, и всего послалъ соболеи и денегъ и с тѣми денгами, которые напередъ сего посланы к воеводе к Иванису Ододурову, ратнымъ людемъ на наемъ, на одиннатцать тысячь рублевъ, і велѣлъ Федору Чюлкову ѣхати с Королевскимъ діякомъ с Карломъ Олусупомъ х Королевскимъ воеводамъ къ Якову Пунтосову с товарыщи, и роздати тѣ денги ратнымъ людемъ. И противъ того Королевского Величества діякъ Карлъ Олусовъ мнѣ по своеи вѣре обещался и на томъ мнѣ, за своею рукою и печатью, крѣпость далъ: что Якову Пунтосову со всѣми людми итти, которые с нимъ, опричь болныхъ и раненыхъ, ко мнѣ боярину и воеводе ко Князю Михаилу Васильевичю Шуйскому въ Колязинъ тотъ часъ, не мешкая нигдѣ, и надъ воры промышляти Государевымъ дѣломъ со мною заодинъ, и къ Его Царскому Величеству на помочь итти со мною вмѣсте, и самоволствомъ ничего не чинити. А которого часу Королевские воеводы Яковъ Пунтосовъ с товарыщи со всѣми ратными людми поидетъ стану ко мнѣ в Колязинъ, и Федору с Королевскимъ дьякомъ с Карлусомъ Олусовомъ и ѣхати на Новгородъ в Корѣлу, да изъ Новагорода ѣхати с нимижъ діяку Гриму Телепневу въ Корѣлу, и тотъ Его Царского Величества городъ Корѣла с уѣзды Королевского Величества діяку Карлу Улусону, или полномочнымъ, которые о томъ будутъ присланы, очистить и отдати безо всякого мешкания и прекословия тотъ часъ, по прежнему договору, которои учиненъ в Выборе, и по договорнои записи. А для вѣрного утверженья, язъ Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуйскои обѣщаюсь и клятвѣ себя предаю, что мнѣ то все, что в сеи договорнои записи писано, держати и исполнити безо всякие лсти и омаву, и сю договорную запись далъ за

своею рукою и за печатью. Писана в Колязине, лѣта 7117, Августа.

2-ая.

Пресвѣтлѣйшаго, велеможного і высокороженного Князя и Государя Государя Карла девятого, Свицкого, Готцкого, Вендеского, Финского, Корѣлского, Лопского, в Сѣверной странѣ Каянскаго и Чюхонского, в Люлянтахъ Короля подданный слуга и дьякъ язъ Карлъ Олосонъ объявляю симъ, что договорился Великого Государя Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русиі Самодержца ближниі приятель бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуской, вмѣсто Царского Величества, по моему прошенью, которое язъ учинилъ отъ моего велеможнейшаго Короля и Государя: что городъ Корѣла по прежнему договору, которой учиненъ в Выборе межъ обеихъ Государей воеводъ Юрья Бой, Тениса Юрьева, Арвея Тенисова, Отто Гелмера, Өармерияра, и діака Илденыа, и Семена Васильевича Головина, да дьяка Сыдавнова Васильева, и по прежнему обещанью поступилися и отдати; и на томъ Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуской обещался клятвою своею, какъ его мнѣ даная запись оказуеть, что тотъ городъ Корѣла с уѣзды по прежнему договору безъ всякого мотчанья, прекословия и оману поступитца, и моему велеможнеишему Королю корунѣ Свидцкой очистити и отдать велѣти. И по тому договору Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуской велѣлъ своему полномочному воеводе Федору Даниловичю Чюлкову ѣхать со мною в Великиі Новгородъ, а изъ Новагорода ѣхать с нами жъ діаку Еѳиму Телепневу в Корѣлу; и какъ приѣдутъ Царского Величества боярина і воеводы Князя Михаила Васильевича Шуйскова полномочные Өедоръ Чюлковъ, да Еѳимъ Телепневъ в Корѣлу, и имъ городъ Корѣлу с уѣзды отдати и очистити мнѣ и моего велеможнѣйшаго Короля полномочнымъ посломъ не мотчая, какъ напреди объявлено по прежнему договору, и то виполняти Царского Величества бояринъ і воевода Князь Михаило Васильевичь Шуской обещалъ, какъ его мнѣ даная запись оказуетъ.

И на томъ мы Царского Величества з бояриномъ і воеводою со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Шуйскимъ договорились: что Королевского Величества воеводе Якову Пунтосову де ла Гарди со всѣми ратными людми, опричь раненыхъ и болныхъ, которые с нимъ, какъ дойдутъ ему тѣ денги и соболи, которые с нимъ со Княземъ Яковомъ Петровичемъ Борятинскимъ присланы будуть ратнымъ людемъ па наемъ, и Королевскому воеводе Якову Пунтусову, роздавъ тѣ денги ратнымъ людемъ, итти со всѣми ратными людми, которые с нимъ, к Царского Величества боярину і воеводе ко Князю Михаилу Васильевичю Шуйскому в Колязинъ безо всякого мешканья, и с нимъ противъ Его Царского Величества недруговъ стояти за одинъ человѣкъ, и Царскому Величеству помочь учинити вмѣсте; а который часъ моего велеможнѣйшаго Короля и Государя ратной воевода Яковъ Пунтосовъ со всѣми ратными людми, которые с нимъ, к боярину і воеводе ко Князю Михаилу Васильевичю Шуйскому придутъ, и тогожъ часу боярина і воеводы Князя Михаила Васильевича Шуйского полномочнымъ Өедору Чюлкову, да Євиму Телепневу и ѣхати со мною в Корѣлу, и отдати городъ Корѣлу мнѣ и моего велеможного Короля и Государя полномочнымъ посломъ тотъ часъ. А на томъ язъ Карлъ Олесонъ, по своей вѣре, совести и правде, обещался, что моего велеможнейшаго Короля и Государя воеводе Якову Пунтосову де ла Гарди, по прежнему Королевскому обещанью, взявъ тѣ денги, роздавъ ратнымъ людемъ, итти со всѣми ратными людми к боярину і воеводе ко Князю Михаилу Васильевичу Шуйскому в Колязинъ тотъ часъ, не мешкавъ, безо всякого отчаланя и невѣрия, и что то все здержати безо всякой лести, и язъ се писмо своею рукою подписалъ и печатью своею запечаталъ. Писано в Колязине, Августа въ 27 день, лѣта 7117.

Роспись противъ Неметцкого писма, что найму Неметцкимъ воеводамъ, и ротмистромъ, і головамъ и ратнымъ людемъ, коннымъ и пѣшимъ, и по чему на мѣсяцъ въ одинъ рядъ:

На 2,000 конеи на мѣсяцъ по 25 ефимковъ, всѣхъ 50,000 ефимокъ.

На 3,000 человѣкъ пѣшихъ по 12 ефимокъ на мѣсяцъ, всѣхъ 36,000 ефимокъ.

На болшово воеводу на Граѳа на мѣсяцъ 5,000 еѳимокъ.

2 воеводамъ, одинъ у копныхъ, другои у пѣшихъ, на мѣсяцъ 4,000 еѳимокъ.

Ротмистромъ, головамъ и приказнымъ людемъ 5,000 еѳимокъ.

И всего воеводамъ, и ротмистромъ, головамъ и ратнымъ людемъ, копнымъ и пѣшимъ, на одинъ мѣсяцъ найму 10,000 еѳимокъ.

А по договору, дать имъ наемъ на Москвѣ противъ вдвое.

№ XVII.

ПИСЬМО

Шведскаго Генерала Якова Делагардія къ Царю Василью Ивановичу, отъ 2 Августа 1609.

Того велеможнѣйшаго, высокорожденного Князя и государя, государя Карлуса девятаго, Божіею милостію государства Свейскаго, Готского, и Вендепского, Финского, Корелского, Лопскаго, въ Нордлантѣ Каянскаго и Чуди, въ Лифлянтахъ короля, уставленные надъ всемъ войскомъ воевода, въ нынѣшнемъ Рускомъ походѣ азъ Яковъ Делагардіе..... даю вѣдати тому велеможнѣйшему, высокорожденному Князю и Государю, государю Василью Ивановичу, Царю и великому Князю, всея Русіи самодержцу, Владимерскому, Московскому, Новгородскому, царю Казанскому, царю Астраханскому, царю Сибирскому, государю Псковскому, и великому князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иныхъ, государю и великому Князю Нова города низовскіе земли, Черниговскому, Резанскому, Полотцкому, Ростовскому, Ярославскому, Белоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому, и всея севѣрныя страны государю и повелителю, въ Иверской землѣ тѣхъ Карталинскихъ и Грузинскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ Государю и обладателю: милостію и помочью божіею мы твоихъ враговъ подо Тверью низложили, и ихъ побили, и розгоняли, и помыслилъ былъ язъ съ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Шуйскимъ, съ обѣихъ сторонъ воинскими людьми ближе къ Москвѣ податись, и какъ мы нѣсколько милей ото Твери отошли, и поразумѣли отъ подъѣздщиковъ,

что тѣ Поляки и казаки во Твери въ городѣ сидѣли въ осадѣ, изъ города Твери выбѣгли, и послѣ нашего отходу свои большіе полки подъ Москву пошли; и я для того назадъ воротился, и городъ засѣлъ, и хочу тотъ городъ отъ всѣхъ враговъ утѣсненія твоему царскому величеству вѣрною рукою оборонити; и сталъ семи съ своими полки подъ тѣмъ городомъ, и могу его отъ твоего царскаго Величества недруговъ оборонити, гдѣ будетъ тѣснота учинится; и посадилъ семи въ городъ своихъ пѣшихъ людей на готовѣ для ради всякія мѣры, по тому, что о городѣ томъ многое надлежитъ, и тотъ бы городъ подъ твоей царской мочью былъ для ради розные причины, которое ваше Царское Величество самъ лучши можетъ разумѣти, нежъли язъ могу писати. И учинили то твоему царскому Величеству вѣдома, какъ язъ и тѣ головы, которые со мною, и наши люди, милостію и помоганіемъ всемогущаго Бога тѣхъ твоихъ враговъ низложили, побили и потоптали, и трожды къ городомъ приступали, пока мѣста язъ суда въ землю пришолъ, что отъ того люди и лошади истомны стали, и какъ ся выпочинутъ и люди храбрые учинятся, твоихъ враговъ поискати, и елико мнѣ возможно въ землю впередъ податись, и язъ въ томъ не измѣшкаю. А по ихъ всѣхъ опчему прошенію, и для ради потребныхъ причинъ, семи нѣсколько день имъ далъ опочинути, пока мѣста больши помочи получу отъ нашихъ воинскихъ людей, которые на пути есть, и всѣ готовы сюда въ землю вошли, и о томъ мнѣ прямая вѣсть есть; и для того семи за 11 дни послалъ нѣсколько имянитыхъ, и далъ сирѣчь дворянскимъ встрѣчу, которымъ ихъ до меня проводити; и какъ семи послѣдние къ Твоему Царскому Величеству писалъ: да хочу семи утре къ Князю Михайлу Васильевичу Шуйскому отъ себя на помочь отпустити воеводу имянемъ Эвертгорнъ, а съ нимъ двѣ тысящи воинскихъ людей, для того, чтобъ его люди храбрѣе стали, а врагомъ бы страхъ и ужесть была, и столь скоро, какъ Богъ похочетъ, и помочь получу свѣжихъ людей, которыхъ язъ со дни на день ожидаю, хочу и язъ не мѣшкавъ со всею силою за ними итти, и пойду твоему царскому величеству на помочь противъ твоего Величества враговъ, не чтобъ всемогущіи Богъ твое царское Величество

отъ таковаго утѣсненія избавилъ: да чтобъ твое царское Величество на то прямо надеженъ былъ, послалъ семи. . . . . царскому Величеству. . . . . . . написанныхъ; а далъ имяны Яковъ Бурь изъ Керонель, да Анцу Францбека, съ иными ихъ четырмя товарыщи, посланнымъ съ ними къ Москвѣ ѣхати, которые твоему Царскому Величеству подлинно по моему изустному приказу объявятъ всѣ обстоянія дѣлъ: и какъ семи вышли по моего велеможнѣйшаго Короля приказу совершати и твоему царскому Величеству впредь помогати, какъ семи прежь сего радѣньемъ и хотѣньемъ дѣлалъ; и твоебъ царское Величество тѣмъ вѣрилъ, что онѣ твоему царскому Величеству учнутъ говорити, и иныя обстоянія дѣлъ объявятъ; а воинскіе люди жалобу имѣютъ и о томъ скорбятъ, что онѣ твоему Царскому Величеству здѣся въ землѣ нѣсколько свою вѣрную службу показали, и за то мало заплаты получили, и онѣ у меня о томъ просили, чтобъ мнѣ къ твоему царскому Величеству о томъ писати, и того у тебя просити, чтобъ твоему царскому Величеству тою досталью, которая имъ доведется дати, понаматовити: и какъ язъ отъ Князя Михайла по его писанью прразумѣлъ, что двѣ дороги просты къ Москвѣ и безъ помышки къ твоему Царскому Величеству и назадъ мочно ѣхати, и для того прошу у твоего Царского Величества, какъ мои посланные назадъ поѣдутъ, чтобъ твое Царское Величество тѣ деньги смѣтивъ, Князю Михайлу прислалъ, чтобъ ему тѣ деньги моимъ воинскимъ людемъ раздѣлити, чтобъ онъ охотнѣ были и показалибъ твоему Царскому Величеству впередъ свою вѣрную службу, чему онѣ безъ сумнѣнія ради дѣлати, какъ онѣ досталь заплаты получатъ, которую онъ заслужили; и какъ твое Царское Величество изъ моего прежнего писма проразумѣлъ. . . . царскому Величеству стороны. . . . . даю сво. . . . . своего велеможнѣйшаго Короля вѣдати, а съ своей стороны свою парсуною прошу того, чтобъ ваше Царское Величество мнѣ въ своемъ писанье опасность то учинилъ во всемъ томъ, что князь Михайло Васильевичь Шуйской отъ твоего Царского Величества моему велеможнѣйшему Королю за помочь, что его королевское Величество твоему Царскому Величеству учинилъ, и

ещо впередъ учнетъ чинити, по его князя Михайлова крѣпкому и твердому писанію, и печатью, и обѣщанію, укрѣпили и совершили, и число было поставлено Маія въ 27 день, и то давно прошло; и твоемубъ Царскому Величеству о томъ указати, все что и язъ заносл и обѣщанося, чтобъ то вскорѣ совершено было, для того, чтобъ мой велеможнѣйшій Король тѣмъ подвижнѣе учинился твоему Царскому Величеству, но и паче того помоганіе чинити и больши того пріятельство показати, и язъ также со воинскими людьми, которые со мною есть, и которыхъ вскорѣ къ себѣ чаюсь быти, подвижнѣе и хотнѣя бы обрѣлися, и твоему Царскому Величеству бы и всей Руской землѣ вѣрную службу показали; и о томъ бы Ваше Царское Величество ни которое сумнѣніе не имѣли, но прямую надежу имѣлъ; также бы ваше Царское Величество съ твоими Царскаго Величества вѣрными подданными, духовными и мирскими, великими и малыми чины, которые при твоемъ Царскомъ Величествѣ пребываютъ и вѣрно служатъ, и добрую мысль имѣли и ожидали бы до товѣрную прямую помочь, и далибъ твое Царское Величество мнѣ вѣдати, какъ обстоитъ о недрузехъ твоихъ, чтобъ мнѣ вѣдомо было, какъ мнѣ имѣтись въ своихъ дѣлѣхъ. Да дошли до меня радостные вѣсти, что къ твоему Царскому Величеству на помочь идутъ люди изъ Татарскихъ и иныхъ странъ, свѣжіе люди, какъ есми проразумѣлъ, и твоего царского величества писаніе, которое къ Князю Михайлу писано, и то всемогущій Богъ къ особливому помоганію устроилъ, также и намъ всемогущій Богъ свою божественную силу твоему Царскому Величеству и намъ обчея всѣмъ, по тому, что прямое дѣло имѣемъ, покажетъ; и поручаю твое Царское Величество Богу всемогущему, чтобъ твоему Царскому Величеству въ добрѣ пребывати и твоему Царскому Величеству преодолѣніе имѣти надъ всѣми своими враги и супостаты. Писано въ полкѣхъ подо Тверью 2-го числа Августа, лѣта по Христѣ 1509-го году.

№ XVIII.

ГРАМОТА

Царя Василья Ивановича къ Шведскому Генералу Делагардію, посланная 22 Августа 1609 года.

Божіею милостію отъ великаго Государя, Царя и великого Князя Василья Ивановича, всея Русіи самодержца, и многихъ государствъ Государя и обладателя, любительнаго Государя Карлуса Короля Свейского, Готцкого, Венденского, воеводѣ Якову Пунтусову Делагарду, вольному господину въ Екголму, въ Колкѣ и Рунціе: прислалъ еси къ нашему Царскому Величеству дворянъ Якова Бурьина съ товарыщи, съ грамотою; и мы великій Государь дворяномъ Якову съ товарыщи велѣли видѣти наши Царскіе очи незамѣшкавъ, и грамоту твою велѣли у нихъ приняти и рѣчи, что ты къ нашему Царскому Величеству съ Яковомъ приказывалъ, выслушали любительно; а въ грамотѣ своей къ нашему Царскому Величеству писалъ еси, и Яковъ Бурьинъ рѣчью говорилъ, что милостію и помочью Божіею вы нашихъ враговъ подъ Тверью низложили и ихъ побили и разгоняли, и помыслили были есте съ ближнимъ нашимъ бояриномъ и воеводою со княземъ Михайломъ Васильевичемъ Шуйскимъ съ обоихъ сторонъ воинскими людми податись ближе къ Москвѣ и увѣдали отъ подъѣзщиковъ, что Поляки и казаки, которые во Твери въ городѣ сидѣли въ осадѣ, изо Твери выбѣгли въ воровскіе таборы, и ты воротился назадъ и сталъ съ своими полки подо Тверью, а въ городѣ посадилъ пѣшихъ людей, и хочешь тотъ городъ ото всѣхъ враговъ утѣсненія нашему цар-

скому Величеству оборонити для того, что о томъ городѣ многіе мѣры надлежатъ и тотъ бы городъ былъ подъ нашею мочью; а какъ ты и головы которые съ тобою, и люди, милостію и помочью всемогущаго Бога тѣхъ нашихъ враговъ низложили, побили и потоптали, и трожды къ городомъ приступали и отъ того люди и лошади истомны стали, и ты по ихъ всѣхъ воинскому прошенью и для ради потребныхъ причинъ далъ еси имъ нѣсколько день опочинути, пока мѣста большіе помочи получать отъ вашихъ воинскихъ людей, которые ужъ на пути и въ нашу землю пришли, о томъ тебѣ прямая вѣсть; и для того ты за 14 день послалъ имянитыхъ дворянъ къ нимъ въстрѣчу, которымъ ихъ до тебя допровадити. А какъ ты послѣднее нашему царскому Величеству писалъ, и ты назавтрее того хотѣлъ отпустити отъ себя къ ближнему нашему боярину и воеводѣ ко Князю Михайлу Васильевичу Шуйскому воеводу Ивстгорна, а съ нимъ двѣ тысячи воинскихъ людей, чтобъ врагомъ было страшнѣе, а ты со дни на день ожидаешь прибылыхъ людей, а сождавъ тотъ часъ пойдешь къ нашему царскому Величеству на помочь противъ нашихъ враговъ, и божьею помочью хочешъ всю нашу землю отъ нашихъ враговъ избавити и очистити; а для того, что нашему царскому Величеству на то прямо надежну быти, послалъ еси къ нашему царскому Величеству дворянъ Якова Бурьина Керонела, да Анцу Францизбека и съ ними товарыщи, и про то имъ велѣлъ объявити, какъ ты мыслишь по государя своего Карлуса Короля приказу совершить и нашему царскому Величеству впередъ помогати: и мы Великій Государь Царь и великій Князь Василей Ивановичь всея Русіи, и всѣ люди нашего государства слыша такіе побѣды на враги воздаемъ о томъ хвалу всемогущему Богу, и ваше дородство и храбрость похваляемъ, и желаемъ того, чтобъ милосердый Богъ къ намъ и ко всему нашему государству любительного государя Карлуса Короля такую сердечную дружбу и любовь, а вашу прямую службу и радѣнье совершилъ: а ближней нашъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичь писалъ къ намъ, что передовые Нѣмецкіе люди отъ васъ къ нему подъ Колязинъ монастырь пришли, а ты Яковъ съ товарыщи со всею ратью еще къ нему

не бывали; а наши ратные люди изъ Ярославля, изъ Костромы и Поморскіе и изъ иныхъ изо многихъ городовъ ратные люди къ боярину ко князю Михайлу Васильевичу сошлись, и видя отъ тѣхъ враговъ отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей нашей святой Христіанской вѣрѣ такое злое поруганье, а нашему государству многое разоренье и хрестьянское невинное кроворазлитье, и прося у милосердаго Бога милости хотять на тѣхъ враговъ итти всѣ головами своими и промышляти надъ ними, сколько милосердый Богъ помочи подастъ; а нынѣ тѣ всѣ ратные люди стоятъ на одномъ мѣстѣ, а на воровъ походъ ихъ позамѣшкался за вами; а воры Польскіе и Литовскіе люди увѣдавъ то, что вы позамѣшкали во Твери, наше государство воюютъ и пустошатъ и разоряютъ злѣе прежнего, и кровь Христіанскую проливаютъ, и половъ многой безпрестани изъ нашего государства отсылаютъ къ себѣ въ Польшу и въ Литву; и мы великій Государь и всѣ люди нашего государства о томъ зѣльно оскорбляемся, что такое зло отъ нихъ нашему государству чинитца, а вашъ походъ на нихъ позамѣшкался: и тыбъ воевода Яковъ, какъ началъ намъ великому Государю служити и радѣти, такъ бы еси храбрство свое и дородство совершалъ, шолъ бы еси въ ходъ со всѣми людьми къ боярину нашему и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу не мѣшкая, не ожидая прибылыхъ Нѣметцкихъ людей, и прося у милосердаго Бога милости, съ бояриномъ нашимъ со княземъ Михайломъ Васильевичемъ промышляли надо врагами нашими надъ Польскими и Литовскими людьми и надъ нашими измѣнники, сколько вамъ милосердый Богъ подастъ; а которые прибыльные свѣжіе люди идутъ къ вамъ на помочь, и тыбъ къ тѣмъ еще послалъ отъ себя дворянъ, чтобъ они шли къ намъ не мѣшкая; а самъ бы еси за ними во Твери не мѣшкалъ. А что писалъ еси къ нашему Царскому Величеству. . . . . говорилъ, что воинскіе. . . . . и рѣчью яко. . . . . . . люди имѣютъ жалобу и о томъ. . . . . что они нашему Царскому величеству несколько свою вѣрную службу показали, и за то мало заплаты получили, и тебя о томъ просили, чтобъ намъ та достаљ, которая имъ доведетца дати, попамятовати: а уразумѣлъ ты отъ боярина нашего отъ князя Михайла Васильевича, что къ Москвѣ

просты двѣ дороги, и мочно ими ѣхати безъ помѣшки, и для того просишь у нашего Царского Величества, какъ твои посланные назадъ поѣдутъ, и намъ бы тѣ деньги сметивъ, къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу прислати, а емубъ тѣ деньги вашимъ воинскимъ людемъ роздѣлити, чтобъ они хотнѣе были; да и тѣхъ бы воинскихъ людей, которые нынѣ на пути и вскорѣ ихъ къ себѣ на помочь ожидаешь, такъ же потѣшити, мѣсячную заплату дати, чтобъ они вмѣстѣ нашему Царскому Величеству впередъ свою вѣрную службу показали; и мы Великій Государь всегда того хотѣли и о томъ радѣли и промышляли, чтобъ Карлуса Короля къ вамъ воеводамъ и ко всѣмъ ратнымъ людемъ съ нашимъ жалованьемъ и казну на наемъ ратнымъ людемъ послати; да ни какими обычаи послати было не мочно: воры Польскіе и Литовскіе люди и наши измѣн. . . . . того стерегутъ накрѣпко, не токмо что сказано мочно проѣхати, ни съ грамотами нашими проходили отъ насъ къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу Шуйскому съ великою нужею, а на нашихъ гонцовъ изъ станицы, которые посыланы были къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу и къ вамъ воеводамъ, и которыхъ посылали къ намъ, и тѣхъ многихъ воры Польскіе и Литовскіе люди перенмали: а нынѣ хотя нѣкоторые дороги сторонніе отъ воровъ и поочистилися, только проѣзжаютъ ими скорымъ обычаемъ станичнымъ легкимъ ѣздомъ, а казны ни которыми мѣрами съ Москвы послати не льзя, по тому, что воры стоятъ блиско Москвы и подъ дороги приходятъ украдомъ, а утаитися отъ нихъ такой посылкѣ ни какъ не возможно. И мы нынѣ писали къ ближнему нашему боярину и воеводѣ князю Михайлу Васильевичу, что будетъ у него есть нашіе казны въ собраньѣ, и онъ бы тое всее казну давалъ вамъ на ратныхъ людей тотъ часъ не мѣшкая, и на прибылыхъ людей велѣли есмя наемные деньги готовити, а въ поморскіе и въ понизовые во всѣ городы велѣли есмя по казну послати наскорѣ; а что отколь привезутъ, и то велѣли есмя вамъ же отдавати, и кормы всякіе велѣли есмя на васъ готовити, чтобъ вамъ будучи на нашей службѣ скудости въ томъ. . . . . а чево будетъ наемныхъ денегъ у боярина наше-

го у князя Михайла Васильевича ратнымъ Нѣмецкимъ людемъ недостанетъ, и какъ милосердый Богъ подастъ на враговъ помочь, и будетъ у нашего Царского Величества на Москвѣ, и мы тѣ достальные наемные деньги ратнымъ людемъ по договору велимъ на Москвѣ давати не мѣшкая ни одного дни, томубъ есте нашему царскому слову вѣрили. А что писалъ еси къ нашему Царскому Величеству и рѣчью Яковъ Бурълинъ говорилъ, чтобъ наше Царское Величество тебѣ опасность учинилъ во всемъ томъ, что ближней нашъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской съ Государемъ вашимъ Карлусомъ Королемъ приговорилъ и твердымъ писмомъ и печатью утвердилъ и закрѣпилъ, а быти было тому Маія въ 27 день, и то давно прошло, и нашемубъ Царскому Величеству о томъ указати, что. . . и обѣщанаго, и то совершено будетъ ли. . . . . что Государь вашъ Карлусъ Король. . учинилъ ся нашему Царскому Величеству помочь чинити и большое пріятельство показати, и тебѣбъ съ воинскими людьми, которые топерь съ тобою, и которыхъ вскорѣ къ себѣ ожидаешъ, подвижнѣе и охотнѣе нашему Царскому Величеству и всему нашему государству службу свою показати: и мы Великій Государь даемъ тебѣ о томъ вѣдать, о которыхъ дѣлехъ ближней нашъ бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичь съ Государемъ вашимъ съ Карлусомъ Королемъ договоръ учинилъ и утвердилъ писмомъ своимъ и печатью, и мы Великій Государь по тому утверженью хотимъ держати крѣпко и стоятельно и неподвижно, и къ боярину нашему князю Михайлу Васильевичу наше царское повелѣнье послали, чтобъ онъ то дѣло по своему договору и укрѣпленью совершилъ немѣшкая; а выбъ также промышляли и радѣли, чтобъ вамъ по договору и по утвержденью Государя своего Карлуса Короля и по своему государству наше отъ враговъ нашихъ очистити не мѣшкая, чтобъ то утверженье на обѣ стороны было крѣпко и неподвижно. А что писалъ еси къ нашему Царскому Величеству и рѣчью Яковъ Бурълинъ говорилъ, что пи. . . . . Величеству съ нашими подданными помыслити, и тебѣбъ о томъ вѣдомо учинити, какъ обстоитъ о недрузехъ нашихъ, чтобъ и тебѣ вѣдомо было, какъ и тебѣ имѣтися въ своихъ дѣлехъ; и мы Ве-

ликій Государь о томъ тебѣ даемъ вѣдати: Воры Польскіе и Литовскіе люди съ тѣмъ воромъ, котораго называютъ государскимъ именемъ въ прежнего въ убитого вора мѣсто, стоятъ отъ Москвы за пятнадцать верстъ въ обозѣ, а около обозу, выкопанъ у нихъ ровъ невеликой, а въ иныхъ мѣстахъ острогомъ заставлено съ того обычья, какъ бываетъ обозъ въ дорогѣ у великихъ ратныхъ людей; а сколько съ воромъ въ обозѣ людей, и сколько тѣхъ воровъ пошло противъ васъ, и то вамъ самимъ подлинно вѣдомо отъ ихъ воровскихъ языковъ; а у вора и у всѣхъ Польскихъ людей вся надежда на тѣхъ людей, которые пошли противъ васъ, и токмо милосердый Богъ подастъ вамъ помочь и побѣду на тѣхъ людей, которые пошли противъ васъ, и мы чаемъ милости божьи, что воръ со всѣми людьми подъ Москвою не устоитъ; и вамъ бы прося у Бога милости, сшедчися съ ближнимъ нашимъ бояриномъ и воеводою съ Княземъ Михайломъ Васильевичемъ, пойти на тѣхъ воровъ, которые пошли противъ васъ, не мешкаябъ, и иттибъ прямо къ намъ къ Москвѣ; а мы безпрестани съ Москвы посылаемъ нашихъ ратныхъ людей подъ тотъ воровской обозъ чинити имъ тѣсноту, чтобъ имъ воровскимъ людемъ, которые пошли противъ васъ, было страшнѣе и мысль бы ихъ воровская тѣмъ разрушити. А какъ милосердый Богъ боярину нашему Князю Михайлу Васильевичу и вамъ на тѣхъ воры побѣду подастъ и подойдете близко Москвы, и мы великій государь, смотря по здѣшнему дѣлу и розвѣдавъ воровской умыслъ, тотъ часъ къ боярину нашему ко Князю Михайлу Васильевичу и къ вамъ наше царское повелѣнье о томъ пришлемъ, какъ на нихъ нашъ походъ будетъ, и какъ вамъ на тѣхъ воровъ приходити, и съ которые стороны; а нынѣ вамъ однолично служба своя совершенная къ намъ показати, шлибъ есте къ боярину нашему ко князю Михайлу Васильевичу не мѣшкая; а къ тѣмъ людемъ, которые еще къ вамъ идутъ на помочь, послалъ бы еси отъ себя наскоро, чтобъ они шли къ вамъ не мѣшкая, а тыбъ за тѣмъ во Твери не мѣшкалъ: а которая понизовая рать была съ бояриномъ нашимъ и воеводами съ Федоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ съ товарищи, и бояринъ нашъ и воевода Федоръ Ивано-

вичь съ товарыщи съ понизовою со многою ратью вдучи изъ Мурома ходили на нашихъ измѣнниковъ подъ Касимовъ, и божьею милостію тотъ городъ взяли, и Касимовского Царя, женъ и дѣтей и лутчихъ людей всѣхъ поимали, а пущихъ воровъ всѣхъ побили, а посадцкихъ людей и весь Касимовской уѣздъ и многіе городы и мѣста и волости къ намъ обратили и Татаръ всѣхъ къ шерти привели: а которые Касимовскіе Татарове были у вора въ обозѣ съ Касимовскимъ Царемъ, и тѣ все свѣдали про Касимовъ, побѣжали въ Касимовъ и шертовали намъ великому Государю, и мы нынѣ послали къ бояриму нашему и воеводамъ къ Федору Ивановичу съ товарищи наше повелѣнье, а велѣли имъ со всѣми понизовыми людми и съ Татары изъ Касимова итти въ Володимеръ не мѣшкая, а изъ Володимера велѣли есмя имъ сходитися съ бояриномъ нашимъ и воеводою со Княземъ Михайломъ Васильевичемъ и съ вами ближь Москвы, гдѣ будетъ пригожь: а что пишешь къ нашему Царскому Величеству, что ожидаешъ во Твери прибылыхъ свѣжихъ людей; и только тѣхъ людей учнешъ ждати, и въ вашемъ мѣшканьѣ ратнымъ людемъ, нашимъ и вашимъ, въ долгомъ стояньѣ будетъ истомно: и вамъ бы однолично ни за чемъ во Твери не мѣшкати, чтобъ нашему дѣлу въ томъ порухи не было, и службу свою и раденье къ намъ великому Государю какъ начали, такъ бы есте и совершали: а какъ божіею милостію, а государя вашего любительнаго Карлуса Короля вспоможеньемъ и сердечною его къ намъ любовью и дружбою, а вашимъ храбствомъ и дородствомъ, служба ваша къ намъ великому Государю и ко всему нашему государству совершится, и мы великіи Государь любительному государю Карлусу Королю будемъ воздавати противъ его сердечные дружбы и любви нашею царскою великою сердечною любовью и дружбою, и по укрѣпленью боярина нашего Князя Михайла Васильевича все совершимъ, и въ передъ такую его сердечную любовь и дружбу хотимъ незабытно держати; а васъ за вашу храбрость и дородство, и къ намъ и ко государству нашему за такую прямую службу и раденье пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ. Писанъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7117-го года.

№ XIX.

ГРАМОТА

Царя Василья Ивановича къ Князю Михайлѣ Васильевичу Скопину-Шуйскому, отъ 22 Августа 1609.

Отъ Царя и великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи, боярину нашему и воеводѣ Князю Михайлу Васильевичу Шуйскому: присылалъ къ намъ Свейского Карлуса Короля воевода Яковъ Пунтусовъ Делагардъ Нѣмецъ, Якова Бурьина Керонела съ товарыщи трехъ человѣкъ съ грамотою; а рѣчью передъ нами Яковъ Бурьинъ говорилъ о тѣхъ же дѣлѣхъ, о чомъ въ грамотѣ писано, и письмо рѣчемъ своимъ далъ; и мы тѣхъ Нѣмѣцъ Якова Керонела съ товарыщи пожаловавъ нашимъ жалованьемъ назадъ съ Елизарьемъ Безобразовымъ отпустили; а съ ними послали къ воеводѣ Делагарду о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ, о чомъ онъ къ намъ писалъ, и что рѣчью Яковъ Керонель говорилъ, нашу грамоту: а какову къ намъ грамоту прислалъ воевода Яковъ Делегардъ, каково и письмо рѣчемъ своимъ далъ Яковъ Бурьинъ, и какова наша грамота послана отъ насъ съ ними къ воеводѣ къ Якову Делегарду, и мы съ того со всего списка слово въ слово послали есмя къ тебѣ съ Елизарьемъ Безобразовымъ, чтобъ тебѣ о тѣхъ о всѣхъ дѣлѣхъ, о чемъ къ намъ писалъ и приказывалъ Яковъ Делегардъ, и что отъ насъ къ нему писано, вѣдати подлинно: и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а воевода будетъ Яковъ Пунтусовъ съ Нѣметцкими людьми изо Твери къ тебѣ еще не пришолъ, и тыбъ къ нему писалъ и приказывалъ, и

промышлялъ нашимъ дѣломъ, какъ тебѣ писали въ нашей грамотѣ противъ Васкиныхъ рѣчей Архипова, и какъ тебя Богъ вразумитъ, чтобъ онъ шолъ къ тебѣ не мѣшкая; а Нѣмецъ Якова Бурѣина съ товарыщи отпустилъ бы еси къ нему съ Елизарьемъ же, или съ кѣмъ пригоже, и съ ними къ Якову Пунтосову приказалъжъ накрѣпко, чтобъ онъ шолъ къ тебѣ не мѣшкая со всѣми люди: а будетъ въ передъ учнетъ къ тебѣ писати, или приказывати воевода Яковъ Пунтусовъ о тѣхъ же дѣлехъ, о которыхъ нынѣ къ намъ писалъ къ Яковомъ Бурѣинымъ, и тыбъ къ нему писалъ и приказывалъ о тѣхъ дѣлехъ и промышлялъ тѣми дѣлы противъ нашіе грамоты, какъ къ нему отъ насъ писано, и противъ тое нашіе грамоты, какъ мы писали противъ Васькиныхъ рѣчей Архипова, и смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ вразумитъ: а будетъ Яковъ Пунтусовъ упрямитца, до прибылыхъ людей изо Твери не пойдетъ, а прибылыхъ будетъ людей вскорѣ не чаяти; и тыбъ писалъ къ нему и приказывалъ, чтобъ онъ службу свою совершенную къ намъ показалъ, шолъ бы къ тебѣ въ сходъ не мѣшкая, не дожидаяся прибылыхъ людей; да будетъ надобно, и тыбъ о томъ къ нему приказалъ или отписалъ, только онъ учнетъ мѣшкати во Твери, а надъ нашимъ государствомъ отъ воровъ за его мѣшканьемъ учинитца только которое лихо; и тогды чемъ тому пособити: а прибылыхъ людей будетъ надобно ждати, и вамъ мочно и сшодчися поговоря о томъ тѣхъ прибылыхъ людей подождати, и онъ бы шолъ къ тебѣ не мѣшкая; а будетъ воевода Яковъ Делегардъ учнетъ отговариватца тѣмъ, что Тверь замокъ всѣмъ городомъ, и емубъ съ своими полки тутъ подъ Тверью стояти, и отъ воровъ Твери оберегати, чтобъ инымъ городамъ, которые за Тверью, отъ воровъ зла не было: и тыбъ къ нему приказывалъ, что ты во Твери въ осадѣ велишь устроити Руских людей, а онъ бы одноличпо шолъ со всѣми Нѣметцкими людьми къ тебѣ въ сходъ не мѣшкая; и промышлялъ бы о томъ накрѣпко, какъ тебя Богъ вразумитъ, чтобъ воевода Яковъ Делегардъ шолъ къ тебѣ всходъ не мѣшкая: да будетъ Яковъ на ту мѣру, и тыбъ во Тверь послалъ воеводъ дву добрыхъ, а съ ними конныхъ и пѣшихъ людей, сколко

будетъ пригожъ, какъ бы имъ мочно было сидѣти отъ воровъ безстрашно, и какъ лутче, такъ бы еси учинилъ. А что воевода Яковъ Делегардъ писалъ въ своей грамотѣ, и Яковъ Бурънинъ въ рѣчехъ своихъ написалъ о найму Нѣметцкимъ ратнымъ людемъ, и мы указали послати къ тебѣ съ Елизарьемъ Безобразовымъ изъ Володимера двенадцать тысячь ефимковъ, и тыбъ тѣ ефимки, и что будетъ у тебя есми въ зборѣ нашей казны, давалъ на наемъ Нѣметцкимъ ратнымъ людемъ; а къ тому велѣлъ бы еси збирати съ нашихъ городовъ и съ волостей, съ которыхъ мочно что взяти; а что къ тебѣ откуды нашей казны привезутъ, и тыбъ повелѣлъ давати на наемъ Нѣметцкимъ людемъ, а ефимки тебѣ давати. . . . по большей цѣнѣ, какъ бы прибыльнѣе было: а будетъ Нѣмцы заслуженыхъ мѣсяцовъ учнутъ сполна у тебя просити, и тыбъ воеводамъ и ратнымъ Нѣметцкимъ людемъ говорилъ противъ нашей грамоты, какъ о томъ въ нашей грамотѣ къ воеводѣ къ Якову Делагарду писано, что у тебя было, и что отколѣ собравъ привезутъ, и ты имъ дашъ не перемѣшкавъ ни часу; а во всѣ городы збирати послано, и кой часъ что отколѣ привезутъ, тотъ часъ велишъ имъ дати; а будетъ чево нынѣ недостанетъ, и мы велимъ имъ тотъ наемъ додати на Москвѣ, не мѣшкая ни одного дни, томубъ они вѣрили безо всякого сумнѣнія, и инако наше царское слово не будетъ; и промышлялъ бы еси нашимъ и земскимъ дѣломъ по нашему указу, и смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ вразумитъ, чтобъ Нѣметцкихъ ратныхъ людей не прогнѣвити и отъ насъ бы они не отстали; да какъ у тебя наше дѣло учнетъ дѣлатися, и тыбъ о томъ къ намъ отписывалъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7117-го году, Августа въ 22 день.

№ XX.

ГРАМОТА

Царя Василья Ивановича въ Корелу къ Епископу, къ Воеводѣ и ко всѣмъ жителямъ, отъ 30 Августа 1609.

Отъ Царя і Великого Князя Василья Івановича всеа Русиі, въ Корѣлу богомолцу нашему Епископу Селивестру, да воеводе нашему Князю Данилу Тимоѳеевичю Мышетцкому, да Василью Тихановичю Аврамову, и Игуменомъ, и протопопу и попомъ, и головамъ, и дворяномъ, и детемъ боярскимъ, и стрелцомъ, и пушкаремъ, и посадцкимъ людемъ, и Корѣльсково уѣзду всякимъ людемъ. Въ прошломъ во 116 году, какъ с воромъ Полские и Литовские люди пришли подъ Москву, и Московкому Государству учало быти отъ нихъ утесненье, а православнои нашеи Християнскои вѣре ругателство великое; и мы послали въ Великіи Новгородъ боярина нашего і воеводу Князя Михаила Васильевича Шуйскаго, а велѣли ему Великого Новагорода и Ноугородскихъ пригородовъ і всеѣ Новгородцкие земли отъ воровъ оберегати, сколко милосердыи Богъ помочи подастъ. Да емужъ велѣли семя писати и приказывати к Свѣйскому х Карлусу Королю, чтобъ Карлусъ Король дружбу свою и любовь к намъ и ко всему нашему Росиіскому Государству показалъ, далъ бы намъ на помочь ратныхъ людей, с кѣмъ бы намъ мочно стояти противъ Литвы и Поляковъ, которые хотятъ святую нашу Хрестьянскую вѣру і все Росиіское Государство разорити и сами завладѣти; и о томъ бояринъ нашъ Князь Михаило Васильевичъ ссылался с Карлусумъ Королемъ и съ его воеводами многое время, сами о томъ вѣдаете,

и за многими ссылками и за прошеньемъ, Карлусъ Король на то сшолъ, воеводъ своихъ Якова Пунтусова с товарыщи со многою ратью к намъ и ко всему нашему Государству в помочь послалъ. А договоръ з бояриномъ нашимъ со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ Карлусъ Король учинилъ, и тѣхъ ратныхъ своихъ людей на помочь послалъ, на томъ: что ему и всему Свѣйскому Королевству всѣми своими ратьми и силами намъ помогати, и Росиіское Государство ото враговъ нашихъ очистити и ихъ изъ нашего Государства выгнати; а намъ за то ему городъ Корѣла дати. I после того укрепленья, Карлуса Короля воеводы со многою с Неметцкою ратью многое намъ і всему Росиіскому Государству вспоможенье учинили, Новгородцкое Государство и иные городы с Ноугородцкие стороны по Москву отъ воровъ очистили, и на многихъ боехъ с Полскими и с Литовскими людми бились и ихъ побивали. А ныне они з бояриномъ нашимъ со Княземъ Михаиломъ Васильевичемъ близко Москвы, и присылали к намъ ротмистровъ и лутчихъ людей говорити, что они, по своему договору, все совершаютъ: многіе городы и мѣста отъ воровъ очистили, і воровъ во многихъ мѣстехъ побивали, і впередъ на своемъ слове стоятъ крѣпко; а Государь де ихъ Карлусъ Король и они всѣ на томъ крѣпко стали, что имъ, прося у Бога милости, по своему договору, Московское Государство отъ воровъ очистити, хотя будетъ имъ всѣмъ помереть и городы всѣ Свѣйского Государства позакладать, а Московское Государство отъ воровъ отъ Литвы и отъ Поляковъ очистить, і впередъ де тотъ договоръ съ ихъ стороны будетъ неподвиженъ; а с нашие де и стороны, по договору боярина нашего Князя Михаила Васильевича, не совершено, посямѣста городъ Корѣла Карлусу Королю не отданъ. И Государь де ихъ Карлусъ Король и они о томъ в великомъ сумнѣнье, что они по договору все совершаютъ, а с нашие стороны по договору ничего не здѣлано; и намъ бы, по договору боярина нашего Князя Михаила Васильевича, городъ Корѣла Карлусу Королю отдати, а людей бы всѣхъ и казну и нарядъ ис Корѣлы со всѣмъ вывести: а только не велимъ ему отдати Корѣлы, и они хотятъ воротитца в свою землю, и впередъ намъ помогати не хотятъ. И мы говорили о томъ с от-

цомъ нашимъ и з богомолцомъ с святѣйшимъ Гермогеномъ Патриархомъ и со всѣмъ освященымъ соборомъ, и з бояры, и з дворяны, и со всѣми ратными и з земскими людми, что Російского Государства люди ныне учинилісь в великомъ изнеможенье и безъ помочи, безъ Неметцкихъ людей противъ Литвы и Поляковъ стояти невозможно, и жалѣя о томъ, чтобъ вѣра Хрестьянская и Росіское Государство от враговъ от Литвы и от Поляковъ не разорилось, и святыебъ церкви в попраніи і в поруганіи не были, приговорили есмя городъ Корѣлу отдати Карлусу Королю на томъ: что ему и всему Свѣйскому Королевству всѣми своими ратьми и всякими мѣрами намъ і всему Московскому Государству на воровъ на Полскихъ и на Литовскихъ людей и на Руских воровъ помогати, и наше Государство от нихъ очистити, и ихъ изъ нашего Государства выбити, а Божье милосердье образы, і всякое церковное строенье, и колокола, и васъ всѣхъ, и нашу казну, и нарядъ и зелье, и всякие пушечные и хлѣбные і всякие запасы велѣли есмя вывести. И для того велѣли есмя послати боярину нашему Князю Михаилу Васильевичю с сею нашею грамотою к вамъ в Корѣлу дворянъ добрыхъ, которымъ васъ с церковнымъ строеньемъ, и с казною и с нарядомъ, и со всякими запасы, и со всѣми животы ис Корѣлы вывести; а Неметцкие воеводы послали от себя дворянъ же которымъ Корѣла взяти. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, и бояринъ нашъ Князь Михаило Васильевичь пришлетъ к вамъ которыхъ дворянъ с сею нашею грамотою, а велитъ вамъ Корѣлу очистити Неметцкимъ людемъ; и тыбъ, богомолецъ нашъ, и с тобою воеводы, и головы, и Игумены, и протопопъ, и попы, и дьяконы і весь освященныи соборъ, и дворяне, и дѣти боярские, и земцы, и стрелцы, и пушкари, и посадцкие і всякие люди, памятуя православную Хрестьянскую вѣру и собрався со всѣмъ, ѣхали ис Корѣлы въ Великиі Новгородъ, или в Орѣшекъ, или гдѣ кому любо; а Божье милосердье образы ис Корѣлы и изъ монастыреи изо всѣхъ храмовъ, и колокола і всякое церковное строенье и казну всякую, и хлѣбъ і всякие запасы, и нарядъ всякои, и зелье, и ядра і всякие пушечные запасы взялибъ есте с собою в Великиі Новгородъ, а в Корѣле і в монастырехъ не оставили ничего, а городъ Корѣлу отдалибъ

есте Неметцкимъ воеводамъ, не мѣшкая. А какъ не Корѣлы поѣдете, і в которомъ числѣ Неметцкимъ людемъ Корѣлу отдадите, і вы бъ о томъ тотъ часъ к намъ отписали и подлинные росписи людемъ, которые с вами будутъ, и казнѣ, і наряду, і всякимъ пушечнымъ и хлѣбнымъ запасомъ к намъ прислали, не замѣшкавъ; да и о томъ бы есте к намъ челобитные прислали, не замѣшкавъ, гдѣ хто похочетъ жити: и мы по тому тотъ часъ васъ всѣхъ пожалуемъ, ружниковъ, и оброчниковъ, и стрелцовъ и пушкареи велимъ устроити нашимъ жалованьемъ, ругою и оброкомъ в тѣхъ городѣхъ, гдѣ хто похочетъ; а посадскихъ і всякихъ жилетцкихъ людеи и пашенныхъ такие велимъ устроити, по ихъ воле, гдѣ хто похочетъ, и лготы имъ велимъ дати и на нашу бъ есте милость в томъ были надежны. Писана на Москвѣ, лѣта 7117, Августа въ 30 день.

ПРИМѢЧАНІЕ

къ плану Осады Троицко-Сергіева Монастыря.

═

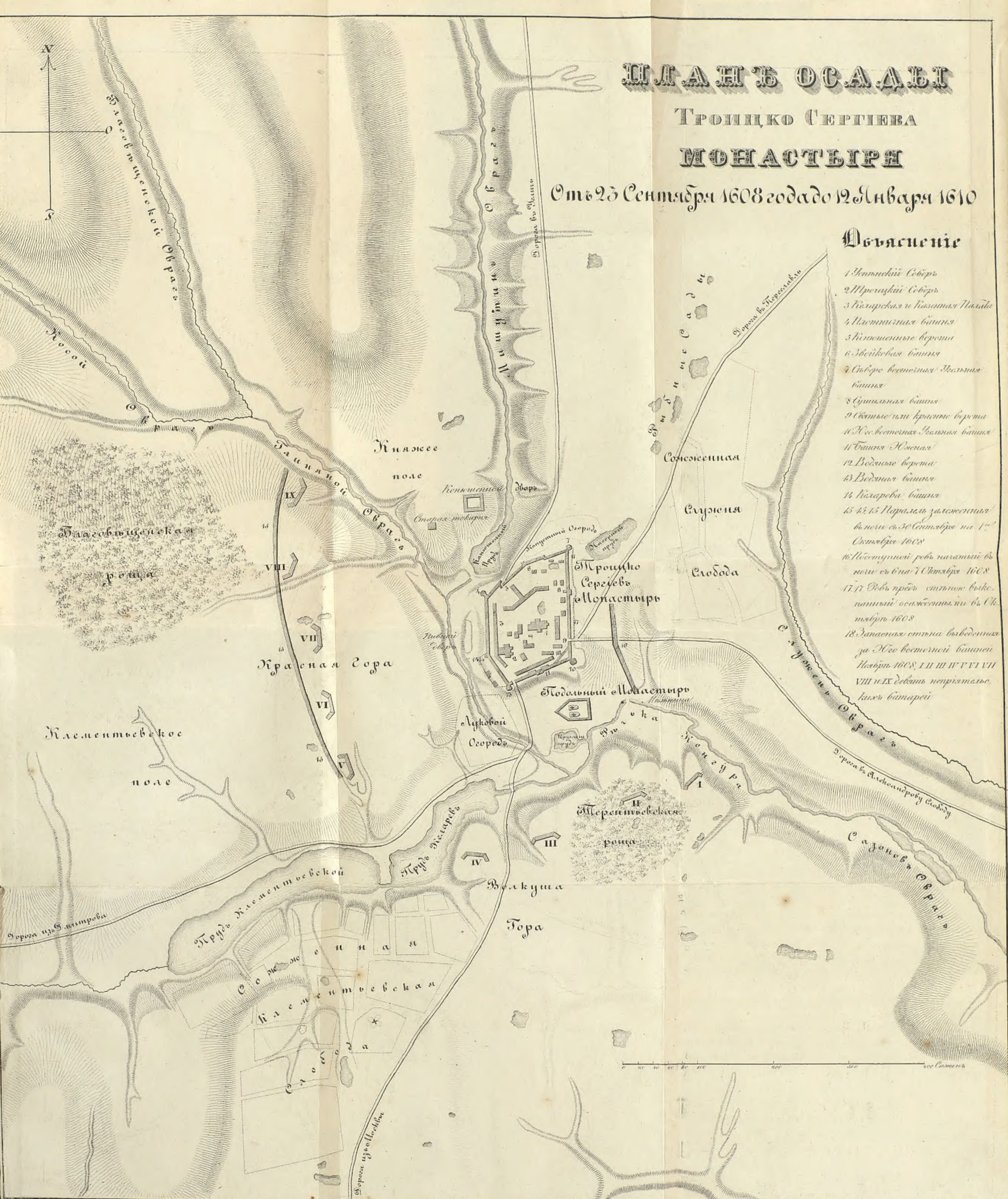
На прилагаемомъ планѣ Красная Гора означена на Западъ отъ Монастыря, согласно съ показаніемъ *Путешествія по Святымъ мѣстамъ Русскимъ,* хотя почтенный Авторъ сего путешествія, въ новѣйшемъ сочиненіи своемъ (*Воспоминанія о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ)* полагаетъ Красную Гору на Востокѣ отъ обители, ссылаясь впрочемъ на мнѣніе во всѣхъ отношеніяхъ знаменитой особы. Но первое извѣстіе болѣе согласуется съ повѣствованіемъ современника Келаря Аврамія Палицына. Келарь въ тридцатой главѣ своего сочиненія, разказывая подробности достопамятной битвы 9 Ноября 1608, говоритъ: Нифонтъ съ Троицкими Героями *поидоша съ пивнаго двора на вылазку, и прешедшее прудовую ручевину взыдоша на Красную гору.....* Когда же Троицкіе люди стали приступать къ турамъ, устроеннымъ на Красной Горѣ, то непріятели *начаша стрѣляти изо многихъ пушекъ съ Волкуши горы поперегъ Троицкаго воинства и въ тылъ съ Терентьевской рощи.... Градстіи же людіе совѣтовавше отъидоша во враги въ Благовѣщенской, да въ Косой, да въ Глиняной врагъ... Градстіи же людіе утаившеся во врагѣхъ Благовѣщенскомъ и въ*

Косомъ и въ Глиняномъ, отъ нихъ же Иванъ Ходыревъ, да Троицкіе слуги Ананія Селевинъ съ немногими людми всѣдше на кони устремишася полемъ позади туровъ... Въ тридцать второй главѣ Палицынъ также пишетъ:... Литовцевъ *потопташа по Красной горѣ вдоль и до Клементьевскаго пруда.... Сапего пріиде на Красную гору на Троицкихъ людей по всему Клементьевскому полю....*

Изъ словъ сихъ явствуетъ: 1-е) что Монастырь отъ Красной горы отдѣлялся ручьемъ, котораго на Восточной сторонѣ вовсе нѣтъ, какъ напротивъ того на Западѣ дѣйствительно таковой протекаетъ между обителью и противулежащею высотою; 2-е) что непріятель съ горы Волкуши стрѣлялъ во флангъ, а съ Терентьевской рощи въ тылъ войску сражающемуся на Красной горѣ, чего не могло быть, если бы Красная гора находилась на Востокѣ, ибо тогда дѣйствіе Литовскихъ орудій было бы на оборотъ, то есть съ Терентьевской рощи во флангъ, а съ Волкуши горы въ тылъ; 3-е) что изъ Благовѣщенскаго оврага, въ настоящемъ положеніи коего не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія по причинѣ приономъ донынѣ лежащаго села Благовѣщенскаго, нельзя бы Ходыреву и Селевину устремиться позади туровъ, на Красной горѣ устроенныхъ, если бы гора сія находилась не на Западѣ, а на Востокѣ отъ Монастыря, и наконецъ 4-е) что Красная гора прилегала къ Клементьевскому пруду, который и теперь сохраняя свое названіе, находится противъ Юго-Западнаго угла Обители.

Столь положительныя извѣстія, сообразныя древнимъ преданіямъ, сохранившимся въ Лаврѣ, ясно опредѣляютъ мѣстность Красной горы точно такъ какъ она назначена на планѣ.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.



Планъ осады
Троицко Сергіева
Монастыря
Отъ 23 Сентября 1608 года до 12 Января 1610
Объясненіе
1 Успенскій Соборъ
2 Троицкій Соборъ
3 Келарская и Казенная Палата
4 Плотничная башня
5 Конюшенные вороты
6 Звейковая башня
7 Сѣверо восточная Угольная башня
8 Сушильная башня
9 Святые или красные вороты
10 Юго восточная Угольная башня
11 Башня Южная
12 Водяные вороты
13 Водяная башня
14 Келарева башня
15 15, 15 Паралель заложенная въ ночи съ 30 Сентября на 1е Октября 1608
16 Приступной ровъ начатый въ ночи съ 6 на 7 Октября 1608
17. 17 Ровъ предъ стѣною выкопанный осажденными въ Октябрѣ 1608
18 Запасная стѣна выведенная за Юго восточной башнею Ноябрѣ 1608, I II III IV V VI VII VIII и IX девять непріятельскихъ батарей
Благовѣщенской Оврагъ
Косой Оврагъ
Глиняной Оврагъ
Княжее поле
Конюшенной дворъ
Старая токарня
Капустный Огородъ
Благовѣщенская роща
Красная Гора
Клементьевское поле
Троицко Сергіевъ Монастырь
Сожженная Служня Слобода
Рыбные Сады
Дорога въ Переславль
Дорога въ Углич
Пивной дворъ
Подольный Монастырь
Луковой Огородъ
Рѣка Кончура
Терентьевская роща
Прудъ Келаревъ
Прудъ Клементьевской
Волкуша Гора
Сожженная Клементьевская Слобода
Дорога изъ Дмитрова
Дорога изъ Москвы
Дорога въ Александрову Слободу
Служень Оврагъ
Сазоновъ Оврагъ
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX

2007042071